

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (78)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоңауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаивов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2022
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2022
 - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

4 (78)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2022

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),

Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),

Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),

Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),

Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),

Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),

Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),

Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),

Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),

Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),

Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),

Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

© Russian Academy of Sciences,
Institute of Archaeology, 2022

© Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2022

© Editorial Board of
“Problemy istorii, filologii, kul’tury”, 2022

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 5–16
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 5–16
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-5-16

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С НАБОРОМ ЗОЛОТЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ФАНАГОРИИ

О.М. Ворошилова¹, А.Н. Ворошилов², Т.Г. Шавырина³

^{1, 2} Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
³ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

¹ E-mail: helga-mir@yandex.ru ² E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru
³ E-mail: tshavyrina@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0002-9789-9168 ² ORCID: 0000-0003-2830-8114
³ ORCID: 0000-0001-6185-485X

Аннотация. В статье публикуется погребение богатой жительницы эллинистической Фанагории, открытое при раскопках некрополя в 1974 г. Неграбленый в древности комплекс представляет сооружение, имитирующее саркофаг, в виде каменного ящика, сложенного из обработанных известняковых плит. Эта гробница является самым богатым захоронением в «каменных ящиках» Фанагории. Уникальны не только обнаруженные здесь золотые украшения (ожерелье и серьги), но и керамическая чернолаковая посуда. Наиболее вероятной датой постройки публикуемой гробницы может быть вторая половина III – первая половина II в. до н.э. Не исключено, что данное погребение является одним из наиболее ранних захоронений в «каменных ящиках» Фанагории.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, эллинизм, некрополь, каменная гробница, золотые ювелирные украшения

Данные об авторах: Ольга Михайловна Ворошилова – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН; Алексей Николаевич Ворошилов – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной информации и подготовки публикаций ИА РАН; Татьяна Георгиевна Шавырина – старший преподаватель кафедры иностранных языков РУДН.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКР 122011200269-4).

В ходе современных раскопок эллинистического некрополя Фанагории регулярно открываются новые яркие комплексы, дающие максимально информативные материалы, что делает их основой современных исследований. Однако не следует недооценивать открытия, сделанные ранее и не введенные своеевременно в научный оборот. Включение прежних находок в современный научный контекст несомненно является актуальной задачей. Одно из самых значимых открытий было сделано почти полвека тому назад при раскопках участка Восточного некрополя Фанагории в 1974 г. Тогда, под руководством Т.Г. Шавыриной, было расчищено погребение 1/1974, совершенное в каменной гробнице, имитирующей известняковый саркофаг (рис. 1–2). Оно принадлежит к одной из наиболее ярких групп столичных усыпальниц эллинистической эпохи, т.н. «каменным ящикам», сложенным из обработанных известняковых плит.

Особый интерес к подобным гробницам обусловлен прежде всего их немногочисленностью, что связано прежде всего с дефицитом строительного камня на Азиатском Боспоре. Захоронения этого типа открыты при раскопках Восточного и Западного некрополей Фанагории. Как правило, они ограблены и полуразрушены в древности, находки таких погребений в нетронутом состоянии крайне редки.

В последние годы некропольскому отряду Фанагорийской экспедиции ИА РАН удалось обнаружить несколько подобных усыпальниц, не разоренных древними грабителями¹. Эти сооружения располагаются неглубоко: иногда их каменные перекрытия залегают в полуметре от современной дневной поверхности или немногим глубже. Чаще всего они содержат захоронения одного или двух взрослых людей, сопровождавшиеся многочисленным и разнообразным инвентарем. Неграбленые каменные усыпальницы открыты на участке Восточного некрополя Фанагории в створе ближайшей к морю «аллеи» курганов, вытянувшейся вдоль берега Таманского залива и расположенной на плато между береговым обрывом и древней дорогой из Фанагории в Кепы. Узкое плато, на котором локализуется «аллея» курганов и где были выявлены рассматриваемые комплексы, вероятно являлось довольно престижным участком некрополя, расположенным в удобном, легкодоступном месте. Публикуемое погребение было обнаружено не подалеку, на активно распахивавшемся в 1970-е гг. участке древнего некрополя, на небольшой глубине (рис. 2, 1). Погребение сопровождалось тризной, остатки которой были зафиксированы на глубине 0,6–0,7 м у юго-восточного угла ящика. Пяtnо размером 2,60 × 2,00 м продолжалось в юго-восточном направлении от погребения. Здесь были обнаружены части двух амфор, красноглиняных тарелок, мисок и кувшина.

1. КОНСТРУКЦИЯ ГРОБНИЦЫ

Погребение представляет «каменный ящик» длиной 210 см, шириной 80 см и общей высотой около полуметра (рис. 1–2). Продольными сторонами гробница ориентирована по линии З–ЮЗ – В–СВ. При расчистке неглубокой могилы выяснилось, что избежавший разграбления комплекс сильно пострадал от современных сельскохозяйственных работ, однако содержимое усыпальницы прекрасно

¹ Ворошилов, Ворошилова 2016; 2020; Ворошилова 2018; 2020; Медведев 2014 и др.

сохранилось. Перекрытие ящика было почти полностью разрушено многолетней распашкой; остался лишь небольшой фрагмент горизонтальной плиты перекрытия в северо-восточном углу и мелкие осколки известняка в центральной части гробницы. Тем не менее повреждения не помешали реконструировать архитектуру гробницы, положение погребенного, и открыть сопровождающий его инвентарь.

Ящик сооружен в котловане из близких по размеру и форме известняковых плит. Каждая продольная стена была сложена из трех блоков размером 60–70 × 32 × 15 см. Короткие стены ящика сформированы из плит размером 50 × 35 × 10 см. Размеры котлована можно реконструировать по наличию известняковых осколков, использовавшихся для забутовки пустот между стенками котлована и каменными стенами гробницы. Длина котлована составляла не менее 2,20 м, ширина не менее 1 м, глубина около 0,50–0,70 м. Пространство между внешними сторонами вертикально установленных плит и заваленными наружу стенами котлована было забутовано грунтом, вынутым при выкапывании котлована.

На первом этапе строительства на дно котлована были уложены три (?) плиты. Затем на края горизонтальных плит пола по периметру котлована из поставленных на продольное ребро прямоугольных плит возводились стены. Продольная стена ящика состояла из трех плит, торцевая – из одной. Следует отметить, что при строительстве стен погребения 1/1974 был использован не самый распространенный приемстыковки стен между собой. В большинстве подобных фанагорийских конструкций торцевые плиты приставлялись к продольным.² В данном случае плиты продольных стен были приставлены к торцевым (рис. 1). Всего для возведения стен использовали 8 плит. Вероятно, еще несколько известняковых плит закрывали ящик, но их точное количество неизвестно. Пол внутри гробницы был каменным. Хорошая общая сохранность усыпальницы позволяет объективно оценить ее содержимое.

2. ПОЛОЖЕНИЕ ПОГРЕБЕННОГО

Полость ящика оказалась полностью заполненной грунтом. После расчистки, на каменном полу гробницы был обнаружен скелет женщины. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой ориентирована в восточном направлении (рис. 1). Длина скелета – 135 см. Череп, расположенный лицевым отделом вверх, был раздавлен при разрушении перекрытия вследствие давления на грунт агротехники. Руки погребенной были вытянуты вдоль туловища, кисти располагались снаружи от бедренных суставов. Ноги вытянуты, параллельны друг другу. Верхняя часть скелета несколько смещена от центральной линии ящика в северо-восточный угол, что, видимо, связано с особенностями расположения инвентаря в полости ящика.

² Ворошилов, Ворошилова 2016, 25.

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Погребение сопровождалось максимально богатым для этой серии могил набором инвентаря (рис. 1; 2, 2–3; 3–4). У стопы правой ноги, параллельно костям голени, на боку (ручкой вверх) лежала чернолаковая пелика (рис. 2, 1–2; 3, 1). У правого плеча была поставлена открытая чернолаковая пиксида; ее крышка располагалась рядом (рис. 2, 1, 3; 3, 2). Слева от черепа стояла красноглиняная лекана местного производства. Ее крышка обнаружена почти вертикально стоящей с противоположной стороны от черепа (рис. 2, 1, 3). В области шеи расчищено ожерелье в виде золотой цепочки с окончаниями в форме головок бычков (рис. 3, 3; 4, 1), а также ожерелье (рис. 4, 2), состоящее из четырех гагатовых плоских бусин и двадцати одной золотой пронизи³. На груди, у основания левой ключицы и нижней челюсти положена круглая имитация монеты из золотой фольги (рис. 2, 3; 4, 3). У черепа найдены золотые серьги в форме фигурок Эрота (рис. 4, 4). В северо-восточном углу справа от черепа располагался веретенообразный унгвентарий (рис. 2, 3).

Прежде чем переходить к описанию вещей, найденных в погребении, следует отметить, что некоторые предметы из данного комплекса опубликованы ранее – это золотые изделия: имитация монеты⁴, серьги в виде фигурок Эрота, ожерелья⁵. Поскольку они детально описаны⁶, мы ограничимся только их краткой характеристикой. Итак, погребальный инвентарь гробницы представлен следующими предметами:⁷

1. Пелика чернолаковая (рис. 2, 1–2; 3, 1). Высота сосуда 38 см, диаметр венчика – 18 см. Сосуд имеет сильно изогнутый наружу венчик с массивным профилированным краем, высокое горло, плавно переходящее в гладкое тулово, треугольные в сечении ручки, прикрепленные к тулову и под венчиком, и профилированный кольцевой поддон с плоской подошвой. Край венчика выполнен в цвете глины и украшен лаковым орнаментом в виде ов. На горле орнамент в виде ожерелья с завязками на концах. Ожерелье представляет собой ленту с копьевидными подвесками. Нахodka похожей по форме пелики, но с канелированным туловом, происходит из некрополя Ольвии и относится к концу IV – началу III в. до н.э.⁸ В коллекции ГМИИ имеются аналогичные сосуды с канелированным туловом, относящиеся к концу IV – началу III в. до н.э.⁹

2–3. Пиксида (2) чернолаковая с крышкой (3) принадлежит к одной из самых популярных разновидностей эллинистических пиксид – типу В, по классификации С. Ротрофф.¹⁰ Сосуд имеет цилиндрическую верхнюю часть тулова, отделенную широким горизонтальным выступом от полусферической нижней части, которая опирается на невысокую профилированную ножку (рис. 2, 1, 3; 3, 2).

³ Хранение в ГИАМЗ «Фанагория» ФМ-КП-125/116-138 АН671-693, ВХ-99/78.

⁴ Абрамзон, Трейстер 2015, 195–199.

⁵ Трейстер 2015а, 104, 122.

⁶ Трейстер 2015б, 391–392.

⁷ Нумерация предметов инвентаря в тексте статьи приводится в соответствии с номерами на архивном чертеже погребения, представленном на рис. 1.

⁸ Lomtadze, Zuravlev 2014, 177–178, fig. 2, 3.

⁹ Егорова 2017, 64–65, табл. 24, 106–107.

¹⁰ Rotroff 1997, 361, pl. 90, 1223, 1225, 1229–1234.

Крышка имеет высокие вертикальные стенки и усечено-куполообразный верх с широким горизонтальным выступом в месте их сочленения. Купол крышки украшен орнаментом в виде ожерелий с наконечниками копий. Ожерелья представлены в виде одинарной ленты, с рядом точек сверху, наконечниками копий снизу и одинарными завязками на концах. Цилиндр крышки украшает гирлянда из плюща, направленная вправо, с нерегулярно чередующимися точечными розетками. Ручка пиксида отбита в древности. Большинство аналогичных сосудов относится ко второй половине III в. до н.э., но встречаются они и во II в. до н.э.

4–5. Лекана (5) красноглиняная с крышкой (4). Единственное доступное изображение предмета представлено на фотографиях погребения после расчистки (рис. 2, 1, 3). Ориентируясь на эти малоинформационные фото, можно предположить, что в погребении была обнаружена крупная лекана фанагорийского производства. Подобные двуручные сосуды часто встречаются в эллинистических комплексах Фанагории II в. до н.э., являясь если не обязательным, то обычным элементом погребального инвентаря «каменных ящиков».

6.1. Ожерелье в виде золотой цепочки с окончаниями в форме головок бычков¹¹. Цепочка длиной 35,7 см, окончания которой с помощью проволоки соединены с коническими пронизями из лилового стекла (рис. 3, 3; 4, 1). Пронизи оправлены со стороны цепочек обоймами, с другой стороны оправлены хомутами и головами бычков, изготовленными в матрице. Очертания животных рельефно проработаны. В области пасти одной из головок находится петля, в другой крючок, изготовленные из окружной в сечении проволоки. Максимально близкая типологически, хронологически и территориально аналогия ожерелья с застежками в виде голов быков, происходит из гробницы 2 Артюховского кургана¹². Такие ожерелья появляются в конце III в. до н.э. и получают широкое распространение во II в. до н.э.¹³ Найдены их известны в Греции и Малой Азии.¹⁴

6.2. Ожерелье из бус и пронизей (рис. 4, 2). Золотые пронизи в форме бочонка (21 экз.), внутренняя часть биконическая, по краям округлые валики. Дисковидные гагатовые бусины (4 экз.). Аналогия золотым пронизям известна в конструкции ожерелья из Эретрии, которое датируется II–I вв. до н.э.¹⁵

7. Имитация монеты из золотой фольги представляет неправильной формы кружок с обрезанными краями (рис. 2, 3; 4, 3). В центральной части тисненное изображение головы Гермеса в петасе, повернутой вправо. Оно имеет многочисленные аналогии в эллинистических погребальных комплексах конца IV – II в. до н.э. в том числе и в каменных гробницах аналогичной конструкции. Изображение находит иконографические параллели в монетной типологии Эретрии, царей Фракии и полисов Западного и Северо-Западного Причерноморья II в. до н.э. Нумизматические параллели позволяют датировать изготовленную в фанагорийской мастерской золотую погребальную имитацию, скорее всего, II в. до н.э. По мнению М.Г. Абрамзона, прототипом для рассматриваемой имитации среди прочего могли

¹¹ Трейстер 2015б, 393, табл. 17, 3, 7.

¹² Максимова 1979, 55–57.

¹³ Pfrommer 1990, 91.

¹⁴ Pfrommer 1990, 89–91, Abb. 15; Трейстер 2015, 122.

¹⁵ Трейстер 2015, 122.

выступать близкие по размеру, стилю и иконографии мелкие бронзовые монеты Эретрии, датируемые 196–146 гг. до н.э.¹⁶

Присутствие имитации с изображением головы Гермеса в погребении обоснованно связывается с распространенным культом Гермеса Некропомпа – проводника душ в царство мертвых.¹⁷ Это напрямую подтверждается и положением найденной *in situ* имитации именно у нижней челюсти погребенной. Такая локализация предмета обычно фиксируется, когда «монету» использовали в качестве «обола Харона» и помещали погребенному в ротовую полость (за щеку или губы).

8. Серьги золотые (рис. 4, 4). Пара серег с подвесками в виде фигурки Эрота с крыльями, к оборотной стороне которых были припаяны вертикальные стержни, загнутые на концах. Серьги такой конструкции датируются концом III – II в. до н.э.¹⁸

9. Унгвентарий красноглиняный (материал указан в соответствии с сохранившимся архивным описанием погребения). О нем можно судить только по фотографии расчищенного погребения (рис. 2, 3), на которой виден веретенообразный сосуд, с широким туловом, невысоким горлом и короткой ножкой, отогнутым наружу венчиком. Подобная форма отражена и на полевом чертеже комплекса. Основываясь только на фотографии предмета *in situ*, можно предположить, что по форме он скорее всего относится к сосудам, датирующимся III–II вв. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на данный момент, каменная гробница из раскопок 1974 г. является самым богатым из неграбленых захоронений в «каменных ящиках» Фанагории. Следует отметить, что уникальны не только обнаруженные здесь золотые украшения, выделяется и керамическая чернолаковая посуда. Типологически набор сосудов (пелика, лекана с крышкой, унгвентарий и пиксида) характерен для погребального инвентаря каменных гробниц эллинистической Фанагории лишь с той особенностью, что в большинстве случаев использовалась местная глиняная посуда без лакового покрытия и росписи; пиксиды встречаются редко, но изготовлены они из свинца.

Вполне традиционной для некрополя Фанагории является и архитектура погребального сооружения. Дополнительной монументальности ему прибавляют каменные плиты пола – деталь конструкции, не встречаенная прежде ни в одной аналогичной местной гробнице. Погребальный инвентарь позволяет предположить, что наиболее вероятной датой постройки гробницы может быть вторая половина III – первая половина II в. до н.э. Этот временной отрезок «выбивается» из хронологии подавляющего большинства «каменных ящиков» Фанагории, которые сооружались преимущественно во второй половине II в. до н.э. Не исключено, что публикуемое погребение является одним из наиболее ранних захоронений в «каменных ящиках» местного некрополя.

¹⁶ Абрамзон, Трейстер 2015, 198–199.

¹⁷ Абрамзон, Трейстер 2015, 197–199.

¹⁸ Трейстер 2015, 104.

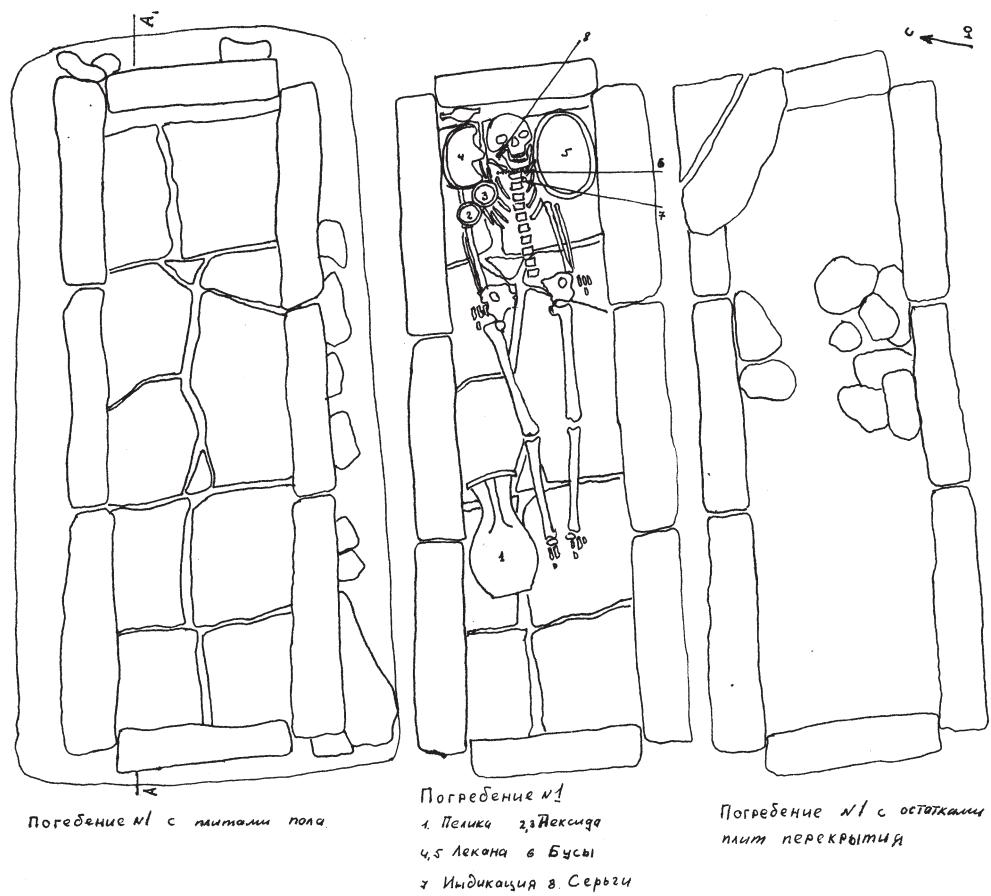

Рис. 1. Погребение 1/1974. Чертежи гробницы по архивным материалам Фанагорийской экспедиции.

Fig. 1. Burial 1/1974. Drawings of the tomb based on archival materials of the Phanagorian Mission.

Рис. 2. Погребение 1/1974. Фотографии гробницы после расчистки: 1 – вид на расчищенное погребение с запада; 2 – пелика *in situ*; 3 – восточная часть гробницы с находками *in situ*.

Fig. 2. Burial 1/1974. Photos of the tomb after clearing: 1 – view of the burial from W; 2 – pelica *in situ*; 3 – the eastern part of the tomb with finds *in situ*.

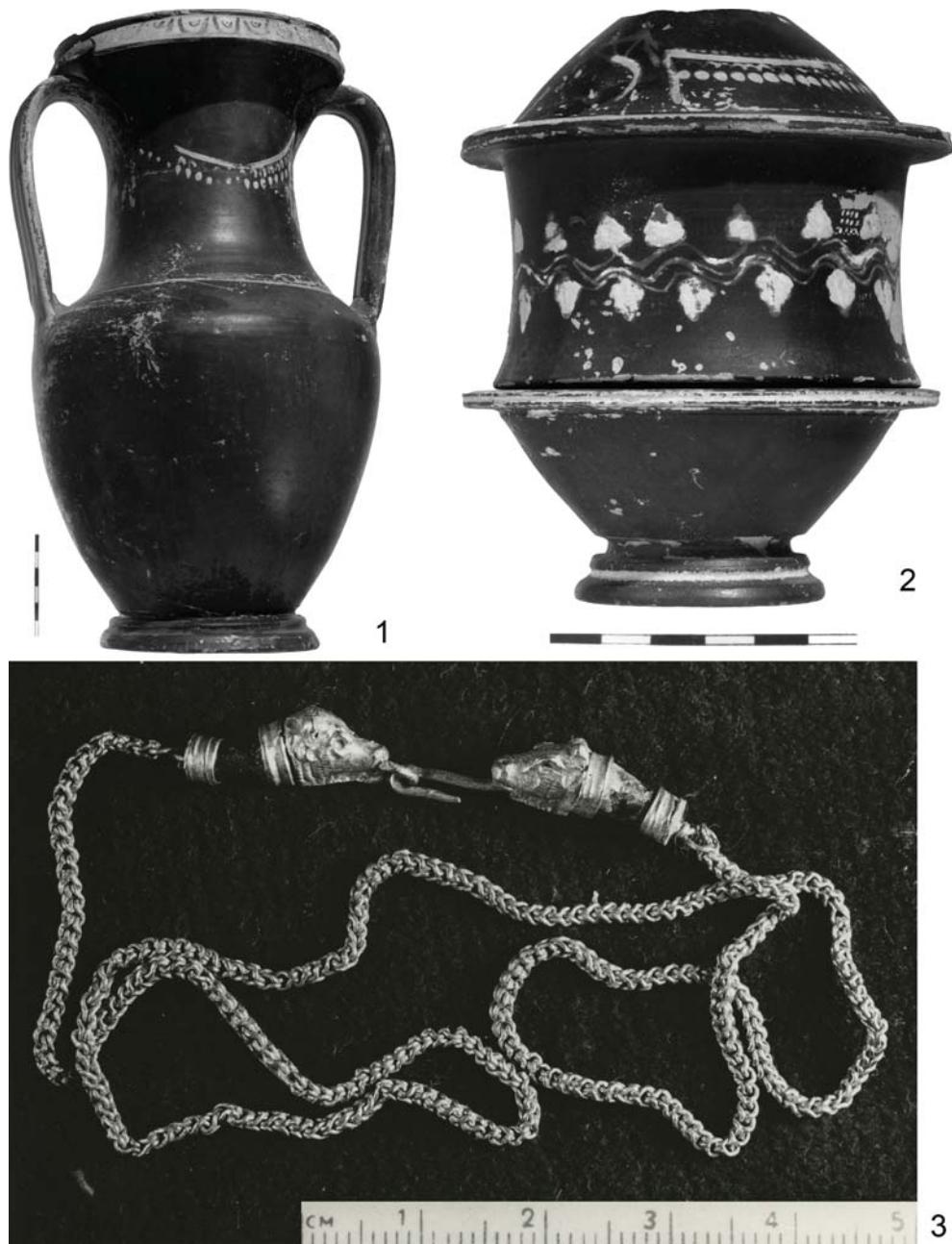

Рис. 3. Погребальный инвентарь (архивные фото): 1 – пелика; 2 – пиксида; 3 – ожерелье.
Fig. 3. Gravel goods (archive photos): 1 – pelike; 2 – pyxis; 3 – necklace.

Рис. 4. Погребальный инвентарь: 1 – ожерелье с головами быков; 2 – ожерелье; 3 – имитация монеты; 4 – серьги с фигурками Эрота (архивное фото).

Fig. 4. Grave goods: 1 – a necklace with bulls' heads; 2 – a necklace; 3 – gold danake; 4 – earrings with figures of Eros (archive photo).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Трейстер, М.Ю. 2015: Золотые имитации античных монет из Фанагории. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2). М., 194–201.
- Егорова, Т.В. 2017: *Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. М.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории. В кн.: Д.В. Журавлев, У.Шлотцауэр (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 23–28.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2020: Каменная эллинистическая гробница из раскопок Фанагории в 2019 г. *Археологическое наследие* 1 (3), 477–487.
- Ворошилова, О.М. 2018: Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. *ПИФК* 1, 5–11.
- Ворошилова, О.М. 2020: Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 2. М., 93–108.
- Максимова, М.И. 1979: *Арtyukhovskiy kurgan*. Ленинград.
- Медведев, А.П., 2014: Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.). *РА* 3, 123–139.
- Трейстер, М.Ю. 2015а: Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2). М., 77–181.
- Трейстер, М.Ю. 2015б: Институт археологии РАН. В кн.: В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2). М., 391–534.
- Lomtadze, G., Žuravlev, D. 2014: Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike. In P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds.), *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* (Black Sea Studies 16). Aarhus, 175–197.
- Pfrommer, M. 1990: *Untersuchungen zur Chronologie fruh- und hochhellenistischen Goldschmucks* (Istanbuler Forschungen 37). Tubingen.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (The Athenian Agora XXIX). Princeton.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Treyster, M.YU. 2015: Zolotye imitatsii antichnykh monet iz Fanagorii [Gold imitations of ancient coins from Phanagoria. In M.Yu. Treyster (ed.), *Zoloto Fanagorii* (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research], vol. 2). Moscow, 194–201.
- Egorova, T.V. 2017: *Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [Ancient black-lacquer ceramics in the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow.
- Lomtadze, G., Žuravlev, D. 2014: Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike. In P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds.), *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* (Black Sea Studies 16). Aarhus, 175–197.
- Maksimova, M.I. 1979: *Artyukhovskiy kurgan* [Artyukhov barrow]. Leningrad.
- Medvedev, A.P., 2014: Ellinisticheskie pogrebeniya Vostochnogo nekropolya Fanagorii (raskopki 2005–2007 gg.) [Hellenistic burials in the Eastern Necropolis of Phanagoria (2005–2007 excavations)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 123–139.

- Pfrommer, M. 1990: *Untersuchungen zur Chronologie fruh- und hochhellenistischen Goldschmucks* (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material* (The Athenian Agora XXIX). Princeton.
- Treyster, M.Yu. 2015a: Zoloto Fanagorii. Tipologicheskiy, stilisticheskiy i khronologicheskiy analiz [Gold of Phanagoria. Typological, stylistic and chronological analysis. In M.Yu. Treyster (ed.), *Zoloto Fanagorii* (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research], vol. 2). Moscow, 77–181.
- Treyster, M.Yu. 2015b: Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences]. In M.Yu. Treyster (ed.), *Zoloto Fanagorii* (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research], vol. 2). Moscow, 391–534.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh “yashchikov” v Fanagorii [Recent discoveries of Hellenistic stone “boxes” in Phanagoria. In D.V. Zhuravlev, U. Schlotzhauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban’ye v dorimskoe vremya [Asian Bosphorus and the Kuban region in pre-Roman times]*. Moscow, 23–28.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2020: Kamennaya ellinisticheskaya grobnitsa iz raskopok Fanagorii v 2019 g. [Stone Hellenistic tomb from the 2019 excavations at Phanagoria]. *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage]* 1 (3), 477–487.
- Voroshilova, O.M. 2018: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz raskopok Fanagorii v 1975 g. [Burials in stone boxes from the 1975 excavations at Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 5–11.
- Voroshilova, O.M. 2020: Pogrebenie v “kamennom yashchike” (Fanagoriya, 2016 g.). In V.D. Kuznetsov (ed.), *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences]*, 2. Moscow, 93–108.

A HELLENISTIC BURIAL WITH GOLD JEWELRY IN PHANAGORIA

Olga M. Voroshilova¹, Alexey N. Voroshilov², Tatiana G. Shavyrina³

^{1, 2} Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia

¹ E-mail: helga-mir@yandex.ru ² E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

³ E-mail: tshavyrina@mail.ru

Abstract. The paper describes a burial of a rich woman who lived in the Hellenistic Phanagoria, which was discovered in 1974. The complex not touched by plunderers represented a structure imitating a stone sarcophagus. It looked like a stone box made of finished limestone slabs. This stone tomb represents the richest burial in ‘stone boxes’ from Phanagoria. It contained unique gold jewelry (a necklace and earrings) and black-glazed pottery. At the same time, a set of vessels is quite typical for funeral goods from stone tombs of Hellenistic Phanagoria. The architecture of this burial structure is quite conventional for the Phanagorian necropolis, except for a stone floor that is not found in any other similar tomb from this ancient city. Most of Phanagorian ‘stone boxes’ were built in the second half of the 2nd century BC. The published burial most probably dates back to the second half of the 3rd – first half of the 2nd century BC. It is most likely one of the earliest burials in ‘stone boxes’ from Phanagoria.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Phanagoria, necropolis, stone tomb, Hellenism, gold jewelry

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 17–36
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 17–36
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-17-36

КЛАД ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ СТ. КУРЧАНСКАЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ

А.М. Новичихин¹, Т.Н. Смекалова², И.А. Сапрыкина³, А.А. Демченко⁴

¹ Анапский археологический музей, Анапа, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия;
Научно-исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

³ Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

⁴ Историко-культурный центр «Русия», Голубицкая, Россия

¹ E-mail: yazamat10@yandex.ru ² E-mail: tnsmek@mail.ru ³ E-mail: dolmen200@mail.ru

⁴ E-mail: tamanhistory@gmail.com

¹ ORCID: 0000-0001-9878-2431 ² ORCID: 0000-0001-5378-53

³ ORCID: 0000-0003-0059-0170 ⁴ ORCID: 720000-0002-4907-0451

Аннотация. В статье представлены результаты междисциплинарного исследования клада металлических изделий эпохи поздней бронзы, найденного близ ст. Курчанская (Темрюкский район Краснодарского края). Клад включает одиннадцать предметов: семь серпов, топор-кельт, нож, фрагмент тесла, фрагмент втульчатого долота. Сплав серпов, тесла и ножа – низко-мышьяковистая бронза, которую можно соотнести с прикубанским очагом металлургии. Орнаментированное втульчатое долото и кельт отлиты из сплава, содержащего олово в своем составе, рецептура которого более соответствует европейской (карпатской) металлургической провинции. Три обнаруженных на Таманском полуострове клада содержали целые экземпляры бронзовых серпов. Это указывает на то, что в позднем бронзовом веке качественные жатвенные орудия были востребованы населением Тамани, и дает основания предполагать ориентацию его хозяйственной деятельности на выращивание злаковых культур.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Таманский полуостров, ст. Курчанская, клад бронзовых изделий, рентгено-флуоресцентный анализ, состав сплава

Данные об авторах: Андрей Михайлович Новичихин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ААМ; Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского, ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», ведущий специалист ИВИ РАН; Ирина Анатольевна Сапрыкина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, научный руководитель ЦКП ИА РАН; Александр Александрович Демченко – руководитель историко-культурного центра «Русия», ст. Голубицкая.

Исследования проведены при финансовой поддержке проектов РНФ № 18-18-00237-П (историко-культурное описание Курчанского клада) и проекта Минобрнауки России № 15.СИН.21.0013 (анализ состава металла клада).

В 1986 г., в окрестностях станицы Курчанской (Темрюкский район Краснодарского края) на глубине 2,5 м при разработке глиняного карьера одного из кирпичных заводов был найден клад бронзовых орудий¹. Он состоит из одиннадцати предметов: семи серпов, ножа, кельта, втульчатого долота, обломка тесла (рис. 1–2). Рисунки вещей выполнены археологом А. Б. Динковым; оригиналы рисунков хранятся в архиве Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына². Клад хранится и экспонируется в Темрюкском историко-археологическом музее.³

1. ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ КОМПЛЕКСА

1. Серп (рис. 1, 1) с равномерно изогнутым лезвием с закругленным концом. На участке, прилегающем к черену рукояти, лезвие слегка расшириено – в этом месте со стороны спинки располагался аккуратно сточенный литник. Черен прямоугольный в сечении, уплощенный, не загнут. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Общая длина серпа с череном – 26 см, длина лезвия по хорде – 19 см, высота по дуге изгиба спинки – 11,8 см, ширина лезвия – 3,5–4,2 см.

2. Серп (рис. 1, 2) с равномерно изогнутым лезвием с приостренным концом. Примерно посередине лезвие слегка расшириено – в этом месте со стороны спинки располагался аккуратно сточенный литник. Черен прямоугольный в сечении, загнут почти под прямым углом. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Общая длина серпа с череном – 26,5 см, длина лезвия по хорде – 20 см, высота по дуге изгиба спинки – 13,7 см, ширина лезвия – 3,0–4,4 см.

3. Серп (рис. 1, 3) с равномерно изогнутым со стороны режущей кромки лезвием со слегка приостренным концом. На спинке, на участке, прилегающем к черену, слабовыраженный выступ – в этом месте располагался аккуратно сточенный литник. Черен прямоугольный в сечении, загнут под тупым углом. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Общая длина серпа с череном – 25,7 см, длина лезвия по хорде – 21,2 см, высота по дуге изгиба спинки – 12,7 см, ширина лезвия – 3,5–4,5 см.

4. Серп (рис. 1, 4) с сильно изогнутым лезвием со скругленным концом. На спинке, на участке, прилегающем к черену, трапециевидный выступ – след литника. Черен прямоугольный в сечении, уплощенный, загнут под прямым углом. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Общая длина серпа с череном – 23,3 см, длина лезвия по хорде – 18,5 см, высота по дуге изгиба спинки – 13,5 см, ширина лезвия – 3,3–4,4 см.

5. Серп (рис. 1, 5) с коротким слабо изогнутым лезвием со скругленным концом. На участке, прилегающем к черену, лезвие коленчато изогнуто и имеет со стороны спинки полукруглый выступ – след литника. Черен прямоугольный в сечении, загнут в виде дуги. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена.

¹ Горбулин 1986.

² Авторы благодарят археолога А.В. Пьянкова, предоставившего рисунки предметов из клада.

³ ТИАМ. Инв. № КМ 7865.

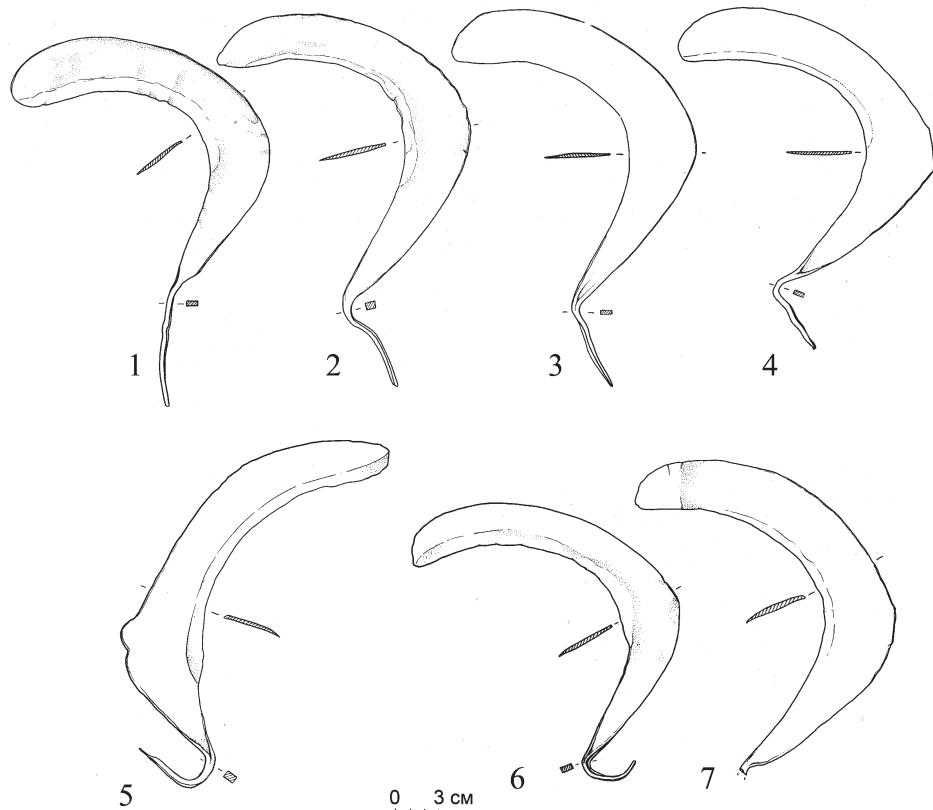

Рис. 1. Серпы из Курчанского клада (1–7). Рисунки А. Б. Динкова.
Fig. 1. Sickles from the Kurchansky hoard (1–7). Drawings by A.B. Dinkov.

Общая длина серпа с череном – 23,8 см, длина лезвия по хорде – 20,4 см, высота по дуге изгиба спинки – 8,6 см, ширина лезвия – 3,3 см.

6. Серп (рис. 1, 6) с коленчато изогнутым лезвием со слегка приостренным концом. Коленчатый изгиб расположен на участке, прилегающем к черену – здесь со стороны спинки располагался сточенный литник. Черен прямоугольный в сечении, уплощенный, дуговидно загнут. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Общая длина серпа с череном – 20,5 см, длина лезвия по хорде – 18,7 см, высота по дуге изгиба спинки – 11,4 см, ширина лезвия – 2,6–3,6 см.

7. Серп (рис. 1, 7) с равномерно изогнутым лезвием с закругленным концом. На участке, прилегающем к черену, лезвие слегка расшириено – в этом месте со стороны спинки располагался аккуратно сточенный литник. Черен, прямоугольный в сечении, обломан у основания. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена. Длина серпа по хорде – 20,2 см, высота по дуге изгиба спинки – 13 см, ширина лезвия – 3,9 см.

8. Топор-кельт (рис. 2, 8) двуушковый, шестигранный в сечении, с вытянутой трапециевидной, почти треугольной, фаской на обеих сторонах, прорезающей валик, расположенный по краю втулки. Верхний край несколько выгнут, лезвие

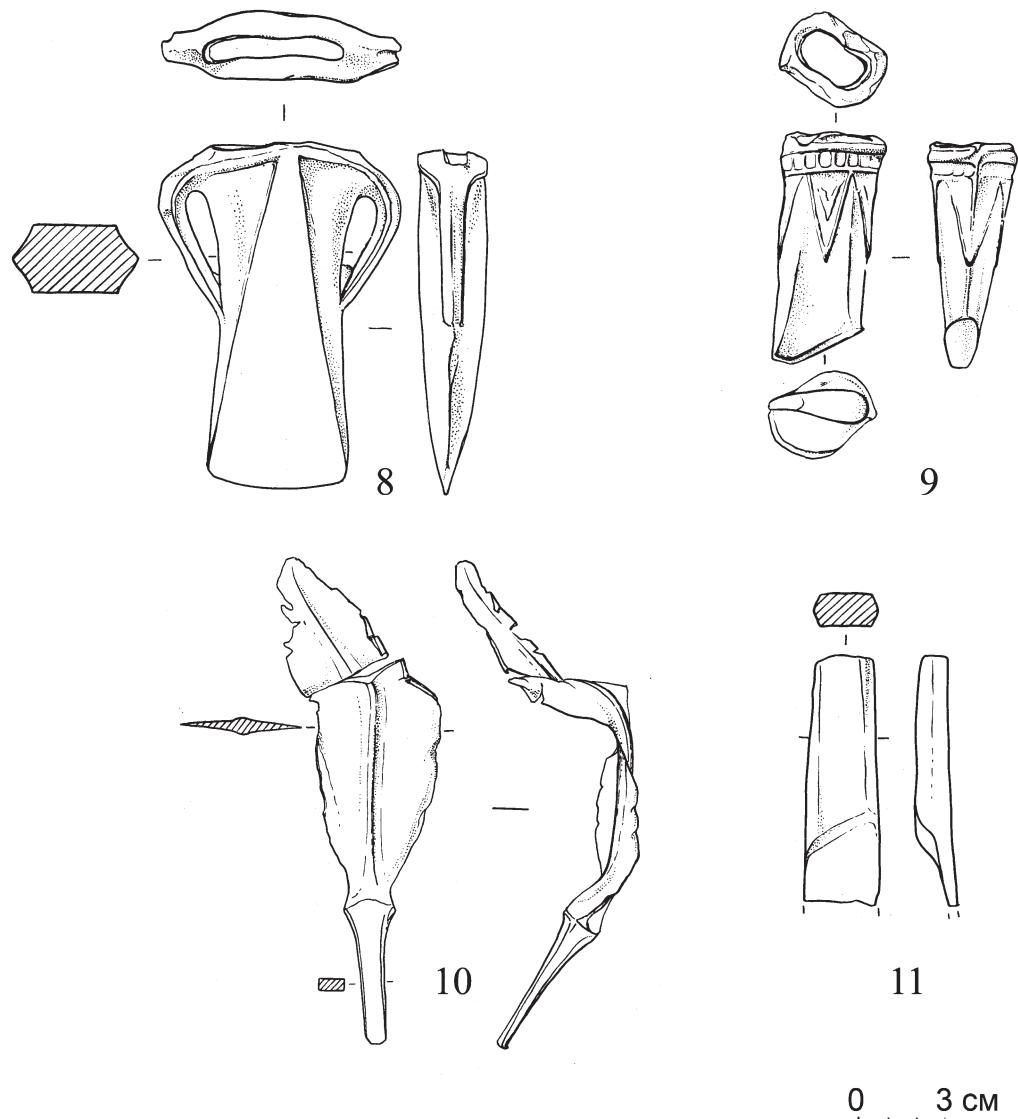

Рис. 2. Предметы из Курчанского клада: 8 – кельт, 9 – фрагмент долота, 10 – нож, 11 – фрагмент тесла. Рисунки А. Б. Динкова.

Fig. 2. Tools from the Kurchansky hoard: 8 – a celt, 9 – a fragment of a chisel, 10 – a knife, 11 – a fragment of an adze. Drawings by A. B. Dinkov.

слегка округлено. Крупные ушки являются продолжением расположенного по краю втулки валика. Высота изделия – 11,2 см, ширина по лезвию – 4,5 см, ширина по ушкам – 7,7 см, ширина по краю втулки – 5 см, толщина – 2,2 см. Кельт деформирован – сплющен в верхней части, поэтому его толщина и ширина по краю втулки условны.

9. Фрагмент втульчатого подпрямоугольного в сечении долота (рис. 2, 9). Нижняя, рабочая, часть утрачена, в месте излома изделие деформировано. Втулка долота снаружи украшена рельефным орнаментом: чуть ниже края втулки проходит горизонтальный поясок – «лесенка» с прямоугольными ячейками, от которого книзу отходят вписанные друг в друга треугольники. Высота (сохранившаяся) – 8 см, ширина по верхнему краю втулки – 3,6 см, толщина – 3 см.

10. Нож с обоюдоострым лавролистным кликом, по которому с двух сторон проходит невысокое продольное ребро (рис. 2, 10). Четырехгранный черешок отделен от клинка высоким упором-порожком. Изделие деформировано – изогнуто и сломано. Длина – ок. 19 см, ширина клинка – 4,2 см, толщина по упору – 1,5 см.

11. Фрагмент обушковой части тесла в виде восьмигранного вытянутого бруска, сужающего кверху (рис. 2, 11). Нижняя, рабочая, часть изделия утрачена. Высота (сохранившаяся) – 8,6 см, ширина – 2,5 см, толщина – 1,3 см.

Краткое описание и предварительная характеристика комплекса приведены в кандидатской диссертации А.Л. Пелиха, исследователь пришел к выводу об отнесении клада к белозерскому времени⁴. В одной из совместных работ В.С. Бочкирев и А.Л. Пелих относят Курчанской клад к III позднебронзовой (бекешевской) группе прикубанского очага металлургии и металлообработки, соответствующей раннебелозерскому времени – XII – первой половине XI в. до н.э.⁵ Бронзовые серпы клада опубликованы в монографии В. А. Дергачева и В. С. Бочкирева; они стали эпонимными при выделении курчанского типа металлических серпов эпохи поздней бронзы и курчанского варианта внутри этого типа⁶. Кельт из Курчанского клада подробно описан в недавно вышедшей работе В. С. Бочкирева и А. Л. Пелиха, представляющей собой свод находок бронзовых кельтов на Северном Кавказе⁷.

Предварительная публикация Курчанского клада с результатами рентгенофлуоресцентного анализа некоторых его предметов была предпринята авторами настоящей работы в 2021 г.⁸ К настоящему времени удалось выполнить анализ по методу РФА для всех составляющих клад металлических изделий. Новые результаты существенно дополнили полученные ранее данные и обеспечили возможность полноценной публикации курчанского комплекса.

Следует указать, что к настоящему времени на Таманском полуострове обнаружено уже шесть кладов металлических изделий конца эпохи средней и поздней бронзы (рис. 3). Первый клад, получивший название Таманского, найден в 1965 г. при строительстве автодороги близ п. Батарейка на северо-западе полуострова (рис. 3, 1). Клад, уложенный в крупный керамический сосуд, состоял из 35 серпов и их обломков, трех тесел, девяти ножей, десяти слитков металла⁹. Вторым по времени обнаружения стал анализируемый в настоящей работе Курчанский клад из северо-восточной части Тамани (рис. 3, 2). Третий клад найден при раскопках поселения эпохи поздней бронзы Балка Лисовицкого I в западной части

⁴ Пелих 2003, 64–65. Авторы признательны А.Л. Пелиху за предоставленные материалы своего диссертационного исследования.

⁵ Бочкирев, Пелих 2008, 65–66.

⁶ Дергачев, Бочкирев 2002, 134, 140, 142, 172.

⁷ Бочкирев, Пелих 2021, 148, кат. 45, рис. 9, 3.

⁸ Новицкихин и др. 2021, 291–298.

⁹ Сокольский 1980, 144–150.

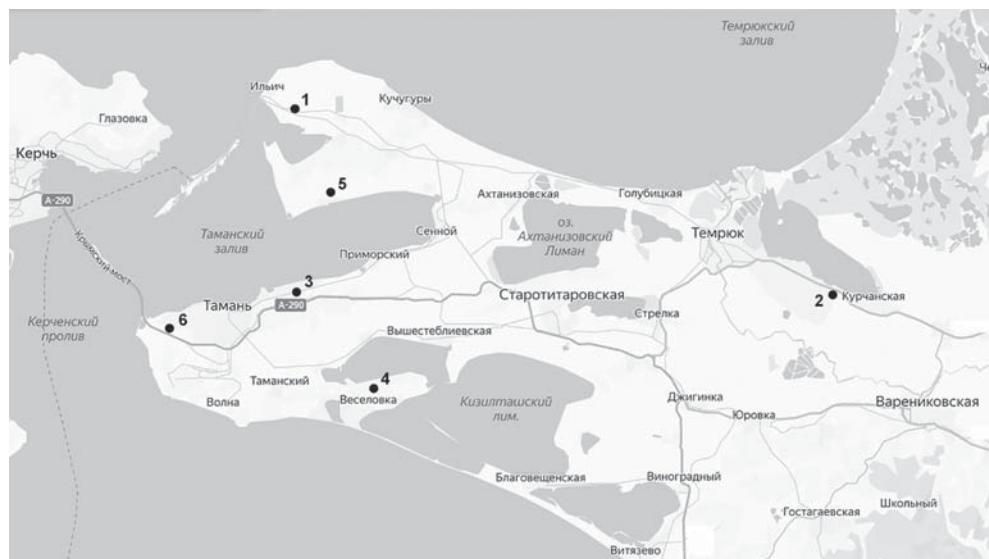

Рис. 3. Места находок кладов металлических предметов конца эпохи средней и поздней бронзы на карте Таманского полуострова: 1 – Батарейка; 2 – Курчанская; 3 – Балка Лисовицкого I; 4 – Веселовка; 5 – Патрэй; 6 – коммуникации у Крымского моста.

Fig. 3. Map of the Taman showing location of hoards of bronze tools from the end of the Middle and Late Bronze Age: 1 – Taman hoard (from the vicinity of the village of Battery); 2 – Kurchanskaya; 3 – Lisovitsky Balka I; 4 – Veselovka; 5 – Patraeus; 6 – near the Crimean bridge.

полуострова (рис. 3, 3). Клад состоял из трех бронзовых серпов и обломка бракованного бронзового топора. Помимо клада, на прилегающем к месту его находки поселении Балка Лисовицкого IV найдены бронзовый нож и тесло, аналогичные изделиям из состава Таманского клада¹⁰.

Также имеются сведения о находке четвертого клада металлических изделий эпохи поздней бронзы в юго-западной части полуострова (рис. 3, 4). В 1978 г. при раскопках курганов у п. Веселовка экспедицией под руководством В. А. Сафронова в верхней части одной из насыпей был обнаружен комплекс бронзовых предметов, включавший четыре ножа, пробойник, треугольный нож-стрелку и тесло¹¹. Комплекс не опубликован. Как сообщила авторам Н.А. Николаева, один из руководителей экспедиции, предметы клада вместе с другими материалами из раскопок курганов у п. Веселовка поступили на хранение в музей Северо-Осетинского государственного университета¹².

В 2021 г. в научный оборот введена информация об еще двух кладах металлических изделий, найденных на Тамани. Оба клада оказались в частных руках и стали известны исключительно благодаря тому, что находчики или владельцы показали их археологам. Последующая судьба предметов этих кладов и их местонахождение не известны. Клады отнесены исследователями к концу эпохи средней бронзы.

¹⁰ Кияшко 2020, 213, 216, рис. 5; Кияшко и др. 2016, 173–175, рис. 2.

¹¹ Паромов, Гей 2005, 333.

¹² Авторы благодарят Н.А. Николаеву за сообщение об обстоятельствах находки и последующей судьбе предметов клада.

Пятый клад был найден на Таманском полуострове в начале 2000-х гг. и показан находчиками археологам, исследовавшим городище античного Патрея (рис. 3, 5). Последние сфотографировали находки и передали фотографии археологам – специалистам по бронзовому веку. Клад, получивший наименование Патрейского, включал четыре плоских тесла, три втульчатых долота, проушной топор, три предмета в виде стержней с заостренными концами. Клад отнесен исследователями к костромскому этапу конца эпохи средней бронзы¹³.

Шестой клад найден зимой 2018–2019 гг. в западной части полуострова в отвале грунта при строительстве подъездных путей к Крымскому мосту (рис. 3, 6), составлявшие его предметы попали в частную коллекцию. Клад включал три тесловидных орудия («мотыги») с несомкнутой втулкой, обломок плоского тесла, шило, браслет и три фрагмента изделия, имевшего форму пластины. По ряду признаков клад может быть отнесен к завершающим этапам позднего бронзового века, но велика вероятность, что он относится к среднему бронзовому веку – к посткатаомбному хронологическому горизонту первой половины – середины II тыс. до н.э.¹⁴

2. АНАЛИЗ СОСТАВА СПЛАВА ПРЕДМЕТОВ ИЗ КУРЧАНСКОГО КЛАДА

Неразрушающему элементному анализу с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра Mistral M-1 фирмы Bruker подверглись семь предметов клада: четыре серпа, нож, фрагмент долота и фрагмент тесла¹⁵. Время измерения составило 30 с. Каждый предмет исследовался в нескольких точечных областях, расположенных в разных частях изделия в Таблице 1 приводятся осредненные данные по проведенным измерениям.

Таблица 1.

Состав сплава предметов Курчанского клада. Измерения на РФА спектрометре Мистраль М1 (масс. %).

Предмет	Cu	Ni	Zn	Mn	Fe	As	Pb	Sb	Sn
Серп № 2 Вес – 200,16 г	97.98	0.05	0.00	0.00	1.12	0.70	0.11	0.04	0.00
	98.16	0.00	0.00	0.00	0.28	1.56	0.00	0.00	0.00
	98.74	0.00	0.00	0.00	0.63	0.69	0.25	0.00	0.00
	97.23	0.00	0.00	0.00	1.00	1.49	0.28	0.00	0.00
Серп № 4 Вес – 211,72 г	97.36	0.00	0.00	0.00	0.97	1.67	0.00	0.00	0.00
	97.87	0.00	0.00	0.00	0.64	1.49	0.00	0.00	0.00
	97.296	0.000	0.000	0.000	0.984	1.578	0.142	0.000	0.000
	98.49	0.08	0.00	0.00	0.11	0.97	0.35	0.00	0.00

¹³ Бочкарев, Климушина, Тутаева 2021, 77–82.

¹⁴ Березин, Пелих 2021, 42–56.

¹⁵ Измерения проводились Т. Н. Смекаловой, фотографирование и взвешивание – С. К. Фри-дрихсоном, транспортировка спектрометра – И. А. Живанюком.

Серп № 6 Вес – 147,06 г	98.51	0.07	0.00	0.00	0.15	0.92	0.35	0.00	0.00
	98.68	0.05	0.00	0.00	0.20	0.81	0.23	0.03	0.00
	97.03	0.12	0.00	0.00	0.00	2.45	0.40	0.00	0.00
	98.593	0.062	0.000	0.000	0.176	0.864	0.288	0.017	0.000
Серп № 7 Вес – 186,30 г	95.85	0.13	0.00	0.00	0.26	3.41	0.35	0.00	0.00
	97.41	0.09	0.00	0.00	0.00	2.21	0.29	0.00	0.00
	95.73	0.00	0.00	0.00	0.18	1.79	0.81	0.11	1.38
	96.761	0.113	0.000	0.000	0.086	2.694	0.347	0.000	0.000
Втульчатое долото № 9 Вес – 210,73 г	93.85	0.09	0.00	0.00	0.15	3.97	1.26	0.10	0.58
	94.73	0.06	0.00	0.00	0.45	2.89	1.00	0.13	0.68
	95.233	0.029	0.000	0.000	0.316	2.341	0.906	0.121	1.032
	97.23	0.15	0.00	0.00	0.10	2.28	0.24	0.00	0.00
Нож № 10 Вес – 12,65 среднее	98.61	0.00	0.00	0.00	0.72	0.51	0.16	0.00	0.00
	97.920	0.075	0.000	0.000	0.408	1.397	0.199	0.000	0.000
	97.88	0.05	0.00	0.00	0.10	1.96	0.00	0.00	0.00
Тесло № 11 Вес – 38,11 г среднее	98.09	0.06	0.00	0.00	0.00	1.67	0.17	0.00	0.00
	97.987	0.057	0.000	0.000	0.052	1.818	0.086	0.000	0.000
	97.14	0.00	0.00	0.10	1.21	1.17	0.32	0.05	0.00
То же, с оборотной стороны	87.74	0.00	0.00	0.13	10.28	1.38	0.33	0.09	0.00
	95.71	0.05	0.00	0.13	2.34	1.28	0.44	0.05	0.00
	96.92	0.05	0.00	0.30	0.44	1.88	0.36	0.04	0.00
	95.97	0.00	0.00	0.00	0.00	3.78	0.19	0.06	0.00
	88.22	0.00	10.83	0.00	0.95	0.00	0.00	0.00	0.00
	96.275	0.017	0.000	0.078	1.182	2.079	0.316	0.053	0.000

Поскольку два серпа (№ 3 и 5) и кельт (№ 8) не удалось исследовать на спектрометре Мистраль М1, так как эти предметы невозможно было открепить от витрины, было решено провести повторные измерения состава сплава вещей из клада с помощью портативного РФА-спектрометра Tracer 5i (Bruker) (см. Таблицу 2)¹⁶.

Таблица 2.
Состав сплава предметов из Курчанского клада. Измерения с помощью портативного РФА-спектрометра Tracer 5i (Bruker) (масс. %)

№ пред- мета	Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	As	Mn	Sb	Co	Ni
серп 2	97.81	0	0	0	0.1	0.04	1.77	0	0.08	0.03	0.17

¹⁶ Исследование состава металла выполнялось с использованием приборной базы ЦКП научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (аналитик – И. А. Сапрыкина).

серп 3	98.91	0.1	0	0	0.1	0.05	0.65	0	0	0.06	0.13
серп 4	98.68	0	0	0	0.23	0	0.95	0.01	0	0.05	0.08
серп 5	98.23	0	0	0	0.11	0	1.44	0	0	0.03	0.19
серп 6	98.59	0	0	0	0.08	0.04	1.19	0	0	0.02	0.08
серп 7	98.43	0.03	0.36	0.02	0.12	0.03	0.87	0	0	0.04	0.1
кельт 8	86.86	0.46	9.33	0	0.24	0.06	2.49	0	0.24	0.02	0.3
долото 9	92.88	1.87	1.82	0.1	0	0	3.33	0	0	0	0
тесло 11	97.92	0.03	0.05	0	0.18	0	1.78	0	0	0	0.04

Сравнение данных по составу сплава вещей, измеренных двумя разными спектрометрами, приводит к выводу, что полученные значения практически совпадают, с учетом возможной неравномерности распределения элементов в сплаве.

Из 10 исследованных предметов клада, 8 – серпы, тесло (№ 11) и нож (№ 10), изготовлены из меди с добавлением небольшого количества мышьяка (от 1 до 2,7%). Остальные элементы (свинец, железо, никель, сурьма) присутствуют в виде естественных микропримесей; олова и цинка не зафиксировано. Искусственные мышьяковые бронзы – традиционный со времен еще IV тыс. до н.э. кавказский тип сплавов¹⁷. Такой же сплав характерен и для серпов, ножей, тёсел из двух кладов, найденных в Краснодарском крае (Таманского, Ахметовского) и из Самарского клада (Ростовская обл.), правда, мышьяка в составе бронз этих кладов несколько больше (от 1 до 5,5%)¹⁸. Таким образом, близость качественного состава сплава не противоречит отнесению исследованных серпов, тесла и ножа из Курчанского клада к прикубанскому очагу металлургии и металлообработки. Практически полное отсутствие олова в их сплаве подтверждает мнение Е.Н. Черных о том, что прикубанский очаг «оставался островком архаичной технологии, где фактически не знали оловянных бронз – этого почти повсеместного нововведения позднего бронзового века»¹⁹.

Состав сплава кельта (№ 8) и втульчатого долота (№ 9) отличается от мышьяковистой бронзы остальных предметов: в них, помимо достаточно высокого содержания мышьяка (2,5–3,3%), присутствует также олово в количестве от 1,82 до 9,33% и небольшое количество свинца (0,5–1,9%). В составе сплава кельта также отмечается существенная микропримесь сурьмы (до 0,24%), по сравнению с очень слабыми следами этого элемента во всех остальных изделиях. Как известно, олово начинает широко употребляться в составе сплавов на медной основе только в позднем бронзовом веке. По мнению Е.Н. Черных, оловянные бронзы были, по существу, единственным видом сплавов в пределах Европейской (Карпатской) металлургической провинции²⁰. Sn-бронзы также были распространены в Закавказье и на Северном Кавказе, наряду с многокомпонентными As-Sb-Sn бронзами²¹.

¹⁷ Черных 1976, 153.

¹⁸ Черных 1980, 151–152; Марковин, Глебов 1979, 242–243.

¹⁹ Черных 1976, 80; 1980, 153.

²⁰ Черных 1976, 76.

²¹ Черных 1976, 80.

На примере Курчанского клада виден дифференцированный подход в использовании разных сплавов для функционально различных категорий изделий, подмеченный еще Е.Н. Черных для многих коллекций предметов бронзового века²². Эта закономерность была обусловлена, вероятно, требованиями к механическим свойствам каждой из категорий: для кельта и долота требовалась большая твердость, чем для серпов и ножа, поэтому в последних мышьяка несколько меньше.

Замеченные отличия в составе сплава также можно объяснить разным происхождением вещей. Так, материал серпов, тесла и ножа можно охарактеризовать как низко-мышьяковистую бронзу и отнести к прикубанскому очагу металлургии. Два предмета из Курчанского клада (орнаментированное втульчатое долото и кельт) содержат олово в своем составе и тем разительно отличаются по составу от сплава серпов, тесла и ножа, сделанных из мышьяковистой бронзы без каких-либо следов олова. Поэтому кельт и долото относятся, вероятно, к другой, не прикубанской, металлургической традиции.

3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Серпы Курчанского клада, имеющие характерный перегиб спинки к рукояти, относятся к типу 1 серпов прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века по классификации А.А. Иессена²³. Согласно более дробной классификации, предложенной В.Л. Дергачевым и В.С. Бочкаревым, серпы № 1, 2, 3, 4, 7 относятся к варианту Курчанский типа Курчанский²⁴, серп № 6 – к варианту Нарат-Эшик этого же типа²⁵, а серп № 5 – к типу Ростов²⁶.

Втульчатый топор-кельт, шестигранный в сечении, с двумя вертикальными ушками, валиком по верхнему, выпнутому краю и вытянутой трапециевидной фаской, относится к типу К-48 по классификации Е.Н. Черных²⁷. Наиболее близкой аналогией ему является кельт из Бекешевского клада²⁸, на что обратил внимание А.Л. Пелих²⁹. Бекешевский и курчанский кельты сближают, помимо прочих сходных элементов, такая деталь, как выпнутый контур верхнего края (если, конечно, для последнего это не следствие деформации). По мнению Е.Н. Черных, «выпнуто-дугобразный венчик втулки» бекешевского экземпляра дает основания рассматривать его как местное кавказское подражание северо-причерноморским кельтам типа К-48³⁰. Еще один двушковый кельт с трапециевидной фаской и валиком по выпнутому верхнему краю происходит из случайной находки на поселении Чишхо близ аула Тауйхабль на южном берегу Краснодарского водохранилища³¹.

²² Черных 1976, 67; 1980, 151.

²³ Иессен 1951, 110.

²⁴ Дергачев, Бочкарев 2002, 140, № 588–593.

²⁵ Дергачев, Бочкарев 2002, 142, № 598.

²⁶ Дергачев, Бочкарев 2002, 172, № 735.

²⁷ Черных 1976, 81, 83, рис. 37.

²⁸ Иессен 1951, 92, рис. 21, 5; Лесков 1967, 172, рис. 16, 7; Leskov 1981, 68, taf. 7, 41.

²⁹ Пелих 2003, 64.

³⁰ Черных 1976, 83.

³¹ Тов 2004, 302–303, рис. 5.

По классификации Е. Ушурелу, кельт курчанского клада следует относить к варианту II.2.6 типа II.2 – «двуушковые кельты, с трапециевидным оформлением фасок, шестигранные или овально-шестигранные в сечении», «с изогнутым верхним краем втулки». К данному варианту исследователем отнесены оба кельта Бекешевского клада и кельт, найденный близ аула Тауйхабль³².

В 2021 г. В.С. Бочкарев и А.Л. Пелих составили сводку находок топоров-кельтов на Кавказе и предложили новую их типологию. В соответствии с этой классификацией, кельт из Бекешевского клада оказался отнесененным к типу С-5 («кельты с трапециевидной фаской, двуушковые, ушки опущены ниже края втулки»), хотя с не меньшим основанием его следовало бы отнести к типу С-4 («кельты с трапециевидной фаской и двумя ушками, отходящими от края втулки»)³³. Для кельта из Курчанского клада исследователи предложили «особый тип, близкий G-4. Кельт с подтреугольной фаской и двумя ушками, отходящими от края втулки»³⁴. Однако едва ли вытянутую трапециевидную («подтреугольную») фаску курчанского экземпляра, перекрывающую оконтуривающий край втулки валик, стоит сопоставлять с не доходящей до верхнего края арочной фаской, являющейся определяющим признаком при выделении типа G-4³⁵. Судя по всему, курчанский кельт, как и кельт из Бекешевского клада, следует признать одним из вариантов типа С-4 предложенной В.С. Бочкаревым и А.Л. Пелихом классификации. Вторую аналогию курчанскому кельту – кельт с поселения Чишхо в окрестностях Тауйхабля – авторы классификации отнесли к типу Н-4 («кельты с арочной фаской и пещеркой под ней, снабженены двумя ушками, отходящими от края втулки»), воспринимая фаску топора как арочную³⁶. К сожалению, наличие двух, отличающихся в деталях, рисунков находки из Чишхо не позволяет делать однозначных выводов о типологии этого изделия. Отметим, что автор первой публикации кельта воспринял его фаску как трапециевидную и не отметил наличия на ней отверстия-пещерки³⁷. Трапециевидная фаска отчетливо видна и на фото этого кельта, опубликованного В. Р. Эрлихом; пещерка на стороне, запечатленной на фотографии, отсутствует³⁸.

Анализ металла кельта курчанского клада показал, что он отлит из сплава, рецептура которого более соответствует европейской (карпатской) металлургической провинции. Это заставляет с осторожностью относиться к высказывавшемуся в научной литературе предположению, что двуушковые кельты с дуговидным краем втулки являются северокавказскими подражаниями северопричерноморским кельтам типа К-48. Выводы по этому вопросу будут возможны только после проведения анализа металла достаточно представительной серии кельтов из северопричерноморских и кавказских находок.

Нож близок северопричерноморским ножам Н-32/Н-34/Н-36, по классификации Е.Н. Черных³⁹. По классификации И.Ж. Тутаевой, курчанский нож относится к макеевскому типу, характеризующемуся лавролистным клинком, кольцевым

³² Ушурелу 2010, 28, 30, рис. 3, 11–13.

³³ Бочкарев, Пелих 2021, 118, 119, 121, рис. 4, 2.

³⁴ Бочкарев, Пелих 2021, 128, рис. 9, 3.

³⁵ Бочкарев, Пелих 2021, 124.

³⁶ Бочкарев, Пелих 2021, 126, рис. 8, 1.

³⁷ Тов 2004, 302–303, рис. 5.

³⁸ Эрлих 2007, цв. вкл., рис. 2.

³⁹ Черных 1976, 119–121, табл. XXXV, 20–29; XXXVI, 2–13.

упором и стержневидным черенком-насадом для рукояти из органического материала⁴⁰. Шесть сходных по форме ножей входило в состав Таманского клада⁴¹. Имеются подобные ножи и в материалах из раскопок поселений эпохи поздней бронзы Балка Лисовицкого IV и Юбилейное XIV⁴², расположенных на Таманском полуострове.

Фрагмент металлического изделия № 11 может являться обломком верхней части тесла, близкого типу Т-18⁴³. Среди северопричерноморских находок эпохи поздней бронзы известны массивные тесла с подграненной обушковой частью, как на фрагменте из Курчанского клада⁴⁴.

Одним из интереснейших предметов комплекса является втульчатое долото с утраченной рабочей частью. Втулка изделия украшена рельефным орнаментом в виде горизонтального пояска-«лесенки» и свисающих вниз вписанных друг в друга треугольников. А.Л. Пелих обратил внимание на сходство орнаментации долота с кельтами сейминско-турбинского типа⁴⁵. Действительно, рельефный орнамент в виде лесенки и свисающих треугольников (заштрихованных или вписанных) известен на втулках сейминско-турбинских кельтов К-14 и, в усложненном варианте, К-18⁴⁶. Втульчатые долота не принадлежат к числу частых находок в Северном Причерноморье и на Кавказе. Экземпляр неорнаментированного долота встречен в Ахметовском кладе⁴⁷.

Состав металла долота из Курчанского клада не противоречит гипотезе его близости к сейминско-турбинской металлургической области. Дело в том, что этот предмет, единственный из состава клада, сделан из оловяно-мышьяковистой бронзы с невысоким содержанием олова (около 1%) и такого же количества свинца. Топоры-кельты сейминско-турбинской группы сделаны из мышьяковистой или оловяно-мышьяковистой бронзы⁴⁸, и, как мы видим, наше долото сделано из подобного же сплава. Он отличается по составу от металла исследованных серпов, тесла и ножа из клада, которые сделаны из мышьяковистой бронзы без каких-либо следов олова. Металл долота не похож также на сплав неорнаментированного долота из Ахметского клада, отлитого из достаточно высоколегированной мышьяковой бронзы без олова⁴⁹. Поэтому орнаментированное втульчатое долото из Курчанского клада стоит особняком и относится, вероятно, к другой, не прикубанской, металлургической традиции.

Судя по всему, Курчанский клад, содержавший как целые предметы (серпы), так и деформированные (кельт, нож), а также фрагменты (обломки долота и тесла), представлял собой клад литейщика, в распоряжении которого были как уже готовые изделия, так и предназначенный для переплавки лом. В этом он сведен с

⁴⁰ Тутаева 2014, 24, 29, табл. 1.

⁴¹ Сокольский 1980, 147, рис. 1, 3, 5–9; 2, 1–3.

⁴² Кияшко 2020, 215, рис. 5, 11; Сергеева, Кияшко 2021, 85, рис. 4, 2.

⁴³ Пелих 2003, 65; Черных 1976, 106, табл. XXX, 5–7.

⁴⁴ Чередниченко 1986, рис. 17, 6; Куштан 2013, 133, рис. 97, 1, 2; Клочко, Козыменко 2011, илл. 32; 2017, 8, илл. 9–11.

⁴⁵ Пелих 2003, 64.

⁴⁶ Черных, Кузьминых 1996, 46, рис. 12; 14.

⁴⁷ Марковин, Глебов 1979, 244, рис. 4, 2.

⁴⁸ Черных, Кузьминых 1996, 280–282.

⁴⁹ Марковин, Глебов 1979, 242.

найденными на Таманском полуострове кладами у п. Батарейка (Таманским кладом) и на поселении Балка Лисовицкого I, а также с некоторыми другими северо-причерноморскими и северокавказскими кладами эпохи поздней бронзы.

Примечательно, что три обнаруженных на Таманском полуострове клада содержали целые экземпляры бронзовых серпов⁵⁰. Это указывает на то, что в позднем бронзовом веке качественные жатвенные орудия были востребованы населением Тамани, и дает основания предполагать ориентацию его хозяйственной деятельности на выращивание злаковых культур.

В последние десятилетия в результате широкомасштабных раскопок на Тамани открыто несколько поселений конца эпохи средней и поздней бронзы: Балка Лисовицкого I и IV, Балка Хреева I, II и III, Панагия I, Юбилейное XIV и др.⁵¹ По мнению исследователей, бронзовые серпы кубанской серии, к числу которых относится большинство содержащихся в открытых на Тамани кладах, представляли собой достаточно эффективные жатвенные орудия и использовались как для сбора урожая зерновых культур, так и для заготовки сена для зимнего или же стойлового содержания скота⁵². Наличие на Таманском полуострове в период конца эпохи средней и поздней бронзы развитой поселенческой структуры с оседлым земледельческим населением каменской, сабатиновской и белозерской культур объясняет концентрацию здесь находок металлических жатвенных орудий. Появление в сельскохозяйственном инструментарии металлических серпов на Северо-Западном Кавказе было по-настоящему революционным событием, о чем свидетельствует дошедшее до наших дней в эпическом наследии адыгского нартовского эпоса сказание о создании легендарным кузнецом Тлепшем жатвенного орудия, похожего «на загнутое перо из петушиного хвоста»⁵³.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин, Я.Б., Пелих, А.Л. 2021: Новый клад бронзовых предметов с Таманского полуострова. В сб.: Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невская (ред.), *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 14. Ставрополь, 42–46.
- Блаватская, Т.В. 1966: *Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э.* М.
- Бочкарев, В.С. 2012: К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. *Российский археологический ежегодник* 2, 194–214.
- Бочкарев, В.С., Климушина, А.И., Тугаева, И.Ж. 2021: Новый клад металлических изделий эпохи средней бронзы с Таманского полуострова. В сб.: *XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья». Материалы конференции*. Ростов-на-Дону–Таганрог, 77–82.

⁵⁰ Общее число бронзовых серпов из таманских кладов приближается к 30.

⁵¹ Кияшко 2018, 31–33; 2019, 54–55; 2020а, 207–222; 2020б, 89–97; Кияшко и др. 2016, 168–178; Кияшко, Сударев 2018, 212–217; Кияшко, Горшников 2020, 40–46; Кияшко, Ларенок 2020, 97–105; Горшников 2018, 17–19; Горшников, Горшникова 2019, 168–169; 2020, 106–115; Сергеева, Кияшко 2021, 82–90; Шишлов и др. 2008, 391–394; 2016, 133, рис. 3.

⁵² Дергачев, Бочкарев 2002, 121–187; Бочкарев 2012, 208. Небезынтересным представляется наблюдение, сделанное при изучении бронзовых серпов, найденных при раскопках в Микенах. Такими серпами удобно срезать стебли злаков близко к земле, что позволяло сохранять урожай в снопах и скирдах, и в дальнейшем, после обмолота зерна, использовать солому (Блаватская 1966, 76).

⁵³ Гадагатль 1967, 334–336; Гадагатль, Ветрова 1985, 3–5.

- Бочкарев, В.С., Пелих, А.Л. 2008: К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки. В сб.: *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов*. Владикавказ, 64–66.
- Бочкарев, В.С., Пелих, А.Л. 2021: Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Кавказа: каталог, география и хронология. В сб.: *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 17. Саратов, 114–152.
- Гадагатль, А.М. 1967: *Героический эпос «Нарты» и его генезис*. Краснодар.
- Гадагатль, А.М., Ветрова, Л.Д. 1985: *Серп Тлетша. Адыгские сказания о нартах*. Майкоп.
- Горбулин, О. 1986: В карьере найден клад. *Комсомолец Кубани* за 20 декабря 1986 г. № 242.
- Горошников, А.А. 2018: Поселение эпохи поздней бронзы Панагия I на Тамани. В сб.: *Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола*. М., 17–19.
- Горошников, А.А., Горошникова, З.В. 2019: Новые данные о поселении эпохи поздней бронзы Панагия I на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2019 г.). В сб.: *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции*. Т. II. *Связи, контакты и взаимодействия древних культур северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения В.С. Бочкарева*. СПб., 168–169.
- Горошников, А.А., Горошникова, З.В. 2020: Исследование поселения эпохи поздней бронзы «Панагия I» в юго-западной части Таманского полуострова в 2017–2019 гг. В сб.: *XV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции*. Ростов-на-Дону–Таганрог, 106–115.
- Дергачев, В.А., Бочкарев, В.С. 2002: *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев.
- Иессен, А.А. 1951: Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. *МИА* 23, 75–124.
- Кияшко, А.В. 2018: О специфике поселения позднего бронзового века Балка Лисовицкого IV на Тамани. В сб.: *Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола*. М., 31–33.
- Кияшко, А.В. 2019: Финал среднего – поздний бронзовый век Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы. В сб.: *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции*. Т. II. *Связи, контакты и взаимодействия древних культур северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения В. С. Бочкарева*. СПб., 54–55.
- Кияшко, А.В. 2020а: Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря. *Археологические вести* 30, 207–222.
- Кияшко, А.В. 2020б: К вопросу о заселении Таманского полуострова в эпоху бронзы в свете новых археологических открытий. В сб.: *XV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции*. Ростов-на-Дону–Таганрог, 89–97.

- Кияшко, А.В., Горошников, А.А. 2020: О памятниках белозерской культуры на Таманском полуострове. В сб.: *Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской археологической конференции*. Волгоград, 40–46.
- Кияшко, А.В., Гугуев, Ю.К., Ильяшенко, С.М., Петров, П.А., Коробков, П.А. 2016: Предварительные сведения о раскопках поселений эпохи бронзы – средневековья у Балки Лисовицкого на Тамани в 2014–2016 гг. В сб.: *XI Международная конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 168–178.
- Кияшко, А.В., Ларенок, О.П. 2020: Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове. В сб.: *XV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Материалы конференции. Ростов-на-Дону–Таганрог, 97–105.
- Кияшко, А.В., Сударев, Н.И. 2018: К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции (XIX Боспорские чтения)*. Симферополь–Керчь, 212–217.
- Клочко, В.И., Козыменко, А.В. 2011: *Наши недавний бронзовый век*. Киев.
- Клочко, В.И., Козыменко, А.В. 2017: *Древний металл Украины*. Киев.
- Куштан, Д.П. 2013: *Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Донецьк.
- Лесков, А.М. 1967: О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт (ред.), *Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 143–178.
- Марковин, В.И., Глебов, А.И. 1979: Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской. *СА* 2, 239–245.
- Новичихин, А.М., Смекалова, Т.Н., Демченко, А.А. 2021: Курчанский клад в свете новых исследований. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции (XXII Боспорские чтения)*. Симферополь–Керчь, 291–298.
- Паромов, Я.М., Гей, А.Н. 2005: Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор). *ДБ* 8, 320–339.
- Пелих, А.Л. 2003: *Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы*: дисс. ... канд. ист. наук. Армавир.
- Сергеева, О.В., Кияшко, А.В. 2021: Поселение Юбилейное 14 – новый памятник сабатиновско-белозерского времени на Таманском полуострове. В сб.: *XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»*. Материалы конференции. Ростов-на-Дону–Таганрог, 82–90.
- Сокольский, Н.И. 1980: Таманский клад бронзовых орудий. *СА* 2, 144–150.
- Тов, А.А. 2004: Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища. *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 3, 301–308.
- Тутаева, И.Ж. 2014: Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. В сб.: *IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 23–30.
- Ушурелу, Е. 2010: Генезис и эволюция двуушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *Revista Arheologosă, serie nouă* V/1, 22–67.
- Чередниченко, Н.Н. 1986: Срубная культура. В кн.: Березанская, С.С., Отрошенко, В.В., Чередниченко, Н.Н., Шарафутдинова, И.Н. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев, 44–82.

- Черных, Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. М.
- Черных, Е.Н. 1980: О химическом составе металла Таманского клада. *СА* 2, 150–154.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2008: Поселение у балки Лисовицкого – новый памятник эпохи поздней бронзы на Тамани. В сб.: *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов*. Владикавказ, 391–394.
- Шишлов, А.В., Колпакова, А.В., Федоренко, Н.В. 2016: Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края. В сб.: *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Материалы археологической научной конференции*. Краснодар, 131–139.
- Эрлих, В.Р. 2007: *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников*. М.
- Leskov, A.M. 1981: *Jung und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen)*. München.

REFERENCES

- Berezin, Ya.B., Pelikh, A.L. 2021: Novyy klad bronzovykh predmetov: s Tamanskogo poluostrova [New hoard of bronze items from the Taman Peninsula]. In Yu.A. Prokopenko, T.A. Nevskaia (eds.), *Iz istorii kultury narodov Severnogo Kavkaza* [From the history of the North Caucasian peoples culture], 14. Stavropol, 42–46.
- Blavatskaya, T.V. 1966: *Akheyskaya Gretsiya vo vtorom tysyacheletii do n.e.* [Achaean Greece in the second millennium BC]. Moscow.
- Bochkarev, V.S. 2012: K voprosu ob ispol'zovanii metallicheskikh serpov i serpovidnykh orudiy v stepnykh (skotovodcheskikh) kul'turakh epokhi pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [On the issue of the use of metal sickles and sickle-shaped tools in the steppe (pastoral) cultures of the Late Bronze Age of Eastern Europe]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian archaeological yearbook], 2, 194–214.
- Bochkarev, V.S., Klimushina, A.I., Tutaeva, I.Zh. 2021: Novyy klad metallicheskikh izdeliy epokhi sredney bronzy s Tamanskogo poluostrova. [A new hoard of metal items from the Middle Bronze Age from the Taman Peninsula]. In *XVI Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov “Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya”* [XVIth International Archaeological Conference of Students and Postgraduates “Problems of Archaeology of Eastern Europe and the Eastern Mediterranean”. Conference materials]. Rostov-on-Don–Taganrog, 77–82.
- Bochkarev, V.S., Pelikh, A.L. 2008: K khronologii pamyatnikov prikubanskogo ochaga metallurgii i metalloobrabotki [To the chronology of the monuments of the Kuban center of metallurgy and metalworking]. In: *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy. Yubileynye XXV “Krupnovskie chteniya” po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Reflection of civilizational processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories. Anniversary XXVth “Krupnov Readings” on the archaeology of the North Caucasus. Abstracts]. Vladikavkaz, 64–66.
- Bochkarev, V.S., Pelikh, A.L. 2021: Metallicheskie topory-kel'ty i kel'ty-tesla epokhi pozdney bronzy Kavkaza: katalog, geografiya i khronologiya [Metal axes-celts and celts-adzes of the Late Bronze Age of the Caucasus: catalogue, geography and chronology]. In *Arkheologiya Vostochno-Europeyskoy stepi. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*: [Archaeology of the East European steppe: Interuniversity collection of scientific papers], 17. Saratov, 114–152.

- Cherednichenko, N.N. 1986: *Sruba naya kul'tura* [Sruba naya culture]. In: Berezanskaya, S.S., Otroshchenko, V.V., Cherednichenko, N.N., Sharafutdinova, I.N. *Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrayny* [Cultures of the Bronze Age on the territory of Ukraine]. Kiev, 44–82.
- Chernykh, E.N. 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR* [Ancient metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow.
- Chernykh, E.N. 1980: O khimicheskem sostave metalla Tamanskogo klada [On the chemical composition of the metal of the Taman treasure]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 150–154.
- Dergachev, V.A., Bochkarev, V.S. 2002: *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy* [Metal sickles of the Late Bronze Age of Eastern Europe]. Kishinev.
- Erlikh, V.R. 2007: *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov* [Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age. Proto-Meotian group of monuments]. Moscow.
- Gadagat', A.M. 1967: *Geroicheskiy epos “Narty” i ego genezis* [The heroic epos “Narts” and its genesis]. Krasnodar.
- Gadagat', A.M., Vetrova, L.D. 1985: *Serp Tlepsha. Adygskie skazaniya o nartakh* [Sickle Tlepsha. Adyghe legends about Narts]. Maykop.
- Gorbulin, O. 1986: V kar'ere nayden klad [A hoard found in a quarry]. *Komsomolets Kubani* [Komsomolets of Kuban]. 20 December. No. 242.
- Goroshnikov, A.A. 2018: Poselenie epokhi pozdney bronzy Panagiya I na Tamani [On the monuments of the Belozersk culture on the Taman' Peninsula]. In: *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyskogo regiona: novye dannye i materialy. Tezisy dokladov kruglogo stola* [Volga-Ural region from antiquity to the Middle Ages. Materials of the VIth Lower-Volga Archaeological Conference]. Moscow, 17–19.
- Goroshnikov, A.A., Goroshnikova, Z.V. 2019: Novye dannye o poselenii epokhi pozdney bronzy Panagiya I na Tamanskom poluostrove (po materialam raskopok 2019 g.) [New evidence on the settlement of Panagiya I of the Late Bronze Age on the Taman Peninsula (materials from excavations of 2019)]. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)*. T. II. *Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kul'tur severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. do n.e.)*. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Bochkareva [Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)]. Vol. 2. *Connections, contacts and interactions between ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the East during the Palaeometal period (4th – 1st millenniums BC). Dedicated to the 80th anniversary of Vadim S. Bochkarev*]. Saint Petersburg, 168–169.
- Goroshnikov, A.A., Goroshnikova, Z.V. 2020: Issledovanie poseleniya epokhi pozdney bronzy “Panagiya I” v yugo-zapadnoy chasti Tamanskogo poluostrova v 2017–2019 gg. [New data on the Panagia I settlement of the Late Bronze Age, the Taman Peninsula (based on excavations in 2019)]. In: *XV Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov “Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy”* [15th International Archaeological Conference of students and postgraduates “Problems of archeology of Eastern Europe”. Conference materials]. Rostov-on-Don_Taganrog, 106–115.
- Lessen, A.A. 1951: Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki v kontse medno-bronzovo veka [Kuban center of metallurgy and metalworking at the end of the copper-bronze age]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR], 23, 75–124.
- Kiyashko, A.V. 2018: O spetsifike poseleniya pozdnego bronzovogo veka Balka Lisovitskogo IV na Tamani [On the specifics of the settlement of the late Bronze Age Balka Lisovitsky IV on Taman']. In: *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyskogo*

-
- regiona: novye dannye i materialy. Tezisy dokladov kruglogo stola [Connections and Relationships of the Bronze Age Cultures of the Circumpontian Region: New Data and Materials. Abstracts round table]. Moscow, 31–33.
- Kiyashko, A.V. 2019: Final srednego – pozdnyi bronzovyy vek Tamani i Vostochnogo Kryma: k postanovke problemy [Final Middle and Late Bronze Age in the Taman Peninsula and Eastern Crimea: to the formulation of the problem]. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnay Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)*. T. II. *Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kul'tur severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. do n.e.)*. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Bochkareva [Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)]. Vol. 2. *Connections, contacts and interactions between ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the East during the Palaeometal period (IV–I mil. BC). Dedicated to the 80th anniversary of Vadim S. Bochkarev*]. St. Petersburg, 54–55.
- Kiyashko, A.V. 2020a: Poselenie epokhi bronzy Balka Lisovitskogo IV na Tamani: obshchiy obzor i kharakteristika metallicheskogo inventarya [Lisovitsky Balka IV settlement of the Bronze Age in the Taman: general view and characterisation of the metal inventory]. *Arkeologicheskie vesti [Archaeological Bulletin]* 30, 207–222.
- Kiyashko, A.V. 2020b: K voprosu o zaselenii Tamanskogo poluostrova v epokhu bronzy v svete novykh arkheologicheskikh otkrytiy [On the question of the settlement of the Taman Peninsula in the Bronze Age in the light of new archaeological discoveries]. In: *XV Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy»* [15th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates “Problems of Archaeology of Eastern Europe”. Conference materials]. Rostov-on-Don–Taganrog, 89–97.
- Kiyashko, A.V., Goroshnikov, A.A. 2020: O pamyatnikakh belozerskoy kul'tury na Tamanskom poluostrove [The sites of Belozerskaya culture on Taman Peninsula]. In *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya. Materialy VI Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii [Volga-Ural region from Antiquity to the Middle Ages. Materials of the VIth Lower-Volga Archaeological Conference]*. Volgograd, 40–46.
- Kiyashko, A.V., Guguev, Yu.K., Il'yashenko, S.M., Petrov, P.A., Korobkov, P.A. 2016: Predvaritel'nye svedeniya o raskopkakh poseleniy epokhi bronzy – srednevekov'ya u Balki Lisovitskogo na Tamani v 2014–2016 gg. [Preliminary report on the excavations of settlements of the Bronze Age - Middle Ages near the Lisovitsky Balka on Taman in 2014–2016]. In: *XI Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy»* [XIth International Conference of Students and Postgraduates “Problems of Archaeology of Eastern Europe”. Conference materials]. Rostov-on-Don, 168–178.
- Kiyashko, A.V., Larenok, O.P. 2020: Poselenie finala sredney bronzy Balka Khreeva III na Tamanskom poluostrove [Balka Khreeva III, the settlement of the final Middle Bronze Age on the Taman Peninsula]. In *XV Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy»* [15th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates “Problems of Archaeology of Eastern Europe”. Conference materials]. Rostov-on-Don–Taganrog, 97–105.
- Kiyashko, A.V., Sudarev, N.I. 2018: K voprosu ob etnokul'turnoy prinadlezhnosti i khronologii pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka na Tamanskom poluostrove [On the issue of ethnocultural affiliation and chronology of the monuments of the Late Bronze Age on the Taman Peninsula]. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii [The Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and innovations]* (XIX Bosporskie chteniya [XIX Bosphoran Readings]). Simferopol–Kerch, 212–217.

-
- Klochko, V.I., Kozymenko, A.V. 2011: *Nash nedavniy bronzovyy vek [Our Recent Bronze Age]*. Kiev.
- Klochko, V.I., Kozymenko, A.V. 2017: *Drevniy metall Ukrayny [Ancient metal of Ukraine]*. Kiev.
- Kushtan, D.P. 2013: *Pivden' Lisostepovogo Podniprov'ya za dobi pizn'oi bronzi [South of the Forest-Steppe Dnieper during the Late Bronze Age]*. Donetsk.
- Leskov, A.M. 1967: O severoprichernomorskom ochage metalloobrabortki v epokhu pozdney bronzy [On the Northern Black Sea Center of Metalworking in the Late Bronze Age]. In: A.M. Leskov, N.Ya. Merpert (eds.), *Pamyatniki epokhi bronzy Yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Sites of the Bronze Age in the South of the European part of the USSR]*. Kiev, 143–178.
- Leskov, A.M. 1981: *Jung und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen)*. München.
- Markovin, V.I., Glebov, A.I. 1979: Klad bronzoliteyshchika iz okrestnostey stanitsy Akhmetovskoy [Treasure of a bronze caster from the vicinity of the village of Akhmetovskaya]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 239–245.
- Novichikhin, A.M., Smekalova, T.N., Demchenko, A.A. 2021: Kurchanskiy klad v svete novykh issledovaniy [Kurchansky hoard in the light of new research]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty [The Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects]* XXII Bosporskie chteniya [XXII Bosphoran Readings]. Simferopol–Kerch, 291–298.
- Paromov, Ya.M., Gey, A.N. 2005: Pamyatniki epokhi kamnya i bronzy na Tamanskom poluostrove (kratkiy obzor) [Sites of the Stone and Bronze Age on the Taman Peninsula (a brief overview)]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 8, 320–339.
- Pelikh, A.L. 2003: *Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabortki i ego mesto v sisteme mezhkul'turnykh svyazey epokhi pozdney bronzy Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy [The Kuban center of metallurgy and metalworking and its place in the system of intercultural relations of the Late Bronze Age of the Caucasus and South-Eastern Europe]*. PhD Thesis. Armavir.
- Sergeeva, O.V., Kiyashko, A.V. 2021: Poselenie Yubileynoe 14 – novyy pamyatnik sabatinovsko-belozerского времени на Таманском полуострове [Settlement Yubileinoye 14 is a new monument of the Sabatino-Belozero time on the Taman Peninsula]. In: *16th Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov "Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya" [XVIth International Archaeological Conference of Students and Postgraduates "Problems of Archaeology of Eastern Europe and the Eastern Mediterranean"]*. Conference materials]. Rostov-on-Don–Taganrog, 82–90.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2008: Poselenie u balki Lisovitskogo – novyy pamyatnik epokhi pozdney bronzy na Tamani [The settlement near the Lisovitsky gully is a new monument of the Late Bronze Age in Taman']. In: *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy. Yubileynye XXV "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza [Reflection of civilizational processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories. Anniversary 25th "Krupnov Readings" on the archaeology of the North Caucasus. Abstracts]*. Vladikavkaz, 391–394.
- Shishlov, A.V., Kolpakova, A.V., Fedorenko, N.V. 2016: Issledovaniya poseleniya u balki Lisovitskogo v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya [Studies of the settlement near the Lisovitsky beam in the Temryuk district of the Krasnodar Territory]. In: *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov. Materialy arkheologicheskoy nauchnoy konferentsii [Protection and preservation of the archaeological heritage of Taman during the*

- construction of the Taman LPG and oil products terminal. Materials of the archaeological scientific conference]. Krasnodar, 131–139.*
- Sokolskiy, N.I. 1980: Tamanskiy klad bronzovykh orudiy [Taman hoard of bronze tools]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 144–150.
- Tov, A.A. 2004: Bronzovye kel'ty s yuzhnogo berega Krasnodarskogo vodokhranilishcha [Bronze celts from the southern shore of the Krasnodar reservoir]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus]* 3, 301–308.
- Tutaeva, I.Zh. 2014: Metallicheskoe klinkovoe oruzhie epokhi pozdney bronzy Severnogo Prichernomor'ya [Metal blade weapons of the Late Bronze Age of the Northern Black Sea region]. In: *IX Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov "Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy" [9th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates "Problems of Archaeology of Eastern Europe". Conference materials]*. Rostov-on-Don, 23–30.
- Ushorelu, E. 2010: Genezis i evolyutsiya dvuushkovykh toporov-kel'tov Vostochnoy Evropy epokhi pozdney bronzy [The Genesis and Evolution of Two-Lug Axes-Celts of Eastern Europe of the Late Bronze Age]. *Revista Arheologică, serie nouă* V/1, 22–67.

THE LATE BRONZE AGE KURCHANSKAYA HOARD: INTERDISCIPLINARY STUDIES

Andrey M. Novichikhin¹, Tatiana N. Smekalova², Irina A. Saprykina³,
Aleksandr A. Demchenko⁴

¹ Archaeological Museum of Anapa, Anapa, Russia

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

² National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow, Russia

³ Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴ Historical and Cultural Centre "Russia", Golubitskaya, Russia

¹ E-mail: yazamat10@yandex.ru ² E-mail: tnsmek@mail.ru ³ E-mail: dolmen200@mail.ru
⁴ E-mail: tamanhistory@gmail.com

Abstract. The paper presents the results of an interdisciplinary study of a hoard of Late Bronze Age tools found in Kurchanskaya Stanitsa (the Taman Peninsula). The hoard includes 11 tools: seven sickles, a Celtic axe, a knife, a fragment of an adze, a fragment of a socketed chisel. The complex containing intact and damaged tools is attributed as a treasure trove of a foundry master. The alloy of sickles, adze and knife is low-arsenic bronze, which can be correlated with the Kuban metallurgy province. The ornamented socketed chisel and the celt are cast from an alloy containing tin in its composition, the recipe of which is more in line with the European (Carpathian) metallurgical province. Three hoards discovered on the Taman Peninsula contained complete specimens of bronze sickles. This indicates that in the late Bronze Age, high-quality reaping tools were in demand by the population of Taman, and gives reason to assume that its economic activity was focused on the cultivation of cereal crops.

Keywords: Late Bronze Age, Taman Peninsula, Kurchanskaya Stanitsa, a hoard of bronze tools, X-ray fluorescence analysis, alloy composition

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 37–53
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 37–53
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-37-53

ТРИ ПУНИЙСКИХ АМФОРНЫХ КЛЕЙМА С БОСПОРА (К ВОПРОСУ О КАРФАГЕНСКОЙ ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ)

Н.В. Ефремов¹, А.Б. Колесников², Е.В. Болонкина³, Д.А. Карпов⁴

¹ Независимый исследователь, Штрасльзунд, Германия

² Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

³ Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник

⁴ Центр реставрации и сохранения памятников, Саратов, Россия

¹ E-mail: nikolai.jefremow@gmx.de ² E-mail: abkolesnikov60@mail.ru ³ E-mail:
lenabolonkina@mail.ru ⁴ E-mail: dakar9@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-8602-5265 ² ORCID: 0000-0002-3548-5170

³ ORCID: 0000-0003-1337-0572 ⁴ ORCID: 0000-0002-4880-9787

*Antiqua, quae nunc sunt,
fuerunt olim nova.*

Аннотация. В статье публикуются три уникальных для Северного Причерноморья пунийских клейма из собрания ВКИКМЗ, найденные на Боспоре: одно из Нимфея (крест в круге), второе – поселения Вышестеблиевская 3 (месяц, символ богини Танит), третье – довоенной коллекции Керченского музея древностей. Аналогии из Западного Средиземноморья позволяют датировать оттиски первой половиной II в. до н.э. Высказывается мнение, что пунийские амфоры могли поступать в регион опосредованно в качестве сопутствующего груза на торговых судах из Эгейского региона, хотя и не исключаются периодические контакты напрямую, равно как и участие пунийских купцов в торговых операциях в регионе.

Ключевые слова: Карфаген, Пантиканей, Херсонес Таврический, амфорные клейма, торговля, Танит

Будь славен, неохватный Карфаген,
В кольце врагов ты горд блистанием силы!

Данные об авторах: Николай Васильевич Ефремов – кандидат исторических наук, независимый исследователь; Андрей Борисович Колесников – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН; Елена Владимировна Болонкина – старший научный сотрудник ВКИКМЗ; Дмитрий Анатольевич Карпов – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Центр реставрации и сохранения памятников».

Твой бычий нрав не знает перемен
От торжества меча и до могилы¹.

Этими строками предваряет свое стихотворение «Карфаген» поэтесса Наталья Тимофеева в сборнике «Синергия». В соответствии с античной традицией Карфаген был основан вслед за Утикой в 814 г. до н.э.² Элиссой/Дидоной, сестрой царя Тира Пигмалиона³. Не уступая предприимчивым жителям метрополии, карфагеняне – «дети финикийцев» (Herod. III. 19. 2), «морская держава» *par exellance*⁴ – проводили активную внешнюю политику, колонизационную и торговую деятельность, раздвинув границы родного города далеко за его пределы.

Археологические исследования в Крыму и в азиатской части Боспора периодически преподносят неожиданные сюрпризы. При просмотре коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (далее – ВКИКМЗ) нами было обнаружено несколько редких для региона клейм, которые, по нашему мнению, принадлежат западносредиземноморскому бассейну. Эти материалы находятся сейчас на стадии обработки и подготавливаются к печати.

В настоящей статье мы публикуем лишь три клейма, которые относятся к продукции если не самого Карфагена, то одного из пунийских центров «круга Карфагена». При характеристике амфорного материала данной категории мы соизволительно употребляем термин «пунийские» вместо «карфагенские» амфоры. В настоящее время известно как минимум пять регионов их производства: 1) Центральное Средиземноморье и Триполитания; 2–3) островные пунийские владения в западном и центральном Средиземноморье; 4) Гибралтар с заливом Кадиса, Малагой, Гранадой и северо-западной Африкой; 5) южное побережье Испании⁵. Хотя места производства известны, обработанный и введенный в научный оборот материал ограничивается регионом Гибралтара и Ибицей. Кроме того, во всех названных регионах производились одинаковые формы сосудов, что существенно затрудняет их локализацию.

Отправным моментом для выделения группы пунийских клейм, хранящихся в фондах ВКИКМЗ, послужили фрагменты верхней части амфоры, обнаруженные при раскопках расположенного на Таманском полуострове античного поселения Вышестеблиевская 3⁶. На горле сосуда нанесено круглое клеймо (рис. 1, 1–4) с характерным для пунийского мира изображением богини Танит (тип А 1) со стилизованно переданным полумесяцем над головой, помещенным в круглую рамку

¹ Данная статья является переработанным и расширенным вариантом доклада, представленного на II Юбилейных чтениях памяти И.В. Яценко на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в декабре 2021 г.

² Далее все даты, кроме особо отмеченных, до н.э.

³ Timaios FHG I. 197; Gsell 1913, 374; Cintas 1950, 436; Warmington 1960, 20; Picard, Picard 1983, 17, 30f.; Rámon Torres 1995, 262; Siebenmorgen 2004, 13. Иные версии и возможные датировки см.: App. Lib. 1; Verg, Aen. I. 335–370; Iust. XVIII. 4–6; Vell. I. 6, 4; Машкин 1948, 37. Шифман 1963, 37 сл. считает «бесспорной» хронологическую привязку Помпония Трога/Юстиниа – 825 г. 814 г. как дату основания Карфагена подтверждают, очевидно, радиоуглеродные датировки костей животных из ранних слоев города: Docter et al. 2005, 557–577; Docter et al. 2008, 379–422.

⁴ О карфагенских торговых судах см.: Höckmann 2004, 96–99.

⁵ Berlanga, Cesteros 2018, 167, fig. 1. Более дробную классификацию см.: Rámon Torres 1995, 256–260.

⁶ Раскопки 2017–2018, полевая оп. № 338.

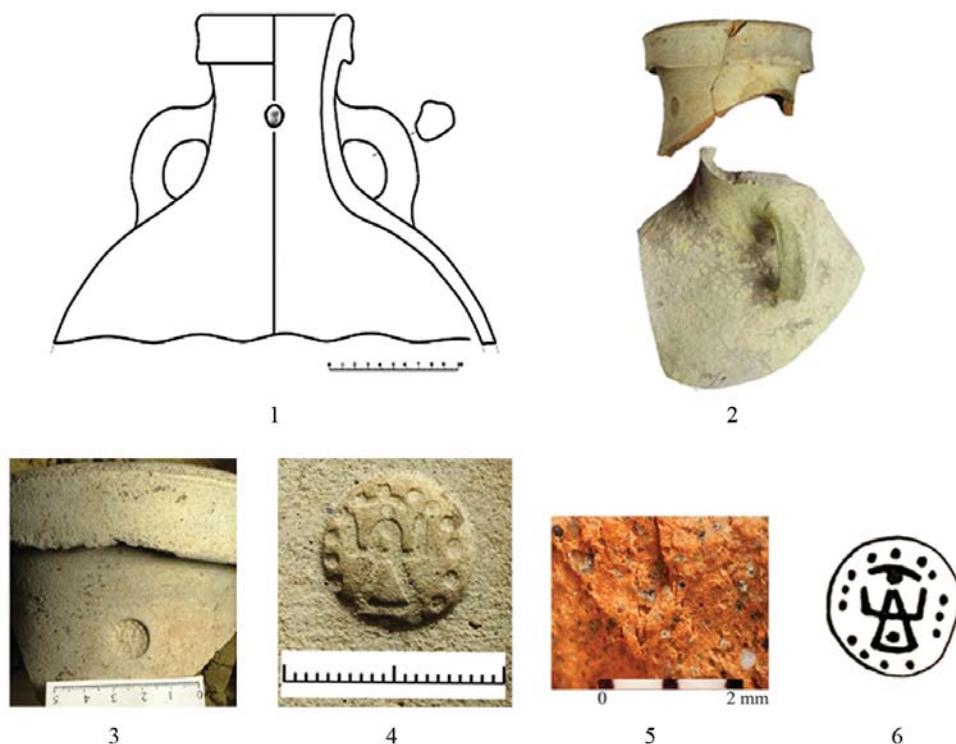

Рис. 1. 1–4 – клеймо с изображением богини Танит на горле амфоры. Вышестеблиевская 3, инд. № 338, оп. 155/1; 5 – глиняное тесто сосуда в изломе. Фото А.Б. Колесникова; 6 – пунийское амфорное клеймо из Карфагена (по: Vegas 1999, 210, Abb. 121, 5).

Fig. 1. 1–4 – stamp with the symbol of the goddess Tanith on the neck of the amphora. Vyshesteblievskaya 3 Settlement, inv. Nr. 338, list 155/1; 5 – clay mass of the vessel. Photo by A.B. Kolesnikov; 6 – Punic amphora stamp from Carthage (after: Vegas 1999, 210, Abb. 121, 5).

в пунктирном обрамлении⁷. Данный сюжет совершенно новый для Причерноморья, хорошо известен по материалам Западного Средиземноморья, где встречается, в частности, на амфорах типов T-8.2.1.1 и T-12.1.1.⁸ Так, например, очень близкие аналогии нашему оттиску происходит из Карфагена (рис. 1, 6) и Помпей⁹, предположительно соотнесенные исследователями с типом амфоры Cintas 312/313, 80. 2. Глина этих сосудов характеризуется ими как кирпично-красная, плотная и хорошо отмученная. Как можно судить по сохранившимся фрагментам, характерными признаками амфоры из поселения Вышестеблиевская 3 (рис. 1, 1–3) являются цилиндрическое туло, плоский, широкий, слегка нависающий «ключовидный» венец. Специфичен и тип ручки петельчатой по форме и с ярко выраженной ребристостью в верхней части.

⁷ Rámon Torres 1995, 247.

⁸ Rámon Torres 1995, 247 f., 586, № 803. Возможно, также из Египта: Neroutsos 1875, 456, № 1.

⁹ Scotti 1994, Taf. 162, 3; Vegas 1999, 210, Abb. 121, 5.

Второе из клейм в собрании ВКИКМЗ происходит из раскопок Нимфея¹⁰. Оно представляет собой сравнительно простой символ: крест в круглой рамке, оттиснутый на горле амфоры (рис. 2) (тип F 1: motivo cruciforme)¹¹. Такие символы достаточно широко распространены в античном мире, однако в нашем случае это, безусловно, фрагмент венчика пунийской амфоры, который морфологически очень близок экземпляру из Вышестеблиевской 3. В наиболее полном издании пунийских амфор и клейм X. Rámon Torреса учтены три схожих, но не аналогичных клейма¹². Из этого списка наиболее близок нашему экземпляру символ «андреевский крест»¹³ в прямоугольной рамке.

Третье клеймо из довоенных поступлений в Керченский музей древностей¹⁴ включено в данную статью под вопросом. Место его находки определяется широко – Пантикопей и окрестности. Клеймо оттиснуто на боковой грани амфорной ручки, по типу аналогичной экземпляру из Вышестеблиевской 3. Клеймо представляет собой энглифический кружочек (диаметр 12 мм) с небольшим углублением в центре (рис. 3).

Амфорное производство в Карфагене и его владениях появляется уже около 750 г. и восходит к финикийским и вообще левантским прототипам¹⁵. При этом типы сосудов практически не подверглись никакому влиянию со стороны «классических» форм из Эгейды, что объясняется их предназначением для определенных видов товаров (оливковое масло, оливки, рыбный соус, соленая рыба)¹⁶. Изначально они имели «мешковидное» или «сигаровидное» туло с прикрепленными по сторонам ручками. В IV в. в обиход входят цилиндрические формы, которые в III в. уступают место новым типам с почти цилиндрическим горлом и сильно профилированными венцами, иногда загнутыми вовнутрь¹⁷. Различают два основных типа амфор этого периода: Тип А (Cintas 312; Maña C 2a, Rámon T-7.4.2.1, Dressel 18¹⁸) и Тип В (Cintas 312; Maña C 2b)¹⁹. Глина этих сосудов варьируется от кирпично-красной до темно-коричневой. В изломе присутствуют маленькие пустоты²⁰. Время бытования Типа А 25/30-литровых сосудов (всего известно 22 варианта, 20 из которых производилось на севере Африки, в Тунисе и Триполитании²¹), датируется по материалам из Карфагена и Сардинии от конца III в. до 146 г.²², но они присутствует в материалах Остии еще примерно до 70 г.²³.

¹⁰ Раскопки 2012, оп. 624.

¹¹ Rámon Torres 1995, 247.

¹² Rámon Torres 1995, 587, № 847–849.

¹³ Rámon Torres 1995, 587, № 847.

¹⁴ Инв. № КП 88798, ККК 5388.

¹⁵ Rámon Torres 1995, 293 f.

¹⁶ Martin-Kilcher 1999, 414, 420.

¹⁷ Martin-Kilcher 1999, 412, Abb. 6, 7, 8.

¹⁸ CIL XV, 2, Taf. 1; Cintas 312–313; Rámon Torres 1995, 209 f.; Guerrero Ayuso 1986, 147; Luaces, Sáez Romero 2019, 145, fig. 2.

¹⁹ Martin-Kilcher 1999, 412, Abb. 7, 8.

²⁰ Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, 174, Пн.1. Глины из северного Туниса см.: Palaczyk 2017, 110, Taf. 4, 11–15; Bechtold 2015, 7, fig. 2.

²¹ Guerrero Ayuso 1986, 147–186; Rámon Torres 1995, 256–260; Berlanga, Ribera et al. 2007, 502.

²² Bartoloni 1988, 69, fig. 15 H 1. Cp. Berlanga et al. 2007, 503, CPP/05/035/5; Bechtold 2010, 45 f., 60 f., Tabl. 27, 34, 4; Berlanga, Cesteros 2018, 169.

²³ Rámon Torres 1995, 289; Guerrero Ayuso 1986, 163; Vegas 1999, 209; Martin-Kilcher 1999, 416 f., Abb. 9; Barnal-Casasola, Cottica 2019, 196, 203.

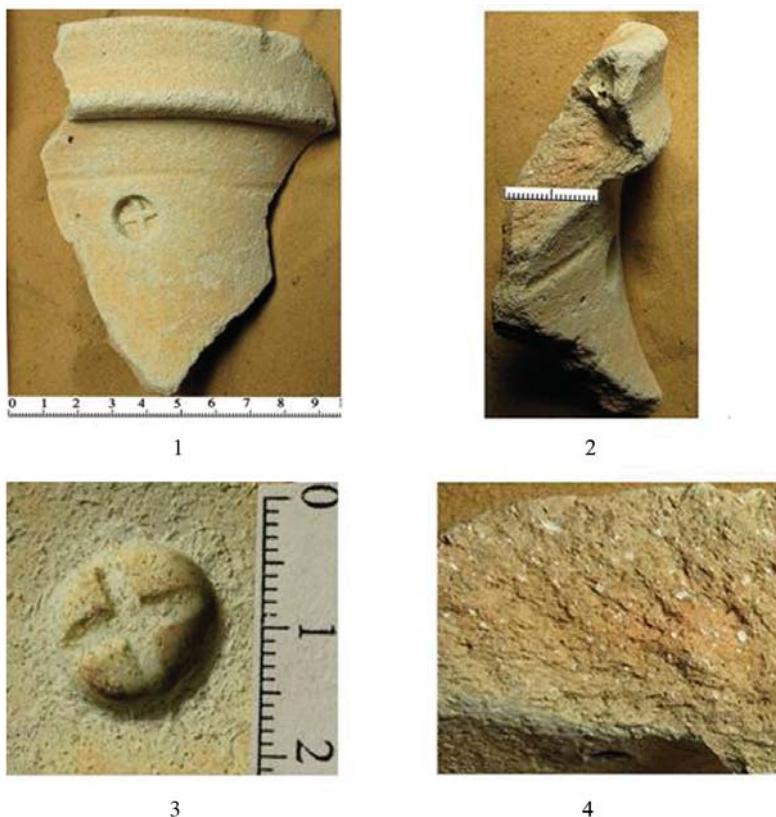

Рис. 2. Нимфей. 1–3 – венчик пунийской амфоры с клеймом. И nv. № КП 182426, ККК 26298; 4 – глиняное тесто амфоры в изломе. Фото А.Б. Колесникова.

Fig. 2. Nymphaeum. 1–3 – rim of Punic amphora with stamp. Inv. КП 182426, ККК 26298; 4 – clay mass of the vessel at the break. Photo by A.B. Kolesnikov.

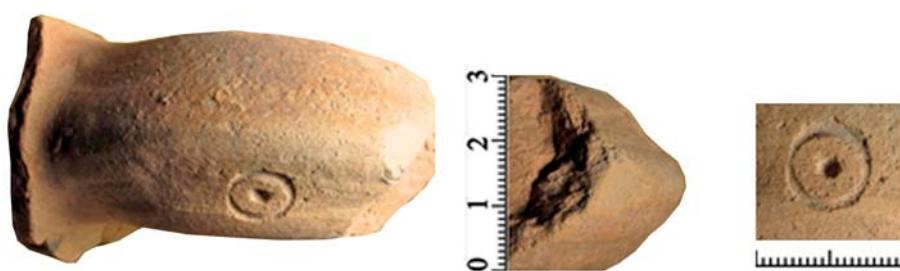

Рис. 3. Амфорное клеймо из старых фондов ВКИКМЗ. И nv. № КП 88798, ККК 5388. Фото А.Б. Колесникова.

Fig. 3. Amphora stamp from Kerch Museum. Inv. КП 88798, ККК 5388. Photo by A.B. Kolesnikov.

Раскопками в Гадире были открыты керамические печи²⁴, где выпускались основные типы пунийской керамической тары, начиная от подражаний греко-италийским амфорам и до широко распространенных «универсальных» сосудов (рис. 4, 5, 7)²⁵. Временные рамки функционирования мастерских в этом центре охватывают промежуток с конца III по первую половину I в.²⁶

Клеймение керамической тары в Карфагене и основанных им городах практиковалось спорадически, хотя и на протяжении довольно длительного времени. Самые ранние оттиски датируются еще концом VIII – началом VI в., а в общей сложности на сегодня известно порядка 350 различных пунийских клейм²⁷. Это ничтожно мало в сравнении с клейменными греческими и римскими амфорами. Есть основания полагать, что прототипом для маркировки тарной керамики в пунийских центрах послужили клейменные сосуды западногреческих полисов Великой Греции и Сицилии. Ранние типы клейм с эмблемой Танит, относящиеся еще к концу IV в., известны среди материалов из Гадира/Кадиса, где пик их бытования на амфорах типов T-7.4.3.2; T-9.1.1.0; T-12.1.1.1.2; Dressel-1A приходится на короткий период, примерно со 160 по 125 гг.²⁸. Особый интерес заслуживает горло амфоры – имитация греко-италийского типа (Dressel 1), датируемое второй половиной II в. до н.э.²⁹. В его нижней части оттиснуто клеймо с изображением символа богини Танит в круге. В отличие от нашего оттиска оно выполнено схематично, без пунктирного орнамента по краям круга (рис. 4, 2; 5)³⁰. Нельзя не заметить, что внешне амфора (рис. 5 внизу, слева, и рис. 7) практически аналогична нашей. Испанские исследователи относят начало производства этого типа тары к первым декадам II в. При этом, кроме Гадира, такие же амфоры производились в заливе Малаги и низовьях Гвадалкивира («иберийский Dressel 1»)³¹.

Как свидетельствуют письменные источники, несмотря на свое поражение в битве при Заме в 202 г., Карфаген быстро оправился, остался политически и экономически независимым (Polyb. XV. 18; Liv. XXXI. 31) и даже «набрался сил» (App. BC. VIII. 67), что не могло не сказаться на его производственной и торговой активности. Отмеченные выше амфоры Dressel-1A были обнаружены вместе с сосудами типа Maña C 2b у берегов Франции в материалах кораблекрушения Moi-

²⁴ Sáez Romero, Montero 2002, 30 ff.; Díaz Rodríguez et al. 2003, 130 ff.; Sáez Romero 2011, 183 ff.; García Vargas, Sáez Romero 2018, 179 ff., 193, fig. 12; Barnal-Cassola, Cottica 2018, 195; Bernal Casasola, Sáez Romero 2019, 108, fig. 6.

²⁵ Sáez Romero 2011, 187, fig. 3; Bernal Casasola, Sáez Romero 2019, 99, Fig. 1.

²⁶ Sáez Romero 2008, 510, fig. 8; Idem 2010, 9, 11, Fig. 4; Idem 2011, 102, Fig. 6; Montero Fernández et al. 2004, 423, Fig. 9; Sáez Romero et al. 2014, 257, fig. 2; Sáez Romero, Luaces 2019, 132, no. 6.

²⁷ Rámon Torres 1995, 245, 258, 264; Sáez Romero 2004/2005, 68.

²⁸ Rámon Torres 1995, 252 A 1 [908, 803]; Sáez Romero 2004/2005, 65 f., fig. 1; 2, 1, 4; 2007, 315, fig. 1; Idem 2011, 102; Sáez Romero, Rodriguez 2007, 199, fig. 4; Sáez Romero et al. 2014, 258, fig. 4; Sáez Romero, Luaces 2019, 134.

²⁹ Sáez Romero 2004/2005, 68, fig. 3, 75, fig. 8; Sáez Romero, Rodriguez 2007, 199, fig. 4, 202; Sáez Romero 2008, 510; 2011, 102, fig. 6; Bernal-Casasola et al. 2013, 354, 356, fig. 3; Sáez Romero et al. 2014, 258, fig. 4; Sáez Romero et al. 2014, 258; Sáez Romero, Luaces 2019, 133, fig. 3.

³⁰ Rámon Torres 1995, 252 A 1 [908, 803]; Sáez Romero 2004/2005, 65 f., fig. 1; 2, 1, 4; 2007, 315, fig. 1; 2011, 102; Sáez Romero, Rodriguez 2007, 199, fig. 4; Sáez Romero et al. 2014, 258, fig. 4; Sáez Romero, Luaces 2019, 134.

³¹ Sáez Romero, Luaces 2019, 136, fig. 5, 137, fig. 6, 138, fig. 7, 4; Berlanga, Cesteros 2018, 168.

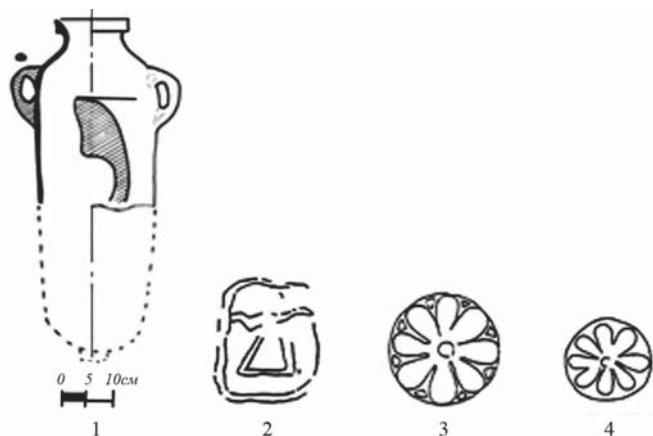

Рис. 4. 1 – амфора типа Maña C1 (по: Guerrero Ayuso 1986, 153, fig. 2, 5); 2–4 – клейма из мастерской в Гадире/Кадисе (по: Sáez Romero 2002, 301, fig. 7).
 Fig. 4. 1 – amphora Maña C1 (after: Guerrero Ayuso 1986, 153, fig. 2, 5); 2–4 – stamps from the workshop in Gadir/Cádiz (after: Sáez Romero 2002, 301, fig. 7).

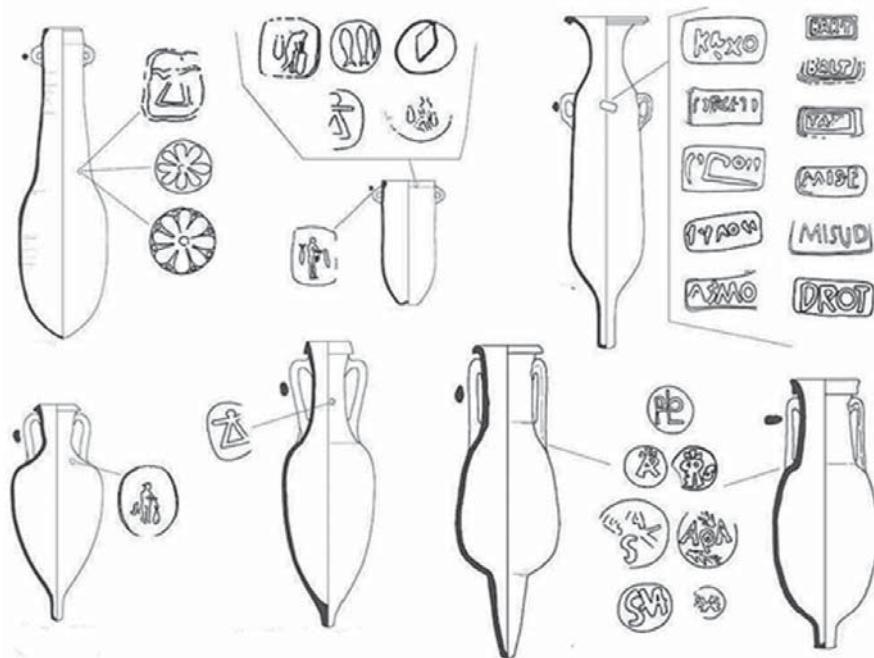

Рис. 5. Амфорное производство в Гадире/Гадесе/Кадисе в эллинистический период (по: Sáez Romero 2010, 11, fig. 4).
 Fig. 5. Amphora production in Gadir/Gades/Cadiz during the Hellenistic period (after: Sáez Romero 2010, 11, fig. 4).

Рис. 6. Надгробные стелы с изображением Танит из Карфагена: 1 – https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/251164/pub; 2 – <https://de.wikipedia.org/wiki/Tanit#/media/Datei:Karthago>; 3 – <https://folklor-mythology.ru/boginya-tanit/>; 4 – https://i.pinimg.com/474x/38/1f/69/381f69ef29a4f723445562c43cd7e27c_; 5 – <https://ic.pics.livejournal.com/asdf232/84286598/361853/361853>.

Fig. 6. Tombstone steles with the image of Tanith from Carthage.

nes 2, которое датируется 75–50 гг.³², что позволяет отодвинуть нижнюю границу их бытования по меньшей мере до позднереспубликанского времени.

В отчете о раскопках Вышестеблиевской 3 была предложена датировка нашей амфоры и, соответственно, клейма на ней V–VI вв. н.э., что невозможно хотя бы потому, что манера клеймения амфор в византийский период была совершенно иной. Кроме того, начиная с периода римского господства, культ богини Танит в Карфагене был вытеснен культом Юноны Целесты, имевшей иные атрибуты и, наконец, едва ли вероятно было бы присутствие языческого божества в клейме христианского времени. По всей вероятности, оба представленных здесь клейма из Причерноморья следует датировать первой половиной II в., в пользу чего свидетельствуют аналогии из Западного Средиземноморья.

Несколько слов необходимо сказать о содержании эмблемы клейма. Богиня девственности Танит, или Таннита, пользовалась особым почитанием в Карфагене, наряду с Баал-Хаммоном в качестве городского божества³³, представляя собой, очевидно, пendant богини Луны Астарты, почему ее часто сопровождал символ – полумесяц или розетка. Собственной эмблемой божества являлась трапеция, закрытая сверху горизонтальной линией и имевшая в середине круг (горизонтальная прямая часто заканчивалась двумя прямыми вертикальными линиями) (рис. 6, 2–3)³⁴. Позже вместо трапеции часто использовался равнобедренный треугольник

³² Luaces, Sáez Romero 2019, 147 f.

³³ Marin Ceballos 1999, 72–74, 76–77.

³⁴ Cp.: Charles-Picard 1983, 50, 84; Ben Younes 1985, 12.

(рис. 6, 1, 4–5). В амфорных клеймах сюжет также трактуется по-разному, сопровождаясь иногда дополнительными символами³⁵. Саму Танит изображали подчас с львиной головой, подчеркивая тем самым ее воинские черты³⁶. В эллинистический период она была объектом культа в пунийских центрах по всему Западному Средиземноморью³⁷. В Карфагене имелось совместное святилище Танит и Аштарты и храм Сид Танит³⁸. Богиня была покровительницей и защитницей в широком смысле, поэтому ее знак наносился даже на борта кораблей³⁹.

Высказывалось мнение, что для Танит и Баал-Хаммона приносили в жертву детей, подтверждением чему посчитали найденный в Карфагене тофет (массовое захоронение маленьких детей). Дальнейшие исследования с анализом останков показали значительный процент младенцев, умерших еще до рождения. В результате появилась гипотеза, что тофет являлся кладбищем для мертворожденных детей, умерших до 6 месяцев от болезни⁴⁰, хотя это и продолжает оспариваться рядом ученых⁴¹.

Рассматриваемые здесь клейма не являются первыми находками пунийских амфор в Северном Причерноморье. Так, например, фрагменты сосудов были обнаружены в Ольвии и на Елизаветовском городище⁴². В последнем случае дата находки не выходит за вторую половину IV в., что весьма знаменательно. Совсем недавно был опубликован оттиск на амфоре типа Rámon T-7.4.2.1 из раскопок в Херсонесе⁴³. Тарные сосуды этой разновидности были широко распространены в Западном Средиземноморье и известны с различными типами клейм⁴⁴. Со ссылкой на испанские параллели время их бытования было определено издателями первой половиной II в. (до момента разрушения Карфагена римлянами в 146 г.), что можно принять лишь с оговорками. После гибели Карфагена производство этого типа амфор не прекратилось, но продолжилось на окраинах державы – в Гадире и на Мальорке до последнего десятилетия II в., а на Сардинии – вплоть до второй половины I в.⁴⁵.

Кроме того, также из некрополя Херсонеса происходит неклейменая карфагенская коническая амфора с желобчатым туловом, относящаяся, возможно, к типу T-3.1.1.2, либо, что более вероятно, T-12. 1.1.1. по типологии Рамон Торреса.

³⁵ Rámon Torres 1995, 578, № 549, 579, № 595 f., 584, № 771–775, 586 № 796–813.

³⁶ Azize 2005, 177.

³⁷ Символы Танит на стелах см., например: Charles-Picard 1983, 48 f., Abb. 5–8; Ben Younes 1985, 2, pl. I, 2–6; II, 7–11, 9; III, 12–16; Ribichini 2004, 256, 259, Abb. 6; 260, Abb. 8.

³⁸ Hassine Fantal 2004, 224.

³⁹ Höckmann 2004, 98, Taf. 2, 8.

⁴⁰ Hassine Fantal 2004, 229 f.

⁴¹ Charles-Picard 1983, 40 ff., Abb. 1, 44, 50, 72; Ribichini 2004, 247 ff., 256 f.; Beschaouch 1994 74 ff., 80; Amadasi Guzzo, Zamora Lópes 2012/2013, 161.

⁴² Brašinskij, Marčenko 1984, 60 f., Abb. 39g; Lawall et al. 2010, 397 L–309; Iid., 2014, 33; Марченко и др. 2000, 162, табл. 28, рис. 55, 1.

⁴³ Рыжов, Тюрин 2021, 257, рис. 1, 2; 4. Cp. Berger 1900, 54, pl. 7, 11; Rámon Torres 1995, fig. 175, 238, fig. 215, 540, 535, fig. 173; Bezecky 2013, 95, Type 24.

⁴⁴ Sáez Romero 2004/2005, 72 f., fig. 6 f.; Palaczyk 2017, 108, Taf. 3, 8, 112, Taf. 1; Berlanga et al. 2007, 505; Berlanga, Cesteros 2018, 170, fig. 5, 3; Rámon Torres 1995, 142 ff., 209; Vegas 1999, 133, № 32. Клейма на этом типе амфор см. Sáez Romero 2002, 301, fig. 7; Sáez Romero, Zamor ea López 2019, 90, Fig. 2.

⁴⁵ Guerrero Ayuso 1986, 167, no. 95; Sáez Romero 2002, 301; Тип «конская голова» «testa di cavallo»: Bartoloni 1988, 70, Fig. 18 H 3.

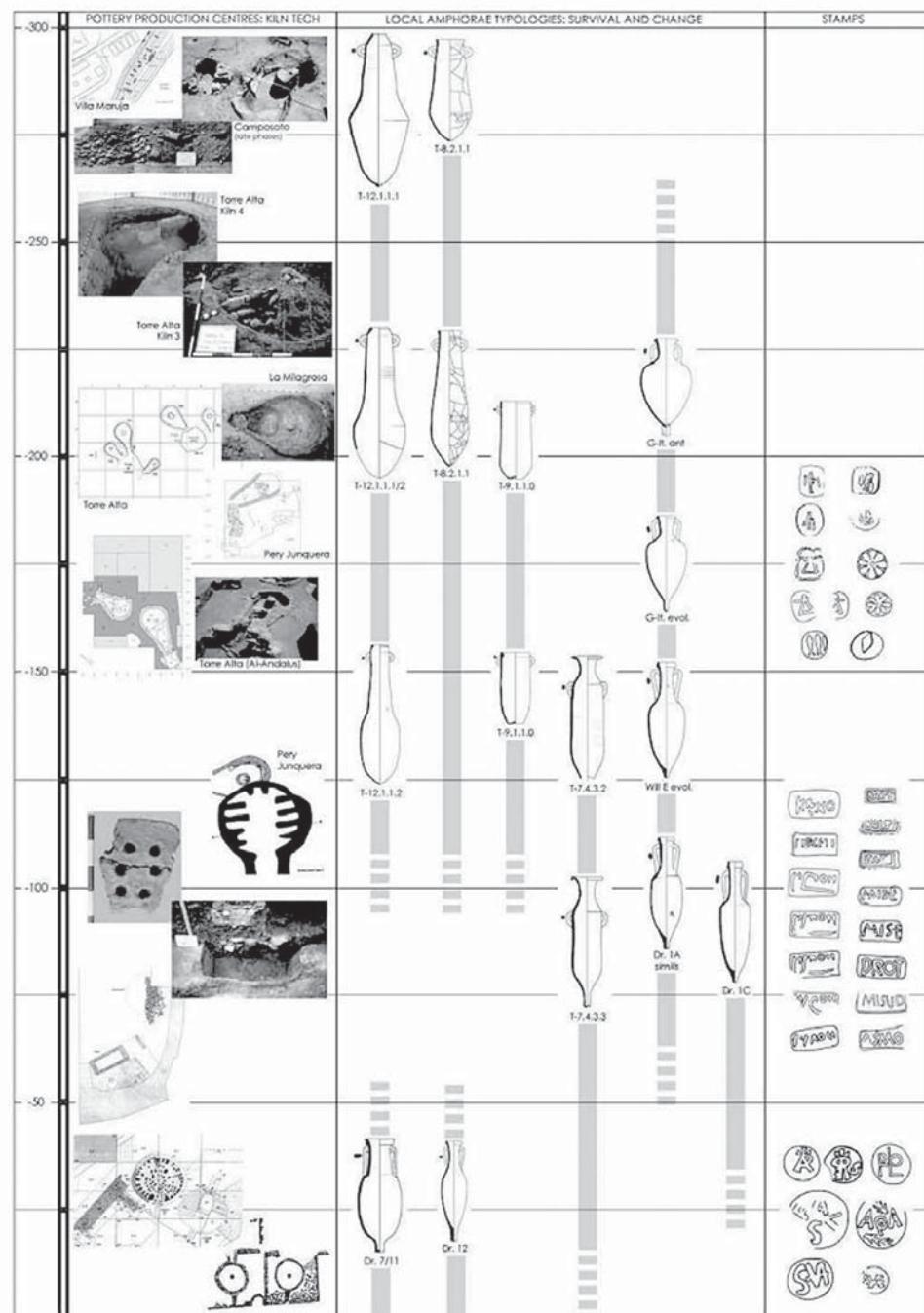

Рис. 7: Амфорное производство в Гадире/Гадесе/Кадисе в эллинистический период (по: Sáez Romero 2010, 9, fig. 3).

Fig. 7: Amphora production in Gadir/Gades/Cádiz during the Hellenistic period (after: Sáez Romero 2010, 9, fig. 3).

са⁴⁶. Во всяком случае, амфора не может относиться к римскому времени, как это предполагают авторы публикации, ибо с основанием колонии в Карфагене там производились совершенно иные типы сосудов по образцам метрополии.

Относительно содержимого амфор необходимо отметить следующее: в эллинистический период Карфаген не являлся экспортером вина, а наоборот, ввозил его в больших количествах⁴⁷. Среди товаров, вывозимых в пунийских амфорах, источники отмечают прежде всего оливки и оливковое масло, соленую рыбу и рыбный соус – *garum* (Plin. NH. XXXI. 94–95; Auson. Epist. 25)⁴⁸. Кроме того, Кадис, например, славился переработкой пурпурных улиток⁴⁹. Наконец важной статьей экспорта из Финикии и Карфагена уже в классический период являлись глазчатые и лицевые бусы⁵⁰, которые также могли перевозиться в амфорах. Можно только гадать, что конкретно было доставлено в пунийских амфорах в северо-причерноморский регион. Пунийские амфоры не являются большой редкостью в Восточном Средиземноморье, где они известны, в частности, в Афинах, Коринфе, Эфесе⁵¹, хотя и не являются там массовым материалом. Вполне вероятно, что именно оттуда через посредничество торговцев из Эгейского мира⁵², возможно, как дополнение к основному грузу корабля, они могли попасть в Северное Причерноморье. С другой стороны, нельзя исключить и периодические торговые операции. В этой связи особенный интерес представляет проксения из Истрии, датируемая II в., где чествуется карфагенский торговец за то, что доставил в полис зерно⁵³. Предполагается, что финикийские/карфагенские метеки могли постоянно проживать в полисах западного и северного побережья Понта⁵⁴.

Едва ли может подлежать сомнению, что представленные здесь пунийские экземпляры амфор не были единичными в Северном Причерноморье. Выше уже были отмечены находки неклейменных фрагментов в Ольвии и Елизаветовском городище, и они наверняка присутствуют также и в других местах, но отправляются в отвал как неопределенный и малоинформационный материал. Хочется надеяться, что ситуация изменится к лучшему и позволит в будущем получить более обширную информацию по пунийскому импорту в регионе.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Amadasi Guzzo, M.G., Zamora López, J. 2012–2013: The epigraphy of the Tophet. In *Studi Epigraphici e Linguistici* 29/30, 159–192.

⁴⁶ Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, 174, Pn.1. Cp.: Rámón Torres 1995, 519, fig. 156, 107, 575, fig. 211; Vegas 1999, 133, № 32.

⁴⁷ Martin-Kilcher 1993, 269 ff.

⁴⁸ Rámón Torres 1995, 264 f.; Guerrero Ayuso 1986, 168; Martin-Kilcher 1999, 420. О «рыбном соусе» *garum* см., например: Grimal, Monod 1952, 27–38; Jardin 1961, 70–96; Ponsich, Tarradell 1965; Etienne, Mayet 1998, 199–215; Desse-Berset, Desse 2000, 73–97; Aréval et al. 2004; Grainger 2007, 92–112.

⁴⁹ Bernal Casasola et al. 2011, 157–180; Bernal Casasola, Sáez Romero 2019, 160 f.

⁵⁰ Quillard 1970, 5 ff.; Haevernick 1977, 152–231; Hiesel 2004, 69, № 10; Гороховская, Циркин 1985, 206–212; Копылов 2006, 70–74; Гуляев 2018, 280–294.

⁵¹ Grace 1961, Wolff 2004, 451–457; Lawall 2006, 265–286; Bezecky 2013, 95, Type 24.

⁵² Рыжов, Тюрин 2021, 259.

⁵³ ISM I. 20; Шифман 1958, 118 сл.

⁵⁴ Bouzek 2017, 141.

- Arévalo, A., Bernal, D., Torremocha, A. (eds.), 2004: *Garum y salazones en el Círculo del Estrecho. Catálogo de la Exposición, Algeciras 2004*. Granada.
- Azize, J. 2005: *The Phoenician Solar Theologie. An Investigation into the Phoenician Opinion of the Sun Found in Julian's Hymn to King Helios (Gorgias Dissertations 15)*. Piscataway.
- Bartoloni, P. 1988: *Le anfore fenicie e puniche di Sardegna (Studia Punica 4)*. Roma.
- Bechtold, B. 2010: The Pottery Repertoire from Late 6th Mid-2nd Century BC Carthage: Observations based on the Bir Messaoude Excavations. In: *Carthage Studies 4*, 1–80.
- Ben Younes, A. 1985: Stèles Neopunique de Bulla Regia. In: *Reppal I (Centre d'études phéniciennes-puniques des antiquités libyques)*. Tunis, 1–21.
- Berlanga, G.P., Cesteros, H.G. 2018: Punics, Greeks and Romans: Late Hellenistic / Late Roman Republican Amphorae as a Testimony of their Expansion. *Historicogeographica* 16/17, 167–189.
- Bernal-Casarola, D., Cottica, D. 2019: Alcune riflessioni sui flussi di scambio a Pompei attraverso lo studio delle anfore dagli scavi I.E. del Foro. In: D. Bernal-Casarola, D. Cottica (eds.), *Scambi e commerzi in area Vesuviana. I dati delle anfore dai saggi stratigrafici I.E. (impianto Elettrico) 1980–81 nel Foro di Pompei* (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 14). Oxford, 191–209.
- Bernal-Casarola, D., García Vargas, E., Sáez Romero, A.M. 2013: Ánforas itálicas en la Hispania meridional. In: G. Olcese (ed.), *Immensa aequora. Workshop. Ricerche archeologiche, archeometriche e informatiche per la ricostruzione dell'economia e dei commerci nel basso occidentale del Mediterraneo (metà IV sec. a.C.–I sec. d.C.). Atti del convegno. Roma 24–26 gennaio 2011*. Roma, 351–372.
- Bernal Casasola, D., Sáez, A.M., Bustamante Álvarez, M. 2011: Púrpura y pesca en el Gadir tardopúnico. La fosa-conchero de desechos halieuticos de la c / Luis Milena (San Fernando, Cádiz). In: C. Alfaro, J.-P. Brun, R. Pierobon Benoit (eds.), *Textiles y tintes en la ciudad antigua (Purplea Vesture III, Archéologie de l'artisan antique 4. Collection du centre Jean Berard 36). Actes del III Symposium Internacional sobre Textiles y Tintes del Mediterraneo en el mundo antiguo (Napoles, 13 ad 15 de noviembre 2008)*. Naples, 157–180.
- Bernal Casasola, D., Sáez Romero, A.M. 2019: Garum y salazones de la Hispania Ulterior. Primeras identificaciones de ánforas de producción púnico-gaditana en Pompeya. In: D. Bernal-Casarola, D. Cottica (eds.), *Scambi e commerzi in area Vesuviana. I dati delle anfore dai saggi stratigrafici I.E. (impianto Elettrico) 1980–81 nel Foro di Pompei* (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 14). Oxford, 96–114.
- Beschaouch, A. 1994: *Karthago (Abenteuer Geschichte)*. Ravensburg.
- Bezczeky, T. 2013: *The Amphorae of Roman Ephesus* (Forschungen in Ephesos XV/1). Wien.
- Bouzek, J. 2017: Celtic art and glass. In: J. Kysela, A. Danielisova, J. Militky (eds.), *Stories that made the Iron Age. Studies in Honor of Natalie Venclová*. Praha, 139–151.
- Brasinskij, I.B., Marcenko, K.K. 1984: *Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta* (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 27). München.
- Charles-Picard, G., Charles-Picard, C. 1983: *Karthago. Leben und Kultur*. Stuttgart.
- Cintas, P. 1950: *Céramique punique* (Publications de l'institut des Hautes-Études de Tunis III). Paris.
- Desse-Berset, N., Desse, J. 2000: Salsamenta, garum et autres préparations de poissons. Ce qu'en disent les os. *MEFRA* 112.1, 73–97.
- Díaz Rodríguez, J.J., Sáez Romero, A.M., Toboso Suárez, E.J., Montero Fernández, A., Montero Fernández, R. 2003: Las producciones cerámicas en las Bahías de Algeciras y Cádiz en la antigüedad. Análisis comparativo de sus trayectorias alfareras. *Almoraima* 29, 123–137.
- Docter, R.F., Niemeyer, H.G., Nijboer, A.J., van der Plicht, J. 2005: Radiocarbon Dates of animal bones in the earliest levels of Carthage. In: G. Bartoloni, F. Delpino, R. De Marinis, P. Castaldi (eds.), *Oriente e Occidente: metodi e discipline a confronto. Rifflessioni sulla chronologia dell' età del ferro italiana (Mediterranea. Quaderni Annuali dell' Istituto di Studi*

- sulle Civilta Italiche e del Mediterraneo Antico del Consiglio Nazionale delle Ricerche I). Roma, 557–577.
- Docter, R.F., Chelbi, F., Maroui Telmini, B., Nijboer, A.J., van der Plicht, J., Van Neer, W., Mansel, K., Garsallah, S. 2008: New radiocarbon dates from Carthage: Bridging the gap between history and Archaeology? In: C. Sagona (ed.), *Beyond the Homeland: Markers in Phoenician Chronology*. Leuven–Paris–Dudley, 379–422.
- Etienne, R., Mayet, F. 1998: Le Garum a Pompéi. Production et Commerce. *REA* 1–2, 199–215.
- García Vargas, E., Sáez Romero, A.M. 2018: Todo el pescado vendido. Una lectura cuantitativa de la producción púnica y romana de ánforas, sal y salazones en la Bahía Cádiz. In: J. Romeiral Rodrígues, V. Revilla Calvo, J.M. Bermúdez Lorenzo (eds.), *Cuantificar las economías antiguas. Problemas y métodos* (Instrumenta, Collectio 60). Barcelona, 161–213.
- Gorokhovskaya, L.P., Tsirkin, Yu.B. 1985: Severnoe Prichernomor'e i Karfagen [Northern Black Sea region and Carthage]. In: O. Lordkipanidze (ed.), *Prichernomorye v epokhu ellinizma. Materialy III Vsesoyuznogo Simpoziuma po drevney istorii Prichernomorya* [The Black Sea region in the Hellenistic era. Materials of the III All-Union Symposium on the Ancient History of the Black Sea Region. Tskhaltubo–1982]. Tbilisi, 206–212.
- Гороховская, Л.П., Циркин, Ю.Б. 1985: Северное Причерноморье и Карфаген. В сб.: О. Лордкипанидзе (ред.), *Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо–1982*. Тбилиси, 206–212.
- Granger, S. 2007: Garum, Liquamen and Muria: a new approach to Roman fish sauce. In: *Petits Propos Culinaires* (Essays and notes on food, cookery and cookery books, 83, Prospect books). Totness, 92–112.
- Gulyaev, V.I. 2018: Finikiyskie torgovtsy v Skifii (“litsyvye” busy-amulety) [Phoenician merchants in Scythia (“facial” beads-amulets)]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomorye v antichnyu i srednevekovoe vremya 2. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu professora V.P. Kopylova* [The Black Sea region in ancient and medieval times. Iss. 2. Collection of scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Professor V.P. Kopylov]. Rostov on Don, 280–294.
- Гуляев, В.И. 2018. Финикийские торговцы в Скифии («лицевые» бусы–амулеты). В сб.: А.Н. Коваленко (ред.). *Причерноморье в античное и средневековое время. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 280–294.
- Grimal, P., Monod, T. 1952: Sur la véritable nature du „garum“. *REA* 54, 1–2, 27–38.
- Gsell, S. 1913: *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord I*. Paris.
- Guerrero Ayuso, V. 1986: Una aportacion al estudio de las ánforas púnica Maña C. *Archaeonau-tica* 6, 147–186.
- Haevernick, T.E. 1977: Gesichtsperlen. *Madridrer Mitteilungen* 18, 152–231.
- Harden, D.B. 1937: The Pottery from the Precinct of Tanit at Salammbô, Carthage. *Iraq* IV.1, 59–90.
- Höckmann, O. 2004: Karthago: Zentrum und Machtentfaltung. Zum Seewesen der Karthager. In: S. Peters (Hrsg.), “*Hannibal ad portas – Macht und Reichtum Karthagos*”. *Begleitbuch zur Sonderausstellung im Badischen Landesmuseum Karlsruhe*. Stuttgart, 96–106.
- Hiesel, G. 2004: Karthago: Zentrum und Machtentfaltung. Die Karthager und ihre numidischen Nachbarn. In: S. Peters (Hrsg.), “*Hannibal ad portas – Macht und Reichtum Karthagos*”. *Begleitbuch zur Sonderausstellung im Badischen Landesmuseum Karlsruhe*. Stuttgart, 60–69.
- Jardin, C. 1961: Garum et sauces de poisson de l'Antiquité. *RStLig.* XXVII, 70–96.
- Kopylov, V.P. 2006: O promiknovenii puniyskikh tovarov na Nizhniy Don v IV v. do n.e. [On the penetration of Punic goods to the Lower Don in the 4th century B.C.]. In: V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseyne Chyrnogo morya v skifo-antichnoe vremya*.

- Sbornik statey po materialam XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [International Relations in the Black Sea Basin in Scythian-Ancient Times. Collection of articles based on materials of the XI International Scientific Conference].* Rostov-on-Don, 70–74.
- Копылов, В.П. 2006. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Сборник статей по материалам XI Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 70–74.
- Lawall, M. 2006: Consuming the West in the East: Amphoras of the western Mediterranean in the Aegean before 86 BC. In: D. Malfitana, J. Poblome, J. Lund (eds.), *Old Pottery in a New Century: Innovating perspectives on Roman Pottery Studies. Atti del Convegno Internazionale di Studi. Catania, 22–24 Aprile 2004*. Catania, 265–286.
- Lawall, M., Lejpunskaia, N.A., Diatropov, P.D., Samoilova, T.L. 2010: Transport Amphoras. In N.A. Lejpunskaia, P.G. Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.), *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD* (BSS 13). Aarhus, 355–405.
- Lawall, M.L., Guldager Bilde, P., Bjerg, L., Handberg, S., Højte, J.M. 2014: The Low City of Olbia Pontike: Occupation and Abandonment in the 2nd Century BC. In: P. Guldiger Bilde, M. Lawall (eds.), *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* (BSS 16). Aarhus, 29–49.
- Luaces, M., Sáez Romero, A.M. 2019: Late Punic amphorae in “Roman” shipwrecks of southern Gaul: the evidence of a trading route from the Atlantic and the Strait of Gibraltar region to the Tyrrhenian Sea. In: A. Peignard Giros (ed.), *Dayly Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture during the Hellenistic Period* (IARPotHP). *Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP Lyon, November 2015, 5th–8th*. 2. Wien, 143–157.
- Maña de Angulo, J.M. 1951: Sobre tipología de ánforas púnicas. In: *Crónica de 6to Congreso archeológico del Sudeste Español, Alcoy 1950*. Cartagena, 203–210.
- Marčenko, K.K., Žitnikov, V.G., Kopylov, V.P. 2000: *Die Siedlung Elizavetovka am Don* (Pontus Septentrionalis II. Tanais 2). Moscow.
- Марченко, К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000: *Елизаветовское городище на Дону* (Pontus Septentrionalis II. Tanais 2). M.
- Marin Ceballos, M.C. 1999: Los dioceses de la Cartago punica. In: *XII Jornadas de Arqueología Fenicio-Púnica. Ibiza 1997. TMAI* 43. Ibiza, 63–90.
- Martin-Kilcher, S. 1993: Amphoren der späten Republik und der frühen Kaiserzeit in Karthago. *RM* 100, 269–320.
- Martin-Kilcher, S. 1999: Karthago 1993. Die Füllung eines frühkaiserzeitlichen pozzo. In: F. Rakob (Hrsg.), *Die deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Bd. III (Deutsches archäologisches Institut; Institut national du Patrimoine–Tunis). Mainz, 403–434.
- Mashkin, N.A. 1948: Karfagenskaya derzhava do Punicheskikh voyn [Carthaginian power before the Punic Wars]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 35–54.
- Машкин, Н.А. 1948: Карфагенская держава до Пунических войн. *ВДИ* 4, 35–54.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017: *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy”*. Katalog (Krym v istorii, kulture i ekonomike Rossii) [Amphorae of the 5th – 2nd centuries BC in the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonesus”]. A Catalogue (Crimea in the history, culture and economy of Russia)]. Kerch–Saratov.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2017: *Амфоры V–II vv. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»*. Каталог (Крым в истории, культуре и экономике России). Керчь–Саратов.
- Montero Fernandez, A.I. y Sáez Romero, R., Díaz Rodriguez, A.M. 2004: Innovaciones, transformaciones y pervivencias. Evolución de la alfarería Gaderita durante los ss. III–II a.n.e.

- In: *Actas del Congreso Internacional Figlinae Baeticae. Talleres alfareros y producciones cerámicas en la Baetica romana (ss. II a.C.-VII d.C.). Universidad de Cádiz, Noviembre 2003* (BAR IS 1266). Oxford, 413–426.
- Neroutsos, T.D. 1874: Κεραμίων λαβαὶ ἐνεπίγραφαι ἀνευρισκόμεναι Ἀνευρισκομεναι ἐν τῇ ὁρχαίᾳ Ἀλεξανδρείᾳ. *Ἀθήναιον*, 213–245, 441–462.
- Palaczyk, M. 2017: Punische Amphoren aus Iaitas – eine typologische Betrachtung. In: H. Dridi, D. Wieland-Leibundgut, J. Kraese (Hrsg.). *Phönizier und Punier im Mittelmeerraum: ein Beitrag der Schweizer Forschung* (Philainos 2). Rome, 101–117.
- Pascual, G., Ribera, A. 2002: Las ánforas tripolitanas antiguas en el contexto del Occidente Mediterráneo. Un contenedor poco conocido de la época republicana. In: L. Rivet, M. Sciallano (eds.), *Vivre, produire et échanger: reflects méditerranées. Mélanges offerts à Bernard Liou* (Collection “Archéologie et Histoire Romaine 8”). Montagnac, 303–318.
- Ponsich, M., Tarradell, M. 1965: Garum et industries de Salaison dans la Méditerranée occidentale (Université de Bordeaux et Casa de Velázquez: bibliothèque de l’école des hautes études hispaniques 36). Paris.
- Quillard, B. 1970: Les etuis porte-amulettes carthaginois. *Karthago* 16, 5–32.
- Ramón Torres, J. 1995: *Las ánforas fenicio-púnicas del Mediterráneo central y Occidental*. Barcelona.
- Ryzhov, S.G., Tyurin, M.I. 2021: Fragment puniyskoy amfory s kleymom iz pozdneellinisticheskogo kompleksa v Severnom rayone Khersonesa [Fragment of a Punic amphora with a stamp from the late Hellenistic complex in the northern region of Chersonesus]. In: A.V. Zaykov, D.A. Kostromichyov, E.S. Lesnaya (eds.), *ARKHONT. Antichnye relikvii Khersonesa. Otkrytiya, nakhodki, teorii* [Ancient relics of Chersonesus. Discoveries, finds, theories]. Sevastopol, 257–263.
- Рыжов, С.Г., Тюрин, М.И. 2021: Фрагмент пунийской амфоры с клеймом из позднеэллинистического комплекса в Северном районе Херсонеса. В сб.: А.В. Зайков, Д.А. Костромичев, Е.С. Лесная (ред.), *АРХОНТ*. Севастополь, 257–263.
- Sáez Romero, A.M. 2002: Algunas consideraciones acerca de las ánforas gadiritas Maña-Pascual A4 evolucionadas. *Bolskan* 19, 289–303.
- Sáez Romero, A.M. 2004/2005: Epigrafía ánforica de Gadir (Siglos III–II a.n.e.). *Caetaria* 4/5, 63–81.
- Sáez Romero, A.M. 2007: El fenómeno del estampilado anfórico en el alfar tardopúnico gaderita de Torre Alta. Balance historiográfico y novedades. In: *Acta del III Encontro de Arqueologia do Sudoste Peninsular (Aljustrel, Portugal, octubre de 2006)*, Vispasca. Arqueología e Historia 2 (2ª serie), Museo de Aljustrel, 307–317.
- Sáez Romero, A.M. 2008: La producción de ánforas en el área del Estrecho en época tardopúnica (siglos IIIa–I). In: D. Bernal, A. Ribera (eds.), *Cerámicas hispanoromanas. Un estado de la cuestión*. Cádiz, 491–515.
- Sáez Romero, A.M. 2010: Tradizione fenicia versus romanizzazione. Le anfore de Gadir / Gades in época ellenistica e I suoi centri produttori. *RCRA* 41, 1–14.
- Sáez Romero, A.M. 2011: Alfarería en el extreme Occidente fenicio. Del renacer tardoarcaico a las transformaciones hellénísticas. In: B. Costa, J.H. Fernández (eds.), *Yôserim: La producción alfarera fenico-púnica en Occidente. XXV jornadas de arqueología fenico-púnica* (Eivissa 2010). Eivissa, 49–106.
- Sáez Romero, A.M., Bernal Casasola, D., Montero Fernández, A. 2014: La producción anfórica tardopúnica de Gadir (s. II–I A.C.): meros datos aportados por el alfar de c/asteroids (San Fernando, Cádiz). In: A.M. Arruda (ed.), *Fenícios e púnicos, per terra e mar 2. Actas do VI Congresso Internacional de Estudios Fenícios e Púnicos 2* (Estudios & memórias 6. Centro se arqueología da Universidade de Lisboa). Lisboa, 850–865.
- Sáez Romero, A.M., Montero, A.I., Díaz J.J., Montero J. 2002: Un taller de época tardopúnica en Gadir: el alfar de Torre Alta. *Bolskan* 19, 305–320.

- Sáez Romero, A.M., Luaces, M. 2019: Trading like a Roman? Roman amphorae imitations in the Strait of Gibraltar region during the late Republican period (3rd–1st c. B.C.). In: A. Peignard Giros (ed.), *Dayly Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture During the Hellenistic Period* (IARPotHP). *Proceedings of the 2nd Conference of LARPotHP Lyon, November 2015, 5th–8th*, 2. Wien, 131–142.
- Sáez Romero A.M., Rodriguez D. 2007: La producción de ánforas de tipo griego y grecoitalico en Gadir y el area del estrecho. Cuestiones tipologias y de contenido. *Zephyrus* 60, 195–208.
- Sáez Romero, A.M., Zamora López, J.A. 2019: Las importaciones anforicas de tradición púnica procedentes del Mediterraneo Central. In: D. Bernal-Casarola, D. Cottia (eds.), *Scambi e commmerci in area Vesiviana. I dati delle anfore dai saggi stratigrafici I.E. (impianto Elettrico) 1980–1981 nel Foro di Pompei* (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 14). Oxford, 77–95.
- Scotti, C. 1994: Anfore. In: M. Bonghi Jovino (ed.), *Ricerche a Pompei. l'insula 5 della Regio VI dale origini al 79 d.C. I (Champagne de scavo 1976–1979)*. Roma, 270–316.
- Shifman, I.Sh. 1958: K vosstanovleniyu odnoy istriyskoy nadpisi [To the restoration of one Istrian inscription]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 118–121.
- Шифман, И.Ш. 1958: К восстановлению одной истриской надписи. *ВДИ* 4, 118–121.
- Shifman, I.Sh. 1963: *Vozniknovenie Karfagenskoy derzhavy* [Rise of the Carthaginian Empire]. Moscow–Leningrad.
- Шифман, И.Ш. 1963: *Возникновение Карфагенской державы*. М.-Л.
- Siebenmorgen, H. 2004: Vorwort. In: S. Peters (Hrsg.), “*Hannibal ad portas–Macht und Reichstum Karthagos*”. *Begeleitbuch zur Sonderausstellung im Badischen Landesmuseum Karlsruhe*. Stuttgart, 10–13.
- Toniolo, L., Sáez, A.M., Tomasella, E., Bustamante, M. 2019: Catalogo delle anfore Pompei–Impianto Elettrico 1980–1981. In: D. Bernal-Casarola, D. Cottia (eds.), *Scambi e commmerci in area Vesiviana. I dati delle anfore dai saggi stratigrafici I.E. (impianto Elettrico) 1980–1981 nel Foro di Pompei* (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 14). Oxford, 229–246.
- Tsirkin, Yu.B. 1986: *Karfagen i ego kultura (Kul'tura narodov Vostoka)* [Carthage and its Culture (Culture of the peoples of East)]. Moscow.
- Циркин, Ю.Б. 1986: *Карфаген и его культура (Культура народов Востока)*. М.
- Vegas, M. 1999: Phöniko-punische Keramik aus Karthago. In: F. Rakob (Hrsg.), *Die deutschen Ausgrabungen in Karthago III* (Deutsches archäologisches Institut; Institut national du patrimoine–Tunis). Mainz, 93–219.
- Warmington, B.H. 1960: *Carthage*. London.
- Wolff, S.R. 2004: Punic Amphoras in the Eastern Mediterranean. In: J. Eiring, J. Lund (eds.), *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002* (Monographs of the Danish Institute at Athens 5). Aarhus, 451–457.

THREE PUNIAN AMPHORAE STAMPS FROM THE BOSPORUS:
EVIDENCE FOR THE CARTHAGIAN TRADE ACTIVITY IN THE NORTH
PONTIC REGION

Nikolay V. Efremov¹, Andrey B. Kolesnikov², Elena V. Bolonkina³,
Dmitriy A. Karpov⁴

¹ *Independent researcher, Stralsund, Germany*

² *Institute of Archaeology of Russian Academy of sciences, Moscow, Russia*

³ *Eastern-Crimean Historical and Archaeological Museum-Reserve, Kerch, Russia*

⁴ *Center for the Restoration and Conservation of Monuments, Saratov, Russia*

¹ *E-mail:* nikolai.jefremow@gmx.de

² *E-mail:* abkolesnikov60@mail.ru

³ *E-mail:* lenabolonkina@mail.ru

⁴ *E-mail:* dakar9@yandex.ru

Abstract. This is the publication of three stamps of Punic amphorae from the Eastern-Crimean Historical and Archaeological Museum-Reserve (Kerch), which are unique for the Northern Black Sea region. One is from the Nymphaeum (a cross in a circle), the other is from the settlement of Vyshestebliyevskaya 3 (a sunken circle, a symbol of the goddess Tanith), the third is from the pre-war collection of the Kerch Museum of Antiquities. Analogies from the Western Mediterranean allow us to date stamps to the first half of the 2nd century BC. It is suggested that Punic amphorae could have entered the region indirectly as an accompanying cargo on merchant ships from the Aegean Sea area, although periodic direct contacts, as well as the participation of Punic merchants in trade operations in the region, are not excluded.

Keywords: Carthage, Panticapaeum, Tauric Chersonesus, amphora stamps, trade, Tanith

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 54–69
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 54–69
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-54–69

РФА-ИССЛЕДОВАНИЕ КИЗИКИНОВ МИРМЕКИЙСКОГО КЛАДА 2003 Г. (СН XI, 16)

М.Г. Абрамзон¹, Т.Н. Смекалова², И.А. Сапрыкина³, С.В. Хаврин⁴

^{1, 3} Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;

¹ Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия

² Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

⁴ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

¹ E-mail: abramzon-m@mail.ru ² E-mail: tnsmek@mail.ru ³ E-mail: dolmen200@mail.ru
⁴ E-mail: sergekhavrin@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-6111-048X ² ORCID: 0000-0001-5378-5372

⁴ ORCID: 0000-0001-8388-0899

Аннотация. В статье впервые публикуются результаты РФА-исследования кизикинов Мирмекийского клада 2003 г., хранящегося в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Эти данные в комплексе с предыдущими исследованиями электровых монет подтверждают вывод об искусственном характере кизикского электрового сплава и о неуклонной, хотя и незначительной редукции доли золота в его составе с течением времени.

Ключевые слова: электровые монеты Кизика, Мирмекийский клад 2003 г. (СН XI, 16),
РФА-исследование

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; ведущий специалист Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»; Ирина Анатольевна Сапрыкина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН; Сергей Владимирович Хаврин – заместитель заведующего Отделом научно-технической экспертизы ГЭ.

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости» и его продолжения – проекта № 18-18-00193-П.

В 2003 г. во время работ Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Бутягина и Д.Е. Чистова на городище Мирмекия при расчистке «святилища Деметры» была найдена бронзовая ольпа с 99 электровыми статерами Кизика. Клад хранится в ВКИКМЗ (инв. № КН 5388–5486)¹. Уникальный гомогенный комплекс предоставляет новые возможности для РФА-исследований кизикинов в свете современных данных о составе сплава ранних электровых монет. Настоящая работа дает также повод вновь обратиться к вопросу о месте кизикинов среди ранних электровых чеканок.

1. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЭЛЕКТРОВЫХ МОНЕТ

1.1 Возникновение электровой чеканки

С середины VI в. до н.э. и вплоть до широкого распространения золотых и серебряных монет Александра Великого в 330-х гг. до н.э. кизикины (статеры и фракции) были повсеместной международной валютой в греческом мире. Кизикины легально обращались в Афинах и в подвластных афинянам городах², а в Причерноморье заменяли собственно аттическую монету³.

Изучение кизикинов тесно связано с вопросом о возникновении монеты вообще и о том, почему первые монеты в течение века с момента возникновения были именно электровыми. Только около 550 г. до н.э. Крёз начал выпуск золотых и серебряных монет, и электровая чеканка стала постепенно исчезать в большинстве полисов. Первые монеты появились между 650 и 625 гг. до н.э. в Лидии, влияние которой простипалось на всю Малую Азию, включая такие богатые и значимые города как Милет и Эфес⁴. Ко времени возникновения монетной чеканки здесь уже активно практиковались платежи с использованием слитков золота и серебра⁵. Введение монеты было большим достижением в сфере торгово-финансовых отношений, преимущества которого очень быстро осознали все участники обменных операций⁶. Для государства долговременная выгода от введения монеты заключалась в обеспечении стабильной отдачи в виде налогов. Именно это было главным стимулом для выпускающих монету властей⁷. Изображения на лицевой стороне первых монет связаны не с высшей властью, а, скорее, с изменениями на уровне более низкого звена, например, магистратов; они также могут представлять символы целого ряда частных лиц, например, банкиров или купцов⁸.

Электровые монеты известны в очень широкой вариации номиналов – от статера до 1/192 статера, который весил 0,1 г, но даже такая мелкая фракция, как, например, 1/96 статера имела настолько существенную стоимость, что она могла быть недельной платой работника в Афинах. Высокая ценность крупных номиналов исключала их повседневное применение, например, для покупки еды. Хотя

¹ Butyagin, Chistov 2006; Abramzon, Frolova 2007; CH XI, 16.

² Mielczarek 2020, 674.

³ Шелов 1949, 96; Карышковский 1960, 96.

⁴ Alfen, Wartenberg 2020b, 2–3.

⁵ Gitler, Tal 2020, 37.

⁶ Bresson 2020, 489.

⁷ Bresson 2020, 490.

⁸ Kroll 2020; Alfen 2020.

вес монет всех номиналов был строго выдержан⁹, состав сплава ранних электровых монет мог сильно изменяться от серии к серии¹⁰. Известны также плакированные подделки электровых монет, что говорит об их активной циркуляции¹¹.

До изобретения монеты в Лидии и других государствах западной Малой Азии золото имело главное значение при торговом обмене, в то время как серебро играло лишь вспомогательную роль. В электровых монетах серебро составляло малую долю общей «металлической» стоимости монеты. Так, во «внутреннюю» ценность электровой монеты, сплав которой содержал, например, 55% золота и 45% серебра, с учетом относительной стоимости этих металлов как 1:11.7, серебро давало только незначительный вклад – около 6.5%¹².

1.2. Выбор электра для чеканки первых монет

Почти двадцать лет назад были выдвинуты два связанных между собой предположения о том, почему первые монеты были именно электровыми: во-первых, что лидийцы имели доступ к неиссякаемому источнику природного «белого золота», который несли реки Пактол и Герм и, во-вторых, что они еще не владели технологией отделения золота от серебра, которая появилась позже – лишь в VI в. до н.э.¹³. Однако современные исследования почти полностью разрушают прежние гипотезы. Как показали анализы, проведенные еще в прошлом веке, природное аллювиальное золото реки Пактол достаточно высокопробно и, как правило, имеет состав 74–86% золота и 17–24% серебра¹⁴. Об этом говорят и древние источники (Plin. NE. XXXIII. 80), свидетельствующие, что состав природного «белого золота» определяется соотношением золота к серебру как 5:1 или 3:1.

В то же время, РГА-исследования ранних электровых монет показывают, что содержание золота в них гораздо меньше: в среднем, около 45–50% золота, а серебра – 41–47%¹⁵. Это свидетельствует о том, что природный электр намеренно «разбавляли» серебром. Более того, недавние исследования аллювиального золота, полученные из четырех независимых источников в непосредственной близости от Сард, дают совершенно неожиданную картину: природный металл оказывается почти чистым золотом, не содержащим заметных примесей серебра, а вовсе не «белым золотом»¹⁶. Кроме этого, лидийцы, по-видимому, все же знали технологию отделения золота от серебра задолго до выпуска первых монет¹⁷. При этом возможно применялся так называемый метод цементации, который в общих чертах описан у более поздних авторов – Агафаркида (конец II в. до н.э.), в передаче Диодора (Diod. 3. 1–4) и Страбона (Strabo. 3. 2. 8).

Всё это породило новую теорию: несмотря на то, что в Лидии был доступ к большим запасам природного электра, а также имелись ресурсы и технологии для чеканки монет либо из золота, либо из серебра, для выпуска монет был выбран

⁹ Vielde 2020, 498, 512.

¹⁰ Blet-Lemarquand, Duyrat 2020; Gitler et al. 2020, 408.

¹¹ Velge 2020, 510; Zakharov 2013.

¹² Bresson 2020, 486.

¹³ Ramage, Craddock 2000.

¹⁴ Hanfmann, Waldbau 1970, 27.

¹⁵ Paszthory 1980.

¹⁶ Cahill et al. 2020, 312–314.

¹⁷ Kleber 2020, 21–22.

другой путь. Монеты чеканились из искусственно созданного сплава, имитирующего природный электр. Вводя принудительный курс монет из электрового сплава, намного превышающего товарную стоимость золота и серебра в нем заключенного, государство просто свело на нет проблему возможного непостоянства их состава¹⁸. Такой завышенный курс монет, безусловно, требовал определенных усилий для его введения, что могла обеспечить только государственная власть¹⁹. Как отметил Ж. Ле Райдер, именно введение электровой чеканки, знаменовавшей переход к официально регулируемой валюте, потребовало от государства наиболее существенного вмешательства²⁰. То, что уже первые электровые монеты были монетами условной стоимости, подтверждается неоспоримым фактом их очень редкого нахождения за пределами Лидийского царства. Зона циркуляции электровых монет представляет собой первую закрытую валютную систему в античном мире²¹.

Дальнейшие доказательства теории об искусственном монетном электре строятся А. Брессоном на интерпретации последних строк надписи на табличке из раскопок храма Артемиды в Эфесе, в которой упоминается использование 40,6 мин золота и 30,5 мин серебра²². А. Брессон предположил, что здесь фактически зашифрован рецепт изготовления сплава для электровых монет. Действительно, простой подсчет этой пропорции при условии добавления небольшого количества меди дает почти точное соответствие составу ранних электровых монет: 56% золота, 42% серебра и 1–2% меди. Таким образом, по мнению А. Брессона, надпись из Артемисиона может свидетельствовать о том, что значительные запасы золота и серебра в определенных пропорциях были зарезервированы для выпуска электровых монет.

А. Брессон также высказал мысль о том, что именно электровый монометаллизм в начальной чеканке позволил избежать подрыва монетной системы при самом ее зарождении. Таким образом решалась извечная проблема биметаллизма в чеканке монет, когда необходимо учитывать колебания в обменном курсе золота и серебра. Действительно, электровые монеты с точно фиксированным, «замороженным», ratio этих двух драгоценных металлов при любых колебаниях рыночной стоимости золота и серебра никогда не изменяли своей внутренней ценности.

В искусственном электре соотношение между количеством золота и серебра было законодательно закреплено с большой точностью. Это подтверждается в наиболее раннем письменном свидетельстве об использовании искусственного электра – договоре между Митиленой и Фокеей, датируемом последними годами V – началом IV в. до н.э. (IG XII. 2. 1)²³. Документом устанавливается специальная должность чиновника, который должен был следить за рецептурой сплава и нести ответственность за точность ее исполнения. Документ также гласит, что любой виновный в ухудшении качества сплава относительно установленного должен будет подвергнуться смертной казни. Искусственно вводя фиксированное со-

¹⁸ Bresson 2020, 487.

¹⁹ Alfen 2020, 547.

²⁰ Le Rider 2001, 81–83.

²¹ Bresson 2020, 492.

²² Bresson 2020, 487, 491.

²³ Healy 1974, 22–23.

отношение золота и серебра внутри монет, выпускающие власти тем самым могли быть уверены в их долгосрочном стабильном курсе вне зависимости от колебаний стоимости золота и серебра на рынке²⁴.

Само использование имитирующего природный электрум сплава служило своеобразной защитой для попыток расплавить монеты, чтобы выделить из него золото и серебро. Действительно, экстракция золота из этого минерала была достаточно сложным процессом, при котором, к тому же были неизбежны потери металла. Следовательно, это само по себе было сильным сдерживающим фактором для стремления к спекуляциям, основанным на разнице стоимости золота и серебра, которые вели бы к расплавлению либо серебряных, либо золотых монет, и могли бы с самого начала подорвать само явление монетной чеканки²⁵.

Для предотвращения хаоса в транзакциях было гарантировано обратное принятие электровых монет в налоговых и иных государственных платежах по их условному курсу. Таким образом государство установило их завышенную номинальную стоимость, в то же время имея достаточно большую выгоду от чеканки. С экономической точки зрения введение чеканки монет не давало немедленного бонуса, но со временем должна была приносить выгоду при расчетах. Ж. Ле Райдер подсчитал, что доход государства от введения электровой чеканки из-за их предполагаемой искусственно завышенной стоимости мог быть до 20%²⁶.

В связи с условной стоимостью ранних электровых монет, они должны были иметь закрытую территорию циркуляции, ограниченную зоной влияния Лидии. Только на контролируемой территории государство гарантировало объявленную завышенную стоимость этих монет²⁷.

Таким образом, наиболее важным выводом, сделанным на основе современных исследований электровых монет, является то, что с самого начала выпуска они чеканились из искусственного сплава и были фидуциарными деньгами, кредитными знаками стоимости.

1.3. Предназначение кизикинов

М. Прайс считал, что ранние электровые монеты Кизика, Митилены, Фокеи служили для каких-то специальных расчетов в отличие от превалирующих более универсальных и широко циркулирующих серебряных монет²⁸. Современные исследователи единодушно называют целью выпуска статеров Кизика их особую торговую миссию – для широкомасштабных международных транзакций, отличную от ежедневных или еженедельных платежей²⁹. Ответ на вопрос о целях чеканки Кизика скорее всего кроется в локализации находок кизикинов, большинство которых концентрируется в Причерноморье. Здесь найдены многочисленные клады и отдельные монеты. Учитывая, что черноморский район был житницей эгейских городов, использование кизикинов уже давно связывали с хлебной торговлей, и эту точку зрения разделяют многие исследователи кизикинов³⁰. Не от-

²⁴ Alfen, Wartenberg 2020b, 9.

²⁵ Bresson 2020, 487, 492.

²⁶ Le Rider 2001, 95.

²⁷ Wallace 1987; Le Rider 2001.

²⁸ Price 1983.

²⁹ Mielczarek 2020; Callataj 2020, 649.

³⁰ Mildenberg 1993–1994, 3; Mielczarek 2020; Булатович, Редина 2021.

рица этого положения, Ф. де Каллатай отдает предпочтение еще одному объяснению чеканки Кизика – для военных платежей, поскольку только этот аспект, по его мнению, должным образом освещается в пассажах Ксенофона (*Anab.* V. 6. 23; VII. 3. 10)³¹.

В Северном Причерноморье находки кизикинов концентрируются в двух регионах, образуя две различные экономические зоны. Первая, более «древняя», простирается от устья Дуная до устья Днепра, то есть между Истрией и Ольвией, включая Никоний. Здесь в большем количестве были найдены кизикины ранних групп. Вторая, более поздняя, зона находилась на Боспоре. Кизикины двух последних, по классификации Г. фон Фритце, групп найдены именно там, и, в меньшей степени, на Кубани. Полученную картину можно интерпретировать хронологическим сдвигом фокуса хлебной торговли с северо-западно-понтийского региона (V в. до н.э.) в боспорский регион (IV в. до н.э.), включая его азиатскую часть, где производство зерна в IV в. до н.э. достигло своего наивысшего расцвета. Отсутствие находок кизикинов в районе Херсонеса и всего Западного Крыма объясняется отличными от Ольвии и Боспора политическими и экономическими отношениями в этой части Северного Причерноморья. Кроме того, находки кизикинов именно в ионийских черноморских колониях можно трактовать долговременной традицией использования электровых монет в Малой Азии, откуда и выводились колонии в Северо-Западное Причерноморье и на Боспор³².

1.4. Новейшие исследования состава сплава кизикинов

Большое значение для понимания причины применения именно электра в чеканке ранних монет имеют широкомасштабные анализы их сплава с помощью новейших физико-химических методов, проводившиеся в последние годы в целом ряде музеев и центров. Так, например, в Национальном центре исследовательских технологий (Орлеан) был определен элементный состав 97 электровых монет с использованием масс-спектрометрии с лазерной аблацией и индуктивно-связанной плазмой (LA-ICP-MS) и рентгено-флуоресцентной спектрометрии³³.

В ходе новейших анализов оказалось, что сплав электровых монет содержит в заметных количествах медь, которая добавлялась, очевидно, как из соображений удешевления их производства, улучшения металлургических качеств монет (увеличения твёрдости сплава), так и увеличения золотистости оттенка монетных кружков. Известна диаграмма цветов золото-серебряно-медных сплавов³⁴, из которой видно, что добавление меди к золоту позволяло удерживать красновато-желтый («золотистый») цвет сплава, характерный для высокопробного золота, даже при достаточно сильном его разбавлении серебром.

В Музее Израиля (Иерусалим) методом РФА изучались 209 электровых монет (из них 93 кизикина)³⁵. Исследования выявили в сплаве очень сильную отрицательную корреляцию (-0.964) между золотом и серебром. Это означает, что если известно содержание одного из этих металлов в сплаве, то можно предсказать содержание и другого. Например, уменьшение доли золота в сплаве влечет за собой

³¹ Callataÿ 2020, 649.

³² Mielczarek 2020, 672–673.

³³ Blet-Lemarquand, Duyrant 2020.

³⁴ Kleber 2020, 20.

³⁵ Gitler et al. 2020.

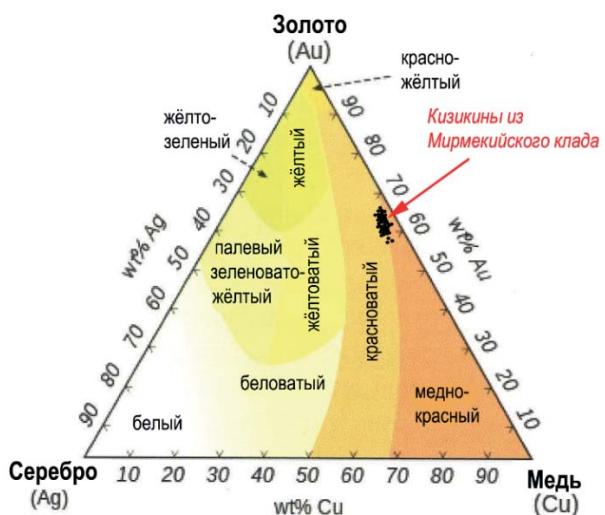

Рис. 1. Тройная цветовая диаграмма Au–Ag–Cu (по: Kleber 2020, 20) с отмеченным областю точек состава сплава кизикинов Мирмекийского клада.

Fig. 1. Trinity Au–Ag–Cu color diagram (after: Kleber 2020, 20) showing a cloud of dots for the composition of alloy of Cyzicenes of the Myrmecium 2003 Hoard.

пропорциональное увеличение доли серебра. Соотношения между медью и золотом, а также медью и серебром менее однозначны. Коэффициент корреляции между медью и золотом -0.46 , что говорит о том, что, если концентрация золота в сплаве увеличивается, пропорция меди несколько уменьшается³⁶. Увеличение доли меди в сплаве очевидно связано со стремлением придать сплаву темный оттенок, поскольку более темный цвет сплава в представлении современников свидетельствовал о более высоком содержании в нем золота. Также израильские исследователи установили, что для пяти типов кизикинов (Fritze 1912, № 11, 123, 158, 161, 209) наблюдается полное соответствие состава сплава однотипных монет разных номиналов³⁷. Состав же сплава кизикинов типов 85, 88, 103, 105, 113, 121, 128, 154, 155, 208 (по Г. фон Фритце) демонстрирует непостоянство как между различными типами, так и между однотипными номиналами³⁸. Проведенный нами дальнейший анализ данных, полученных израильскими исследователями, демонстрируют слабое, но неуклонное снижение концентрации золота от ранних к поздним монетам (см. табл. 1), и это утверждение справедливо как для главного номинала – статера, так и для его производных. Данное явление было нами ранее подмечено для кизикинов из коллекции ГЭ, а также по данным всех исследований до 2000 г.³⁹

³⁶ Gitler et al. 2020, 408.

³⁷ Gitler et al. 2020, 393–394

³⁸ Gitler et al. 2020, 393–394

³⁹ Смекалова, Дюков 2001, 30–41.

Таблица 1. Средние значение состава сплава кизикинов из Музея Израиля по хронологическим группам, высчитанное по: Gitler et al. 2020.

Период по Fritze 1912	Кол-во экз.	Среднее процентное содержание компонентов		
		Au	Ag	Cu
I (600–500)	6	60.96	35.03	2.82
II (500–460)	51	59.95	35.72	3.09
III (460–400)	21	57.26	37.68	3.99
IV (400–330)	10	57.88	36.76	4.40
Среднее значение по всем периодам		59.01	36.30	3.58

В 2016 г. в ГИМ методом РФА исследовался сплав 17 электровых монет Кизика, Фокеи и Митилены. Результаты исследования показали, что монеты Кизика содержат 59–64% золота, 29–36% серебра, 0,65–8,73% меди, а также микропримеси (висмут, свинец, платина и др.), характерные для сплавов золота и серебра. Монеты Фокеи и Митилены содержат 38–53% золота, 42–52% серебра, 6,2–10,67% меди. Значительное содержание в монетах меди указывает на искусственный характер сплава монет, так как в природном золоте или электротруме этот металл практически отсутствует. Проведённые исследования подтверждают вывод о том, что на всём протяжении чеканки электровые монеты Кизика, Фокеи и Митилены чеканились из искусственного сплава, состав которого, по-видимому, регламентировался государством⁴⁰.

В 2017 г. эти же монеты (53 из 54) и ещё 5 других кизикинов (в том числе и плакированный экземпляр с серебряным ядром) были проанализированы с использованием портативного рентгено-флуоресцентного анализатора Delta-X. Новые результаты показали достаточно близкие значения состава сплава, но чуть в более узком интервале: 55,6–66,8% золота, 28,2–39,0% серебра, 1,5–6,5% меди⁴¹. Состав плакированного экземпляра отличается от общей картины. Он включает 43,7–46% золота, 44,3–47,8% серебра и 9,7–12,5% меди. Примечательно, что имеющиеся в эрмитажном собрании электровые монеты Кизика VI—V вв. до н. э. с надчеканками, полученными, по-видимому, в процессе обращения на ближневосточном рынке, содержат более 60% золота⁴².

В Софийском университете в 2020 г. проводились исследования 83 электровых монет Кизика, Эрифр, Митилены, Фокеи и неизвестных дворов Малой Азии. Однако в публикации РФА-данные по составу сплава монет даны только с шифрами исследовательской лаборатории, без указания на конкретные экземпляры, поэтому, к сожалению, невозможно сделать более подробный анализ полученных результатов⁴³.

⁴⁰ Захаров 2016; 2019.

⁴¹ Захаров, Кувшинова, Хаврин 2017, 3.

⁴² Захаров, Кувшинова, Хаврин 2017.

⁴³ Zlateva, Doychinova, Prokopov 2021, 860.

2. РФА-ИССЛЕДОВАНИЯ КИЗИКИНОВ МИРМЕКИЙСКОГО КЛАДА

Первые исследования состава сплава статеров клада 2003 г., проводились в ходе подготовки выставки «Мирмекийский клад» в 2006 г. С.В. Хавриным в Отделе научно-технической экспертизы ГЭ методом РФА с помощью спектрометра ArtTAX (Brüker). РФА был проведён для всех статеров Мирмекийского клада. Среднее содержание золота в монетах составляет 53.3–65.5%, серебра – 34.0–41.2%, меди – 1.2–6.0%. Дополнительные примеси не выявлены. Эти данные хорошо соотносятся с результатами проведённых ранее исследований кизикинов из собрания ГЭ⁴⁴.

На тройной цветовой диаграмме Au–Ag–Cu (рис. 1) усреднённые значения состава сплава кизикинов Мирмекийского клада компактно располагаются в зоне красновато-золотистого цвета, практически полностью соответствующего цвету чистого золота.

В дополнение к монетам Мирмекийского клада исследовался состав сплава кизикина⁴⁵ из фондов ВКИКМЗ, найденного в Нимфее и также экспонировавшегося на выставке «Мирмекийский клад»⁴⁶ (рис. 2). Статер принадлежит к IV периоду чеканки, однако содержание золота в нем достаточно высоко: 61.4–65.5% золота, 31.7–35.2% серебра, 2.7–3.4% меди.

Повторно измерения состава сплава кизикинов проводились И.А. Сапрыкиной в фондах ВКИКМЗ в 2021 г. неразрушающим методом безэталонного РФА с использованием портативного спектрометра 5i Tracer (Brüker) с предустановленной калибровкой для сплавов цветных и драгоценных металлов Р⁴⁷. Усредненные результаты исследований 2006 и 2021 гг. представлены в Приложении. По данным РФА построена диаграмма состава сплава (рис. 2).

Для каждого из четырёх хронологических периодов высчитаны средние значения содержания золота, серебра и меди (табл. 2). В связи с минимальным количеством исследованных монет первого и четвертого периодов (всего по два экземпляра), выявленное ранее снижение количества золота от ранних к более поздним группам здесь почти незаметно.

Таблица 2. Средние значения состава сплава кизикинов Мирмекийского клада 2003 г. по хронологическим группам (по Fritze 1912).

Период по Fritze 1912	Кол-во зкз.	Среднее процентное содержание компонентов		
		Au %	Ag %	Cu %
I (600–500)	2	60.26	36.03	3.33
II (500–460)	52	59.54	36.49	3.61
III (460–400)	43	59.04	36.99	3.56
IV (400–330)	2	59.53	37.66	2.79
Среднее по всем периодам		59.59	36.79	3.32

⁴⁴ Смекалова, Дюков 2001, 28–29, 166–175.

⁴⁵ Fritze 1912, Nr. 183, Taf. V, 31.

⁴⁶ Абрамзон, Иванина 2010, 83, № 103; 147, Табл. III.

⁴⁷ Исследование состава металла выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного использования научным оборудованием (5i Tracer) для археометрических исследований при ИА РАН.

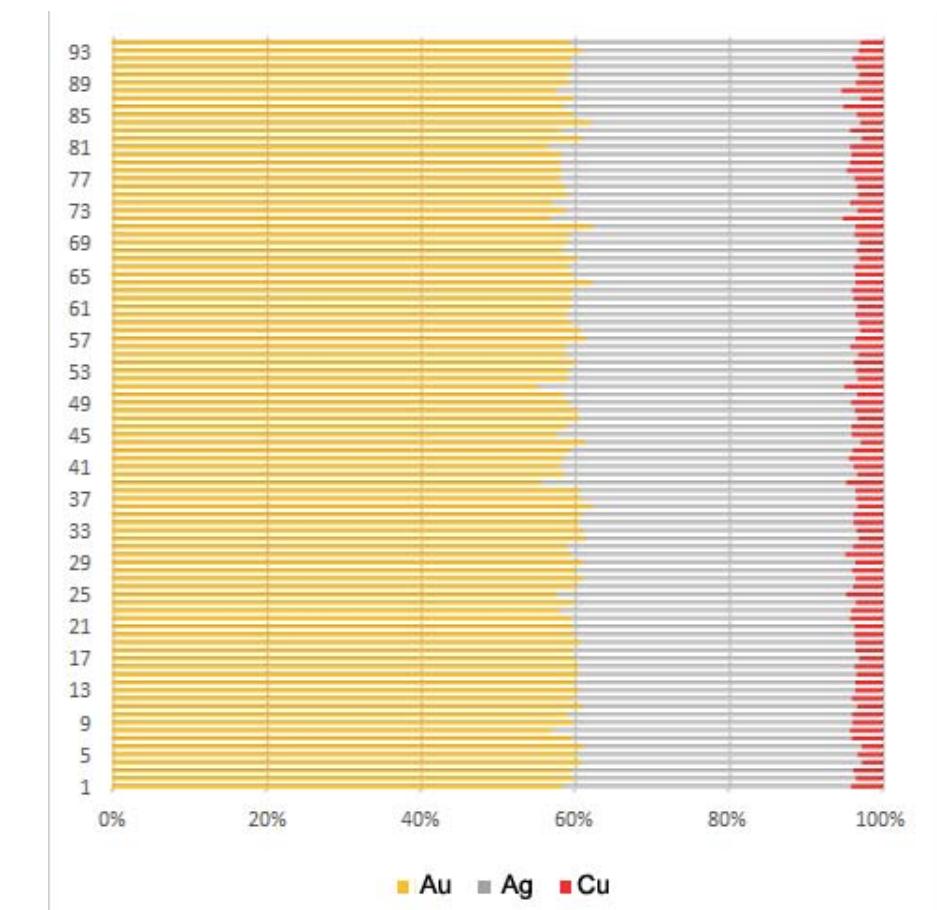

Рис. 2. Диаграмма содержания золота, серебра и меди в сплаве кизикинов Мирмекийского клада 2003 г.

Fig. 2. Diagram of gold, silver and copper content in the alloy of Cyzicenes from the Myrmecium 2003 Hoard.

Метод РФА-анализа позволяет выявлять микропримеси в природном минерале или в искусственном сплаве Au–Ag–Cu⁴⁸. С помощью этого метода определяется также наличие в природном электре таких «коренных» его микропримесей как теллурий, висмут, палладий, железо, мышьяк⁴⁹. В нашем исследовании с помощью прибора 5i Tracer удалось зафиксировать в части выборки только наличие микропримеси олова и цинка, относящихся скорее к «коренным» микропримесям серебра⁵⁰. Во всех анализах отсутствует свинец, но в большом количестве присутствует медь (до 5%), что подтверждается приборами ArtTAX и 5i Tracer, тогда

⁴⁸ Gitler et al. 2020, 382–384, Tab. 1–4; Fischer-Bossert 2020, Tab. 1, etc.

⁴⁹ Keyser, Clark 2001, 105–106.

⁵⁰ Butcher, Ponting 2011, 72; Rodriges et al. 2011, 985–987. Необходимо отметить, что в некоторых исследованиях присутствие олова в следовых значениях объясняется как возможное для природного

как в природном сплаве содержание меди не превышает 0.3%; превышение этого значения указывает на легирование сплава медью⁵¹. Также отмечено, что природный электр редко содержит серебро выше 30%; в основном содержание серебра гораздо ниже этого порога⁵².

Соответственно, более высокое содержание серебра вкупе с высоким содержанием меди, отсутствие важных элементов, маркирующих природный характер сплава (например, железо), и одновременно присутствие олова и цинка свидетельствуют в пользу использования для чеканки кизикинов искусственного сплава тройной системы Au–Ag–Cu. Отсутствие ряда микропримесей указывает на использование рафинированного золота и/или серебра. Нельзя совершенно исключить то, что для чеканки кизикинов мог быть использован предварительно очищенный природный электр, в который дополнительно добавлялись медь и серебро (повторимся, что косвенно на это указывает пара олово/цинк). Нам представляется, что именно дополнительным введением в природное «белое золото» серебра и меди объясняется довольно стабильное содержание золота и серебра в сплаве кизикинов на протяжении длительного времени их чеканки.

В целом, эти данные хорошо коррелируют с результатами анализа ранних ионийских и лидийских монет, в сплав которых вводились серебро и медь на протяжении VI–IV вв. до н.э⁵³. Так, например, в лидийской царской чеканке использовался электровый сплав, содержащий 55% золота, 43–33% серебра и 1–2% меди⁵⁴. Со временем количество золота в лидийских монетах уменьшается параллельно с пропорциональным увеличением доли серебра и меди. Электр Кизика так же не избежал данной участи⁵⁵.

По наблюдению В. Гринвэлла, электр кизикинов имеет более глубокий цвет, чем у ранних электровых монет Милета, Эфеса (ранние эфесские монеты по цвету вообще не отличаются от серебряных), Самоса и других малоазийских центров, и в то же время он далек от цвета чистого золота⁵⁶. В настоящее время знание параметров тройного сплава (Au–Ag–Cu) кизикинов позволяет говорить о том, что его более темный золотистый оттенок обусловлен содержанием меди около 3.3% (см. рис. 1). В. Гринвэлл полагал, что для чеканки кизикинов применялся искусственный сплав золота с серебром, а природный электр использовался для чеканки лишь ранних монет и был позднее уже весь переработан⁵⁷. То, что кизикины считались чеканенными из природного электра, представляет только хороший «маркетинговый» ход, выгодно отличавший их от серебряных и золотых монет, стоявших «дешевле» редкого минерала⁵⁸.

минерала из-за соседства самородного электра с касситеритом (Keyser, Clark 2001, 106). См. также: Konuk 2005, tab. 2–3.

⁵¹ Keyser, Clark 2001, 106.

⁵² Keyser, Clark 2001, 107, tab. 7.1.

⁵³ Keyser, Clark 2001, 112.

⁵⁴ Fischer-Bossert 2018, 16.

⁵⁵ Fischer-Bossert 2018, 19.

⁵⁶ Greenwell 1887, 14.

⁵⁷ Greenwell 1887, 15–16

⁵⁸ Greenwell 1887, 17–18.

Приложение

Элементный состав сплава кизикинов Мирмекийского клада 2003 г. (данные
РФА масс. %).

№ п/п	№ инв. ВКИКМЗ	Тип по: Fritze 1912 (Hurter/ Liewald 2002; 2004)	Дата	Au	Ag	Cu
1	KH 5396	64	550–500	60.61	35.75	2.83
2	KH 5427	H/L 2002 26	510–490	59.93	36.21	3.83
3	KH 5451	56	500–460	60.94	36.15	3.72
4	KH 5452	56	500–460	57.22	38.88	3.90
5	KH 5453	56	500–460	56.40	39.75	4.36
6	KH 5391	58	500–460	58.39	37.54	4.00
7	KH 5401	69	500–460	59.87	36.56	3.37
8	KH 5393	70	500–460	59.60	36.69	3.70
9	KH 5394	70	500–460	60.78	36.47	2.61
10	KH 5423	72	500–460	60.04	36.39	3.15
11	KH 5389	75	500–460	60.86	36.08	2.63
12	KH 5402	82	500–460	59.58	36.36	3.85
13	KH 5403	82	500–460	56.80	38.52	4.13
14	KH 5467	85	500–460	59.66	36.20	3.82
15	KH 5468	85	500–460	58.86	36.77	3.82
16	KH 5469	85	500–460	60.27	35.20	3.16
17	KH 5470	85	500–460	59.61	36.00	3.87
18	KH 5424	86	500–460	60.25	35.73	3.46
19	KH 5477	87	500–460	59.89	36.29	3.45
20	KH 5478	87	500–460	60.20	36.08	3.26
21	KH 5479	87	500–460	60.40	35.76	3.57
22	KH 5485	88	500–460	60.09	36.74	2.93
23	KH 5447	90	500–460	59.55	36.69	3.41
24	KH 5448	90	500–460	60.65	35.64	3.41
25	KH 5449	90	500–460	59.68	36.12	3.60
26	KH 5445	91	500–460	59.60	36.51	3.51
27	KH 5446	91	500–460	59.85	36.40	4.1
28	KH 5399	92	500–460	57.95	37.74	3.95
29	KH 5400	92	500–460	59.65	36.54	3.37
30	KH 5484	95	500–460	57.36	37.31	4.60
31	KH 5483	97	500–460	59.88	35.69	3.71
32	KH 5461	99	500–460	60.82	35.41	3.40
33	KH 5462	99	500–460	59.82	35.81	3.83
34	KH 5444	100	500–460	60.73	35.37	3.44
35	KH 5395	103	500–460	59.28	35.59	4.68
36	KH 5405	105	500–460	58.92	36.96	3.74
37	KH 5406	105	500–460	61.34	35.46	2.99

38	KH 5407	105	500–460	60.98	35.29	3.30
39	KH 5408	105	500–460	60.43	35.63	3.66
40	KH 5428	110	500–460	60.89	35.18	3.67
41	KH 5429	110	500–460	61.89	34.49	3.13
42	KH 5430	110	500–460	60.59	35.73	3.33
43	KH 5431	110	500–460	60.56	35.66	3.46
44	KH 5412	113	500–460	55.47	39.53	4.61
45	KH 5413	113	500–460	58.52	38.08	3.17
46	KH 5397	114	500–460	58.12	38.00	3.62
47	KH 5398	114	500–460	58.37	36.97	4.26
48	KH 5414	115	500–460	59.42	36.72	3.78
49	KH 5439	121	500–460	61.16	35.68	2.76
50	KH 5415	125	500–460	57.37	38.05	3.88
51	KH 5416	125	500–460	58.78	36.68	3.92
52	KH 5443	126	500–460	60.47	36.06	3.16
53	KH 5459	127	500–460	60.42	36.21	3.54
54	KH 5460	127	500–460	58.90	36.34	3.98
55	KH 5463	117	460–400	58.39	37.98	3.19
56	KH 5404	119	460–400	55.01	39.55	4.86
57	KH 5456	130	460–400	58.98	37.63	3.13
58	KH 5457	130	460–400	59.23	37.26	3.32
59	KH 5458	130	460–400	60.10	36.17	3.66
60	KH 5480	132	460–400	59.10	37.98	3.07
61	KH 5481	132	460–400	58.67	36.84	4.09
62	KH 5482	132	460–400	61.23	34.89	3.43
63	KH 5417	136	460–400	60.37	36.05	2.81
64	KH 5418	136	460–400	59.37	37.10	3.01
65	KH 5419	136	460–400	58.92	37.42	3.45
66	KH 5420	136	460–400	59.34	37.07	3.19
67	KH 5421	136	460–400	59.25	36.51	3.66
68	KH 5473	137	460–400	59.37	36.15	3.87
69	KH 5440	138	460–400	61.80	33.99	3.43
70	KH 5441	138	460–400	59.37	36.38	3.42
71	KH 5486	146	460–400	58.72	36.65	3.57
72	KH 5471	148	460–400	60.22	36.73	2.91
73	KH 5464	157	460–400	58.31	38.08	3.30
74	KH 5465	157	460–400	58.77	37.86	2.90
75	KH 5466	157	460–400	59.42	36.86	3.58
76	KH 5442	158	460–400	62.03	33.98	3.42
77	KH 5409	163	460–400	56.97	37.98	5.10
78	KH 5410	163	460–400	58.57	37.54	3.18
79	KH 5411	163	460–400	56.96	38.52	4.10
80	KH 5432	167	460–400	59.10	37.60	3.10
81	KH 5433	167	460–400	58.52	37.71	3.27
82	KH 5434	167	460–400	57.82	38.08	3.53

83	KH 5435	167	460–400	58.19	36.88	4.54
84	KH 5436	167	460–400	58.13	37.6	4.08
85	KH 5437	167	460–400	58.15	37.52	3.92
86	KH 5438	167	460–400	56.31	38.94	4.1
87	KH 5392	169	460–400	60.73	36.14	2.60
88	KH 5425	171	460–400	58.39	37.55	4.10
89	KH 5426	172	460–400	62.06	35.10	2.79
90	KH 5422	173	460–400	59.75	36.70	3.26
91	KH 5474	174	460–400	58.33	36.14	4.98
92	KH 5475	174	460–400	59.68	37.22	2.75
93	KH 5476	174	460–400	57.59	36.73	5.24
94	KH 5472	176	460–400	59.33	37.11	3.35
95	KH 5454	178	460–400	59.22	37.72	2.91
96	KH 5455	178	460–400	59.58	36.86	3.34
97	KH 5390	H/L 2002 27a	420–400	59.41	36.47	3.80
98	KH 5388	152	После 410	60.70	35.91	3.03
99	KH 5450	H/L 2004 2	400–380	59.53	37.66	2.79

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon, M., Frolova, N. 2007: Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes. *RN* 163, 15–44.
- Alfen, P. van 2020: The Role of “The State” in Early Electrum Coinage. In: *White Gold*, 547–568.
- Alfen, P. van, Wartenberg, U. (eds.) 2020a: *White Gold. Studies in Early Electrum Coinage*. New York–Jerusalem.
- Alfen, P. van, Wartenberg, U. 2020b: Introduction. In: *White Gold*. 1–16.
- Blet-Lemarquand, M., Duyrat, F. 2020: Elemental Analysis of the Lydo-Milesian Electrum Coins of the Biblioteque Nationale de France Using LA-ICPMS. In: *White Gold*, 337–378.
- Bresson, A. 2020: The Choice of Electrum Monometallism: When and Why. In: *White Gold*, 477–496.
- Butcher, K., Ponting, M. 2011: The Denarius in the First Century. In: N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth Numismatic International Congress, Glasgow 2009*. Glasgow, 557–568.
- Butyagin, A., Chistov, D. 2006: The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion. *ACSS* 12, 77–131.
- Cahill, N., Hari, J., Onay, B., Dokumaci, E. 2020: Depletion Gilding of Lydian Electrum Coins and the Sources of Lydian Gold. In: *White Gold*, 291–336.
- Callataÿ, F. de 2020: Prolegomena to a Die Study of the Electrum Coinage of Cyzicus. In: *White Gold*, 641–664.
- Fischer-Bossert, W. 2018: Electrum Coinage of the Seventh Century BC. In: O. Tekin (ed.), *Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World, 5–8 Jan. 2017 Antalya. Proceedings*. Istanbul, 15–23.
- Fischer-Bossert, W. 2020: Phanes: A Die Study. In: *White Gold*, 423–476.
- Fritze, H. von 1912: *Die Elektronprägung von Kyzikos*. (Nomisma VII). Berlin.
- Gitler, H., Goren, Y., Konuk, K., Tal, O., Alfen, P. van, Weisburd, D. 2020: XRF Analysis of Several Groups of Electrum Coins. In: *White Gold*, 379–422.
- Gitler, H., Tal, O. 2020: A View from the Near East: The Transition from Metal to Coin Economy in the Southern Levant. In: *White Gold*, 35–48.
- Greenwell, W. 1887: *The Electrum Coinage of Cyzicus*. London.
- Hanfmann, M.A., Waldbaum, J. 1970: *Excavations at Sardis*. Cambridge.

- Healy, J.F. 1974: Greek refining techniques and the composition of gold-silver alloys. *RBN* CXX, 19–33.
- Hurter, S., Liewald, H.-J. 2002: Neue Münztypen der Kyzikener Elektronprägung. *SNR* 81, 21–39.
- Hurter, S., Liewald, H.-J. 2004: Neue Nominale in der Elektronprägung von Kyzikos. *SNR* 83, 27–37.
- Karyshkovskiy, P.O. 1960: Ob obrashchenii kizikinov v Ol'vii [Circulation of the Cyzicenes in Olbia]. *Nimizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy] 2, 3–13.
- Карышковский, П.О. 1960. Об обращении кизикинов в Ольвии. *НЭ* 2, 3–13.
- Keyser, P.T., Clark, D.D. 2001: Analyzing and Interpreting the Metallurgy of the Early Electrum Coins. In: M.S. Balmuth (ed.), *Hacksilber to Coinage: New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece* (Numismatic Studies 24). New York, 105–126.
- Kleber, K. 2020: As Skillful as Croesus: Evidence for the Parting of Gold and Silver by Cementation from Second and First Millennium Mesopotamia. In: *White Gold*, 17–34.
- Konuk, K. 2005: The Electrum Coinage of Samos in the Light of a Recent Hoard. In: E. Schwertheim, E. Winter (eds.), *Neue Forschungen zu Ionien* (Asia Minor Studien 54). Bonn, 43–55.
- Kroll, J. H. 2020: Issue Identification, Dynastai, and the Plethora of Types in Early Electrum Coinage. In: *White Gold*, 537–546.
- Le Rider, G. 2001: *La naissance de la monnaie. Pratiques monétaire da l'Orient ancien*. Paris.
- Mielczarek, M. 2020: Cyzicene Electrum Coinage and the Black Sea Grain Trade. In: *White Gold*, 665–688.
- Mildenberg, L. 1993–1994: The Cyzicenes: A Reappraisal. *American Journal of Numismatics* 5–6, 1–12.
- Paszthory, E. 1980: Investigations on the early electrum coins of the Alyattes type. In: *Metallurgy and Numismatics*. Vol. I. (RNSSP 13), 151–156.
- Price, M.J. 1983: Thoughts on the Beginnings of Coinage. In: C.N.L. Brooke et al. (eds.), *Studies in Numismatic Method Presented to Philip Grierson*. Cambridge, 1–10.
- Ramage, A., Craddock, P.T. 2000: *King Croesus' Gold*. Cambridge.
- Shelov, D.B. 1949: Kizikskie statery na Bospore [Cyzicene staters in the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient Studies] 2, 93–98.
- Шелов, Д.Б. 1949: Кизикские статеры на Боспоре. *ВДИ* 2, 93–98.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira* [Coinage Alloys of the Northern Black Sea States: Bosporus, Olbia, Tyras]. Saint Petersburg.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт Петербург.
- Zakharov, E.V. 2013: Plated Cyzicene *hektē* from the Collection of the Numismatics Department of the State Historical Museum. *ACSS* 19, 1–11.
- Zakharov, E.V. 2016: Rezul'taty rentgeno-fluorescentnogo analiza elektrovykh monet iz kollektsiy Otdela numizmatiki GIM. K voprosu o prirode zolotogo splava monet Kizika, Fokei i Mitileny v VI–IV vv. do n.e. [Results of X-ray fluorescence analysis of electrum coins in the Department of Numismatics of the State Historical Museum. On the issue of the nature of the gold alloy of the coins of Cyzicus, Phocaea and Mithylene in the 6th – 4th centuries BC]. In: *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2016 goda. Moskva, 22 i 23 noyabrya 2016 g. Materialy dokladov i soobshcheniy* [The State Historical Museum Numismatic Readings 2016. Moscow, November 22 and 23, 2016. Abstracts and Papers]. Moscow, 3–5.
- Захаров, Е.В. 2016: Результаты рентгено-флуоресцентного анализа электровых монет из коллекции Отдела нумизматики ГИМ. К вопросу о природе золотого сплава monet Кизика, Фокеи и Митилены в VI–IV вв. до н. э. В сб.: *Нумизматические чтения*

Государственного Исторического музея 2016 года. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений. М., 3–5.

- Zakharov, E.V., Kuvshinova, E.A., Khavrin, S.V. 2017: Novye rezul'taty analiza splava elektrovykh monet Kizika VI—IV vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. [New data of the analysis of the alloy of Cyzicene electrum coins of the 6th – 4th centuries BC in the State Hermitage. In: *Devyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Velikiy Novgorod 18–22 aprelya 2017 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy [Nineteenth All-Russian Numismatic Conference. Velikiy Novgorod, April 18–22, 2017. Abstracts and Papers]*. Saint Peterburg, 3–5.
- Захаров, Е.В., Кувшинова, Е.А., Хаврин, С.В. 2017: Новые результаты анализа сплава электровых монет Кизика VI—IV вв. до н.э. из собрания Государственного Эрмитажа. В сб.: *Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений.* СПб., 3–5.
- Zlateva, B., Doychinova, M., Prokopov, I. 2021: XRF analyses of electrum coins of the 7th — 4th cc. BCE: coin hoard (hoards?) or several groups of coins. *МАИАСП* 13, 855–874.

XRF-ANALYSIS OF CYZICENES OF THE MYRMECIUM 2003 HOARD (CH XI, 16)

Mikhail G. Abramzon¹, Tatyana N. Smekalova², Irina A. Saprykina³,
Sergey V. Khavrin⁴

^{1, 3} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

² *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

⁴ *State Hermitage, Saint Petersburg, Russia*

¹ *E-mail:* abramzon-m@mail.ru ² *E-mail:* tnsmek@mail.ru ³ *E-mail:* dolmen200@mail.ru

⁴ *E-mail:* sergekhavrin@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00193-П

Abstract. The paper presents for the first time the results of the XRF analysis of Cyzecene staters of the Myrmecium 2003 Hoard in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. These data, in combination with previous studies of electrum coins, confirm the conclusion about the artificial nature of the Cyzicene electrum and about the steady, albeit insignificant, reduction gold content in the electrum alloy over time.

Keywords: Cyzecene electrum coins, Myrmecium 2003 Hoard (CH XI, 16), XRF analysis

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-70-76

ЗАМЕТКИ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ ОДНОЙ ГРУППЫ ПАНТИКАПЕЙСКОГО СЕРЕБРА КОНЦА III В. ДО Н.Э.

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3293-613X

Аннотация. Рассматриваются особенности сюжетов реверсов группы серебряных монет конца III в. до н.э. Автор акцентирует внимание на появлении в боспорской чеканке драхм типа «голова Аполлона / орел» и ставит вопрос о выборе резчиками такой необычной пары сюжетов. Отмечается также компилиативный характер типа орлиного головного грифона на колосе на реверсе серебряных пентоболов, который явно имитирует реверс золотых и медных пантиkapейских монет IV в. до н.э. Другой тип реверса боспорского серебра – «голова льва с копьем в пасти» – находит аналогии в чеканке фракийских и итальянских полисов. Автор считает, что рассматриваемые типы реверсов пантиkapейского серебра, несмотря на их полную самостоятельность, объединены особой внутренней логикой «аполлонийского пространства», что позволяет отнести их к единой серии.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, пантиkapейская монетная чеканка, аполлонийская символика

Особый интерес для понимания причин появления в боспорской монетной типологии III в. до н.э. ряда необычных сюжетов представляет следующая серия номиналов пантиkapейского серебра:

1. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Орел с расправленными крыльями в $\frac{3}{4}$ вправо, П–А–Н¹ (табл. I, 1, 1a). Драхма².

2. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Протома орлиного головного грифона влево, внизу колос влево, П–А–Н (табл. I, 2). Драхма или пентобол³.

Данные об авторе: Андрей Евгеньевич Терещенко – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ Фотографии боспорских монет взяты из интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» (<https://bosporan-kingdom.com>).

² Зограф 1951, табл. XLI, 16; Шелов 1956, табл. VII, 80; Мельников 2018, 343, № 2; Анохин 2011, № 1065.

³ Зограф 1951, табл. XLI, 18; Шелов 1956, табл. VII, 79; Мельников 2018, 343, № 4; Анохин 2011, № 1067.

3. *Л.с.* Голова Аполлона в венке вправо. *О.с.* Голова льва в фас, в пасти стрела(?), ПАН (табл. I, 3, 3a). Гемидрахма (триобол)⁴.

Данная серия серебра датируется 250–200 гг. до н.э.⁵, либо последней третью III в. до н.э.⁶, либо 210–205 гг. до н.э.⁷, или 175–165 гг. до н.э.⁸ В.Л. Строкин полагает, что в нее входит также и уникальный серебряный диобол(?) типа «голова Аполлона вправо / голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо, П–А–Н»⁹ (табл. I, 4), который В.А. Анохин датировал 294–284 гг. до н.э.¹⁰, позднее – 293–283 гг.¹¹. Но В.Л. Строкин считает, что последний тип принадлежит II в. до н.э. и чеканился скорее всего параллельно с триоболами с протомой грифона на реверсе¹². Чрезвычайно велик соблазн поддержать эту версию: несмотря на полное сходство реверсного сюжета диобола и монет последней трети IV в. до н.э. (ср. табл. I, 4 и 7–9), ееavers контрастирует с пантикопейской монетной типологией этого столетия, тем более что конец III и II вв. до н.э. – это время безраздельного доминирования образа Аполлона в монетном деле Пантикопея. Кроме того, в рассматриваемой серии пантикопейского серебра происходит возврат к типологии IV в. до н.э., и, таким образом, предположение В.Л. Строкина выглядит вполне убедительно. Однако против этого выступает особенности палеографии: буква П в монетной легенде на диоболе имеет укороченную правую гасти, что присуще палеографии на пантикопейских монетах второй половины V – начала III в. до н.э. (табл. I, 5–9, 11, 12, 14, 15). На остальных экземплярах рассматриваемой группы П имеет одинаковые по длине вертикальные гасти, но более длинную верхнюю горизонтальную гасти, выходящую за рамки, образованные вертикальными (табл. I, 1–3a). Такая форма начертания П появляется на боспорских монетах только во второй половине III в. до н.э. Таким образом, тип «голова Аполлона / голова быка в $\frac{3}{4}$ » следует относить к IV в. до н.э., возможно, ко второй половине 330-х гг.¹³.

Необходимо также обратить внимание на особенности прически Аполлона на монетах рассматриваемой серии, демонстрирующие, что чеканка драхм с орлом и триоболов с головой льва проходила в два этапа. Один вариант прически передан просто длинными волнистыми волосами (табл. I, 1, 3), второй – дополнен двумя косами на затылке (табл. I, 1a, 3a). При этом пентоболы с протомой грифона известны только в одном варианте – с головой Аполлона без кос (табл. I, 2). Отсюда можно предположить, что сначала чеканились три номинала: драхмы, пентоболы и триоболы, но затем выпуск пентоболов был прекращен.

Рассматривая сюжеты на монетах данной серии, я не ставлю цели детального исследования их семантики и акцентирую внимание только на тех моментах, которым до сих пор не уделялось внимание в специальной литературе.

⁴ Зограф 1951, табл. XLI, 17; Шелов 1956, табл. VII, 82; Мельников 2018, 343, № 17; Анохин 2011, № 1066.

⁵ Зограф 1951, табл. XLI, 16–17.

⁶ Шелов 1956, 218, № 79–80, 82.

⁷ Мельников 2018, 343, № 2, 4, 17.

⁸ Анохин 2011, № 1065–1067.

⁹ Строкин 2020, 344.

¹⁰ Анохин 1986, № 123.

¹¹ Анохин 2011, 152, № 1036.

¹² Строкин 2020, 344, прим. 27.

¹³ Терещенко 2013, 121.

Таблица I

1,1а. Пантикопей. Драхма, серебро. Конец III в. до н.э. **2.** Пантикопей. Пентобол, серебро. Конец III в. до н.э. **3,3а.** Пантикопей. Трибон, серебро. Конец III в. до н.э. **4.** Пантикопей. Диобол, серебро. Ок. 335–330 гг. до н.э. **5.** Пантикопей. Гемистатер, золото. Ок. 319–310 гг. до н.э. **6.** Пантикопей. Тетрахалк, медь. Ок. 327–319 гг. до н.э. **7.** Пантикопей. Драхма, серебро. Ок. 335–330 гг. до н.э. **8.** Пантикопей. Тридрахма, серебро. Ок. 319–310 гг. до н.э. **9.** Пантикопей. Тетрахалк, медь. Ок. 303/2 г. – начало III в. до н.э. **10.** Пантикопей. Диахалк (?), медь. Конец III в. до н.э. **11.** Пантикопей. Диобол, серебро. 438/37–433/32 гг. до н.э. **12.** Пантикопей. Тетартеморий, серебро. 438/37–433/32 гг. до н.э. **13.** Пантикопей. Обол (?), медь. Вторая половина 40-х – конец 30-х гг. III в. до н.э. **14.** Пантикопей. Статер, золото. Начало 70-х годов IV в. до н.э. **15.** Пантикопей. Гемидрахма, серебро. Ок. 357–355 гг. до н.э. **16.** Херсонес. Халк, медь. Ок. 325–320 гг. до н.э. **17.** Херсонес. Халк, медь. Ок. 325–320 гг. до н.э. **18.** Гераклея Трахиния (Фракия). Обол, серебро. 370–350 гг. до н.э. **19.** Этая (Фракия). Гемидрахма, серебро. Ок. 344–280 гг. до н.э. **20.** Венусия (Апулия). Медь. 210–200 гг. до н.э. **21.** Матеола (Апулия). Медь. 210–150 гг. до н.э. **22.** Южная Италия, неизвестный монетный двор. Медь. Ок. 260 г. до н.э. **23.** Пренесте (Лациум). Медь. 275–225 гг. до н.э. **24.** Серебряные фалары из «Федуловского клада». Конец III в. до н.э. **25.** Тарент (Апулия). ¼ статера, золото. 276–272 гг. до н.э. **26.** Абидос (Троада). Драхма, серебро. 411–387 гг. до н.э. **27.** Итан (Крит). Статер, серебро. 350–320 гг. до н.э. **28.** Акрагас (Сицилия). Гемилитра, медь. 400–380 гг. до н.э. **29.** Кротон (Бритиум). Дидрахма, серебро. 425–350 гг. до н.э.

1. Драхма с типом орла. В боспорской типологии орел впервые появляется на реверсе медных оболов третьей четверти III в. до н.э. (табл. I, 13). Ни причины его появления, ни его символика в отечественных нумизматических исследованиях никогда не рассматривались; более того, возникновение этого совершенно нового реверсного типа воспринималось как естественное. Отмечу, что самое раннее изображение птицы (табл. I, 12), как и первое изображение Аполлона (табл. I, 11), появляется в монетном деле Пантикопея еще в V в. до н.э. – в чеканке Спартока I (438/437–433/432). Это тип ворона¹⁴ – одного из постоянных спутников Аполлона¹⁵. Однако неясно, почему в III в. до н.э. тип «ворон» был заменен типом «орёл», который обычно ассоциируется с Зевсом. В греческом монетном деле орел как символ Зевса обычно изображался на молниях (табл. I, 25). Тем не менее, монеты с головой Аполлона и орлом известны уже с V в. до н.э. (табл. I, 26). Кроме того, орлы сочетаются с изображениями других божеств, например, Афины на драхмах Итана (табл. I, 27) или речного мужского божества на медных монетах Акраганта (табл. I, 28). Однако известны и монеты с парой «орел / треножник» (последний является одним из самых ярких и однозначных аполлонийских символов) (табл. I, 29). Между тем объяснить выбор пары «Аполлон / орел» на пантикопейских монетах пока не представляется возможным.

2. Тип реверса пентобола «протома орлиного головного грифона, под ним колос (Triticum aestivum – мягкая пшеница¹⁶)», напротив, гораздо понятней; обращает внимание компилиативный характер данного сюжета. Образ орлиного головного грифона появляется на медных тетрахалках (табл. I, 6) конца третьей – первой половины последней четверти IV в. до н.э., но его иконография (вместе с темой хлебного колоса) несомненно заимствована с золотых гемистатеров¹⁷ (табл. I, 5), датируемых предпоследним десятилетием IV в. до н.э. При этом, несмотря на явное подражание гемистатерам, грифон на пентоболах изображается с орлиной головой, а не львиной. Не исключено, что выбор боспорских монетариев диктовался тем соображением, что львоголовый грифон мог быть изображаться только на золоте – сакральном металле.

Среди разнообразной боспорской меди конца III – начала II в. до н.э. присутствуют мелкие монеты типа «крыло / треножник, ПАН или ПАНТИ» (табл. I, 10) – дихалки¹⁸. Тип датируется ок. 235–225 гг. до н.э.¹⁹, концом III в. до н.э.²⁰, 215–210 гг. до н.э. – для экземпляров с легендой ПАНТИ²¹ и 205–195 гг. до н.э. – с легендой ПАН²², а также 100–75 гг. до н.э.²³. Я полагаю, что нет необходимости

¹⁴ Мельников 2001, 428, прим. 22.

¹⁵ Подробнее см. Терещенко 2017, 339–341.

¹⁶ Терещенко и др. 2016, 455.

¹⁷ Конечно, мотив колоса появляется на пантикопейских золотых статерах еще в начале 470-х гг. до н.э. (см. табл. I, 14), однако компоновка и характер иконографии изображения на пентоболах наиболее соответствует именно гемистатерам.

¹⁸ По мнению О.Н. Мельникова, экземпляры с надписью ПАНТИ – дихалки, с сокращенной легендой, соответственно, халки (Мельников 2018, № 136 и 140). Вес учтенных экземпляров колеблется от 0,49 до 1,56 г, диаметр – от 7 до 12 мм.

¹⁹ Анохин 2011, № 1055.

²⁰ Шелов 1956, табл. VII, 84.

²¹ Мельников 2018, № 136.

²² Мельников 2018, № 140.

²³ Зограф 1951, табл. XLIII, 19.

дифференцировать эти монеты в зависимости от формы легенды, поскольку по весу и размеру они одинаковы, а объем выпуска монет с надписью ПАНТІ по сравнению с эмиссией ПАН составляет 1:20²⁴. Типы «крыло» на медных монетах и «протома грифона» на серебряных пентоболах имеют общую семантику. Крыло ассоциируется с грифоном²⁵, а треножник – Аполлоном. Таким образом, имеются аргументы отнести пентоболы и медь с крылом к одной серии.

3. Триоболы с головой льва в фас. Вопрос интерпретации изображения остается открытым. А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов трактовали оружие в пасти льва как меч или кинжал²⁶, В.А. Анохин – копье²⁷. Казалось бы, интерпретация В.А. Анохина более правильна, поскольку типу головы льва в фас с оружием в пасти предшествовал тип реверса пантикопейских серебряных триоболов середины IV в. до н.э., презентующий фигуру льва, держащего в пасти копье, придерживая его лапой (табл. I, 15). Но в боспорской монетной типологии имеются и другие сюжеты, представляющие существование с оружием в пасти, например, грифон на пантикопейских золотых статерах (табл. I, 14), выпускавшихся с 470-х гг. до н.э. Ю.А. Виноградов и И.Ю. Шауб провели скрупулезный семантический анализ сюжетов пантикопейских статеров и пришли к выводу, что грифон держит в пасти скорее всего «священную стрелу Аполлона»²⁸. Необходимо обратить внимание на то, что стрелу держит именно львоголовый грифон, т.е. право хранить этот сакральный предмет чудовище получило потому, что обладало львиными чертами. Об этом свидетельствуют образы львов со стрелой в пасти на монетах фракийских Гераклеи Трахинии (табл. I, 18) и Этайи (табл. I, 19), датируемых 370–350 и 344–280 гг. до н.э. соответственно. Подобные сюжеты встречаются также на медных монетах Апулии и Лациума и III в. до н.э. (табл. I, 20–23).

Другая аналогия – серебряные фалары из «Федуловского клада», центром композиции которых выступает все та же львиная голова со стрелой в пасти (табл. I, 24). И.П. Берхин (Засецкая) датировала фалары концом III в. до н.э.²⁹ и предположила, что прототипом композиции на них послужил реверс пантикопейской гемидрахмы с головой льва в фас³⁰. Однако Ю.А. Виноградов пришел к выводу, что «большие фалары Федуловского клада были изготовлены на Боспоре в первой половине III в. до н.э., при этом, скорей, не в конце обозначенного периода»³¹.

Таким образом, можно констатировать, что в конце III в. до н.э. в монетной типологии Боспора по каким-то причинам вновь возникла потребность в возрождении аполлонийской символики. Рассмотренные типы пантикопейского серебра, несмотря на полную самостоятельность их реверсных композиций, объединены внутренней логикой «аполлонийского пространства». Все эти номиналы можно уверенно отнести к одной серии, в которую также входит и медь типа «крыло / треножник». Время выпуска данной серии, чеканенной из плохого серебра³²,

²⁴ См. сайт: Каталог монет Боспорского царства (bosporan-kingdom.com).

²⁵ Их явная типологическая связь была отмечена О.Н. Мельниковым (2010, 145).

²⁶ Зограф 1951, 180; Шелов 1956, 158.

²⁷ Анохин 1986, № 160; 2011, № 1066.

²⁸ Виноградов, Шауб 2005, 221.

²⁹ Берхин 1962, 39.

³⁰ Берхин 1962, 39.

³¹ Виноградов 2006, 2016.

³² Зограф 1951, 180; Шелов 1956, 158; Мельников 2010, 137.

следует отнести на тот период, когда Боспорское царство начало выходить из затяжного финансового кризиса, и я с некоторыми оговорками³³ поддерживаю датировку О.Н. Мельникова этих монет 215–205 гг. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев.
- Берхин, И.П. 1962: О месте производства серебряных фаларов из «Федуловского клада». *СГЭ ХХII*, 37–39.
- Виноградов, Ю.А. 2006: Еще раз о дате Федуловского клада. В сб.: *In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра*. СПб., 207–227.
- Виноградов, Ю.А., Шауб, И.Ю. 2005: О семантике изображений на золотых статерах Пантикопея. *Археологические вести* 12, 219–223.
- Строкин, В.Л. 2020: Нумизматика Боспора во второй половине IV в. до н.э. *ДБ* 25, 338–360.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
- Мельников, О.Н. 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона». *МАИЭТ VIII*, 410–435.
- Мельников, О.Н. 2010: К нумизматике Боспора Киммерийского этапа среднего эллинизма (ок. 215–108 гг. до н.э.). *Сугдейский сборник IV*, 137–165.
- Мельников, О.Н. 2018: Серебряный статер Гигиэонта в монетном деле и в нумизматике Боспора. *Стародавне Причорномор'я*, 339–348.
- Терещенко, А.Е. 2013: Монетное дело Пантикопея в IV в. до н. э. *ВДИ* 2, 44–52.
- Терещенко, А.Е. 2017: О новом монетном типе и пантикопейской чеканке второй половины V в. до н.э. *ПИФК* 3, 334–352.
- Терещенко, А.Е., Чухина, И.Г., Яржецкий, К. 2016: Злаки на античных монетах. *ДБ* 20, 449–466.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog [Ancient coins of the Northern Black Sea Region. A Catalogue]*. Kiev.
- Berkhin, I.P. 1962: O meste proizvodstva serebryanykh falarov iz “Fedulovskogo klada” [On the problem of the place of production of the silver phalerae from the Fedulov hoard]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage Museum]* 22, 37–39.
- Melnikov, O.N. 2001: Nimfey, skifskiy vozhd’ Sammak i “izmena Gilon” [Nymphaeum, Sammak, chief of the Scythians, and the “betrayal of Gylon”]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografi i Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Taurica]* VIII, 410–435.
- Melnikov, O.N. 2010: K numizmatike Bospora Kimmeriyskogo etapa srednego ellinizma (ok. 215–108 gg. do n. e.) [The coinage of the Cimmerian Bosporus in the Middle Hellenistic period (ca. 215–108 BC)]. *Sugdeyskiy sbornik [The Sugdea Collection]* 4, 137–165.

³³ В частности, я не поддерживаю предложение О.Н. Мельникова разбить эту серию на два независимых выпуска (Мельников 2018, 343), поскольку на начальном этапе аверсные изображения, как указывалось выше, идентичны, и лишь через некоторое время на драхмах и триоболах они претерпевают некоторые изменения.

- Melnikov, O.N. 2018: Serebryanyy stater Gigienonta v monetnom dele i v numizmatike Bospora [A silver stater of Hygianon in the Bosporan coinage and numismatics]. *Starodavnye Prichornomor'ye [The Ancient Black Sea Region]*, 339–348.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [Coinage of the Bosporus of the 6th–2nd centuries BC]. Moscow.
- Strokin, V.L. 2020: Numizmatika Bospora vo vtoroy polovine IV v. do n.e. [Bosporan numismatics in the second half of the 4th century BC]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 25, 338–360.
- Tereshchenko, A.E. 2017: O novom monetnom tipe i pantikapeyskoy chekanke vtoroy poloviny V v. do n. e. [A new Bosporan coin type and Panticapaeon coinage in the mid-6th and late 5th century BC]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies]* 3, 334–352.
- Tereshchenko, A.E. 2013: Monetnoe delo Pantikapeya v IV v. do n.e. [The coinage of Panticapaeum in the 4th century BC]. *Vestnik drevney istorii [The Journal of Ancient History]* 2, 44–52.
- Tereshchenko, A.E., Chukhina, I.G., Jarzęcki, K., 2016. Zlaki na antichnykh monetakh [Grains represented on the ancient coins]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 20, Moscow, 449–466.
- Vinogradov, Yu.A. 2006: Eshche raz o date Fedulovskogo klada [Once again on the problem of dating of the “Fedulov hoard”]. In *In situ. K 85-letiyu professora A.D. Stolyara [In situ. To the 85th anniversary of Professor A.D. Stolyar]*. Saint Petersburg, 207–227.
- Vinogradov, Yu.A., Shaub, I.Yu. 2005: O semantike izobrazheniy na zolotykh staterakh Pantikapeya [On the semantics of images on Panticapaeon gold staters]. *Arkeologicheskie vesti [Archaeological Bulletin]* 12, 219–223.
- Zograf, A. N. 1951: *Antichnye monety [Ancient Coins]* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on the archaeology of USSR], 16). Moscow–Leningrad.

NOTES ON TYPOLOGICAL PLOTS OF ONE GROUP OF PANTICAPAEAN SILVER OF THE END OF 3rd CENTURY BC

Andrey Ye. Tereshchenko

The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The paper considers the features of some plots on the reverses of a group of the late 3rd century BC Pantricapaeon silver coins. The author focuses on the appearance in the Bosporan coin typology of the drachm with Apollo's head / eagle and raises the question of the choice of such an unusual pair of types by the engravers. The compilation character of the type of reverse of silver pentobol with eagle-headed griffin, below ear, is also noted, which clearly imitates the reverse of gold and copper Panticapaeon coins of the 4th century BC. Another type of Bosporan silver, with head of lion holding spear in his mouth, finds analogies in the coinage of the Thracian and Italic cities. The author believes that the reverse types of Panticapaeon silver under consideration, despite their complete independence, are united by a special internal logic of the “Apollonian space”, which allows them to be brought together into a single series.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Panticapaeon coinage, Apollonian symbolics

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-77-83

О ВРЕМЕНИ РАЗМЕЩЕНИЯ ВОЙСК МИТРИДАТА ЕВПАТОРА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

С.Ю. Внуков

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: vnukovs@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6165-9288

Аннотация. В статье анализируется хронологическое распределение находок античных монет на поселениях Северо-Западного Крыма во II–I вв. до н.э. Установлено, что в последней четверти II в. до н.э. поступление херсонесских монет в регион прекращается, монетные находки представлены только понтийскими выпусками Митридата Евпатора. Они найдены на пяти стратегически важных памятниках. Это связывается с эвакуацией греческого населения из региона в результате конфликта со скифами во второй-третьей четвертях II в. до н.э. и появлением здесь понтийских гарнизонов. Монеты позволяют определить период дислокации в регионе этих войск – около 115/110–63 гг. до н.э. Также делается вывод об отсутствии следов реколонизации этой территории Херсонесом в период правления Митридата Евпатора.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Митридат Евпатор, монетные находки, понтийские гарнизоны

Вопрос о времени вхождения Северо-Западного Крыма в державу Митридата VI и размещения здесь понтийских войск принципиально важен для реконструкции истории региона. Сведения письменных источников об изучаемом времени и регионе единичны и малоинформативны. В них лишь упоминаются понтийские войска, размещенные в «Скифии», и крепость Евпаторион, основанная полководцем Митридата Диофантом. Ряд исследователей полагают, что это поселение Кара-Тобе¹. Помимо материалов раскопок в пользу такой локализации свидетельствуют приведенные Птолемеем координаты Евпаториона, который помещают его на северном побережье Каламитского залива². Письменные источники также косвенно свидетельствуют о присутствии войск Диофанта в Калос Лимене. На этих же двух памятниках открыты укрепления греческого образца с

Данные об авторе: Сергей Юрьевич Внуков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Раевский 1968; Молев 1995, 36; Внуков 2004.

² Зубарев 2005, 200–204

помещениями для войск³. Отсюда же происходит основная масса медных pontийских монет, найденных в Северо-Западном Крыму. Единичные находки обнаружены также на трех поселениях – Кульчук, Беляус и Южно-Донузлавское. На остальных памятниках региона pontийские монеты не найдены.

Дата размещения pontийских отрядов в Северо-Западном Крыму около 110 г. до н.э. сейчас не вызывает принципиальных разногласий исследователей, в отличие от даты их вывода. Для реконструкции событий исследователи исходят из неясных сообщений Мемнона о том, что Митридат возвратил «царям скифов отцовские владения» (Memn. XV. 30. 2–3) и Юстина об отзыве Митридатом войск «из Скифии» (Just. XXXVIII. 3. 7). Интерпретации и датировки этих событий разными исследователями сильно различаются. Не ясно, какой регион следует понимать под названием «Скифия» и о каких войсках «в Скифии» идет речь. Разброс предлагаемых датировок достигает 30 лет: от 95 г. до н.э. (канун Первой Митридатовой войны) до 63 г. до н.э. (начало правления Фарнака). Косвенно в пользу присутствия pontийских войск в «Скифии» как минимум до 74 г. до н.э. свидетельствует декрет в честь Диогена, представителя Митридата в Ольвии, сопровождавшего гражданское управление с командованием размещенным там pontийским гарнизоном⁴. Мало вероятно, что pontийские гарнизоны были выведены из Северо-Западного Крыма раньше, чем из Ольвии⁵.

Против ранней датировки вывода pontийских войск из Северо-Западного Крыма свидетельствуют и даты монет, найденных на античных поселениях региона. Монеты второй половины IV – начала II в. до н.э. здесь не очень редки. В основном это выпуски Херсонеса, реже встречаются монеты Керкинитиды. Найдки иногородних монет этого времени немногочисленны. Такое распределение отражается в материалах перечисленных выше пяти памятников (рис. 1, А).

Ситуация меняется в последней четверти II в. до н.э. Херсонесские выпуски перестают поступать на дальнюю хору. Причиной этого, видимо, является скифо-херсонесский конфликт, утрата Херсонесом дальней хоры, уход греческого населения и появление в регионе pontийских войск. Найденные монеты конца II – первой трети I в. до н.э. – почти исключительно выпуски Митридата Евпатора (рис. 1, Б). Всего в Северо-Западном Крыму на пяти поселениях найдено 22 таких монеты. С городища Кара-Тобе происходят 10 экз., Калос Лимена – 6⁶, Кульчука – 3,⁷ Беляуса – 2 и с Южно-Донузлавского городища – 1⁸ (рис. 1, Б). На Кара-Тобе найдена единственная херсонесская монета этого времени.

Примечательно, что все эти поселения размещались в стратегически важных местах. Кара-Тобе контролировало перекресток дорог из Северо-Западного Крыма в Херсонес и Неаполь Скифский, проходивших по пересыпям озер Сассык и Сакское, поселение Калос Лимен держало под контролем важный порт, последние три городища контролировали Донузлавскую пересыпь и проходившую по ней дорогу.

³ Уженцев 2006, 52–54; Внуков 2007, 67–80

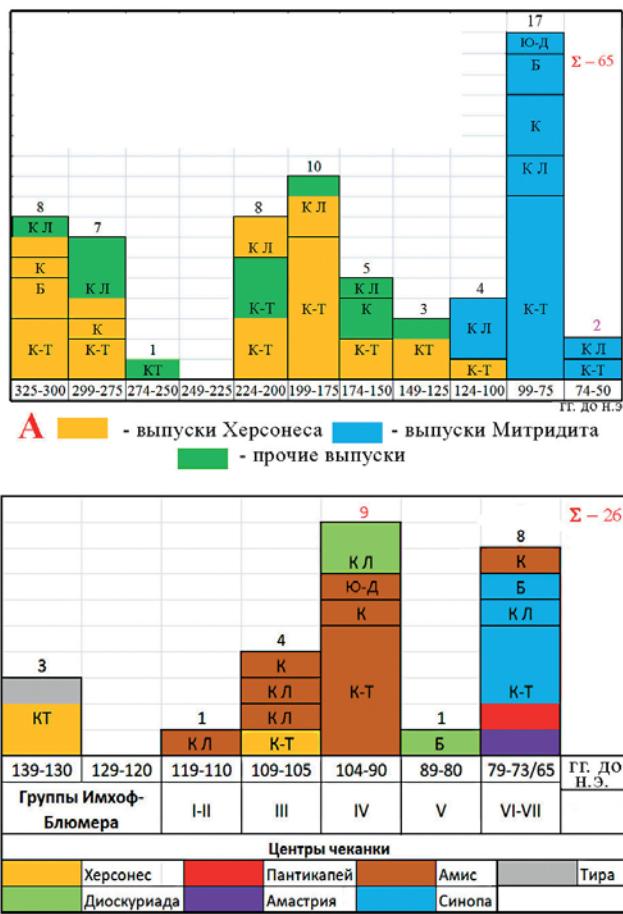
⁴ Крапивина, Диатроптов 2005, 72.

⁵ Зубарь, Марченко 2005, 286.

⁶ Уженцев, 2006, 31.

⁷ Ланцов, 2019, 82–84

⁸ Столба, Голенцов 1999, 349.

Б КЛ - Калос Лимен; К-Т - Кара-Тобе; Б - Беляус; К - Кульчук;
Ю-Д - Южно-Донузлавское

Рис. 1. А – хронологическое распределение монет; Б – хронологическое распределениеPontийских монет с памятников Северо-Западного Крыма.

Fig. 1. А – chronological distribution of coins; Б – chronological distribution of Pontic coins from the monuments of the Northwestern Crimea.

На гистограмме (рис. 1, Б) выделяются два подпериода поступления монет: ранний (группы II–IV)⁹ и поздний (группы VI–VII). Большинство монет раннего подпериода чеканены в Амисе (10 экз.). Это монеты типов «горгонейон/идущая крылатая Ника» (рис. 2, 1, 2) и «Арес/меч» (рис. 1, 4, 5). Херсонесская монета типа «Диоскуры/прора» с Кара-Тобе отчеканена в Херсонесе около 110–100 гг. до н.э. (тип 190)¹⁰. К концу ранней группы можно отнести и три монеты Диоскуриады типов «звезды, шапки Диоскуров/тирс» (2 экз.) и «голова юноши/рог изобилия, шапки Диоскуров» (104–80 гг. до н.э.).

⁹ Хронология Pontийских монет дана по: Imhoof-Blümer 1912.

¹⁰ Анохин 1977, 147, табл. XII, 190.

Рис. 2. Монеты Митридата Евпатора с памятников Северо-Западного Крыма: 1–5 – Амис; 6–8 – Синопа; 9 – Пантикопей

Fig. 2. Coins of Mithradates Eupator in the Northwestern Crimea: 1–5 – Amisus; 6–8 – Sinope; 9 – Panticapeum

Поздний чекан Митридата представлен в основном двумя типами. Большинство находок принадлежит последнему типу, чеканенному в Малой Азии – «Зевса/орел» (группа VII, 80–74 гг. до н.э.). Пять таких монет чеканены в Синопе (рис. 2, 6–8), еще одна – в Амастрии. В Амисе была отчеканена только одна монета этого времени типа «Персей/Пегас», найденная на Кульчуке (рис. 2, 3)¹¹. Самая поздняя из монет Митридата – пантикопейский тип «Аполлон/тирс поперек треножника» (рис. 2, 9). В.А. Анохин относил этот выпуск (тип 215) к концу правления Митридата (ок. 70 – 63 гг. до н.э.), или даже ко времени после смерти Махара (65–63 гг. до н.э.)¹².

Находки монет римского времени на памятниках региона практически отсутствуют. Только на Кара-Тобе найдены три монеты второй половины I в. до н.э. – I в. н.э.: статер Асандра и медь Августа и Клавдия¹³.

Таким образом, находки монет на памятниках Северо-Западного Крыма отражают политico-экономическую ситуацию в регионе. В период вхождения этой территории в состав херсонесского государства до последней трети II в. до н.э. поступление херсонесских и керкинитидских монет на дальнюю хору было довольно регулярным. Встречалась и немногочисленная иногородняя монета. В период нестабильности и ухода греческого населения в последней трети столетия их поступление полностью прекращается. С конца II в. до н.э. здесь распространяются понтийские монеты, самая поздняя из которых датируется последними годами

¹¹ Ланцов 2019, рис. 1, 3.

¹² Анохин 1986 73, 74, табл. 9, 215.

¹³ Внуков, Коваленко 2004, 306–315; 2007, 51–58.

правления Митридата. Большинство их найдено на двух памятниках, где имеются и другие признаки размещения pontийских отрядов. Монеты, видимо, обращались в основном между воинами Митридата, так как поздние скифы не практиковали товарно-денежные отношения, и медные монеты не представляли для них ценности.

Сделанные наблюдения позволяют уточнить период присутствия pontийских войск в Северо-Западном Крыму: последняя четверть II в. до н.э. (в ходе или после Митридатовых войн) – около 63 г. до н.э. (незадолго до или сразу после смерти Митридата). Находки монет опровергают гипотезы о выводе этих войск в более раннее время.

Данные нумизматики также дают возможность прояснить вопрос о возвращении херсонесского населения в Северо-Западный Крым в период пребывания войск Митридата. Монеты – своеобразный маркер присутствия эллинизированного населения (в данном случае – pontийских войск). Отсутствие в регионе монет Херсонеса митридатовского времени и более поздних свидетельствует и об отсутствии здесь греков.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса*. Киев.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Внуков, С.Ю. 2004: О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет. В сб.: *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 12–19.
- Внуков, С.Ю. 2007: Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – 1 половина I вв. до н.э.). В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (отв. ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 67–80.
- Внуков, С.Ю., Коваленко, С.А. 2004: Монетные находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. *ПИФК XIV*, 306–315.
- Внуков, С.Ю. Коваленко, С.А. 2007: Уникальный статер боспорского царя Асандра с Кара-Тобе. *ДБ* 11, 51–58.
- Зубарев, В.Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
- Зубарь, В.М., Марченко, Л.В. 2005: Херсонес во второй половине II – середине I в. до н.э. В сб.: В.М. Зубарь (отв. ред.), *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев, 243–292.
- Крапивина, В.В., Диатроптов П.Д. 2005: Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. *ВДИ* 1, 67–73.
- Ланцов, С.Б. 2019: Новые находки античных и византийских монет на синхронных сельских поселениях южного берега Тарханкутского полуострова. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), «*ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка*». VI Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции. Симферополь, 81–88.
- Молев, Е.А. 1994: *Властелин Понта*. Нижний Новгород.
- Раевский, Д.С. 1968: О местоположении древнего Евпатория. *ВДИ* 3, 127–133.
- Столба, В.Ф., Голенцов, А.С. 1999: Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964–1965 гг. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции*. СПб, 349–352.
- Уженцев В.Б. 2006: *Эллины и варвары в Прекрасной гавани*. Симферополь.

Imhoof-Blümer F., 1912: Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens. *Numismatische Zeitschrift* 45, 169–192.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesus]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosphorus]. Kiev.
- Vnukov, S.Yu. 2004: O mestopolozhenii drevnego Evpatoriya v svete rezul'tatov arkheologicheskikh issledovaniy poslednikh let [On the location of Eupatoria in the light of the results of recent archaeological researches]. In: *Arkeologiya Severo-Zapadnogo Kryma* [Archaeology of the northwestern Crimea.] Simferopol, 12–19.
- Vnukov, S.Yu. 2007: Tsentral'nyy stroitel'nyy kompleks gorodischa Kara-Tobe (konets II – 1 polovina I vv. do n.e.) [The central building complex of the Kara-Tobe settlement (the end of the 2nd – first half of the 1st century BC)]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, 12–19.
- Vnukov, S.Yu., Kovalenko S.A. 2004: Monetnye nakhodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIV, 306–315.
- Vnukov, S.Yu., Kovalenko, S.A. 2007: Unikal'nyy stater bosporskogo tsarya [Unique stater of the Bosporan king Asander from Kara-Tobe]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 11, 51–58.
- Зубарев, В.Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
- Zubarev, V.G. 2005: *Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomorya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii* [Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition]. Moscow.
- Zubar, V.M., Marchenko, L.V. 2005: Khersones vo vtoroy polovine II – seredine I v. do n.e. [Chersonesus in the second half of the 2nd – mid-1st century BC]. In: V.M. Zubar (ed.), *Khersones Tavricheskiy v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [Tauric Chersonesus in the third quarter of the 6th – mid-1st century BC. Essays on history and culture]. Kiev, 243–292.
- Krapivina, V.V., Diatropov P.D. 2005: Nadpis' namestnika Mithridata VI Eupatora iz Ol'vii [Inscription of the governor of Mithridates VI Eupator from Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 67–73.
- Lantsov, S.B. 2019: Novye nakhodki antichnykh i vizantiyskikh monet na sinkhronnykh sel'skikh poseleniyakh yuzhnogo berega Tarkhankutskogo poluostrova [New finds of ancient and Byzantine coins on synchronous rural settlements of the southern coast of the Tarkhankut peninsula]. In: N.A. Alekseenko (ed.), “*PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka*” VI Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium [“The PONTic money-changer: money of the local market VIth International Numismatic Symposium]. Simferopol, 81–88.
- Molev, E.A. 1994: *Vlastelin Ponta* [The Lord of Pontus]. Nizhniy Novgorod.
- Raevskiy, D.S. 1968: On the location of the ancient Eupatoria. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 127–133.
- Stolba, V.F., Golentsov, A.S. 1999: Coin finds from 1964–1965 excavations of the Yuzhno-Donuzlavskoe settlement. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *The Bosporan phenomenon. Greek culture on the periphery of the ancient world. Materials of the international conference*. Saint Petersburg, 349–352.
- Uzhentsev V.B. 2006: *Elliny i varvary v Prekrasnoy gavani* [The Hellenes and Barbarians in Prekrasnaya gavan']. Simferopol.
- Imhoof-Blümer F., 1912: Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens. *Numismatische Zeitschrift* 45, 169–192.

ABOUT THE PERIOD OF DEPLOYMENT OF THE TROOPS OF
MITHRADATES EUPATOR IN THE NORTHWESTERN CRIMEA
(ACCORDING TO NUMISMATIC DATA)

Sergey Yu. Vnukov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: vnukovs@mail.ru

Abstract. The article analyzes the chronological distribution of coin finds in the settlements of the Northwestern Crimea in the 2nd – 1st centuries BC. It is established that in the last quarter of the 2nd century BC, the supply of Chersonese coins to the region stops. The coin finds are represented only by the Pontic issues of Mithradates Eupator. They were found at five strategically important sites. This is associated with the evacuation of the Greek population from the region as a result of the conflict with the Scythians in the second or third quarters of the 2nd century BC and the appearance of Pontic garrisons here. Coins allow us to determine the period of deployment of these troops in the region: ca. 115/110-63 BC. It is also concluded that there are no traces of the recolonization of this territory by Chersonesus during the reign of Mithradates Eupator.

Keywords: Northwestern Crimea, Mithradates Eupator, coin finds, Pontic garrisons

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 84–95
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 84–95
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-84-95

ФИБУЛЫ С УМБОНОВИДНЫМ ДЕКОРОМ В ДРЕВНОСТЯХ ПРУССОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: drkulakov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9702-9306

Аннотация. Статья посвящена исследованию балтских дериватов фибул, обозначенных почти полвека тому назад А.Н. Амбrozом как фибулы-броши (группа 8), тип «округлые броши». Ранее считалось, что предшественники круглых фибул – местные фибулы римского времени, обладавшие выступами по своему периметру. Метод нашего исследования – сравнение упомянутых фибул с их пока гипотетическими прототипами – роскошными западноевропейскими фибулами меровингской эпохи, хронологически совпадающими с упомянутыми прусскими артефактами и близкими им конструктивно. Круглые застежки, встреченные на Самбии и в Мазурском Поозерье в эпоху Меровингов, по своим признакам распадаются на три подтипа. Их объединяют материалы, из которых они изготовлены (бронзовая основа с серебряным покрытием) и умбоновидный орнамент в виде концентрических колец. На современном этапе исследований установлен факт подражания указанных фибул роскошным (золотое покрытие со вставками из камней) застежкам из ареалов франков и алеманнов. Это стало результатом стремления мазурских, а затем и прусских ювелиров подчеркнуть эвентуальную связь своих заказчиков с их торговыми партнерами (родственниками) из западной части континента. Данная специфическая черта прусской культуры VII н.э. проявилась также как в редких, но представительных роскошных деталях воинского снаряжения, что свидетельствовало о появлении в прусской среде князей из мира Меровингов, так и в копировании пруссами (и заодно жителями Мазур) представительных деталей убора франков и алеманнов VI–VII вв. н.э. После победы пруссов в военном столкновении с жителями Мазурского Поозерья круглые фибулы ближе к концу VII в. оказываются в прусском племенном ареале как военные трофеи. Не исключен, правда, и торговый характер путей распространения круглых застежек с умбоновидным декором. Круглые фибулы подтипа 3, имитировавшие умбоны круглых щитов, характерных для прусских всадников рубежа VII–VIII вв., стали подражаниями изделиям меровингских мастеров уже в мастерских прусских ювелиров земли Вармия.

Ключевые слова: круглые фибулы, эпоха Меровингов, Мазурское Поозерье, земли Самбия и Вармия, пруссы, франки, алеманны

В юго-восточной Европе фибулы-броши (группа 8), тип «округлые броши»¹ распространяются во II в. до н.э. – I в. н.э. и являются продукцией эллинистических и провинциально-римских мастерских². Ранее я отнес дериваты таких фибул, встреченные в западной части Мазурского Поозерья на могильниках поздней фазы эпохи Великого переселения народов, к типу «круглые», снабженные орнаментом астрального типа, генетически восходившие к западнобалтским застежкам начала нашей эры, обладавшим по своему периметру округлыми выступами³. Как правило, такие фибулы изготавливались из бронзы, и их лицевая сторона покрывалась серебряной фольгой, по которой проступал умбоновидный декор, подготовленный на бронзовой основе застежки. Такие находки известны на территории западной части современной Литвы в комплексах фаз C₂-C₃ и доживают на указанной территории до фазы D, являясь дериватами провинциально-римских фибул⁴.

Характерной особенностью балтских дериватов фибул-брошей из низовий р. Немана является наличие в их центре конического выступа (рис. 1, 3). Он мог возникнуть в результате копирования провинциально-римских фибул типа *tutula* (группа AVII), распространявшихся в римских провинциях на фазе C₂⁵. Такие фибулы в погребальных древностях эстив Янтарного берега являются редкостью (рис. 1, 2). Одна из круглых фибул (рис. 1, 1), датируемая по комплексу фазой B₂⁶, интерпретировалась как модель святилища со священным древом в его центре⁷ и заведомо старше фибул типа *tutula*. В отличие от Литовского Взморья, на самой западной границе балтского мира, в ареале пруссов, крайне редки дериваты провинциально-римских фибул типа AX, 228 (рис. 1, 4, 5).

Исследование предполагает подробный анализ круглых фибул с умбоновидным декором, разделенных на подтипы согласно принципам декора. Метод исследования – сравнение упомянутых фибул с их пока гипотетическими прототипами – роскошными западноевропейскими фибулами меровингской эпохи, хронологически совпадающими с упомянутыми прусскими артефактами и близкими им конструктивно. Данный метод известен в европейской археологии еще с середины XIX в. и неоднократно подтвердил свою актуальность.

На Самбии и в западной части Мазурского Поозерья основной массив фибул с умбоновидным декором составляют круглые фибулы без выступов по своему периметру. Их корпус по набору признаков делится на несколько подтипов:

Подтип 1 – «Фибулы с концентрическими кольцами, составленными из деталей умбоновидного декора» – распадается на варианты: 1) с несколькими концентрическими кольцами (рис. 2, 1–4); 2) с одним кольцом декора (рис. 2, 5–7). Практически все фибулы данного подтипа изготовлены в традиционной для круглых

Данные об авторе: Владимир Иванович Кулаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН.

¹ Амброд 1966.

² Амброд 1966, 30–31.

³ Кулаков 1989, 160.

⁴ Voß 1994, 430.

⁵ Voß 1994, 502.

⁶ Кулаков 2004, 14.

⁷ Смирнова 1987, 236–237.

Рис. 1. Фибулы типа *tutula* и их дериваты в археологическом материале западных балтов римского времени: 1 – погр. Do-6 могильника Dollkeim/Коврово (по: Кулаков 2016б, рис. 91); 2 – погр. Wo-6 могильника Wogau/Лермонтово (Kulakov 2011, рис. 38); 3 – погр. 24 могильника Schernen/Šernai (по: Bezzenger 1892, fig. 11, 12); 4 – погр. Zo-152 могильника Zohpen/Суворово (по: Кулаков 1990б, табл. XXI, 8); 5 – фибула типа AX, 228 (по: Almgren 1923, Taf. X).

Fig. 1. *Tutula* fibulae and their derivatives in the archaeological material of the Western Balts of Roman times: 1 – grave Do-6, Dollkeim/Kovrovo necropolis; 2 – grave Wo-6, Wogau/Lermontovo necropolis; 3 – grave 24, Schernen/Šernai necropolis; 4 – grave Zo-152, Zohpen/Suvorovo necropolis; 5 – fibula type AX, 228.

фибул технике: на декорированную бронзовую основу наложена серебряная фольга, на которой проявлен умбоновидный декор. Исключением является фибула из погр. Ке-64 могильника Kellaren/Kielary (рис. 2, 6), серебряное покрытие которой, очевидно, не сохранилось. Судя по сопровождающему в комплексах инвентарю, данные фибулы входили в состав как мужского, так и женского наборов. Если женские (парные) версии данных фибул имели диаметр около 3 см, то мужской вариант – 3,5–4 см. Как параметры данных застежек, так и их декор имитируют франкские фибулы эпохи Меровингов (рис. 2, 8), датируемые первой половиной

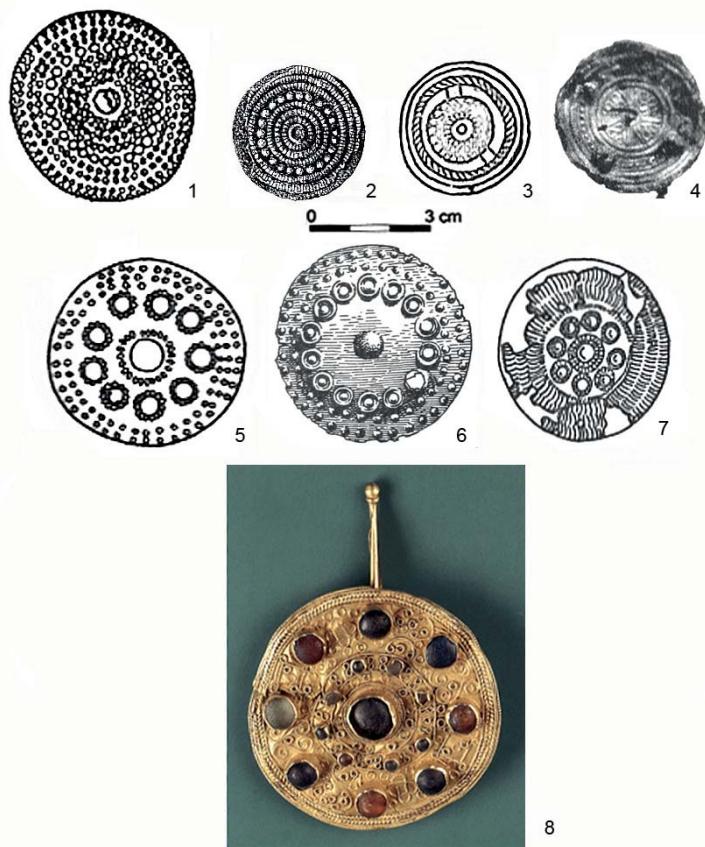

Рис. 2. Круглые фибулы с концентрическими окружностями: 1 – погр. б/№ могильника Kipitten/Холмогорье (по: Кулаков 1990б, табл. VII, 7); 2 – погр. Le-76 могильника Freiwalde bei Lenzenberg/Lęcze (по: Ehrlich 1931, Abb. 3); 3 – погр. Da-104 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 45, 5); 4 – погр. 82 могильника Preussenort/Wólka Prusinowska (по: Engel 1939, Abb. 3); 5 – погр. Zo-50 могильника Zohpen/Суворово (по: Кулаков 1990б, табл. IX, 9); 6 – погр. Ke-64 могильника Kellaren/Kielary (по: Hollack, Bezzenerger 1900, Abb. 69); 7 – погр. Da-96 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 44, 4); 8 – Montponf, France (по: Кулаков, Толстиков 2007, 491).

Fig. 2. Round fibulae with concentric circles: 1 – grave without a number, Kipitten/Kholmogorovka necropolis; 2 – grave Le-76, Freiwalde bei Lenzenberg/Lęcze necropolis; 3 – grave Da-104, Daumen/Tumiany necropolis; 4 – grave 82, Preussenort/Wólka Prusinowska necropolis; 5 – grave Zo-50, Zohpen/Suvorovo necropolis; 6 – grave Ke-64, Kellaren/Kielary necropolis; 7 – grave Da-96, Daumen/Tumiany necropolis; 8 – Montponf, France.

VII в.⁸. Соответственно, западнобалтские копии франкских роскошных фибул с золотым покрытием и с полудрагоценными камнями выглядят гораздо скромнее с серебряным покрытием. Вставки с камнями заменены здесь умбоновидным декором. Таким же образом в мастерских видивариев на фибулах типа Sternfußfibeln в

⁸ Кулаков, Толстиков 2007, 491.

начале V в. н.э. имитировались утраченные вставки стекла или полудрагоценных камней на их прототипах – арбалетовидных скандинавских застежках. Правда, на дериватах этих фибул блеск вставок имитировался чеканными оттисками звездчатого штампа⁹. На два века позднее его место в имитационных моделях занял умбоновидный декор. В исключительных случаях умбоны окружались псевдо-жемчужными кольцами (рис. 2, 6), имитировавшими гнезда для крепления кабошонов на реальном франкском прототипе.

Подтип 2 – «Фибулы с изображением креста». Указанное изображение имело вид крестообразно расположенных псевдо-заклепок (рис. 3, 1, 3), косого креста с чеканными деталями (рис. 3, 2), лопастного равностороннего креста (по геральдической традиции – «лапчатый» – рис. 3, 4, 5). Диаметр фибул с изображением креста близок к параметрам застежек п/т 1 (см. выше). Парные фибулы из женских комплексов отличаются уменьшенными параметрами (рис. 3, 3–5). Как и фибулы п/т 1, застежки с крестами восходят к меровингским прототипам, на которых при помощи вставок из гранатового стекла и/или полудрагоценных камней представлены равносторонние (в основном – «лапчатые») кресты (рис. 3, 6). На их западнобалтских дериватах золотое покрытие уступило место серебряной фольге, а стеклянные и прочие вставки обрели вид тасменных изображений. В культовых традициях и германцев,¹⁰ и балтов¹¹ мотив креста в дохристианских верованиях был связан с почитанием небесных светил (прежде всего, Солнца). Правда, первичным импульсом для появления на фибулах франков и алеманнов знака креста могла быть, тем не менее, их христианизация в VI в., что не устраниет восприятие германскими реципиентами этого знака как символа отеческих культов. Судя по тому, что меровингский прототип балтских фибул с крестами датируется первой половиной VII в.¹², то упомянутые балтские застежки могут быть отнесены к более позднему времени, скорее всего – к середине VII в.

Подтип 3 – «Фибулы в виде умбонов щитов». В нашем массиве представлены тремя экземплярами (рис. 4, 1–3), происходящими исключительно из погребений могильника Neuendorf/Nowinka. Данные захоронения, судя по сопутствующим предметам вооружения и конским скелетам, принадлежали прусским воинам. Еще две фибулы этого подтипа встречены среди случайных находок на указанном могильнике¹³. Предметы женского убora (преимущественно – подвески), представляющие миниатюрные копии круглых щитов с небольшими умбонами в своем центре, были распространены в кельтских и германских племенных ареалах во II в. до н.э. – VIII в. н.э. и служили «для создания хозяйке данной копии мистической охраны, но и для подтверждения ее принадлежности к социальному страту, связанному с воинской деятельностью»¹⁴. Находки на могильнике Neuendorf/Nowinka по своим признакам являются копиями не самих щитов, а их сферических умбонов, в ряде случаев по своему периметру окруженных заклепками (рис. 4, 1–3). Данные артефакты являются дериватизированными копиями умбо-

⁹ Кулаков 2011, 25, рис. 1.

¹⁰ Dryakhlov, Kulakov 2018, 215.

¹¹ Kulakov 2016a, 16.

¹² Кулаков, Толстиков 2007, 47.

¹³ Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. CIV, 4, 5.

¹⁴ Кулаков 2007, 140.

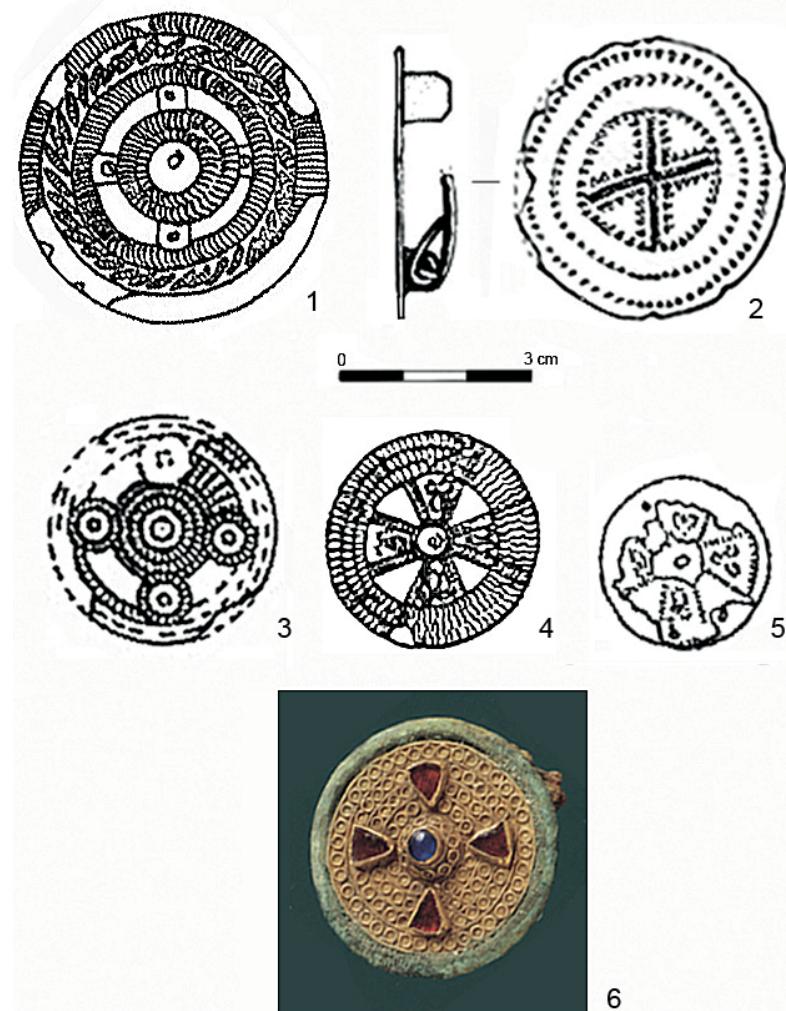

Рис. 3. Фибулы с изображение креста: 1 – погр. Da-86 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 42, 4); 2 – случ. находка на могильнике Neuendorf/Nowinka (по: Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. CIV, 6); 3 – погр. 3 могильника Ekritten-1/Ветрово-1 (по: Кулаков 1990б, табл. XXV, 8; рис. 4); 4 – погр. Da-90 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 43, 4); 5 – погр. Da-110 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 47, 4); 6 – Marcheletot, France (по: Кулаков, Толстиков 2007, 476).

Fig. 3. Fibulae with cross image: 1 – grave Da-86, Daumen/Tumiany burial ground; 2 – accident find at the burial ground of Neuendorf/Nowinka; 3 – grave 3, Ekritten-1/Vetrovo-1 necropolis; 4 – grave Da-90, Daumen/Tumiany necropolis; 5 - tol. Da-110 burial Daumen/Tumiany; 6 – Marcheletot, France.

Рис. 4. Фибулы в виде круглого щита из погребений могильника Neuendorf/Nowinka и аналогия из ареала франков: 1 – погр. 106; 2 – погр. 34; 3 – погр. 84 (по: Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. XXIII, 1; LXXI, 1); 4 – Alsheim, Deutschland (по: Кулаков, Толстиков 2007, 506).

Fig. 4. Fibulae in the form of a round shield of burials burial Neuendorf/Nowinka and analogy from the area of the Franks: 1 – Grave No. 106; 2 - grave No. 34; 3 - grave No. 84; 4 – Alsheim, Deutschland.

новидных фибул меровингской эпохи, являвшихся далеко не многочисленными находками в Западной Европе в первой половине VII в.¹⁵ В отличие от щито-видных подвесок, упомянутых выше, умбоновидные фибулы пруссов являлись деталью мужского убора.

Фибулы подтипов 1 и 2 встречены как на могильниках западной части Мазурского Поозерья, так и в прусских землях Самбия и Вармия. Фибулы подтипа 3 известны лишь на могильнике Neuendorf/Nowinka на побережье Frisches Haff/Вислинского/Калининградского залива (Вармия) (рис. 5).

Три десятилетия тому назад автор этих строк отнес прусские круглые фибулы с умбоновидным декором к хронологическому периоду около 575–600 гг. н.э. Членов родового коллектива, которые были захоронены с упомянутыми фибулами, я посчитал главами этих коллективов, а декор фибул – сакральным¹⁶. Приведенный в предлагаемой статье фактический материал делает необходимым изменение датировки круглых фибул в прусских и мазурских древностях с конца VI на середину VII в. н.э. Сакральное значение орнамента на этих застежек не исключается, но может быть в достаточной степени декоративным ввиду откровенной

¹⁵ Кулаков, Толстиков 2007, 506.

¹⁶ Кулаков 1990а, 18, рис. 4, 50.

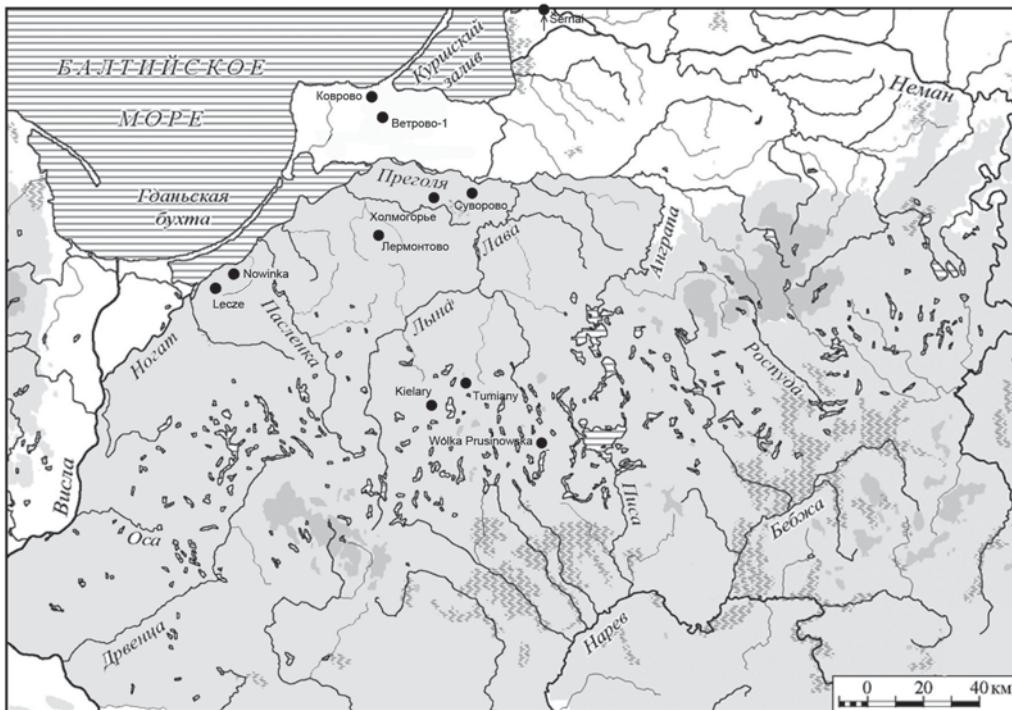

Рис. 5. Карта расположения памятников археологии юго-восточной Балтии.
Fig. 5. Map of archaeological sites in Southeastern Baltic.

вторичности этих фибул относительно их меровингских прототипов (см. выше). Совпадение одной из круглых фибул п/т 1 с лунницей раннего этапа деградации¹⁷ в погребальном инвентаре погр. Ке-64 могильника Kellaren/Kielary (рис. 6) позволяет отнести датировку данной фибулы ближе к началу VII в. С достаточной долей осторожности следует полагать инициативу подражания меровингским роскошным фибулам именно за мазурскими ювелирами. Эта тенденция отражена и на ряде других элементов материальной культуры полиэтничного населения западной части Мазурского Поозерья на завершающей фазе эпохи Великого переселения народов. Местные ювелиры подражали франкским пластинчатым фибулам, имитировавшим накладки конского снаряжения¹⁸. Возможно, эти фибулы, как и круглые застежки с умбоновидным декором, являлись отличительным признаком членов общества, имеющих отношение к военному делу¹⁹. Не следует забывать и о матримониальных связях, существовавших у населения западной окраины балтского мира, включавшего отдельные группы германцев, с населением запада Европы. Благодаря этому в Балтии могли пользоваться спросом имитации украшений меровингской традиции. Кроме того, указанный феномен мог стать резуль-

¹⁷ Кулаков 2019, 10.

¹⁸ Кулаков 1989, 159–160.

¹⁹ Кулаков 1989, 178.

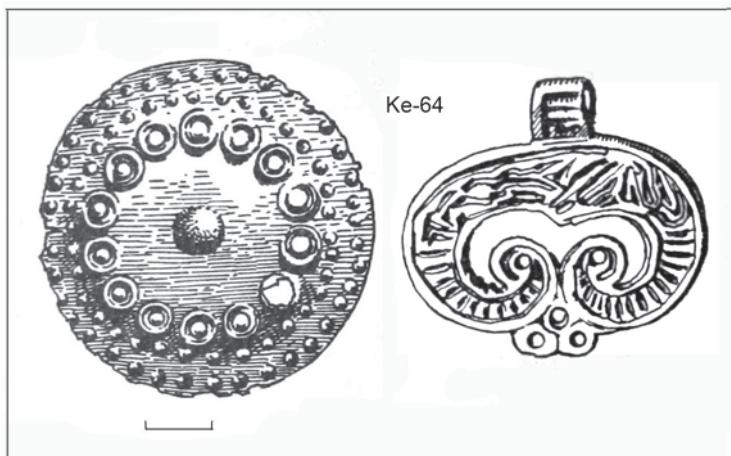

Рис. 6. Инвентарь погр. Ke-64 могильника Kellaren/Kielary (по: Hollack, Bezzenger 1900, Abb. 68–69).

Fig. 6. Grave goods from the burial Ke-64, Kellaren/Kielary necropolis.

татом стремления мазурских, а затем и прусских ювелиров подчеркнуть эвентуальную связь своих заказчиков с их торговыми партнерами (родственниками) из западной части континента.

После победы пруссов в военном столкновении с жителями Мазурского Поозерья²⁰ круглые фибулы ближе к концу VII в. оказываются в прусском племенном ареале как военные трофеи. Не исключен, правда, и торговый характер путей распространения круглых застежек с умбоновидным декором. Круглые фибулы подтипа 3, имитировавшие умбоны круглых щитов, характерных для прусских всадников рубежа VII–VIII вв.²¹, стали подражаниями изделиям меровингских мастеров уже в мастерских прусских ювелиров земли Вармия.

В результате представленного в данной статье анализа круглых фибул с умбоновидным декором, происходящих из погребальных памятников западной части Мазурского Поозерья и прусских земель, была уточнена и обоснована их окончательная датировка второй половиной VII в. Установлен факт подражания при изготовлении упомянутых фибул роскошным застежкам франков и алеманнов эпохи Меровингов. Это подражание (точнее – дериватизация) могло стать результатом нескольких факторов – от торговых связей между западом и центром нашего континента до следствия matrimonиальных связей между западной и восточной частями германского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбров, А.Н. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1–30).
- Кулаков, В.И. 1989: Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.). *Barbaricum 1989*. Warszawa, 148–275.

²⁰ Kulakov 1994/1995, 207–210.

²¹ Kulakov 1994/1995, Abb. 2.

- Кулаков, В.И. 1990а: Хронология пруссов VI–XIII вв. (по материалам могильника Суворово). *Istorija*. Vol. 31. Vilnius, 3–19.
- Кулаков, В.И. 1990б: *Древности пруссов VI–XIII вв.* (САИ Г1–9).
- Кулаков, В.И. 2004: *Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г.* Минск.
- Кулаков, В.И. 2007: Генезис трилистных фибул и умбоновидных подвесок. *Lietuvos Archeologija* 32, 133–144.
- Кулаков, В.И. 2011: *Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв.* Saarbrücken (Lambert Academic Publishing).
- Кулаков, В.И. 2016а: Мотив креста в декоративном искусстве балтов в V–XI вв. *Проблемы межрегиональных связей* 11, 15–16.
- Кулаков, В.И. 2016б: *Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э.* Калининград.
- Кулаков, В.И. 2019: Лунницы и подвески особых форм в древностях юго-восточной Балтии. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 5–17.
- Кулаков, В.И., Толстиков, В.П. 2007: Каталог ГМИИ. В кн.: W. Menghin (ed.), *Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.* München, 276–580.
- Смирнова, М.Е. 1987: Декор круглых фибул западных балтов. В сб.: *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. М. 236–237.
- Almgren, O. 1923: *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen.* Leipzig.
- Bezzenberger, A. 1892: Lituische Gräberfelder. 1. Das Gräberfeld bei. Schernen (Kreis Memel). *Prussia* 17, 141–160.
- Dryakhlov, V., Kulakov, V. 2018: The Amulets of German Merovingian Aristocracy. *Archaeologia Lituanica* 19, 207–217.
- Ehrlich, B. 1931: Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußische Vergleichstücke. *Prussia* 29, 16–46.
- Engel, C. 1939: Das Jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41–52.
- Hollack, E., Bezzenberger, A. 1900: Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 160–196.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland.* Gdańsk–Warszawa.
- Kulakov, V.I. 1994/1995: Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 26/27, 204–212.
- Michelbertas, M. 1998: Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten. In J. Kunof (Hrsg.), *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf, 425–432.
- Voß, H.-U. Römische Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit zwischen Rhein und Elbe. In H. Beck u.a. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8, 5/6. Berlin–New York, 496–509.

REFERENCES

- Almgren, O. 1923: *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen.* Leipzig.
- Ambroz, A.N. 1966: *Fibuly yuga yevropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulas of the South of the European part of the USSR of the 2nd century BC – 4th century AD]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1–30 [Corpus of Archaeological Sources D1–30]). Moscow.

- Bezzenberger, A. 1892: Lituische Gräberfelder. 1. Das Gräberfeld bei. Schernen (Kreis Memel). *Prussia* 17, 141–160.
- Dryakhlov, V., Kulakov, V. 2018: The Amulets of German Merovingian Aristocracy. *Archaeologia Lituana* 19, 207–217.
- Ehrlich, B. 1931: Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußische Vergleichstücke. *Prussia* 29, 16–46.
- Engel, C. 1939: Das Jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41–52.
- Hollack, E., Bezzenger, A. 1900: Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 160–196.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk–Warszawa.
- Kulakov, V.I. 1989: Mogil’niki zapadnoy chasti Mazurskogo Poozer’ya kontsa V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878–1938 gg.) [Burial grounds of the western part of the Masurian Lake district of the late 5th – early 8th century (based on the materials of excavations in 1878–1938)]. *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148–275.
- Kulakov, V.I. 1990a: Khronologiya prussov VI–XIII vv. (po materialam mogil’nika Suvorovo [Chronology of the Prussians of the VI–XIII centuries (Based on the materials of the Suvorovo burial ground)]. *Istorija* 31, 3–19.
- Kulakov, V.I. 1990b: *Drevnosti prussov VI–XIII vv. [Antiquities of the Prussians of the 6th – 13th centuries]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov G1–9 [Corpus of Archaeological Sources G1–9]). Moscow.
- Kulakov, V.I. 2004: *Doll’kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. [Dollkaim-Kovrovo. Research in 1879]*. Minsk.
- Kulakov, V.I. 2007: Genezis trilistnykh fibul i umbonovidnykh podvesok [Genesis of trefoil fibulae and umbonoid suspensions]. *Lietuvos Archeologija* 32, 133–144.
- Kulakov, V.I. 2011: *Dekorativnoye iskusstvo Yantarnogo kraja. Ornament fibul V–VII vv. [Decorative art of the Amber region. Ornament of fibulae of the 5th – 7th centuries]*. Saarbrücken (Lambert Academic Publishing).
- Kulakov, V.I. 2016a: Motiv kresta v dekorativnom iskusstve baltov v V–XI vv. [Motif of the cross in the decorative art of the Balts in the 5th – 11th centuries]. *Problemy mezhregional’nykh svyazey [Problems of interregional relations]* 11, 15–16.
- Kulakov, V.I. 2016b: *Sokrovishcha Yantarnogo kraja. Pokazateli inokul’turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n.e. [Treasures of the Amber region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the 1st – 4th centuries AD]*. Kaliningrad.
- Kulakov, V.I. 2019: Lunntsyy i podveski osobyykh form v drevnostyakh yugo–vostochnoy Baltii [Lunulae and suspensions of special forms in the antiquities of the Southeastern Baltic region]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 5–17.
- Kulakov, V.I., Tolstikov, V.P. 2007: Katalog GMII [Catalogue of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. In: W. Menghin (ed.), *Epokha Merovingov. Yevropa bez granits – Arkheologiya i istoriya V–VIII vv. [Europe without borders – archaeology and history of the 5th – 8th centuries]*. München, 276–580.
- Kulakov, V.I. 1994/1995: Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Preussen und Steppenvölkern. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 26/27, 204–212.
- Michelbertas, M. 1998: Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten. In: J. Kunof (Hrsg.), *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf, 425–432.
- Smirnova, M.Ye. 1987: Dekor kruglykh fibul zapadnykh baltov [Decor of round fibulas of the Western Balts]. In: *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s’ezda KPSS*

[*Problems of Soviet archaeology in the light of decisions of the XXVII Congress of the CPSU*], 236–237.

Voß, H.-U. Römische Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit zwischen Rhein und Elbe. In: H. Beck u.a. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8, 5/6. Berlin–New York, 496–509.

BROOCHES WITH UMBON-SHAPED DECOR IN PRUSIAN ANTIQUES OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract. This is a study of the Baltic brooches' derivatives attributed by A.N. Ambroz almost half a century ago to brooches (group 8) of "round brooches" type. Previously, it was believed that round brooches were preceded by local brooches of the Roman period, which had protrusions along their perimeter. Round clasps of the Merovingian era, found in Sambia and the Masurian Lake District, fall into three subtypes according to their characteristics. They are united by the materials from which they are made (a bronze base with a silver coating) and an umbilical ornament in the form of concentric rings. At the present stage of research, it has been established that these brooches imitate luxurious (gold plating with inserts of stones) clasps from the areas of the Franks and Alemanni. This was the result of the desire of Masurian and then Prussian jewelers to emphasize the eventual connection of their customers with their trading partners (relatives) from the western part of the continent. This specific feature of the Prussian culture of the 7th century manifested itself both in rare but representative luxurious details of military equipment, which testified to the appearance of princes from the Merovingian world in the Prussian environment, and copying by the Prussians (and, at the same time, the inhabitants of Mazury) representative details of the dress of the Franks and Alemanni of the 6th–7th centuries after the victory of the Prussians in a military clash with the inhabitants of the Masurian Lake District, round brooches are closer to the end of 7th century up in the Prussian tribal area as trophies of war. It is not excluded, however, and the commercial nature of the ways of distribution of round fasteners with umbilical decor. Round brooches of subtype 3, imitating the umbones of round shields characteristic of Prussian horsemen at the turn of the 7th–8th centuries, became imitations of the products of Merovingian craftsmen already in the workshops of Prussian jewelers in the land of Warmia.

Keywords: round brooches, Merovingian era, Masurian Lake District, Sambia and Warmia lands, Prussians, Franks, Alemanni

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 96–114
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 96–114
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-96-114

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ МАТЕРИАЛЫ ГОРОДИЩА КУЛЬЧУК В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В.В. Майко¹, В.Г. Зубарев², К.О. Маркова³, М.Р. Могучева⁴

¹ Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
^{2, 3, 4} Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия

¹ E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru ² E-mail: parosta@mail.ru
³ E-mail: markova.kristina.25@yandex.ru ⁴ E-mail: moguchevamr@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0003-1065-4836 ² ORCID: 0000-0001-8831-9101
³ ORCID: 0000-0001-8077-8135 ⁴ ORCID: 0000-0002-1441-4023

Аннотация. В статье впервые рассматриваются средневековые салтово-маяцкие материалы поселения, возникшего на месте античного городища Кульчук в северо-западном Крыму. С 2006 г. начался новый этап его изучения, связанный с работой Донузлавской экспедиции под руководством С.Б. Ланцова. Наиболее активно салтово-маяцкие горизонты и объекты Кульчука раскапывались в 2006–2009 гг. На сегодняшний день они представлены двумя жилыми домами, пристроенными с западной и восточной стороны основной античной башни № 2 и связанным с ними культурным слоем, расположенным с южной и северной стороны этого фортификационного сооружения. Особое внимание уделено технике кладки каменных фундаментов домов с использованием крупных античных каменных блоков облицовки башни. При этом сама техника кладки небрежная с отсутствием элементов кладки «в елку». Такой прием зафиксирован на салтовских поселениях Крыма впервые. Археологический материал немногочисленен и представлен в основном мелкими фрагментами керамики. На основании амфорной тары, а, самое главное, комплекса кухонной посуды, он датируется непродолжительным периодом времени в рамках середины – второй половины VIII в. Подтверждают это и нумизматические данные. Индивидуальные находки единичны. Материал IX в., особенно его второй половины – представлен всего несколькими фрагментами. Вероятнее всего перед нами довольно раннее салтовское поселение, носившее ярко выраженный сезонный характер. После каждого сезона, кладки, пришедшие в упадок, подновлялись. Причины его оставления во второй половине VIII в. еще предстоит выяснить.

Ключевые слова: северо-западный Крым, городище Кульчук, салтово-маяцкие древности, керамический комплекс, хронология

Данные об авторах: Вадим Владиславович Майко – доктор исторических наук, директор ИАК РАН; Виктор Геннадьевич Зубарев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии ТГПУ; Кристина Олеговна Маркова – магистрант ТГПУ, Мария Романовна Могучева – магистрант ТГПУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-00056 «Салтово-маяцкая культура западного и восточного Крыма. Общее и особенное».

Городище Кульчук античного времени расположено на южном берегу Тарханкутского полуострова в Северо-Западном Крыму, в 2,5 км южнее с. Громово Окуневского сельского совета Черноморского района АРК (рис. 1, 1). Памятник находится на высоком приморском обрыве (до 11 м), ограниченном с востока и запада двумя глубокими балками. Значительная часть объекта разрушена из-за естественного развития берега (рис. 1, 2). Кульчукское городище считается одним из крупнейших на дальней хоре Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму (первая половина IV–II в. до н.э.). В середине II в. до н.э.–I в. н.э. на этом месте располагалось укрепление Крымской Скифии.

Салтово-маяцкие древности памятника впервые были зафиксированы раскопками А.С. Голенцова 1989–1993 гг. и в виде одного предложения упомянуты в его небольшой обзорной статье¹. Исходя из отсутствия более детальной информации, до 2006 г. С.В. Кутайсов относил памятник к объектам, где найдены только отдельные предметы салтовского времени², либо, лучшем случае, упоминал о наличии там слабо выраженного синхронного слоя³. С 2006 г. планомерные раскопки на городище начала Донузлавская экспедиция под руководством С.Б. Ланцова⁴. Наиболее активно салтовские древности изучались с 2006 по 2009 гг. Наиболее актуальная информация оперативно публиковалась⁵, но, к сожалению, о салтово-маяцких материалах только коротко упоминалось. Лишь только в работе 2008 г. был опубликован горшок СМК из заполнения восточного дома № 1⁶. Тем не менее, в 2008 г. в списке раннесредневековых памятников северо-западного Крыма Кульчук рассматривался уже в качестве салтовского поселения⁷.

В 2007 г. В.И. Барановым, сотрудником Донузлавской экспедиции была предпринята попытка обобщить салтово-маяцкие материалы Кульчука. В приложении к отчету о раскопках 2007 г.⁸ исследователем было выделено два стратиграфических горизонта, содержащих раннесредневековый материал. Это верхний дерновый слой и слой рыхлой пепелистой супеси, постепенно выклинивающийся к северо-западу и перекрывающий каменные развалы античного времени. И в одном, и в другом горизонте салтово-маяцкие материалы оказались перемешанными не только с античными, но и с ранневизантийскими и позднесредневековыми. К сожалению, эта работа так и не была доведена до конца, а предварительные выводы не были опубликованы.

В 2015 г. впервые салтово-маяцкий горизонт Кульчука был проанализирован несколько подробнее М.С. Шапцевым. Исследователь отметил, что максимальная мощность данного культурного слоя, зафиксированная возле башни № 2, составляла до 1,2 м. Это мощнейшее фортификационное сооружение было и центром салтовского поселка. Была дана характеристика и самой стратиграфической картины и сделан совершенно правильный, на наш взгляд⁹, вывод о том, что посе-

¹ Голенцов 1994, 83.

² Кутайсов 2002, 158.

³ Кутайсов 2003, 279.

⁴ Выражаем глубокую признательность начальнику Донузлавской экспедиции С.Б. Ланцову за предоставленный к публикации материал многолетних раскопок и ценную консультацию.

⁵ Грацианская, Ланцов, Уженцев 2007, 141–147; Ланцов 2010, 262–265.

⁶ Ланцов, Колтухов, Уженцев, Грацианская 2008, 260, рис. 1, 7.

⁷ Кутайсов 2008, 48–55.

⁸ Ланцов 2008.

⁹ Майко 2017, 119–120.

Рис. 1. Месторасположение и план салтовских объектов городища Кульчук. 1–2 – месторасположение городища Кульчук; 2 – план башни № 2 и салтовских объектов, примыкающих к ней.

Fig. 1. The location and plan of the Saltovo objects at the Kulchuk settlement. 1–2 – 1location of the settlement Kulchuk; 2 – plan of the Tower No. 2 and Saltovo objects adjacent to it.

ление представляло собой сезонную стоянку, а временно возведенные каменные стены разрушались¹⁰. Ученый предполагал продолжить работу и опубликовать материалы, но, к сожалению, преждевременная смерть не дала такой возможности.

Последний раз к материалам Кульчука салтово-маяцкого времени С.Б. Ланцов обращался в 2010 г. опубликовав византийский солид Константина V (751–775), справедливо отметив его уникальность для этого региона полуострова¹¹.

Таким образом, на сегодняшний день салтово-маяцкие материалы городища Кульчук практически полностью не введены в научный оборот. Попытаемся ликвидировать этот пробел.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

С момента возобновления С.Б. Ланцовым стационарных раскопок городища в 2006 г., салтово-маяцкие материалы, залегающие выше всего, изучались в первую очередь. В целом открыто два дома на каменных цоколях с восточной и западной стороны башни № 2 и полностью изучены синхронные культурные горизонты к северу и югу от нее. Перейдем к анализу этих объектов (рис. 1, 3).

Восточный дом № 1 (рис. 2) был открыт в 2006 г. и благодаря новой прирезке полностью доследован в 2008–2009 гг. Зафиксированная здесь стратиграфическая ситуация была следующей. Под слоем гумуса, толщиной до 0,30 м находился рыхлый гуммированный суглинок с камнями, под которыми располагалась рыхлая пепельно-золистая (серая и сиреневая) супесь с каменным завалом. Найдены из этих слоев представлены разнообразным и разновременным гончарным и лепным керамическим материалом эллинистического времени, а также фрагментами посуды салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. н.э.

Дом № 1 состоит на сегодняшний день из двух помещений (рис. 2, 1). Часть кладок уходит в борта раскопа и общая конфигурация всего дома не ясна. Не исключено, тем не менее, что это обычный дом-пятистенка со смежной центральной стеной.

Помещение 1 образовано с востока кладкой 26, с севера – западным участком кладки 27, с юга – западным участком и торцом кладки 1, являющейся северной стеной всей усадьбы античного времени. Западной стеной является пирамидальный восточный панцирь башни № 2 античного времени. Лучше всего сохранилась восточная стена помещения (К.26), ориентированная по оси север – юг со смещением к востоку (рис. 3, 1). Южным торцом она примыкает к общей северной ограде усадьбы 2 (кладка 1). Кладка 26 сохранилась выше её поверхности. Ширина восточной стены – 0,80–0,90 м, длина по внутреннему панцирю – 2,63 м. Максимальная сохранившаяся высота внутреннего панциря составляет до 1,15 м в 5–8 рядов. Южная часть на протяжении 1,17 м сложена из колотых по слою небороданных плит, уложенных, в основном логом постелисто. Северная часть фасада на протяжении 1,45 м сложена из обколотых и тесаных камней разного размера во вторичном использовании. Помимо этого, в помещении заложен пер-

¹⁰ Шапцев 2015, 170.

¹¹ Ланцов 2019, 83, рис. 1, 4.

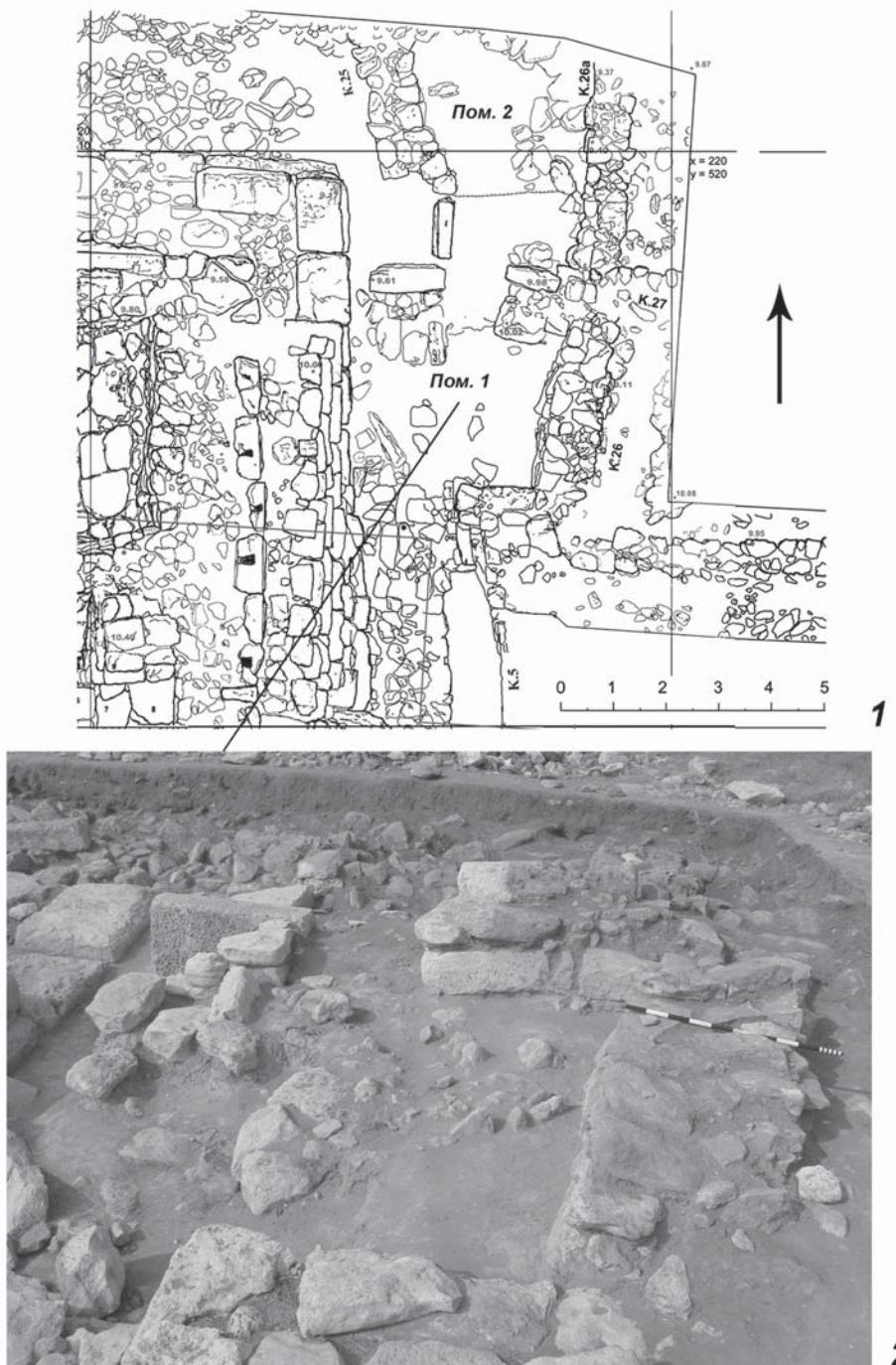

Рис. 2. План и общий вид восточного салтовского дома № 1 городища Кульчук. 1 – план дома (кладки 25–27); 2 – общий вид помещения 1 с ЮВ.

Fig. 2. Plan and general view of the eastern Saltovo house No. 1 of the settlement Kulchuk. 1 – house plan (masonry 25–27); 2 – view of room 1 from the SE.

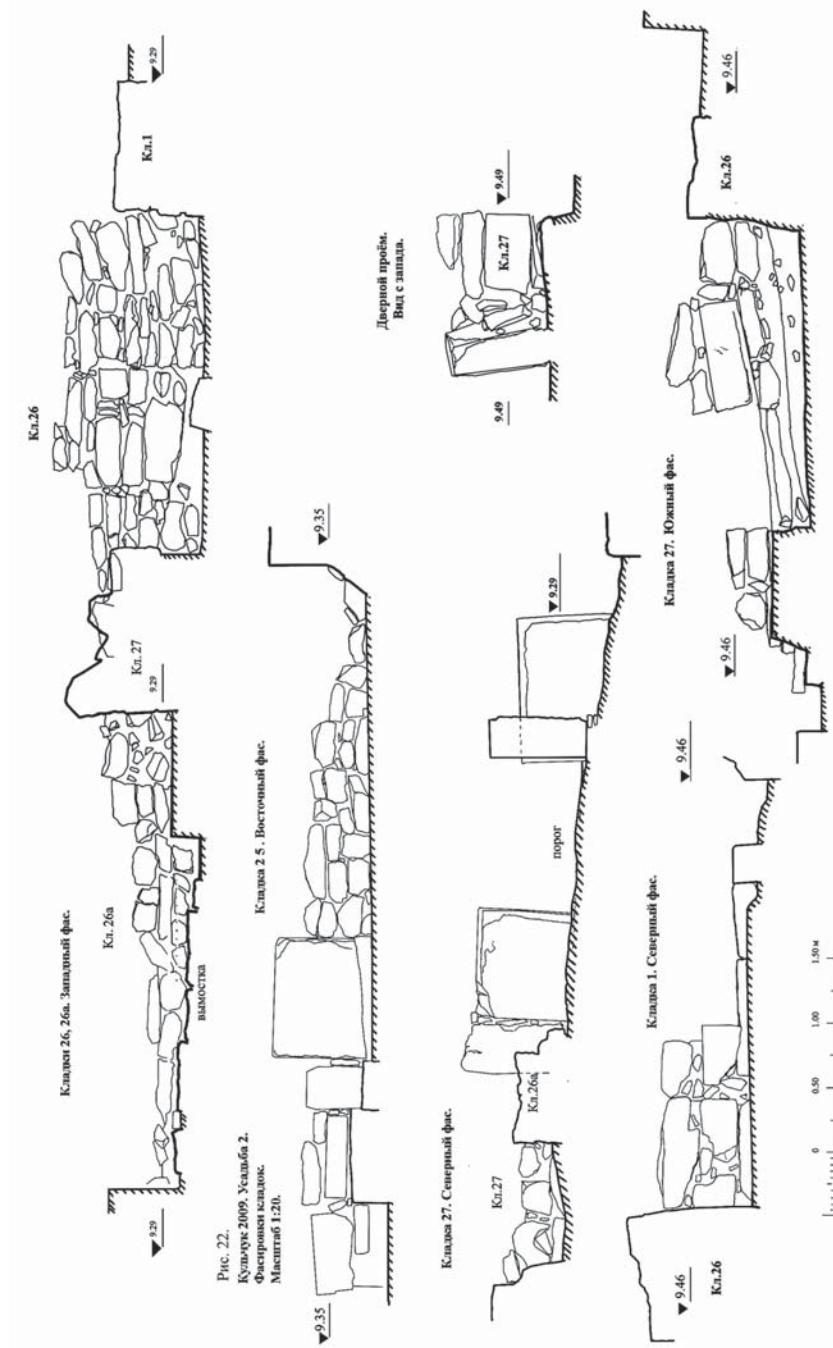

Рис. 3. Фасциировки кладок салтovского дома № 1 городища Кульчук. 1 – внутренние панцири восточных стен помещений 1 и 2; 2 – внутренний панцирь западной стены помещения 2; 3, 6 – северный и южный фасы кладки, разделяющей помещение; 4 – дверной проем в этой стене; 5 – внутренний панцирь южной стены помещения 1.

воначальный дверной проем (рис. 4, 3). Внешний панцирь только оконтурен максимально на 2–3 ряда камней. Можно сделать предположение о неоднократном ремонте и перестройке стены.

Северная стена этого помещения (кладка 27), смежная с помещением 2, сохранилась в длину на 4,0 м до места соединения с кладкой № 26. Важно отметить, что кладка продолжается и далее к востоку. Максимальную ширину, вследствие сползания панцирь, становить сложно. Западным концом стена была, очевидно, пристроена к противотаранному поясу башни. На расстоянии 1,85 м от него в ней зафиксирован дверной проем, шириной 0,9 м с хорошо укрепленными откосами (рис. 3, 4). Южный фасад стены максимальной высотой в три ряда, высотой до 0,95 м, сложен из крупных, рваных по слою и вторично использованных обработанных плит и блоков известняка, уложенных постелисто. Наиболее укреплены откосы дверного проема. Северный фасад стены сооружен из установленных на ребро античных рустованных блоков башни, высотой до 0,75 м, длиной 0,85–1,16 м, шириной 0,35 м. Блоки эти были извлечены строителями, как из орфостатного ряда первоначальной башни, так и вторично использованные еще раньше в пирамидальном поясе (с подрубкой под углом). Важно отметить, что подошва блоков, являющаяся основанием кладки, находилась несколько ниже третьего (верхнего) уровня вымостки возле башни. При этом основание рассматриваемой кладки на 0,20–0,37 м выше открытого основания кладки 26, что свидетельствует не об их разновременности, а об отсутствии нивелировки при строительстве.

Южной стеной помещения, как уже отмечалось, является участок северной стены усадьбы 2 (кладка 1). Его длина составляет 1,40 м при максимальной сохранившейся высоте 0,58 м. Кладка сложена в два ряда обколотых плит вторичного использования, уложенных плашмя и по центру помещения заканчивается торцом пилона ворот. Его основание в этом месте расположено на вымостке в воротном проёме. Эти ворота митридатовского времени, служили и салтовцам южным входом в дом.

Стратиграфически в этом помещении под дерном, толщиной до 0,15 м находилась серо-золистая супесь. До глубины 0,50 м от поверхности в ней и каменном завале под ней (также с серой золой) обнаружены фрагменты салтово-маяцкой керамики. Ниже, в этом же завале до глубины 0,80 м, наряду с фрагментами тары с двуствольными ручками позднего эллинистического – римского времени, по-прежнему, встречаются фрагменты раннесредневековой посуды.

Помещение 2 образовано с востока кладкой 26а, с запада – кладкой 25, с юга – смежной стеной с помещением 1. Северная стена помещения раскопками не открыта. Западная стена сложена она из рваных по слою и вторично использованных обломков обработанных плит. Максимальная ее ширина составляет 0,80–0,90 м. Во время раскопок она была ориентирована по оси СЗ–ЮГ. Однако первоначальную ориентировку задает сохранившийся на стыке внутреннего панциря этой кладки с южной стеной рустованный античный блок (0,90 x 0,28 x 0,45 м). Вероятнее всего, изначально эта стена была параллельна восточной, а затем, возможно, в следствие тектонического воздействия, произошло ее смещение. Уровень подошвы блока соответствует порогу помещения 2. По западному фасаду кладка открыта на 1–2 ряда, высотой до 0,60 м, по восточному – до 0,50 м (на 1–3 ряда). Восточная стена (кладка 26а), ориентированная по оси север–юг,

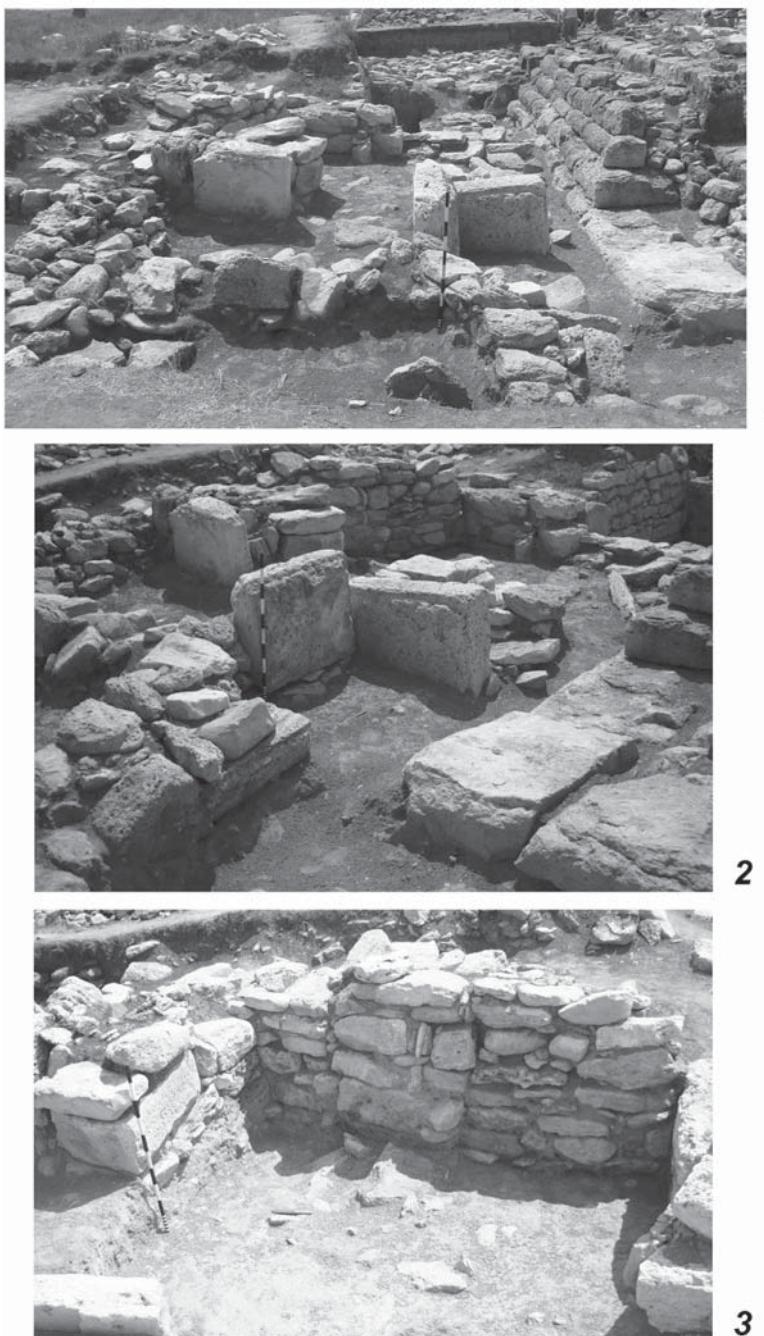

Рис. 4. Общий вид восточного салтовского дома № 1 городища Кульчук. 1 – вид с севера; 2 – вид с СВ; 3 – вид внутреннего панциря восточной стены помещения 1 с заложенным входом.

Fig. 4. General view of the eastern Saltovo house No. 1 of the settlement Kulchuk. 1 – view from N; 2 - view from NE; 3 – view of the inner shell of the east wall of Room 1 with a fixed entrance.

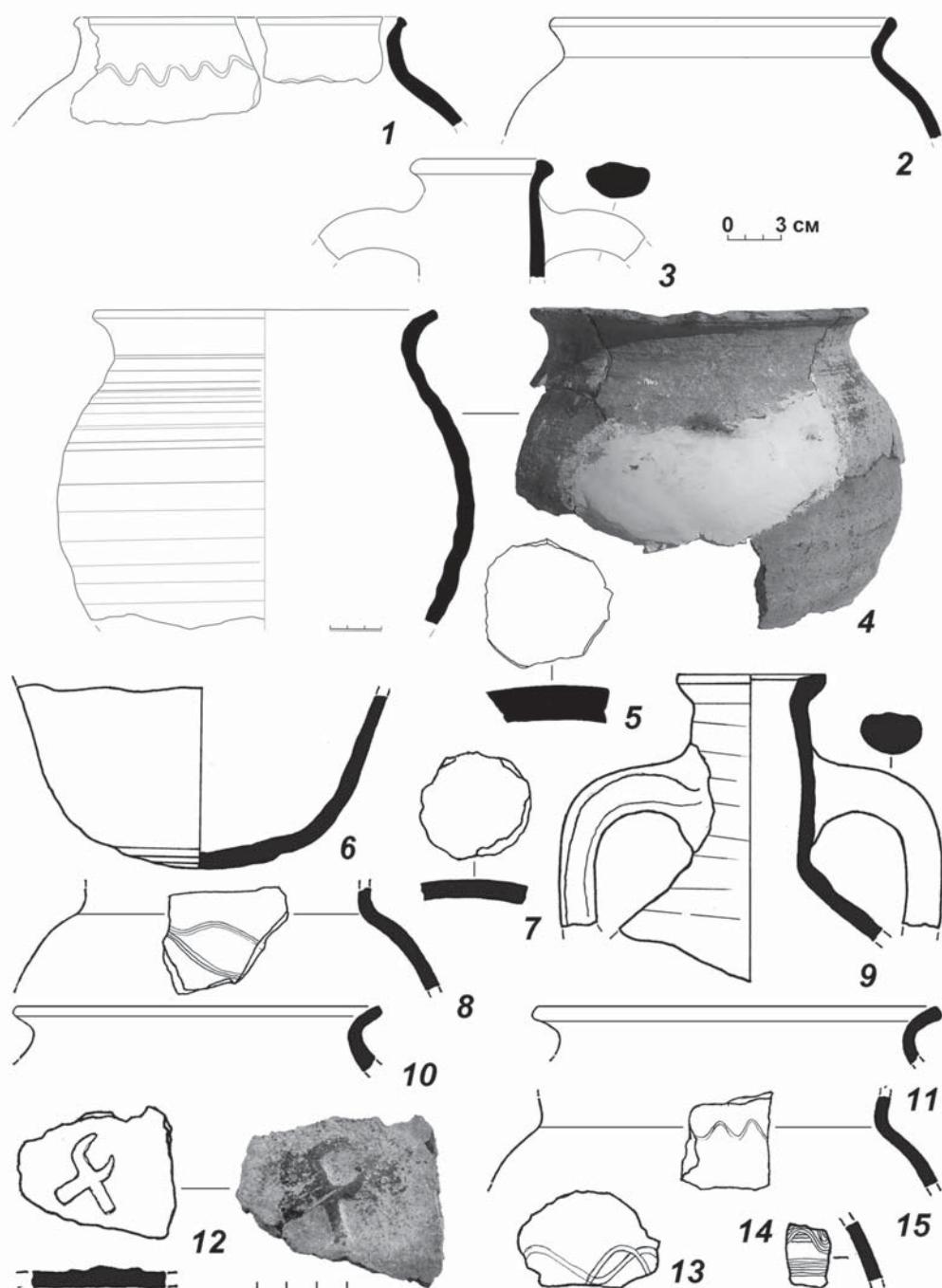

Рис. 5. Керамический комплекс салтово-маяцкого времени городища Кульчук. 1–4 – заполнение восточного дома № 1 и перекрывающего слоя; 5–15 – участок к северу от башни 2.
 Fig. 5. Ceramic complex of the Saltovo-Mayaki time of the settlement Kulchuk. 1–4 - filling of the eastern house No. 1 and the overlapping layer; 5–15 – a section north of Tower 2.

соединяется с северным панцирем кладки 27. Максимальная ширина составляет до 0,90 м, открыта, в основном, по верху, в отдельных местах западного фасада в 2–3 ряда кладки. Поверхность кладки была расположена на уровне каменного завала под серо-золистой супесью. С восточного фасада открыта на один ряд камней, а с западного – на всю сохранившуюся высоту до 0,60 м в 3–4 ряда камней. Внутренний панцирь расположен непосредственно на вымостке из крупных рваных по слою плит.

Не исключено, что дом № 2 состоял еще из нескольких помещений. Так восточный панцирь кладки 26а и северный панцирь кладки 27, возможно образовывали еще одно помещение. Однако кроме его юго-западного угла, ничего более неизвестно.

Из заполнения двух проанализированных помещений дома происходит немногочисленный, но яркий и показательный археологический материал. Прежде всего, это венчик с остатками ручки причерноморской амфоры с мелким зональным рифлением (рис. 5, 3), которые изготавливаются не позднее середины IX в., а наиболее активно бытуют во второй половине предыдущего столетия. Во-вторых, это верхние части раннегончарных кухонных сероглиняных горшков с уплощенным плавно отогнутым венчиком (рис. 5, 1, 2). Эти подправленные на круге кухонные сосуды хорошо известны по раскопкам салтовских памятников центрального и юго-западного Крыма, где являются ведущими формами¹². Данные горшки довольно хорошо описаны в литературе. Это сосуды с яйцевидным туловом темно-серого или черного цвета с обильными примесями дресвы, песка, реже шамота. Поверхность тула часто заглажена. Присутствуют и совершенно аналогичные горшки, изготовленные из оранжевой глины. Характерной особенностью является двойной, реже одинарный волнистый орнамент, расположенный обычно на шейке или плечиках горшков. Гравировка линий четкая и глубокая, но, при этом, орнамент наносился небрежно. Как уже отмечалось, все сосуды носят следы подправки на гончарном круге. По мнению И.А. Баранова, это свидетельствует о постепенном процессе оседания праболгар на землю¹³. Зафиксированы следы обстругивания, обтачивания и заглаживания при помощи простейшего гончарного круга. При этом действительно заметна постепенная эволюция этих гончарных операций, выразившаяся, прежде всего, в появлении более прогрессивных следов профилирования на венчиках некоторых технологически наиболее совершенных сосудов. Очевидно, горшки этого типа являются прямой генетической подосновой салтово-маяцкой кухонной керамики, определяющей «лицо» этой культуры. В отличие от юго-западного и северо-западного Крыма, в восточной Таврике их заметно меньше. На этом основании В.И. Баранов предположил принадлежность этих горшков особой этнической группе салтовцев¹⁴, что требует, безусловно, более веской аргументации. Повторим еще раз, что на наш взгляд, наличие этих горшков связано с первоначальным этапом формирования кухонного керамического комплекса салтовцев Крыма. Вряд ли они существуют позже рубежа VIII–IX вв. Привлекает внимание сохранившийся на 2/3 горшок с рифленой поверхностью из

¹² Baranov 1990, 32, Taf. 2; Белый 1993, 132–142, рис. 15, 1–4; Белый, Назаров 1992, 328, рис. 10, 2, 4; Якобсон 1979, 63, рис. 35, 7; 22, рис. 7, 6; Храпунов 1991, 222, рис. 40.

¹³ Баранов 1990, 91.

¹⁴ Баранов 2006, 34–36.

заполнения этого дома (рис. 5, 4), редко встречающийся в раннем керамическом комплексе крымских салтовцев. На основании вышеприведенных аргументов, дом № 1 датируется в рамках середины – второй половины VIII в.

В 2007–2011 гг. велись работы по изучению салтово-маяцкого слоя на участке к северу от башни 2 (рис. 1, 3). Здесь был четко зафиксирован развал северной стены башни с салтовскими перекопами для выборки строительного камня. Особенno активно использовался участок, примыкающий к северо-западному углу башни. В отличие от всего остального раскопанного участка вдоль всей северной стены башни, крупных блоков, плит и их обломков здесь практически не отмечено. Это было удобно, поскольку в момент добычи камня салтовцами, блоки развала башни выступали на поверхности. Отметим, что годом раньше, при самом начале раскопок над северной стеной башни была так же зафиксирована траншея салтовского времени от добычи строительного материала.

В ходе раскопок, стен, которые можно было бы связать со строительной деятельностью салтовцев, на этом участке не отмечено. Однако в слое присутствует довольно многочисленный археологический материал, в основном в виде фрагментов. Отметим нижнюю и верхнюю части оранжевоглиняных амфор с мелким зональным рифлением (рис. 5, 6, 9), время активного бытования которых, приходится на период VIII – первой половины IX в. Подавляющее большинство и здесь составляют проанализированные выше раннегончарные сероглиняные горшки с двойным волнистым орнаментом (рис. 5, 8, 10, 11, 13, 15), в том числе фрагмент дна с редким клеймом в виде тамгообразного знака (рис. 5, 12). Находки керамики IX в. – единичны (рис. 5, 14). Отметим происходящие из этого слоя две керамические пробки (рис. 5, 5, 7).

Остается добавить, что в 2007 г. в заполнении самой башни № 2 был отмечен горизонт красно-коричневого суглинка от разрушенных и разложившихся сырцовых стен с мощным каменным завалом от их фундаментов. Непосредственно на этом слое в районе внутреннего северо-восточного угла башни обнаружено было аморфное пятно обожженной глины и золы, вероятно, от очага, рядом с которым найдены фрагменты раннесредневековой фляги и венчика раннегончарного горшка с двойным волнистым орнаментом (рис. 7, 12, 15). Какова связь этого объекта с проанализированным домом № 1, пока не ясно.

Западный дом № 2 (рис. 6, 1) начал изучаться в 2008 г. Стратиграфически на всей площади западного раскопа под слоем дерна до 0,10 м толщиной. Был зафиксирован слой серой супеси с каменным завалом, до глубины от 0,60 до 0,80 м, содержащий раннесредневековый материал вместе с находками рубежа эр и начала новой эры.

В северной части западного раскопа в этом слое с уровня поверхности пирамидального пояса западной стены башни № 2 была обнаружена восточная стена дома (кладка 23) (рис. 6, 1), сложенная на грязевом растворе, сохранившаяся полностью. Ее длина составляет 5,25 м при толщине до 0,50 м и максимальной сохранившейся высоте четырех рядков – до 0,70 м. Кладка параллельна башне и находится на расстоянии от 0,70 до 1,00 м от ее западного панциря. Ее крупные вторично использованные камни, размерами по фасаду до 1,0 x 0,70 м, установлены на ребро. Стена расположена на поверхности каменного завала из мелких и средних камней, намеренно засыпанных утрамбованной глиной для сглаживания

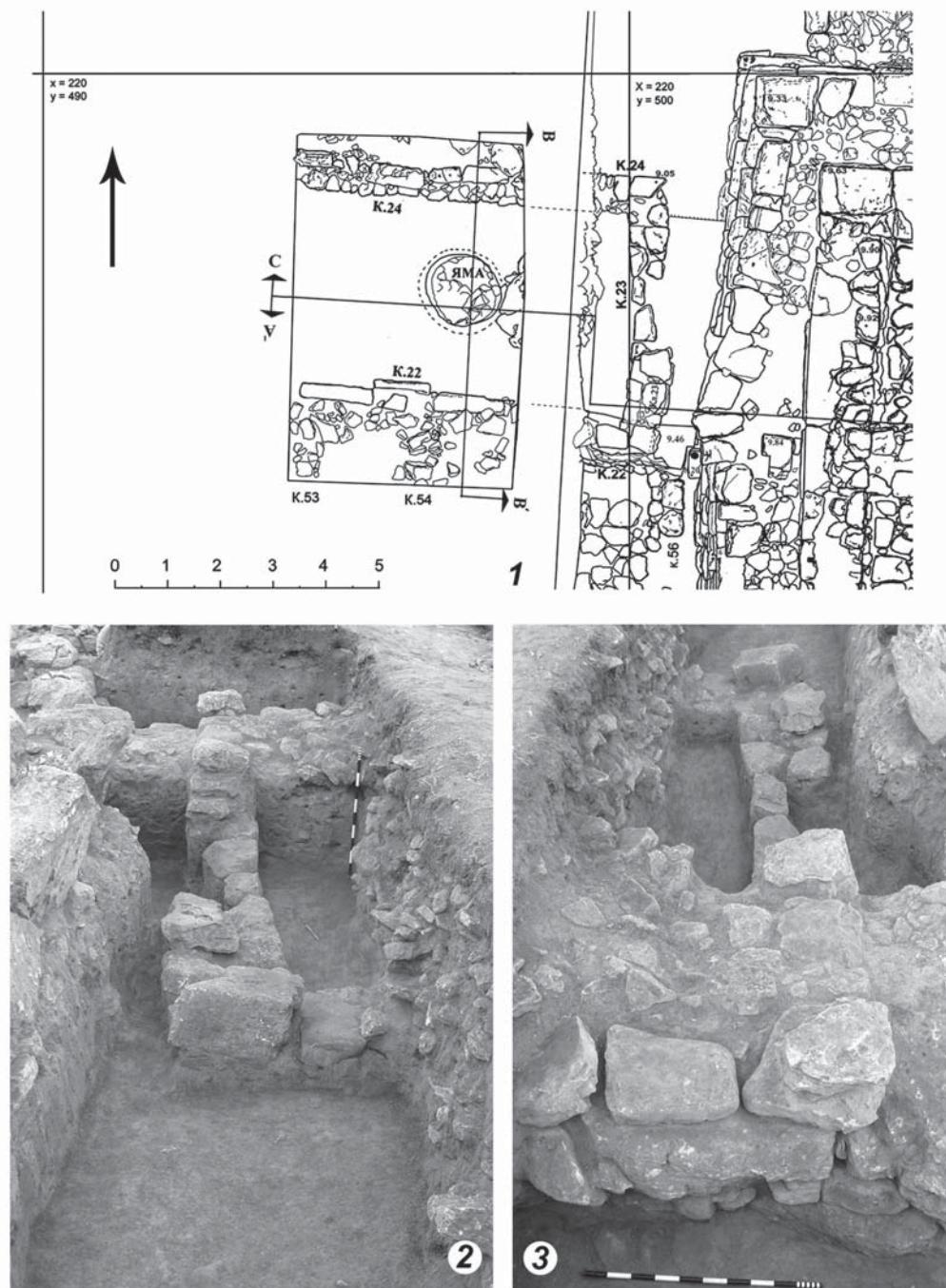

Рис. 6. План и общий вид западного салтовского дома № 2 городища Кульчук. 1 – план дома (кладки 22–24); 2–3 – восточная стена дома с севера и юга.
 Fig. 6. Plan and general view of the western Saltovo house No. 2 of the settlement Kulchuk.
 1 –house plan (masonry 22–24); 2, 3 – the eastern wall of the house from the north and south.

неровностей поверхности. Однако подошва стены не горизонтальная, с северного конца она выше южного на 0,60 м, что предполагает ее установку на существовавший рельеф без предварительной нивелировки территории. Тем не менее, и северный, и южный углы сложены в перевязь (рис. 6, 2, 3). Стена сложена из вторично использованных известняковых блоков. Ближний к противотаранному поясу блок стены - профилированный и в нижней части имеет паз для запора. Скорее всего, это вторично использованный блок откоса ворот (может быть, даже въездных). Он хорошо отесан и крупных размеров. Этой стене соответствует слой серо-золистой супеси и керамический материал, включающий и находки раннесредневековой керамики. Камень (рваные по слою плиты и обломки обработанных камней) был добыт рядом из завалов башни. Ниже подошвы стены расположен коричневый суглинок (развалы более ранних разложившихся сырцовых стен) с примесью золы и камнями.

Северная стена дома (кладка 24), открытая в 2008 г. была доследована в 2010 г. Общая длина неизвестна, исследованная – составляет 7,10 м при ширине 0,50 м и максимальной сохранившейся высоте не более двух рядков кладки. Характер ее расположения и техника полностью соответствует восточной стене. Она однорядная из природных плит, уложенных плашмя, а также вторично использованных обработанных камней (тесанных и обколотых). Южная стена (кладка 22) раскопана в длину до 7,00 м. она отличается уже известным нам приемом сооружения части панциря из поставленных на ребро каменных блоков облицовки античной башни № 2. На открытом участке использовано два таких блока во внутреннем панцире. Внешний панцирь кладки сохранился фрагментарно. Не исключено, что к нему были пристроены еще две параллельные кладки, сохранившиеся в виде развалов, позволяющих только проследить их направление.

Таким образом, перед нами довольно крупный однокамерный дом, фундаменты которого сложены небрежно без использования элементов кладки «в елку», но с использованием каменных блоков от башни античного времени. Сами стены, судя по слою разложившегося сырца, зафиксированного, как с внешней, так и с внутренней стороны, были глинобитными.

Археологический материал был обнаружен, как в заполнении самого дома на уровне кладок, так и в дерновом слое, перекрывающем их. И здесь основную массу находок составляют фрагменты керамики. Амфоры не зафиксированы, а практически единственным типом кухонных сосудов являются уже проанализированные выше раннегончарные сероглиняные горшки с плавно отогнутым уплощенным венчиком и двойным, реже одинарным волнистым орнаментом на шейке и плечиках (рис. 7, 1-9). Индивидуальные находки представлены небольшим игральным астрагалом с отверстием в центре (рис. 7, 11) и глиняным диском диаметром 4,8 см с неровными «зубчатыми» краями (рис. 7, 10), представляющим несомненный интерес. Л.Ю. Пономарёв эти изделия справедливо соотносятся с дисковидными амулетами, напоминающими ритуальные «хлебцы» или «лепешки»¹⁵. Ученый, собравшие все немногочисленные аналогии в количестве 6 экземпляров, отмечал, что они характерны исключительно для Керченского полуострова, а за его пределами зафиксированы только в Саркеле. Исследователь

¹⁵ Пономарёв 2014, 246–248.

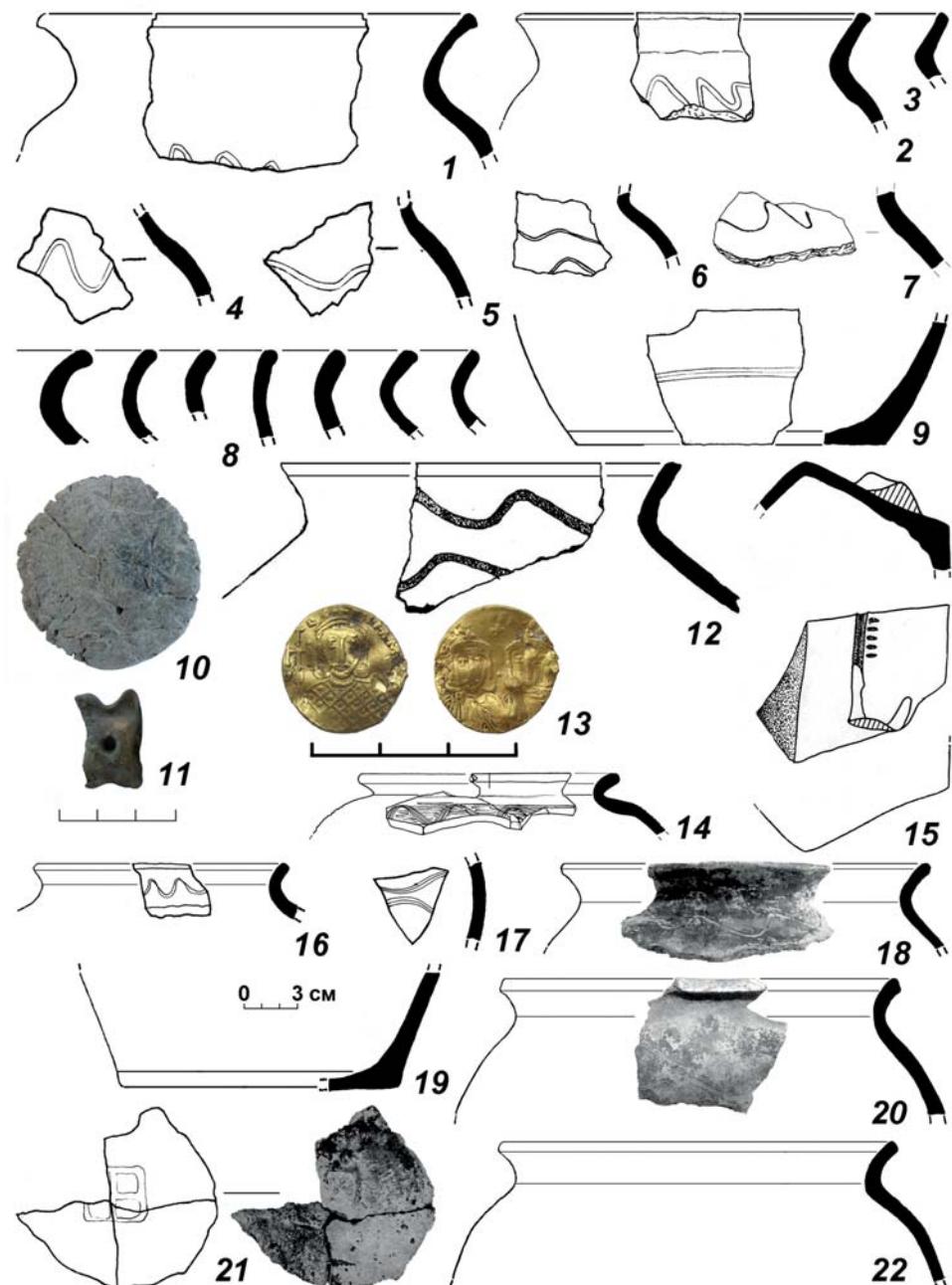

Рис. 7. Археологический материал салтово-маяцкого времени городища Кульчук. 1–11, 13 – заполнение западного дома № 2 и перекрывающего слоя; 12, 15 – заполнение очага внутри башни № 2; 14 – западная прирезка; 16–22 – участок к югу от башни 2.

Fig. 7. Archaeological material of the Saltovo-Mayaki time of the settlement of Kulchuk. 1–11, 13 – filling of the western house No. 2 and the overlapping layer; 12, 15 – filling the center inside tower No. 2; 14 – western cutting; 16–22 – section south of tower 2.

аргументировано трактует их не только как амулеты, но и как вотивные изделия в виде обрядового хлеба. Раннюю датировку и этого комплекса в рамках середины – второй половины VIII в. подтверждает и уже упоминавшийся¹⁶ единственный, пока, в северо-западном Крыму солид Константина V, обнаруженный в заполнении (рис. 7, 13).

В 2008 г. был заложен раскоп к югу от башни 2. Первоначально он состоял из 14 квадратов, площадью 2,5 x 2,5 м каждый, глубиной от 0,20 до 0,50 м (рис. 1, 3). Слой, зафиксированный здесь, аналогичный остальным участкам, перекрывал, в основном, кладки жилых и хозяйственных помещений скифского времени. Каких-либо кладок салтовского времени выделить, пока, не удалось. Археологический материал представлен преобладающими фрагментами раннегончарных кухонных горшков с двойным линейным орнаментом (рис. 7, 16-20, 22), в том числе дном с клеймом в виде креста, заключенного в прямоугольник (рис. 7, 21). Отметим и венчик аналогичного горшка, изготовленного из глины оранжевого цвета (рис. 7, 20). Всего одним мелким фрагментом представлена кухонная салтовская керамика второй половины IX в. (рис. 7, 14).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированная выше источниковая археологическая база позволяет прийти к следующим предварительным выводам. Действительно, все исследованные постройки салтовского времени городища Кульчук и наиболее насыщенный материалом культурный слой группировались вокруг основного фортификационного сооружения античного времени – башни № 2. В раннесредневековое время она не только была видна на большом расстоянии, но, возможно, могла еще выполнять фортификационные функции. Пока мы можем говорить только о двух домах с каменным фундаментом глинобитных стен. Исходя из отсутствия нивелировки и небрежной техники кладки, эти фундаменты возводились достаточно быстро и небрежно и неоднократно подновлялись. В качестве укрепления панцирь кладок использовались массивные блоки античной каменной облицовки башни № 2. Подавляющее большинство немногочисленных и сильно фрагментированных находок датируется в рамках середины – второй половины VIII в., что подтверждают и нумизматические находки. Материал более позднего времени – единичен. Вероятно, перед нами сезонное убежище салтовцев северо-западного Крыма, возникшее в первой половине VIII в. и практически не использовавшееся после второй половины этого же столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов, В.И. 2006: К вопросу об этнокультурной дифференциации салтово-маяцких памятников Крыма (VII-X вв.). В сб.: Н.М. Куковальская (отв. ред.), *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции*. Т. II. Киев-Судак, 34–36.
- Баранов, И.А. 1990: *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев.

¹⁶ Ланцов 2019, 83, рис. 1, 4.

- Белый, А.В. 1993: Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. В кн.: Ю.М. Могаричев (ред.), *История и археология юго-западного Крыма*. Симферополь, 49–53.
- Белый, А.В., Назаров, В.В. 1992: Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. В кн.: Ю.М. Могаричев (ред.), *Проблемы истории пещерных городов в Крыму*. Симферополь, 132–142.
- Голенцов, А.С. 1994: Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.). *Археологические исследования в Крыму 1993 года*. Симферополь, 80–84.
- Грацианская, Л.И., Ланцов, С.Б., Уженцев, В.Б. 2007: Исследования Кульчукского городища. В кн.: *Памятники культуры глазами студентов. Археология, искусствоведение, краеведение, реставрация*. Вып. II. М., 141–147.
- Кутайсов, С.В. 2002: Салтовские памятники Северо-Западного Крыма. В кн.: Н.М. Куко-вальская (отв. ред.), *Судея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины*. Киев–Судак, 155–159.
- Кутайсов, С.В. 2003: Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-За-падного Крыма. *Херсонесский сборник XII*, 274–286.
- Кутайсов, С.В. 2008: Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологиче-ская карта). В сб.: А. Кемалова (ред.), *Калос-Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское: Материалы I международной научно-практической конференции. Черноморское*. Симферополь, 48–55.
- Ланцов, С.Б. 2008: *Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городищах Кульчук и Беляус в 2007 году*. Архив ФГБУН Институт археологии Крыма РАН.
- Ланцов, С.Б. 2010: Основные результаты работ Донузлавской экспедиции в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2009 г. *Археологічні дослідження в Україні 2009*. Киев–Луцк, 262–265.
- Ланцов, С.Б. 2019: Новые находки античных и византийских монет на синхронных сель-ских поселениях южного берега Тарханкутского полуострова. В сб.: Н.А. Алпксеенко (ред.), *ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка*. VI Международный Нумиз-матический Симпозиум. Симферополь, 81–88.
- Ланцов, С.Б., Колтухов, С.Г., Уженцев, В.Б., Грацианская, Л.И. 2008: Работы Донузлавской экспедиции КФ ИА НАН Украины в 2006 г. *Археологічні дослідження в Україні 2005 – 2007 pp.* Киев, 257–260.
- Майко, В.В. 2017: Северо-западный Крым в VII–XV вв. попытка исторического очерка. В сб.: Ю.А. Денисенко (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма: материалы III международной научно-практической конференции*. Симферополь, 118–128.
- Пономарев, Л. Ю. 2014: Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова. *История и археология Крыма. I*, 235–267.
- Храпунов, И.Н. 1991: Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.). *МАИЭТ II*, 3–34, 183–234.
- Шапцев, М.С. 2015: История исследования памятников средневекового времени в северо-западном Крыму. *Крымское историческое обозрение 3*, 165–179.
- Якобсон, А.Л. 1979: *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Л.
- Baranov, I.A. 1990: Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim. *Varia Archaeologica Hungarica III*, 23–45.

REFERENCES

- Baranov, I.A. 1990: *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya (saltovo-mayackaya kul'tura) [Taurica in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki culture)]*. Kiev.

- Baranov, I.A. 1990a: Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim. *Varia Archaeologica Hungarica* III, 23–45.
- Baranov, V.I. 2006: K voprosu ob etnokul'turnoy differentsiatsii saltovo-mayackikh pamyatnikov Kryma (VII–X vv.) [On the issue of ethnocultural differentiation of the Saltovo-Mayaki sites of the Crimea (the 8th–10th centuries)]. In: N.M. Kukovalskaya (ed.), *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy III Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Black Sea region, Crimea, Old Russia in the history and culture. Proceedings of the IIIrd Sudak International Scientific Conference]. Vol. II. Kiev–Sudak, 34–36.
- Belyi, A.V. 1993: Raskopki usad'by na gorodishche Kyz-Kermen [Excavations of the estate at the settlement of Kyz-Kermen]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.), *Istoriya i arkheologiya yugozapadnogo Kryma* [History and archaeology of the southwestern Crimea]. Simferopol, 49–53.
- Belyi, A.V., Nazarov, V.V. 1992: Raskopki usad'by na gorodishche Kyz-Kermen [Excavations of the estate on the settlement of Kyz-Kermen]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.), *Problemy istorii peshchernykh gorodov v Krymu* [Problems of the history of cave cities in the Crimea]. Simferopol, 132–142.
- Golentsov, A.S. 1994: Okhrannye raskopki antichnogo Kul'chukskogo gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993 gg. [Security excavations of the ancient Kulchuk settlement and burial ground in 1989–1993]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu 1993 goda* [Archaeological research in Crimea 1993]. Simferopol, 80–84.
- Grazianskaya, L.I., Lantsov, S.B., Uzhentsev, V.B. 2007: Issledovaniya Kul'chukskogo gorodishcha [Research of the Kulchuk settlement]. In: *Pamyatniki kul'tury glazami studentov. Arkheologiya, iskusstvovedenie, kraevedenie, restavratsiya* [Cultural monuments through the eyes of students. Archaeology, art history, local history, restoration]. Vol. II. Moscow, 141–147.
- Jacobson, A.L. 1979: *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki* [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad.
- Khrapunov, I.N. 1991: Bulganakskoe pozdneskifskoe gorodishche (po raskopkam 1981–1989 gg.) [Bulganak, Late Scythian settlement (according to excavations 1981–1989)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archaeology, history and ethnography of Tauria] II, 3–34, 183–234.
- Kutaysov, S.V. 2002: Saltovskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryma [Saltovo sites of the northwestern Crimea]. In: N.M. Kukovalskaya (ed.), *Sugdeya, Surozh, Soldayya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy* [Sugdea, Surozh, Soldaya in the history and culture of Russia-Ukraine]. Kiev–Sudak, 155–159.
- Kutaysov, S.V. 2003: Arkheologicheskaya karta rannesrednevekovykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma [Archaeological map of early medieval sites of the northwestern Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos collection] XII, 274–286.
- Kutaysov, S.V. 2008: Srednevekovye pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryma (Arkheologicheskaya karta) [Medieval sites of the northwestern Crimea (Archaeological map)]. In: A. Kovalova (ed.), *Kalos-Limen – Ak-Mechet' – Chernomorskoe: Materialy I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kalos-Limen – Ak-Mechet – Chernomorskoe: Materials of the 1st International Scientific and Practical Conference]. Simferopol, 48–55.
- Lantsov, S.B. 2008: *Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishchakh Kul'chuk i Belyaus v 2007 godu* [Report on the research of the Donuzlav archaeological mission in the towns of Kulchuk and Belyaus in 2007]. Archive of Institute of Archaeology of Crimea RAS.
- Lantsov, S.B. 2010: Osnovnye rezul'taty rabot Donuzlavskoy ekspeditsii v Sakske i Chernomorskem rajonah Kryma v 2009 g. [The main results of the work of the Donuzlav expedition in the Saki and Chernomorsk regions of Crimea in 2009]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukrayini* [Archaeological research in Ukraine 2009]. Kiev–Lutsk, 262–265.

- Lantsov, S.B. 2019: Novye nakhodki antichnykh i vizantiyskikh monet na sinkhronnykh sel'skikh poseleniyakh yuzhnogo berega Tarkhankutskogo poluostrova [Recent finds of ancient and Byzantine coins on synchronous rural settlements of the southern coast of the Tarkhankut Peninsula]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *"PriPONTiyskiy menyal: den'gi mestnogo rynka"*. VI Mezhdunarodnyy Numizmaticheskiy Simpozium [“Pontic money-changer: money of local market”]. VIth International Numismatic Symposium]. Simferopol, 81–88.
- Lantsov, S.B., Koltukhov, S.G., Uzhentsev, V.B., Grazianskaya, L.I. 2008: Raboty Donuzlavskoy ekspeditsii KF IA NAN Ukrayny v 2006 g. [Work of the Donuzlav expedition of the Crimean Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, in 2006]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukrini* [Archaeological research in Ukraine 2009]. Kiev, 257–260.
- Mayko, V.V. 2017: Severo-zapadnyy Krym v VII–XV vv. popytka istoricheskogo ocherka [North-western Crimea in the 7th–15th centuries. Attempt of a historical essay]. In: Yu.A. Denisenko (ed.), *Arkeologiya Severo-Zapadnogo Kryma: materialy III mezdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Archaeology of the northwestern Crimea: materials of the IIIrd International Scientific and Practical Conference]. Simferopol, 118–128.
- Ponomarev, L.Yu. 2014: Khozyaystvenno-bytovoy i kul'tovyy kompleks nakhodok iz saltovo-mayackikh poseleniy i mogil'nikov Kerchenskogo poluostrova [Household and cult complex of finds from the Saltovo-Mayaki settlements and burial grounds of the Kerch Peninsula]. *Istoriya i arkeologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea] I, 235–267.
- Shaptsev, M.S. 2015: Iстория исследования памятников средневекового времени в северо-западном Крыму [History of the study of medieval monuments in the north-western Crimea]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review] 3, 165–179.

SALTOVO-MAYAKI MATERIALS OF KULCHUK SETTLEMENT IN THE NORTH-WEST CRIMEA

Vadim V. Mayko¹, Viktor G. Zubarev², Kristina O. Markova²,
Mariya R. Mogucheva²

¹ Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
^{2, 3, 4} Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia

¹ E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru ² E-mail: parosta@mail.ru

³ E-mail: markova.kristina.25@yandex.ru ⁴ E-mail: moguchevamr@mail.ru

Abstract. The paper for the first time examines the medieval Saltovo-Mayaki materials of the settlement that arose on the site of Kulchuk in the northwestern Crimea. A new stage of its study began in 2006, associating with the work of the Donuzlav Mission led by S.B. Lantsov. The most actively Saltovo-Mayaki horizons and objects of Kulchuk were excavated in 2006–2009. To date, they are represented by two residential buildings attached on the west and east sides of the main ancient Tower 2 and associated with them by a cultural layer located on the south and north sides of this fortification. Particular attention is paid to the technique of masonry of stone foundations of houses using large ancient stone blocks facing the Tower. At the same time, the masonry technique itself is careless with the absence of masonry elements “in the Christmas tree.” This technique was recorded for the first time in the Saltovo settlements of Crimea. Archaeological material is few and is represented mainly by small fragments of ceramics. Based on amphora

containers, and, most importantly, a complex of kitchen utensils, it dates from a short period of time within the middle - second half of the 8th century. This is confirmed by numismatic data. Individual finds are singular. Materials of 9th century, especially its second half - is represented by only a few fragments. Most likely before us is a rather early Saltovo settlement, which was pronounced seasonal in nature. After every season, masonry, fallen into decay, renewed. The reasons for its abandonment in the second half of the 8th century, has yet to be clarified.

Keywords: Saltovo-Mayaki antiquities, northwestern Crimea, Kulchuk, ceramic complex, chronology

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 115–146
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 115–146
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-115–146

НОВЫЕ ИУДЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ II–IV ВВ. Н.Э. ИЗ КЕРЧИ

Д.В. Бейлин¹, В.П. Яйленко²

¹Институт археологии Крыма Российской академии наук, Керчь, Россия
²Независимый исследователь, Москва, Россия

¹ E-mail: denis_beylin1979@mail.ru ² E-mail: valeryjailenko@gmail.com

¹ ORCID: 0000-0002-5701-9402 ² ORCID: 0000-0002-9844-6259

Аннотация. В 2020 г. на иудейском некрополе у Павловского мыса близ Керчи были найдены 13 еврейских эпитафий, из которых 4 оказались более или менее целые. Хотя остальные разрушены, некоторые тексты поддаются примерной реконструкции. Одна надпись на древнееврейском языке датирована 584 г. б.э. = 281 г. н.э., все остальные – на греческом. Это весомое дополнение к примерно двум десяткам уже известных иудейских эпитафий Боспора. Новые эпитафии II–IV вв. н.э. проливают свет на должностную номенклатуру пантиканейской синагоги: архисинагог, пресвитер и др. Существенно расширилась антропонимика боспорских иудеев, причем она почти вся еврейская, что необычно для Диаспоры. На основании новых эпитафий можно сделать некоторые выводы о положении еврейской общины Пантиканея.

Ключевые слова: Боспор, Киммерийский, Пантиканей, иудейский некрополь, новые иудейские эпитафии II–IV вв. н.э., местные синагогальные должности, личные имена, положение местной иудейской общины

1. ИУДЕЙСКИЙ НЕКРОПОЛЬ БЛИЗ ПАВЛОВСКОГО МЫСА¹

Район мыса Ак-Бурун и Павловского мыса в городе Керчи известен исследователям прежде всего по археологическим раскопкам и изучению элитного курган-

Данные об авторе: Денис Владиславович Бейлин – младший научный сотрудник отдела греко-варварской археологии ИАК РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

¹ Археологический раздел (1) написан Д.В. Бейлиным (им же выполнены описания и обмеры плит, фотографии и прорисовки); эпиграфический раздел (2) – В.П. Яйленко.

ногого некрополя боспорской знати Юз-оба². В 1771 г. по приказу А.В. Суворова на Павловском мысу построена береговая батарея, в 1856–1857 гг. начаты масштабные строительные работы по возведению керченской крепости, навсегда изменившие исторический ландшафт мыса Ак-Бурун, Павловского мыса и прилегающих к нему территорий. В 1858 г. А.Е. Люценко начал археологические исследования курганов на Павловском мысу, в 1860 г. он поставил вопрос об археологических исследованиях курганных насыпей, разрушаемых военными³. В сентябре 1876 г. возле Павловской батареи рабочими раскопано 21 погребение, с сильно истлевшими скелетами, ориентированными головой на восток. Грунтовые могилы, пerekрытые дикарными плитами, вероятно, содержат погребения, совершенные в одной погребальной традиции, и не отличаются разнообразием погребального инвентаря⁴. В этом же районе 30 сентября 1876 г. А.Е. Люценко найдено три обломка надгробных плит, содержащих фрагменты надписей иудейских имен (КБН 735, 746, 777). На основании этого исследователями сделан вывод о местонахождении иудейского некрополя в районе Павловского мыса⁵. В последующее время некрополь не исследовался, а его точное местоположение осталось неизвестным.

С конца XIX в. в районе мыса Ак-Бурун найдено ещё несколько иудейских надгробий. Так, В.В. Шкорпил в сентябре 1899 г. возле лазарета, расположенного по левую сторону от шоссе, ведущего в керченскую крепость, вместе с другими обломками плит с изображениями иудейских семисвечников обнаружил надгробную плиту с надписью на иудейском языке КБН 736⁶. Еще одна плита с иудейской надписью – «Самуил, сын Севера» (КБН 743) – обнаружена в 1912 г. Ю.Ю. Марти в могиле за Цементной слободкой, справа от шоссе, ведущего в Керченскую крепость. Вместе с этой плитой в могиле обнаружены две плиты с изображением «иудейского семисвечника». Еще одно надгробие с иудейской символикой найдено в районе Цементной слободки в 2013 г. Л.Ю. Беликом между крепостным лазаретом (госпиталем) и передовым люнетом Керченской крепости⁷.

Исследователи справедливо отмечали, что в районе мыса Ак-Бурун, вероятно, располагались как минимум два иудейских некрополя – в районе Павловского мыса и у лазарета Керченской крепости близ Цементной слободки, где найдены иудейские epitafii.

Весной 2020 г., основываясь на сообщении старожила дачного посёлка, расположенного между Нижнебурунским и Верхнеберкнским маяками, о находке плиты с вырезанной иудейской символикой, сотрудники ИАК РАН Д.В. Бейлин и А.В. Куликов, а также сотрудник ИА РАН И.В. Рукавишникова осмотрели место находки – один из участков каменного карьера, который находится в 1,5 км севе-

² Виноградов и др. 2012; Бутягин, Виноградов 2014; Рукавишникова и др. 2012.

³ Бутягин, Виноградов 2014, 13.

⁴ «Возле Павловской батареи, к западу у первого скалистого холма, рабочими обнаружены во многих местах земляные гробницы, покрытые дикарными камнями; таких гробниц вскрыто 21; все они оказались очень бедными и однообразными, имели длиною каждая от 3 до 31/4, ширину 11/2 и глубину от 3/4 до 1 аршина, с оставами сильно истлевшими, лежащими головой на восток <...> В той же местности 30 сентября были открыты на глубине 11/2 аршина от поверхности земли три обломка плит мягкого раковистого камня с неполными древними надписями» (КБН, с. 430). К сожалению, ознакомиться с погребальным инвентарем исследованных погребений возможности нет.

⁵ КБН, 430.

⁶ Шкорпил 1900, 107–108.

⁷ Белик 2016, 41–43.

ро-западнее Павловского мыса. Территория заброшенного карьера частично перекрыта свалкой бытового и строительного мусора, северней сохранились остатки каменных оград заброшенных огородов. При осмотре территории выявлены слабо читаемые грабительские ямы. Именно здесь, в каменных отвалах карьера и в разрушенных кладках оград заброшенных участков, удалось собрать представительную коллекцию из 25 фрагментов иудейских надгробий, из которых 13 содержат надписи. На остальных 12 сохранились изображения menor.

Найденные в 2020 г. надгробные плиты, вне всякого сомнения, маркируют территорию участка некрополя иудейской общины. Вполне вероятно, что именно этот участок иудейского некрополя исследовал в 1876 году А.Е. Люценко. Здесь, на наш взгляд, уместно поставить вопрос о принадлежности выявленного участка некрополя иудейской общине Пантикопея или поселению (городищу), остатки стен и построек которого описал П. Дюбрюкс в районе мыса Ак-Бурун⁸. Даже самый поверхностный анализ описания остатков стен и построек, а также планов, составленных П. Дюбрюксом, дает основание полагать, что у Павловского мыса было расположено крупное укрепленное поселение либо городище, отождествляемое С.А. Шестаковым с Гермисием⁹, упомянутым Помпонием Мелой (Chorogr. II. 1) и Плинием Старшим (NH. IV. 87).

Археологическими разведками разных лет в районе мысов Ак-бурун и Павловского зафиксирован ряд поселений, а также участки культурного слоя, материалы из которых датируются от конца VI в. до н.э. до VIII в. н.э. Не единичны и находки сосудов более позднего времени.

Строительство Керченской крепости, а также активная хозяйственная деятельность, изменившая ландшафт большей части территории мыса, вряд ли позволяют найти и достаточно точно локализовать зафиксированные и нанесенные на план П. Дюбрюксом строительные остатки городища и определить истинные границы поселений, выявленные разведками предшественников и современников¹⁰.

Наиболее перспективными в плане археологических исследований являются территории дачного поселка, расположенного к северо-западу и западу от Керченской крепости. Здесь фиксируется наибольшая концентрация археологического материала, а на обрабатываемых отдельных частных участках визуально просматривается культурный слой, насыщенный золой и керамикой. Это подтверждают и сообщения собственников участков, указывающих в том числе и на многочисленные находки пантикопейских монет как эллинистического, так и позднеантичного времени. Многочисленные находки позднеантичных боспорских монет зафиксированы при раскопках территории поселения эпохи бронзы Госпиталь II¹¹ и военно-полевого лагеря Керченской крепости¹², которые расположены немного севернее упомянутого дачного поселка.

Таким образом, можно предположить, что поселение или городище, остатки которого были описаны П. Дюбрюксом, продолжало функционировать в том или ином виде в позднеантичное время. Соответственно, есть основания полагать,

⁸ Дюбрюкс 1858, 34–49; 2010/I, 295–304; 2010/II, 201–207 и рис. 472–477.

⁹ Шестаков 1999, 103–112.

¹⁰ Семенов, Кунин 1962, 257; Шестаков. 1999, 103–112; Котин 2012, 57; Белик 2016, 40–41.

¹¹ Бейлин и др. 2018, 9–35.

¹² Рукавишникова и др. 2018, 276–283; Рукавишникова и др. 2019, 399–417.

что локализуемые иудейские некрополи (или участки обширного некрополя) близ Павловского мыса и в районе Цементной слободки относятся именно к упомянутому выше поселению. Предварительно период функционирования участка иудейского некрополя у Павловского мыса можно датировать III–IV вв. н.э.

2. ЭПИТАФИИ ИУДЕЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

2.1. Вводные замечания

Для общей картины отметим, что всего ныне известно свыше 4000 надписей римского и ранневизантийского времени об иудеях, абсолютное большинство составляют эпитафии¹³. Основной язык наших источников об иудеях эллинистического да римского времени и пространства – греческий: надписи, папирусы, литературные сочинения, главный источник об иудеях диаспоры – эпиграфика. Надписи на греческом языке составляют почти 9/₁₀, в том числе в Риме 80%, Египте – 90%, Малой Азии – 95%¹⁴. Лишь 10–15% эпитафий составлено на древнееврейском или арамейском языках, главным образом в Палестине. Это свидетельство сильной эллинизации иудеев диаспоры отражает основательную вовлеченность тех в сферу греко-восточной эллинистической культуры. Имплицитно отсюда следует, что развитой традиции составления намогильных надписей у них не было. Любые эпитафии античного мира – греческие, латинские, иудейские – строились по определенному набору слов и их аранжировке (конструкции), такие наборы именуются формулами. В каждом городе или на поселении были свои излюбленные формулы. Так, в Риме большинство иудейских эпитафий (^{4/5} из них написано на греческом языке, редко по-латыни) построено по формуле ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек» с дополнительными, но не обязательными указаниями возраста, должности, родственных связей и заключительным напутствием покойться в мире. Лишь единичны примеры употребления в начале формулы ὅδε κεῖται. Напротив, на иудейском некрополе Венозы в Южной Италии, как правило, употребляется формула ὅδε κεῖται и часто слово τάφος + личное имя «могила имярека», отсутствующее в иудейских эпитафиях Рима¹⁵. В некоторых нижеследующих надписях с пантикопейского некрополя (см. ниже раздел 2.3) представлена часть упомянутых формул. Ряд иудаистов полагает, что формула ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек» еврейская и библейская по происхождению, ссылаясь на стих 9 псалма 4: «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности»¹⁶. Это заблуждение, ибо формула существовала задолго до появления в иудейских эпитафиях у греков в надгробных надписях классического и эллинистического времени¹⁷. С повсеместной эллинизацией иудейства на Ближнем Востоке, проходившей в III–II вв. до н.э., данная формула проникла в еврейскую эпиграфику, где вообще жанр эпитафий был развит мало.

¹³ Horst 1994, 129.

¹⁴ Horst 2014, 33.

¹⁵ См., к примеру: Rutgers 1997, 247.

¹⁶ Rutgers 1995, 185. В поисках нужных сведений из Библии большую помощь оказывает замечательный труд архимандрита Никифора «Библейская энциклопедия» (М., 1891, репринт 1990 г.).

¹⁷ Peek 1957, 13–14.

Кратко поясним и статус иудейских общественно-религиозных объединений в Римской империи¹⁸. Со времен Августа да Цезаря евреям диаспоры разрешалось учреждать синагоги и иные типы общественных объединений, которые пользовались внутренней автономией по типу *collegia Latina*. У них было право на собрания по субботам для чтения торы, также по другим священным у них дням они могли вводить внутреннее налогообложение для осуществления деятельности синагог, также сбор полушенекеля на иерусалимский Храм. Но время от времени в связи с какими-либо военно-политическими событиями они лишались права на осуществление своих собраний, учреждение ассоциаций и прочее. Так было во времена Иудейской войны 66–74 гг. и восстания Бар Кохбы 135 г., лишь Антонин Пий восстановил легальную автономность еврейских ассоциаций, продолжили эту политику и Северы. Но всегда сохранялись также существенные ограничения для евреев, прежде всего, отдельное их поселение в городах, типа гетто. К примеру, в Риме они могли селиться только за Тибром в районе *Transtiberinum* (*regio XIV*), т.е. вне города. В лучшие времена здесь было 5 синагог; хоронить покойников им позволено лишь в загородных катакомбах (вилла Торлония, Монтерверде, Винья Ранданини, вия Лабикана и пр.), в результате отсюда и происходят сотни иудейских эпитафий, почти все на греческом языке¹⁹.

Больше всего иудейских эпитафий античного времени (начиная с III в.) сосредоточено в Риме – до 600. Это огромный материал, и в силу этого он явственно выказывает ряд закономерностей, свойственных этому типу надписей. Нижеследующие иудейские надгробные надписи из окрестности Пантикея, а также те, что опубликованы ранее в КБН, следуют некоторым из этих закономерностей, поэтому мы часто будем обращаться к римским эпитафиям (по изданию Д. Ноу 1995 г.).

2.2. Каталог

Сначала рассмотрим 5 мужских эпитафий, в которых упоминается синагогальный титул умерших, т.е. это люди с более или менее важным положением в синагоге²⁰.

1. Известняковая плита, обломана справа (скол старый), сохранились левая и верхняя грани. На левой грани следы-оттески в виде косых бороздок. Высота – 53 см, ширина по верхнему краю – 30 см, по нижнему краю – 42 см, толщина – 7,5 см (рис. 1, 1). Оборотная сторона обработана суммарно. Нижняя часть рваная и неровная, так как предназначалась для вставки камня в насыпь могилы. Сохранились четыре строки эпитафии, каждая справа утрачена; средняя высота букв от 4,5 до 6,4 см. Бессспорно читаемый в стк. 3–4 титул ἄρχη[συνα]γωγό[ς] показывает, что в стк. 1–2 утрачено примерно по 3–4 буквы (видна и левая часть дужки □ от его лунарной сигмы С). Текст:

ραββὶ Θ[εόμ]η[ν] το[ς] ἄρχη[συνα]γωγό[ς] «рабби Теомнест (?)», архисинагог».

¹⁸ Rocca 2014, 19–22; 2019, 445–451; Pucci Ben-Zeev 1996, 39 f.

¹⁹ Изданий несколько, укажем последнее: Noy 1995.

²⁰ Камней автор раздела не видел и работал с фотографиями Д.В. Бейлина.

Рис. 1. Новые иудейские надписи из Керчи.
Fig. 1. New Jewish inscriptions from Kerch.

Стк. 1–4 дают законченный текст эпитафии, включающей имя, титул, должность покойного. Чтение титула *ραββί* и должности *ἀρχη[συνα]γωγό[ς]* определенно²¹, небольшие затруднения лишь с личным именем. Согласно формуле, оно должно стоять после слова *ραββί* (см. и следующую эпитафию № 2). В стк. 1 после него вполне сохранина левая половина обычной для римского времени формы теты Θ – и от ее дужки, и от внутренней горизонтали (далее облом). В начале стк. 2 ясно видны буквы NhC; тут после N неожиданно употреблена минускулярная форма буквы эта – h, хотя вся надпись исполнена маюскулами (такое бывает среди граффити); итого NHС. Таким образом, искомое имя начиналось с теты, а через 3–4 буквы следовало NHС; конец имени в обломе, тут утрачено не более 3–4 букв. Этим условиям отвечает имя Θεόμνηστος, оно популярное²², поэтому дополняем его: Θ[εόμ]η[νησ]τος[?]. Греческие имена у евреев диаспоры запада Римской империи наиболее употребительны, как и греческий язык их эпитафий. Даже в Палестине, согласно лексикону имен тамошних иудеев Тал Илан (в нем собраны имена из источников с 330 г. до н.э. по 200 г. н.э.), греческих имен почти 30% от общего числа их тут (в целом 244 греческих имени). Порой еврейские имена заменялись греческими аналогами по значению: например, Шеломит (Суламифь, «мирная») становилась Ириной, Исаак («смех») – Геласием. В Палестине много теофорных имен, среди них десяток с начальным компонентом θεό-, в том числе Θεόμναστος – поздняя форма от Θεόμνηστος²³. Эти данные в определенной мере верифицируют дополнение сего имени в рассматриваемой эпитафии из Пантикалея.

Должность *ἀρχισυναγωγός* – главная в синагогальной номенклатуре. Множество эпитафий диаспоры раскрывают круг должностей, связанных с управлением синагоги и ее деятельностью. В одной из римских эпитафий III–IV вв. перечислены синагогальные должности покойного – он *ἀρχων* «начальник», *φροντιστής* «контролер», *γερουσιάρχων* «член коллегии старейшин», *γραμματεύς* «секретарь», это его *curriculum vitae* – карьера в синагоге наоборот, от верха книзу²⁴. Эти должности обычны для внутреннего устройства синагог в целом, они копируют должностную номенклатуру главного у евреев иерусалимского Храма (надо добавить еще старейшину – *πρεσβύτερος*), но есть и немало локальных особенностей. Глава синагогальной должностной номенклатуры именовался *ἀρχισυναγωγός* или полнее *ἀρχισυναγωγός συναγωγῆς* либо *πατήρ συναγωγῆς*²⁵. При общей ясности, что архисинагог – глава синагогальной номенклатуры, который руководит внутренними и внешними делами синагоги, круг его функций трактуется в специальной литературе неоднозначно²⁶. Согласно Тессе Раджак и Дэвиду Ною, которые наиболее полно и глубоко исследовали этот вопрос, архисинагог наряду с прочим считался «отцом» прихожан, в ряде надписей архисинагоги выступают благоде-

²¹ Написание слова через эту (*ἀρχησυναγωγός*) вместо нормативного *ἀρχισυναγωγός* обязано итальянству, т.е. произношению η как i, что представлено в боспорских надписях I–III вв. (Доватур 1965, 800, § 10). Пример такого же написания в эпитафии, возможно, из Иерусалима: *ἀρχησυναγωγός* (Cohen 1981, no. 53).

²² Pape, Benseler 1884, 493.

²³ Tal Ilan 2002, 10, 288.

²⁴ Noy 1995, 130–131, no 164.

²⁵ Noy 1995, 20, no. 13; 99, no. 117; 209.

²⁶ Полная сводка мнений и дефиниций: Rajak, Noy 1993, 75–93; см. и Feldman 1996, 56–59. Краткое изложение вопроса: Грушевской 2014, 71–85.

телями, которые жертвуют свои средства на устройство или украшение синагоги; вероятно, архисинагог мог быть даже харизматиком, пророком²⁷. В древнееврейском религиозно-юридическом сборнике законов Мишна, составленном на рубеже II–III вв., упоминается должность *rosh ha-kneseth* «глава собрания» (в смысле сообщества людей, конгрегации), иначе «глава синагоги» (*Yoma* 7, 1; *Sota* 7, 7); судя по смыслу, сей термин и был этимоном для греческого ἀρχισυναγός в надписях да литературных источниках, относящихся к иудеям, более того, устройство общин и их должностная номенклатура в Палестине служили образцом для иудеев диаспоры²⁸.

В эпитафиях встречаются упоминания о «пожизненных» архисинагогах (*διὰ βίου*), но редкость их, пожалуй, все-таки свидетельствует о сменяемости этой должности. В надписи из кипрского Саламина говорится, что некто (имя утрачено) был 5 раз архисинагогом²⁹. Иудейской синагогальной номенклатуре широко свойственна наследственность: были роды, члены которых один за другим занимали одну и ту же должность – жреца, кантора, распорядителя (леви) и пр. Таким был и Феодот, сын Веттена из Иерусалима: он архисинагог, сын архисинагога, внук архисинагога; чуток отстал от него Иеласий – он только сын архисинагога; букет родичей-архисинагогов в надписи из Сепфории-Диоцезареи³⁰. В «Деяниях апостолов» (13:15) говорится об «архисинагогах синагоги» в Антиохии Писидийской; видимо, два и более архисинагогов могло быть в больших синагогах, поскольку, к примеру, в евангелии от Луки (13:14) упоминается один архисинагог в рядовой галилейской синагоге, один таковой и в коринфской синагоге (Деяния 18:8). Приведенные новозаветные свидетельства слегка приоткрывают род деятельности сих «начальников»: писидийские руководили ходом службы в синагоге, галилеянин выступает законником-формалистом, фарисеем, который запрещает творить доброе не в субботу. В каноническом тексте Деяний (14:2) говорится, что «неверующие иудеи» восстановили часть правоверных против апостолов Павла и Варнавы, проповедовавших в ликаонской Иконии; в рукописи «Деяний» раннего V в. *Codex Bezae* на месте «неверующих иудеев» значатся более соответствующие контексту архисинагог иудеев и архонты синагог³¹; в этом эпизоде вполне проявляется идейно-духовное верховноначалие сих должностных лиц. В двух надписях архисинагог именуется также раввином, откуда заключают, что в числе его функций было руководство духовной жизнью общин³². Пантикопейская надпись, в которой Теомнест обозначен архисинагогом и раввином, – третье свидетельство такого рода³³.

Мы изложили круг засвидетельствованных функций архисинагога, привели некоторые данные о характере деятельности этих «глав синагоги», об их статусе в

²⁷ Rajak, Noy 1993, 81–89.

²⁸ Rajak, Noy 1993, 82–83.

²⁹ Rajak, Noy 1993, 91, no. 23.

³⁰ Rajak, Noy 1993, 91, nos. 25, 26.

³¹ Rajak, Noy 1993, 79. В этом кодексе наряду с «Деяниями» содержится и четвероевангелие.

³² Rajak, Noy 1993, 92, no. 31; Грушевской 2014, 83.

³³ А.Г. Грушевской (2014, 75) на основании того, что архисинагоги обозначены раввинами лишь в двух надписях, засомневался в их функции «руководителей духовной жизни иудейской общин». Эпитафия из Пантикопея, однако, подтверждает совмещение обоих титулов-должностей и показывает, что это всего лишь вопрос накопления источников.

иудейском обществе. Все это в той или иной мере было свойственно и архисинагогу пантиканской синагоги Теомнесту. Сам ранг главы синагоги предусматривал его искушенность в вопросах веры, прежде всего в главной ее книге Танахе, в мидраше – толковании ее, также в Мишне и прочей письменной да устной еврейской религиозной премудрости, догматике, казуистике позднеантичного времени. Прямо свидетельствует об этом его титул *ರָבִיבִי* «учитель» (רָבִיבִי, буквально «господин мой», к *רָבִיבִי* «большой, высший»). Вообще в иудейских эпитафиях *רָבִיבִי* употребляется главным образом не в прямом смысле, а как уважительный термин похоронной лексики по отношению к покойному, даже совсем молодому или ребенку³⁴, в нижеследующей эпитафии № 2 им почтен годовалый ребенок. Однако подмечено, что упоминаемые в надписях рабби в основном состоятельные люди³⁵, посему в тех случаях, когда надгробие с эпитафией поставлено высокому должностному лицу синагоги, это определенно *terminus technicus*, сиречь прямой узус³⁶. Употребление слова *רָבִיבִי* как уважительного «титула» в отношении покойников зависит от местной традиции: к примеру, в иудейских эпитафиях Рима он отсутствует, но част на надгробиях северной и центральной Италии, однако не всегда: например, в Венозе встречается только с VI в.³⁷ Как видно, боспорские иудеи в этом отношении следуют провинциальной манере. В палестинской литературной традиции ситуация иная: как почетный титул *רָבִיבִי* часто фигурирует в евангельской литературе, с ним обращаются к Христу и ученый люд – фарисеи, книжники, и простой народ, включая его учеников (Матфей 22:16, 24, 36. 26: 25, 49; Иоанн 1:38, 49 и мн. др.). Согласно TLG, в греческой литературе, в том числе христианской, слово *ραββί* фигурирует более 80 раз.

Обратим внимание на скромность надгробной плиты пантиканского «первовещенника»: простой камень, короткая эпитафия в 3 слова, нет даже обычных на иудейских надгробиях символов – меноры, лулаба и прочего; в его семье, поставившей это надгробие, явно господствовал дух ригористичной простоты. К примеру, так же скромны и сотни намогильных камней простых иудеев в Италии, это свидетельство их небольшого имущественного достатка (в Палестине же состоятельные семьи, бывало, сооружали собственные склепы, иногда рядом с домом; они украшались). Простота характерна и для всех нижеследующих эпитафий, начертанных на небольших и дешевых известняковых плитах, так что и в Пантикане малочисленное еврейское население вело скромный образ жизни. Не отрывается в этом отношении от своего народа и глава местной синагоги Теомнест, что, несомненно, заслуживает уважения.

Письмо эпитафии четкое, уверенное, исполнено искушенным в навыке письма резчиком. Но при этом оно лишено правильности или строгости начертания текста, что характерно для позднеантичных частных актов. Строки слегка скани-

³⁴ К примеру, 17-летний покойник рабби (Cohen 1981, nos. 34–35).

³⁵ Cohen 1981, 9.

³⁶ К примеру, титулы архисинагог и рабби в эпитафии Самуила, который исполнял должность во фригийском Дорилее (Cohen 1981, no. 53, возможно, эпитафия происходит из Иерусалима). Обсуждение вопроса о статусе покойных с титулом рабби – Ibid., 9 f.

³⁷ Stern 2013, 276. Свод эпиграфических свидетельств о рабби: Cohen 1981, 1–17. К отсутствию слова рабби в иудейских надписях Римаср. эпитафию ἐνθάδε κεῖται Εὐσέβιος ὁ διδάσκαλος νομομαθής «здесь лежит Евсевий, учитель-законовед» (Noy 1995, no. 68), где ὁ διδάσκαλος νομομαθής – явный заменитель слова *רָבִיבִי*.

ваются направо вниз, не все формы букв одинаково стандартны. В стк. 1–3 вторая буква слегка «ныряет» вниз относительно первой, за нею другие; высота букв стк. 4 уменьшена сравнительно с предыдущими стк. 1–3. В стк. 1 альфа псевдоархаическая, в стк. 3 она стандартная для эллинистического и римского времени – с ломаной перекладиной. Присутствуют 3 хронологических признака, которые стартуют в III в. и становятся широко употребительными в IV–VI вв. Это угловатые формы букв в целом, псевдоархаическая альфа³⁸ и подвешенная кверху в пределах строки мелкая лунарная омега. Последнее впервые засвидетельствовано в акте пантикопейского фиаса 221 г. (КБН-альбом № 99). Однако отнести эпитафию Теомнеста к III в. нельзя, ибо в пантикопейских эпитафиях сего столетия еще в полной мере сохраняется регулярность письма (см. КБН-альбом № 718–733а). Ей ближе по общей угловатости, т. е. обилию в буквах острых углов, надписи КБН 723, 739, 741, 746 (см. КБН-альбом), определенно датируемые IV в. либо не ранее этого столетия³⁹. Этому соответствует и то обстоятельство, что в эпиграфике титул рабби появляется с IV в.⁴⁰ Итого, дата эпитафии Теомнеста – IV в., может быть, IV–V вв.

Узус титула *ರաբի* имеет свою историко-религиозную перспективу – он может обозначать просто ученых и состоятельных людей, но способен соотносится и с распространением так называемого раввинического (раббанического) иудаизма, т.е. не ветхозаветного толка, осложненного сильным эллинистическим влиянием, а того, что связан со становлением Мишны и талмудической традиции в целом во II–IV вв., ведущую роль в котором играли раввины⁴¹. Нам надлежит отметить отсутствие какой-либо символики на стеле Теомнеста, и это свойственно множеству закладных плит захоронений в иудейских катакомбах Рима, которые в массе датируются III и далее столетиями⁴². По характеру и текстологии эти эпитафии чрезвычайно эллинизированы, что исключает влияние раввинического талмудизма. Такова и рассмотренная пантикопейская эпитафия, такова и следующая надпись № 2 с упоминанием титула раббан той же природы, что и рабби. Это означает, что иудаизм боспорских евреев I–V вв., когда были созданы их эпитафии, продолжал своюственную диаспоре Римской империи традицию ветхозаветно-эллинистического иудаизма. Не было единого центра управления, не было контроля за синагогами на обширных территориях диаспоры Римской империи, напротив, каждая синагога была автономна, управлялась собственными архисинагогами, отцами синагог да прочей синагогальной номенклатурой, которая во многом близка по названию и смыслу руководящим должностям частных античных фиасов⁴³. Был таковым и пантикопейский архисинагог. Талмудический раввинизм мог по-

³⁸ Болтунова, Кипович 1962, 11, табл. IV; 30.

³⁹ Датировки надписям КБН давали большие знатоки их палеографии А.И. Болтунова и Т.Н. Кипович.

⁴⁰ Misgav 2006, 479–480.

⁴¹ Cohen 1981, 10–12. По заключению этого исследователя, каталогизированные им рабби, упоминаемые в эпитафиях по VII в., связаны не с талмудическим раввинизмом, а с библейско-эллинизованным.

⁴² Далее в статье мы приводим многочисленные примеры из иудейских надписей, как правило, не указывая их датировки. Здесь отметим, что почти все эти примеры относятся к позднеантичному времени, т. е. к III–VI вв., преимущественно к IV–VI вв.

⁴³ Cohen 1981 13–14.

явиться на Боспоре лишь в хазарское время, когда иудаизм стал государственной религией, исповедуемой правящей знатью Хазарского каганата; соответственно и религиозный культивировался из единого центра верховным раввинатом⁴⁴.

2. Известняковая плита, обломана со всех сторон, однако сохранный текст надписи показывает, что сверху и снизу, а также слева утраты небольшие. Сохранившаяся высота плиты – 42 см. Ширина средней части – 29 см, основания – 20 см, возможная реконструируемая ширина верхней части – 36–38 см. Толщина верхней части – 8 см, нижней – 9,5 см (рис. 1, 2). Оборотная сторона обработана частично, сохранились следы тесел. Посередине вырезана менора, надпись расположена по ее сторонам, ее первая строка сверху; высота букв 4,2 см, в стк. 1 они крупнее – 6 см. Всего было четыре строки; хотя вторая не сохранилась, текст эпитафии показывает, что она была. Перечислим сохранные буквы: стк. 1 – ВВА, стк. 3 – КІΘН, стк. 4 – АҮТОС. Буквы ВВА могут быть поняты двояко – как титул раббан или личное имя Раббан. Второй вариант прост: в стк. 1 личное имя покойного ребенка, в стк. 2 утрачено наречие [ἐνθάδε], в стк. 3 продолжение этой формулы κίθη = κεῖται, однако у него есть серьезный изъян в плане аранжировки текста (см. далее). Поэтому мы развиваем первый вариант, хотя он чуток сложнее: надпись начинается тем же почетным титулом, что и эпитафия № 1, но в форме ραββανί в стк. 3 стоит глагол κίθη от обычной формулы ἐνθάδε κεῖται «здесь лежит», наконец, АҮТОС последней строки не что иное, как ἐνωπότος «годовалый ребенок». Как видно, не хватает имени этого ребенка да наречия ἐνθα, место которым в утраченной стк. 2. Ствол меноры делит эпиграфическое поле примерно пополам. В стк. 1 буквы крупнее нижеследующих, тут вторая бета находится над стволовом, потому слева от ствала было три буквы. Справа столько же, поэтому в стк. 1 стояло только слово [ρα]ββα[vì]. В стк. 2, как сказано, были имя мальчика и ἐνθα; в стк. 3 каппа не первая буква (она над буквой Y стк. 4), так что перед нею располагалась конечная альфа наречия ἐνθα, итого в стк. 2 справа от меноры было 3 буквы, как и в стк. 1. Соответственно, слева от меноры находилось имя мальчика, оно короткое – на три буквы. Текст эпитафии в целом:

[ρα]ββα[vì]... ἐνθα]α κίθη [ἐνι]αυτός
«раббани имярек тут покоятся, годовалый ребенок».

От слова ραββί «учитель», «господин» и пр. образуются в древнееврейском языке производные со значением нарастания качества учитательствования, господства, высшего знания и прочего – раббуни, с превосходным значением – раббан. Форма ραββί активно звучит и в памятниках древнегреческой литературы (Септуагинта etc.)⁴⁵, также несколько раз ραββουνί / ραββονί⁴⁶, эпитафия из Пантикея

⁴⁴ Новосельцев 1990, 152–153. Полную аналогию дает начальная Киевская Русь: в 988 г. крестилась его верхушка – князь Владимир, его дружина и прочие приближенные, тогда же образована митрополия – центр управления церковью. Вопреки басням наших церковников, это была верхушечная религия, народ оставался верен своему исконному славянскому многобожию. Так и в Хазарии. Лишь с XIII в., когда Русь захватили монголы, народ массово стал переходить в христианство для различия «свой» – «чужой». На все это указывают данные В.В. Седова: в массовых курганных захоронениях Новгородской земли X–XII вв. отсутствуют крестики или иные христианские предметы, они широко распространяются в XIII в.

⁴⁵ В Thesaurus linguae Graecae 82 примера.

⁴⁶ В том числе с пометкой διδάσκαλος «учитель» – Марк 10:51, Иоанн 20:16; также Евсевий, Ориген, Нонн Византийский; лексикограф Свигда (с. в. ραββι) дает и форму с одной бетой – ραβουνί.

дает и *ραββανί*. Титул раббан появился около времени Иисуса Христа в законоведческой школе Гиллела⁴⁷ и присваивался только учителям из его потомства, всего из их среды вышло 7 раббанов. В комментарии к эпитафии № 1 мы отмечали упрощение узуса слова рабби, которое со временем стало применяться в иудейских эпитафиях к любому усопшему в качестве почетного титула, даже к детям. Керченская эпитафия показывает такую же часть и титула раббан, это свидетельство поздней ее даты, так как процесс опрощения узуса высшего по степени почетности титула требовал долгого времени. Поздней дате соответствует и палеография надписи. В стк. 1 представлено характерное начертание беты – с язычком соединенных полукружий, который не касается столба (β), оно появляется на папирусном письме I в. н.э., откуда переходит и в лапидарную палеографию, в частности, на Боспоре появляется во II в.⁴⁸ Однако псевдоархаическая альфа, дважды представленная в эпитафии нашего «раббана», употребляется на Боспоре с III в.⁴⁹, причем в стк. 1 нижние части ее диагоналей декоративно изогнуты вовнутрь наподобие ручек клещей, вследствие чего надпись не ранее IV в. И в начале стк. 3 перед каппой вполне видна нижняя часть правой диагонали альфы с таким же точно закруглением⁵⁰. Под стать сей живописной альфе и каппа с изогнутым столбом, он короток, но с залихватскими усищами, верхний из которых ни с того ни с сего завершается огромным апексом (все остальные буквы без апексов). Это поздние курсивные формы, они заимствованы из малой эпиграфики. Набор форм такого письма дает, к примеру, эпитафия Еуский из Сиракуз IV–V вв.⁵¹ Это и есть время керченской эпитафии. Соответствует позднеантичной эпохе также написание глагола в нередкой для нее диссимилированной форме κῆθη вместо нормативной κεῖται «лежит, покончился». К примеру, в иудейских эпитафиях Рима при полном господстве нормы употребляются диссимилятивы χεῖθε, χῆτε, κεῖθαν, а также без диссимиляции согласных, но с полной перестройкой гласных κῆτε, κεῖται и т. д.⁵² Есть и на Боспоре диссимилированный образец – ἐνθάδε κεῖται как раз иудейской эпитафии IV–V вв. Менахема из Фанагории КБН 1225 (см. о ней Яйленко 2022, 157). Обычно в эпитафиях формула ἐνθάδε κεῖται стоит на первой позиции, предшествуя имени покойника, но нередко ставится и после него, как у нашего «раббана»⁵³. Как сказано, его имя было короткое, на 3 буквы. Известно, что имена детей часто сокращаются, остаются они и у взрослых; приведем несколько примеров кратких или сокращенных имен из Палестины III в. до н.э. – II в. н.э.: Αγ (< Agrippa), Αγα, Ανα, Αρι, Δως = (Δοσίθεος) и т.д.⁵⁴

⁴⁷ Он упоминается в Книге Судей (12:13–15) как отец Авдона, судьи Израиля, известного своим многочисленным потомством – 40 сыновей.

⁴⁸ Gardthausen 1913, 120 und Taf. 1. Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

⁴⁹ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

⁵⁰ Хотя тут сохранилась лишь половина правой диагонали альфы, форма эта настолько характерна, что без тени сомнения может быть показана как частично сохранившаяся: α.

⁵¹ Guarducci 1978, 526–528.

⁵² Noy 1995, № 52, 110, 162, 165, 167, etc.

⁵³ Noy 1995, no. 41, 86, 192, 222 и др. Это же в эпитафии III в. синопейца Мениллиона КБН 733 (в Малой Азии это обычный узус).

⁵⁴ Tal Ilan 2002, 94, 100, 274, 325, 362.

Теперь обратимся к другому варианту – с вычитыванием личного имени ребенка Ра^ββάν⁵⁵. Оно упрощает структуру эпитафии: в стк. 1 имя покойного, в стк. 2 – наречие ἐνθάδε. Текст в целом: [Ra]ββάν | ἐνθάδε] | κτθη [ἐνι] | αυτός «Раббан тут покоится, годовалый ребенок». У него, однако, большой изъян в распределении букв. Как сказано выше, утраченное наречие ἐνθάδε целиком помещается в стк. 2, по три буквы слева и справа от меноры. Но каппа сохранной стк. 3, как мы видели, не первая буква строки – она вторая, и перед нею вполне видна изогнутая нижняя часть правой диагонали альфы, точно такой, как в стк. 1. По этой причине чтение в стк. 2 справа от меноры первых трех букв слова ἐνθάдε надежно: [ἐνθ]α, а слева от меноры должно располагаться имя малолетнего покойника из трех букв.

Как и у всего населения Римской империи, у евреев диаспоры большая детская смертность, по этой причине эпитафии детям многочисленны. В иудейских эпитафиях Рима при этом было принято указывать годы и месяцы, прожитые умершими детьми, нередко просто месяцы и дни⁵⁶. На Боспоре это первая детская эпитафия еврейского ребенка, и как видим, указан его возраст – 1 год: он [ἐνι] | αυτός. Приведем аналогию из того же Рима: ἐνθάδε κεῖται Εὐσεβία μίκκη ἐνιαυτοῦ «здесь покоится Еусевия, маленькая девочка возрастом год»⁵⁷. Увы, из одной эпитафии пантикопейского «раббана» особых выводов не сделаешь, более или менее определенно можно сказать лишь, что и на улице еврейского поселка играли дети, как повсюду в Пантикопее.

3. Плита изготовлена из ракушечника, отбита сверху и справа. Сохранившаяся высота – 26 см, ширина – 23,4 см, толщина – 8,5 см, оборотная сторона обработана грубо (рис. 1, 3, 3а). Сохранились две последние строки надписи, средняя высота букв верхней строки 3,5 см, а нижней – 4,5 см. На лицевой стороне сохранились следы красной краски. Но полный текст вполне реконструируется, он насчитывал четыре строки. Это явствует из присутствия в сохранных строках окончания имени покойного -док и его титула πρε[σ]τ[ι]βύτερ[ος], что дает 6–7 букв в строке. Окончание -док, несомненно, принадлежит имени Σαδόκ, так что в конце предшествующей строки стояло его начало [Σα-]; одних этих букв не могло быть, ибо в строке остается место еще для четырех-пяти, потому эпитафия начиналась обычной формулой иудейских надгробий, в том числе боспорских, – ἐνθά(δε) κεῖται. Текст в целом:

[ἐνθ]α κεῖται Σα]δόκ, πρε[σ]τ[ι]βύτερ[ος] «тут лежит Задох, пресвитер».

Нормативная передача еврейского имени Σαδώκ в греческом Σαδώκ(ος)⁵⁸, но в надписях омега часто сокращается до омикрона⁵⁹, также опускается грецизированное окончание -ос, как и в керченской эпитафии. Имя библейское, фигурирует в ряде ветхозаветных сочинений (II Царств 8:17; I Паралип. 6:12; часто у Неемии). У

⁵⁵ Cohen 1981, nos. 50, 51: имена на оссуариях неопределенной даты из Иерусалима – бен Раббан.

⁵⁶ Noy 1995, no. 126, 391(?), 418 и мн. др. Приведем курьезный пример из катакомбы Мон-теверде в Риме: мальчику по имени Сикул Сабин 2 года и 10 месяцев; при этом у него есть титул μελάρχου, смысл которого заключается в том, что он был предназначен для занятия должности архонта синагоги (Ibid., no. 100). Это означает, что он был из архонтского рода, в котором должность наследственная.

⁵⁷ Noy 1995, no. 17. Род. падеж ἐνιαυτοῦ – gen. temporis.

⁵⁸ Отсюда и Садок русского перевода Библии.

⁵⁹ Так и в дипинти на привозных амфорах из Танаиса: Задо (Шелов 1978, 52).

него положительное религиозное значение «праведный», потому оно стало также распространенным бытовым именем⁶⁰. Как простое слово πρεσβύτερος означает «старик», как термин – «старейшина» в новозаветной литературе⁶¹. В еврейских эпитафиях πρεσβύτερος фигурирует нечасто, что понятно – по причине небольшой продолжительности жизни было вообще немного старых (см. Яйленко 2022, 155, об эпитафии КБН 759). Логично предположить, что πρεσβύτερος – terminus technicus: «пресвитер», член совета старейшин синагоги, обычно именуемой в иудейских эпитафиях по-гречески герусией; соответственным образом эти члены герусии так же обычно именуются герусиархами⁶². Таким образом, наш Задох, судя по титулу πρεσβύτερος, был пресвитером, членом совета старейшин пантикопийской синагоги. Аналогичным образом пресвитером был и Самуил из эпитафии № 4. Герусия занималась устройством внутренних бытовых дел прихожан; есть свидетельство, что ее члены, т.е. старейшины синагоги, причастны к организации погребальной деятельности (СИЛ, 533).

Письмо эпитафии умеренно декоративное. Боковины дельты продолжены книзу после пересечения с горизонтальным основанием; омикрон прямоугольный, пи мелкое, с перекладиной, существенно продолженной за пересечением со столбами. Прогиб округлостей беты не касается столба, но они выходят декоративными штришками налево от него; такой же флагок отогнут от верхней точки столба буквы Р. Завершает эту картину письма III в. иpsilon со сдвинутыми усами и короткой ножкой на апексе.

4. Цельная плита, изготовленная из ракушечника высотой 50 см, шириной – 36 см, толщиной – 10 см, оборотная сторона заровнена (рис. 1, 4, 4а). Надпись на древнееврейском языке в четыре строки, средняя высота букв 4–5 см. На лицевой стороне и гастах букв сохранились следы красной краски. Всю стк. 1 занимает имя покойного, над ним схематичное мелкое изображение меноры о двух ветвях. Текст каждой строки читается справа налево:

שָׁמָעֵל בֶּן הַנָּבָנָה פֶּתֶל

«Самуил; в сей могиле покоится этот пресвитер, 584 год».

Нормативное написание имени נָבָן שָׁמָעֵל в этой эпитафии без вав. Значение имени – «Испрошенный от Бога». Оно библейское, самый известный из его обладате-

⁶⁰ Например, Tal Ilan 2002, 208–209.

⁶¹ В русском переводе «пресвитер», в русской церковной иерархии это духовное лицо второй степени священства. Употреблялось и в раннехристианских надписях Северного Причерноморья, например, в Херсоне: «памяти ради и покоя Стефана и еще Стефана да Христофора, пресвитеров, аминь» (Латышев 1896, № 24).

⁶² Kant 1987, 695; Horst 1991, 91. Отчасти в этом сомневался Э. Шюрер: простое указание возраста (Schürer 2014, 102). Однако саму противоречит, во-первых, встречающееся в иудейских надписях множ. число πρεσβύτεροι, ясно указывающее на их коллегиальный статус (примеры: Kant 1987, 695, note). Во-вторых, ряд женщин в иудейских эпитафиях, наряду с иным титулом, именуется πρεσβύτερα – по статусу мужа. Так, в эпитафии II в. из критского местечка Киссаму «София из Гортиньи, πρεσβύτερη κὲ ἀρχισυναγόγισσα Κισάμου ἔνθα» (Bandy 1963, 227) связка και, которая соединяет только равнозначные члены предложения, в данном случае существительные, указывает, что πρεσβύτερа так же из числа синагогальных титулов, как и ἀρχισυναγόγισσα. Поэтому и в эпитафии из Малты «имярек, герусиарх, любитель наставлений, и жена его Евлогия, πρεσβύτερα» последнее нелепо переводить словом «старуха» при титуле мужа «герусиарх» (так Kraemer 1985, 431); напротив, логично, что по титулу мужа «старейшина» жена именуется тем же титулом в жен. роде. Заодно сия эпитафия свидетельствует о номенклатурном равенстве титулов γέροντος πρεσβύτερος.

лей пророк и судья Израиля (I Царств 1:20⁶³; Деяния 3:24 и др.), как бытовое оно весьма популярно во всех пределах диаспоры⁶⁴. Формула **לְגָלְתָּה בָּהּ** «в этой могиле поконится», самая обычная в древнееврейских эпитафиях, восходит к греческой формуле ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек» эллинистического времени⁶⁵, когда она распространилась в Египте и Селевкидской империи. Указание даты в иудейских эпитафиях редко, почти всегда дается по местному летосчислению: к примеру, в странах Ближнего Востока по селевкидской эре да прочих, в Риме *ab urbe condita* и т. д., в нашем случае закономерно по боспорской эре: 584 г. б.э. = 281 г. н.э. Наличие даты в этой надписи важно, так как на Боспоре от I тыс. дошло несколько эпитафий на древнееврейском, и палеография их остается неизученной, в результате нет прочных показаний для разделения их на позднеантичные и хазарского времени (VII–IX вв.)⁶⁶. Эпитафия Самуила пришла на время правления царя Хедосбия (ок. 280–284 гг.) – краткого эпизода из долгого периода чехарды на боспорском престоле с 234 по 318 гг., когда пресеклась аспургианская династия и один за другим правили представители разного, судя по их именам, этнического происхождения (в том числе иранского, гуннского) – Ининфимей, Фарсанз, Тиранис, Хедосбий, Фофорс, Радамсад (ТБР, 403, 437, 461–464). Боспор пребывал в упадке во всех отношениях – военном, политическом, экономическом⁶⁷. Можно сказать, что жить в это время на Боспоре – своего рода героизм. Почему Самуил оставался здесь, понять трудно, можно лишь строить догадки. Он стар, поэтому рискнем предположить, что имел отношение к деньгам – тем большим деньгам, в которых бесконечно нуждались названные калифы на час, сидевшие на боспорском престоле. На это может указывать несомненный смысл составления его эпитафии на древнееврейском языке: когда все его соплеменники, с I в. проживавшие на Боспоре, греческим языком своих эпитафий более или менее адаптировались к местной грекоязычной культуре (в остальном они воздерживались от внешних влияний, см. Яленко 2022, 141–142), Самуил гордо вывешивает на собственной могиле свой национальный «флаг» – эпитафию на родном языке⁶⁸. В период безвременья такую позицию может занимать только человек с прочным положением, а чужаку его предоставляют лишь немалые деньги. От пяти веков пребывания иудеев на Боспоре (I–V вв.) до нас дошли всего четыре эпитафии на древнееврейском⁶⁹, Самуил предоставил нам пятую, и что очень важно, датированную. Поэтому, кто бы он ни был, хоть даже ростовщик, помянем его с благодарностью за ценный вклад в боспорскую эпиграфику: **מְלֹא**.

5. Плита изготовлена из ракушечника. Сохранилась в двух фрагментах. Сохранившаяся высота – 40,5 см, ширина по верхнему краю – 42 см, толщина –

⁶³ «Чрез несколько времени зачала Анна и родила сына, и дала ему имя: Самуил; ибо, говорила она, от Господа я испросила его».

⁶⁴ К примеру, Tal Ilan 2002, 215–216.

⁶⁵ Peek 1957, 13–14.

⁶⁶ Другой опорный памятник для изучения позднеантичной еврейской палеографии – билинга КБН 736, эпитафия Исаакия на древнееврейском и греческом языках, по дате греческой надписи устанавливается еврейская палеография III–IV вв.

⁶⁷ Гайдукевич 1949, 439–464.

⁶⁸ Исходим из посыла, что он при жизни отдал распоряжения по поводу погребения, это обычно у стариков.

⁶⁹ Билинга КБН 736 из Пантикопея, одна эпитафия из Фанагории, две из поселения Вышестеблиевская-11 (Кашаев, Кашовская 2017, 119, 120, 126).

6,5 см., обломана со всех сторон, кроме верхней; оборотная сторона заровнена (рис. 2, 5, 5а). Сохранились две строки (других не было), средняя высота букв 9 см. Текст лаконичен:

Ξιαγα[ς] | ιερεύ[ς] «Ксиаг, жрец».

Дата надписи, с одной стороны, определяется формами псевдоархаической альфы да кси, обе присутствуют в боспорских надписях с III в. н.э.⁷⁰, но в данном случае они избыточно декоративны, так что, скорее, принадлежат IV в. Однако остальные буквы исполнены просто, без изысков, так что в целом письмо эпитафии относится к III–IV вв. Это эпитафия жреца, по своей лапидарной конструкции – личное имя + титул – перед нами, несомненно, иудейская эпитафия. Жрецы, прежде всего, иерусалимского Храма, играли важную роль в иудейском обществе до 70 г. н.э. – это было состоятельное сословие с богатыми домами да склепами для погребения (открыты археологически). Когда же Тит разрушил Храм, влияние жречества ослабло. Лишь с III–IV вв., встроившись в созидание раввинического иудаизма, жрецы заняли позиции, так сказать, среднего сословия в обществе. В надписях с IV в. у них встречаются оба титула, к примеру: «рабби Изи, жрец», «рабби Иоханан, жрец»⁷¹. Однако в числе донаторов строительства или украшения синагог они почти не значатся, так что сословие их не было настолько состоятельным, чтобы снова играть заметную роль в иудейском обществе. Показательно, что в надписях Бет Шеарима, Яффы, Цезареи упоминается горстка жрецов, но без каких-либо других титулов или должностей, ни синагогальных, ни административных⁷². В новелле 331 г. Кодекса Феодосия (XVI, 8, 2; 4; это закон времени Константина) среди функционеров иудейских общин упомянуты жрецы и даже жрицы – ιερεῖς (у женщин этот титул по мужьям), но какого-либо существенного положения у них нет⁷³. В Палестине позднего римского времени есть упоминания о жрецах вкупе с левитами – таким же древним и тоже выморочным священническим сословием; по традиционным их обязанностям, связанным с практической организацией и проведением богослужений, можно составить представление о таких же функциях жрецов в синагогах. Примерно таков круг обязанностей и пантикопейского жреца Ксиага.

Насколько определен его титул / должность, настолько неопределено имя. Судя по доступным справочникам, оно не засвидетельствовано; например, в своде палестинских имен Тал Илан вообще отсутствуют антропонимы на Ξ-. Правда, в Ξιαγας можно усмотреть прозрачную иранскую этимологию – хšay- «владыка, правитель, царь» + продуктивный суффикс существительных и прилагательных -ag(a): *хšayaga «властвующий, правящий»⁷⁴. Основы хšay-, хšā(y)- хорошо представлены в антропонимике Боспора римского времени – Ξαροβαζης, Ξαρταμος, Ξιαμφοκανος, Ξηγοδις, Καβαθαξης⁷⁵, так что Ξιαγας как будто вполне вписывается в эту серию. Иудеи диаспоры активно принимали греческую, латинскую, египетскую да прочую антропонимику той области, в которой проживали, так что

⁷⁰ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

⁷¹ Weiss 2012, 100; надписи из синагоги в палестинской Сузии.

⁷² Болтунова, Книпович 1962, 102.

⁷³ Feldman 1996, 56–58.

⁷⁴ К глаголу хšā(y)- «владеть, иметь силу, властвовать» (Bartholomae 1904, 550–551).

⁷⁵ Zgusta 1955, 121–122. ТБР, 150.

Рис. 2. Новые иудейские надписи из Керчи.
Fig. 2. New Jewish inscriptions from Kerch.

тамошние имена повсеместно и существенно превалировали у них сравнильно с еврейскими. На Боспоре римского времени несть числа иранским антропонимам, и ввиду сказанного, на первый взгляд, не удивительно иранское имечко нашего жреца. Но уязвимая пята этого варианта в том, что имя Ξιαγας, при всей прозрачности его иранской этимологии, тоже неизвестное, потому объяснять одно незасвидетельствованное имя через такое же другое comme ci, comme ça. Логичней все же думать о еврейском происхождении Ξιαγα(ς). Греческое ξ произошло из семитских букв самех или шин⁷⁶; однако оставим поиски соответствий этому имени гебраистам.

Далее рассмотрим четыре эпитафии более или менее удовлетворительной сохранности.

6. Известняковая плита хороший сохранности (немного повреждена слева и сверху), высота – 49 см, ширина – 33 см, толщина – 11 см (рис. 2, 6). Оборотная сторона обработана грубо. Вверху по сторонам небольшие, немного поврежденные выступы – далекое эхо акротериев классических да эллинистических надгробных стел (высота слева – 3 см, справа – 3 см). Посередине лицевого поля вырезано большое изображение меноры на трехножной подставке о шести ветвях (два верхние едва заметны), ограниченных сверху горизонталью (высота меноры – 25,5 см, ширина – 15 см). Оно занимает две трети эпиграфического поля, считая сверху. По сторонам ветвей трехстрочная короткая эпитафия (средняя высота букв 4,5 см). В стк. 1 аккламация, ниже имя покойной, разнесенное на две строки.

Текст:

Ёё, ёё, | Θηρο| ←δώ →ра «о горе, горе, Феодора!»

Эпитафия интересна в ряде отношений, прежде всего аккламацией ёё, ёё «о горе, горе» стк. 1 – она поэтическая, заимствована из классической греческой драматургии. Это междометие ё с выражением горя, сочувства употребляется парно – ёё (или ёё) «увы, увы!» или «о горе, горе!». TLG дает всего 3 примера: у Софокла (fr. 210**, l. 43), Аристофана (Vespae. 315), а у Эсхила (Persae. 997) с двойным повтором пары, как в керченской эпитафии, так что именно он мог послужить источником ее составителю⁷⁷. В еврейской поэзии позднеантичного и раннесредневекового времени весьма употребительны аккламации типа *shalom, shema'* да прочие⁷⁸, а в динамичной книге пророка Амоса (5:16) есть и прямое соответствие керченской эпитафии: «на всех улицах будет плач, и на всех дорогах будут восклицать “увы, увы!”». Можно думать, что составитель краткой эпитафии Феодоры в принципе вдохновлялся родной традицией, но в данном случае предпочел рецитацию из древнегреческой классической драматургии. Это указывает на глубокую эллинизацию его духовного мира. И он не одинок: к примеру, авторы двух стихотворных эпитафий из Бет Шеарима вдохновлялись Гомером, заимствовав его лексику⁷⁹. Благодаря удачной находке формы аккламации и краткости текста, в котором она звучит сильно, керченская эпитафия получилась и глубоко проникновенной, и звучной, и, что особенно важно, человечной: ее горесть неподдельна.

⁷⁶ Jeffery 1969, 32.

⁷⁷ Последнее Е оказалось у правого края стелы, поэтому резчик вынужденно сделал все 3 его усика мелкими штришками, которые по этой причине слабо видны.

⁷⁸ Lieber 2018, 410–414. Lacerenza 2021, fig. 1.

⁷⁹ Schwabe, Lifshitz 1974, № 127, 183.

Это тоже результат влияния греческой эллинистической культуры на ее автора, и подобное влияние испытали также составители ряда других иудейских эпитафий. Особенно сильно звучат горестные мотивы в глубоко эллинизированных эпитафиях из египетского Леонтополя, к примеру, тема плача, обращение к прохожему разделить горестные ламентации по усопшим да прочее⁸⁰.

Греческое имя Феодора употреблялось в еврейской среде даже в Палестине⁸¹; имея в виду особую религиозность тамошнего населения (это характерно для всего Ближнего Востока с его теократическими государствами), видимо, можно счесть, что на это повлияло религиозное содержание имени Θεοδόρα – «Божий дар, Богодарная»; на это может указывать популярность там греческих личных имен, начинавшихся словом «Бог» (Θεο-)⁸². Еще одна примечательная особенность эпитафии – затейливое написание имени Феодоры: начертав в стк. 2 первые буквы Θεο, резчик продолжил текст по принципу сложного бустрофедона – написав буквы Δω справа налево, т. е. по-еврейски, перешел на другую сторону меноры и закончил нормальным греческим порядком написания слева направо. Подобные кунстштихи графики изредка встречаются в иудейских эпитафиях, в чем выразилась двойная выучка письма резчиками – отечественная еврейская, впитанная с молоком матери, и греческая благоприобретенная. К примеру, в одной из иудейских эпитафий Южной Италии приветственный зчин **מְלֹא** «мир!» написан не справа налево в соответствии с направлением еврейского письма, а слева направо, как и весь нижеследующий греческий текст⁸³.

Письмо эпитафии в целом позднеантичное, III–V вв., включая псевдоархеическую альфу, дельта стк. 3 уменьшенных размеров, ее правая диагональ продолжена высоко за пересечением с левой. Но при этом присутствует редкая по начертанию омега, боковины которой разомкнуты (типа ω) и над ней шеврон углом вверх (^). Вообще это форма IX–X вв.⁸⁴, но общая манера начертания эпитафии с типичными для поздней античности формами букв и характером письма в целом не позволяют омолаживать надпись до средневизантийской поры, так что приблизительная ее дата – IV в. Этому не противоречит и характерная для боспорских надписей римского времени со II в. мена ε – η, обусловленная утратой различия долгих и кратких гласных⁸⁵.

7. Известняковая плита хорошей сохранности (немного повреждены левый верхний и правый нижний углы). На поверхности верхней грани пропилен желоб. Высота – 54 см, ширина – 48, толщина – 9 см (рис. 2, 7, 7a). Оборотная сторона

⁸⁰ Kant 1987, 678. Есть несколько надписей византийского времени с Ближнего Востока и из афинского Парфенона (Avi-Yonach 1940, 61–62; Ορλανδός 1973, 96): по сторонам верхушки креста попарно расположены те же буквы ΕΕ ΕΕ, которые раскрываются как Έλένης εύρημα Ἐβραίων ἔλευχος «счастливая находка Елены – опровержение евреев» (имеется в виду обретенный матерью императора Константина крест). Разумеется, в эпитафии Феодоры речи об этом нет, но идея об ΕΕΕΕ как сокращении каких-либо греческих или еврейских слов не исключена; см. в сводке М. Ави-Йонаха список слов, сокращенных до начального эпилона в надписях Ближнего Востока (Avi-Yonach 1940, 61).

⁸¹ Tal Ilan 2002, 319: Θεοδόρα. В Риме: Noy 1995, nos. 206, 454.

⁸² Tal Ilan 2002, 288.

⁸³ Lacerenza 2021, fig. 1.

⁸⁴ Ορλανδός 1973, 50, no. 61, стк. 3. Gardthausen 1913, Taf. 3, пергаментный маюскуллярный младоунциал.

⁸⁵ Доватур 1965, 800, § 11.

заровнена. Посередине лицевого поля небольшая менора о трех ветвях, над нею надпись в две строки; высота букв от 4,5 до 8 см. На лицевой стороне сохранились следы красной краски. Текст лаконичен: в стк. 2 патронимик – Крібово[ζ], это означает, что в стк. 1 содержится имя покойного (покойной), однако оно, при общей ясности букв, невразумительно: МІСОМСІК. При этом буква М двух вовсе разных форм: первая уплощенная, ползучая, вторая монументальная с едва расставленными боковинами да слегка ломаной перекладиной. Присутствие в столь короткой надписи двух форм мю верифицируют две же формы кипы: одна лунарная, с овальными усами, которые не касаются столба, другая обычная, с прямыми усами, примыкающими к столбу под тупым углом⁸⁶. Существенно для понимания имени МІСОМСІК, что в антропонимике семито-хамитских народов Ближнего Востока представлен суффикс имен -ік, -ік: Палаїк, Пласаїк, Паїк, Татаяїк и пр.⁸⁷, вероятно, в каких-то случаях это может быть диминутивный суффикс, как в иврите. Видимо, специалисты по еврейской антропонимии найдут объяснение этому имени, а мы обратимся к отчеству Крібово[ζ]. Формально это может быть греческое имя Крібων, gen. Крібωνος, однако оно редкое⁸⁸, поэтому считаем возможным предположить, что к нашему случаю более подходит другое греческое имя, более распространенное – Хρύбων, -ωνος⁸⁹, со свойственным языку надписей римского времени, в том числе боспорских, итацизмом $\upsilon > \iota$ и переходом к в χ^{90} . Текст:

МІСОМСІК | Крібово[ζ] «кимярек (дочь / сын) Хрисона».

По небрежному курсивному письму со смешением разных форм К, М, по мелким с, о надпись может быть отнесена к IV–V вв. Как раз в эпитафии Самуила этого времени КБН 743 представлена такая же разница в размерах омикрона да остальных букв и близкая форма высокой мю (типа Н). Уменьшенных размеров мю, такой же ползучей формы, но без черенка, присутствует в следующей эпитафии № 8.

8. Известняковая плита, обломана со всех сторон, но судя по реконструкции текста, левую грань следует счесть сохранной. Сохранившаяся высота – 54 см, ширина – 41 см, толщина – 12 см (рис. 3, 8). Высота букв 10–12 см. На лицевой поверхности и в линиях букв сохранились следы красной краски. Оборотная сторона заровнена. Плита обломана сверху, снизу, справа; обломана ли слева, неясно, и от этого зависит реконструкция текста, по содержанию не вызывающая сомнений. В одной строке буквы ΘАКІ, которые бесспорно принадлежат обычной формуле иудейских эпитафий ἐνθά(δε) κεῖται (см. выше № 2) в сокращенном виде [ἐν]θα κί[τε], в другой строке буквы ΟУМ столь же бесспорно принадлежат имени покойного. При условии, что левая сторона сколота, аранжировка текста проста и надпись двухстрочная, имя дополняем exempli gratia. Текст:

[ἐν]θα κί[τε] (e.g.) Ἀββ[ακ]ούμ «здесь покоятся (e. g.) Аввакум».

⁸⁶ Первое М отличается и тем, что ее нижний срединный уголок посажен на черенок, так что скорее напоминает лигатуру МІ. Такая, к примеру, присутствует на боспорских монетах 8–9 гг. н.э. (ТБР, 247–248, 271). Впрочем, в данном случае это мало что дает,

⁸⁷ Hansen 1958, 90. Preisigke 1922, 252, 275, 331.

⁸⁸ Pape, Benseler 1884, 720.

⁸⁹ Pape, Benseler 1884, 1695. На Боспоре есть его вариант Хρυбίων в списке имен II в. КБН 1260а из Танаиса.

⁹⁰ Доватур 1965, 802, § 5, 1; 808, § 1, 3.

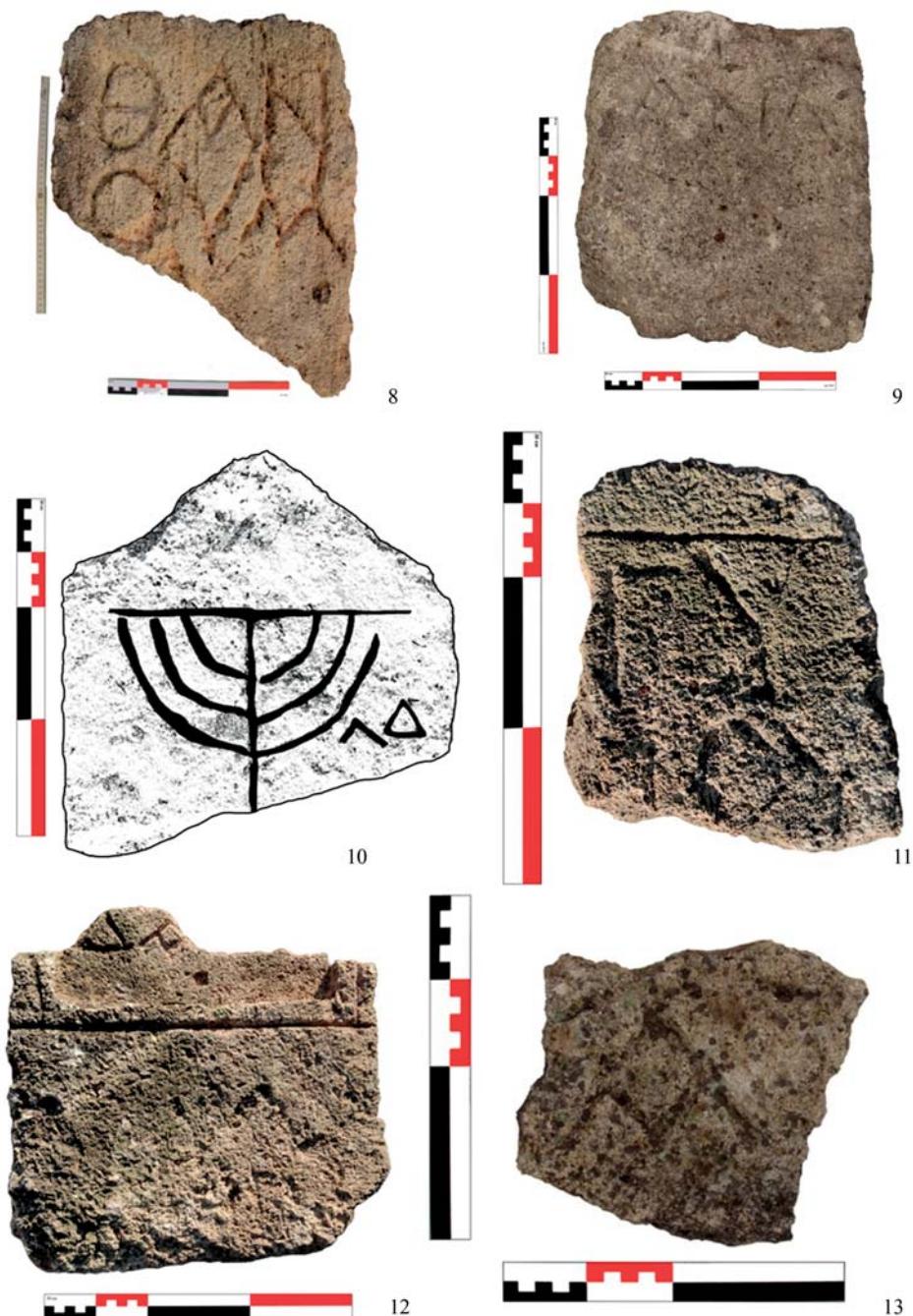

Рис. 3. Новые иудейские надписи из Керчи.
Fig. 3. New Jewish inscriptions from Kerch.

На небольших по размерам плитках или по вкусовым причинам полная формула ἐνθάδε κεῖται укорачивалась – ἐνθάδε в ἐνθα, а κεῖται писалось так, как произносилось ввиду монофтонгизации дифтонгов. Например, в иудейских эпитафиях Рима таковы κίτε, χῖτε, κεῖτι и т. д., в том числе χῖθη⁹¹; так в нашем № 2.

Если допустить, что левая сторона сохранна, аранжировка текста сложнее – приходится дополнять утраченную стк. 1, в которой помещались буквы EN наречия [ἐν]θα. Текст в целом таков: [? symbolum ἐν]θα κῆ[τε] (e.g.) Οὐμ[άρ] «здесь покоятся (e.g.) Умар». При таком варианте стк. 2 показывает, что в строках надписи было по шести букв. Следовательно, в стк. 1 до ἐν было еще место для четырех букв. Можно предположить, что тут находился зачин некоторых иудейских эпитафий מֶלֶך «мир!», в остальном написанных по-гречески⁹², но скорее следует думать об одном из принятых в еврейских эпитафиях символов, обычно это мелкая менора, как в нашем № 1. Не прост и вопрос об имени покойного на Ουμ-. Ни в греческом именнике, ни в северочерноморском приемлемых соответствий нет⁹³. Латинские не в счет, поскольку у боспорских евреев они еще не встречались и вряд ли встречаются. Словарь имен из Египта и других ближневосточных стран Ф. Прайзике дает Ούμάρ, Ούμέειρ, Ούμού⁹⁴. Следовательно, коль эпитафия иудейская, надо обратиться к еврейскому именнику, там соответствия есть – Омар (עֹמָר, Бытие 36:11 и др.; Септуагинта: Ομαρ), Омри (I Царств 9:4) и пр.⁹⁵

Письмо эпитафии неустойчивое, буквы крупные, резаны не без корявости: тета неправильных очертаний, следующая альфа с ломаной перекладиной слегка заваливается направо. Каппа с декоративными усами – верхний короткий, чуть прогнутый и с апексом, нижний длинный, прямой, без апекса. Буква М тоже декоративная – боковины высокие, вверху прямые, внизу округлые, срединная часть ломаная, как у альфы. Это письмо IV в.

⁹¹ Noy 1995, nos. 110, 165, 167, 183, 410, 461, 463, 545 etc.

⁹² Такие эпитафии называются билингвальными, они есть повсюду, например, в римских катакомбах Монтенверде. Пример из Южной Италии: Lacerenza 2021, fig. 1.

⁹³ Великий доныне словарь В. Папе – Г. Бензелера дает лишь два примера и только с римскими именами Umbonius да Ummidius в греческой графике (Pape, Benseler 1884, 1094); в КБН ничего нет, лишь в Ольвии зафиксирована, видимо, иранская экзотика Ουμβλοαρος (Zgusta 1955, 199–200).

⁹⁴ Preisigke 1922, 248–249.

⁹⁵ Нам интересно первое, поскольку оно представлено на Боспоре – в списке имен и прозвищ V в. из Германассы на Тамани КБН 1099. По камню мы почти полностью восстановили сей список и выяснилось, что это гунно-булгарские имена тюркского происхождения, почти у всех есть параллели в чувашском народном именнике (чувашский язык – потомок гунно-булгарского). Но наряду с ними в этом списке есть два негомогенных имени – греческое Τρόφιος и Ομαρ, последнему давали разные тюркские этимологии, но они недостоверны. Между тем у него хорошие соответствия в именах дунайско-булгарских ханов VIII–IX вв. Ουмор (т.е. Umor), Ούμαρ(ος), Ομούρταγ (это же имя с аффиксом -таг) (Яйленко 2002, 316; ТБР, 454–455). Мы добавили также чувашское Умер, но отметили и мнение Л.В. Даниловой, что это арабское заимствование Омар. В принципе сие возможно, однако вопрос, как оно попало к чувашам, они ведь не мусульмане. Ответ прост – от соседних мусульман-татар. Данное обстоятельство поясняет нам теперь, откуда появился Ομαρ в таманском гунно-булгарском именнике – это еврейское заимствование булгар у хазар, с которыми они жили бок о бок в Восточном Приазовье в VI–VII вв. Хазары – тюрки, но с принятием иудейской веры у хазарской верхушки стали едва ли не обязательными еврейские имена, во всяком случае они у всех каганов, кроме одного – Обадия, Ханукка, Ицхак, Забулон, Моше, Менахем, Вениамин, Аарон, Иосиф (Новосельцев 1990, 152). Гунно-булгарские варианты на Ου- дают основание думать, что Ουμ- – керченской эпитафии может быть началом еврейского имени עֹמָר, но в местной огласовке: Ούμ[άρ ?]. Так было и на Ближнем Востоке: наряду с Ομάρ употреблялась и форма Ούμάρ (Preisigke 1922, 240, 249. Hansen 1958, 122).

9. Плита изготовлена из ракушечника. Надпись короткая, двухстрочная. Сохранины в меньшей или большей мере все грани, но нижняя несколько повреждена. Высота – 38 см, ширина – 34 см, толщина – 7 см (рис. 3, 9). Оборотная сторона хорошо обработана. Сохранилась стк. 2 (высота букв 5 см), тут патронимик *Ava*, так что в стк. 1 было имя покойного или покойной. Как видно, в стк. 2 три буквы, соответственно, столько насчитывало имя стк. 1 (максимум четыре буквы). Текст: [? Λ]ευ[Γ] Ἀνᾶ «? Леви, сын Ана».

Имя Ана библейское, встречается у трех персон (Бытие 36:24, 25 и др.); Септуагинта дает его nom. и gen., оно несклоняемое: *Ava*⁹⁶. В стк. 1 вполне видно Е, следующей буквой был ипсилон – сохранилась его нижняя часть: в (внизу не острый угол, а закругление типа ω). Далее следует выбоина в виде крестика +, его нижнюю часть можно счесть основанием иоты. Все это позволяет предположительно опознать тут популярное библейское имя [? Λ]ευ[Γ] (Бытие 29:34 и мн. др.), оно тоже несклоняемое⁹⁷.

Написание букв классическое для позднеантичного времени – это монументальное письмо II–III вв. Есть его краткая характеристика⁹⁸. Поскольку к этому времени относятся по палеографии также нижеследующие эпитафии № 10, 11, мы расширим ее на основании ряда датированных надписей (ТБР, 580). Памятникам II в. свойственны простота и строгость исполнения, тщательность резьбы, горизонтальность строк, соблюдение интервала между ними, минимальный набор украшений букв, свободное распределение их по полю плиты; высота и ширина букв гармонично взаимоувязаны, промежутки между ними строятся с учетом их величины; вертикальные, горизонтальные и наклонные гости прямые, без искривлений, у лунарных букв дуги геометрически правильные и пр. Надписей первой половины III в. тоже немало, этот период хорошо делится на первую и вторую четверти века. Надписи первой четверти III в. продолжают традиции предыдущего столетия, к новым веяниям относятся некоторая убористость письма (буквы плотнее прилегают друг к другу) и интервалы между строками сужаются, в прямое письмо чаще вводится одна лунарная буква. Это КБН 96 от 204 г., 902, 1053 от 208 г., 953 от 222 г., 897 от 225 г. Пережиток этого стиля – фрагмент КБН 1101 от 247 г. Эти памятники трудно отделить от надписей II в. Стилистика надписей второй четверти III в. уже существенно отличается от предшествующего времени, породив черты, характерные для III и даже IV вв. Это КБН 1230 от 229/231 г.⁹⁹, 942 от 234 г., они наглядно демонстрируют существенное изменение исторических условий в начале второй четверти III в. – наступил период нестабильности государства, поэтому традиции II в. исчезают. Основные свойства новой палеографии III в. – нерегулярность письма в целом, часта неаккуратная резьба, интервал между строками обычно сводится к минимуму, широко вводятся лунарные и ромбические формы, лигатуры, обильная декорация букв. Различаются два основных пошиба, которые назовем вертикальными и уплощенными. Вместе с

⁹⁶ В словаре ближневосточных имен из папирусов и прочих источников эллинистического, римского и ранневизантийского Египта Ф. Прайзике это имя дано с диакритиками и греческим окончанием: Ἀνᾶς (Preisigke 1922, 29).

⁹⁷ Источники: Pape, Benseler 1884, 787.

⁹⁸ Болтунова, Книпович 1962, 22.

⁹⁹ По упоминанию соправителей – Котиса III и Савромата III.

тем множество эпитафий III в. сохраняет регулярное письмо, унаследованное от палеографии еще II в. – КБН 725, 728, 732 и др.

В заключение – четыре малозначащих обломка надписей.

10. Известняковая плита, обломанная снизу. Верх плиты оформлен в виде двускатной крыши храма. Высота – 33 см, ширина – 27,5 см, толщина – 9 см (рис. 3, 10). Оборотная сторона заровнена. Посередине плиты крупное изображение меноры о трех ветвях, перекрытых сверху горизонталью. Под правой нижней ветвью сохранились две буквы надписи – альфа с ломаной перекладиной и дельта (высота букв 3,5–4 см). Они неплохо вписываются в частую формулу эпитафий ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек» (как в № 2, 4, 8): слева от меноры были буквы ЕΝΘ, справа АΔΕ, т.е. [? ἐνθάδ[ε] и в следующей строке [κεῖται]. Далее следовали имя или имя-отчество покойного (как в № 3), оно могло быть написано и над горизонталью меноры. Возможный текст:

[e. g. ὁ δεῖνα | ἐνθάδ[ε] | κεῖται] «имярек здесь лежит» либо
[e. g. ἐνθάδ[ε] | κεῖται | ὁ δεῖνα] «здесь лежит имярек».

Формы букв просты: альфа с ломаной перекладиной, у дельты правая боковина слегка прогнута кнаружи и чуток продлена выше пересечения с левой. Суммарно они могут относиться ко II–III вв., как и предыдущая эпитафия № 9 (см. там характеристику лапидарного письма этого времени).

11. Сохранился верхний правый угол плиты, сделанной из плотного ракушечника. Сохранившаяся высота – 19 см, ширина – 17 см, толщина – 9 см (рис. 3, 11). Поверхности плиты хорошо обработаны. Под горизонтальной линией сохранились две строки эпитафии (высота букв 7,5 см): ГҮ и!ОҮ, это начало слова γυνή «жена» и окончание родительного падежа имени ее мужа. Перед ОҮ стоит верхняя часть вертикали от Н, И, М, Н, П, условно сочтем ее иотой. Как и в предыдущем случае (№ 10), имя покойной могло располагаться над упомянутой горизонталью или под нею, перед γυ[νή]. Такая композиция надписи может предполагать, что горизонталь принадлежит меноре (как в № 2, 6, 10) и сохранилась левая верхняя часть плиты. Но горизонталь может быть простой тенией, над которой располагался какой-либо свойственный эпитафиям символ, а ниже надпись. Наличие окончания имени мужа IOY скорее указывает, что сохранилась правая часть эпитафии (условно принимаем этот вариант). Текст:

[ή δεῖνα] γυ[νή | –]ίον «имярек, жена –я».

Буквы простые, без особых украшений, относительно обломка они крупные; две формы ипсилона – простая и с развесистыми усами. В целом это тоже монументальное письмо II–III вв., как и у предыдущих эпитафий № 9, 10 (см. под № 9 характеристику лапидарного письма этого времени).

12. Обломок нижней части известняковой стелы. Высота – 31 см, ширина – 30 см, толщина – 8 см (рис. 3, 12). Оборотная сторона заровнена. Эпиграфическое поле выемчатое, ограничено бордюром. Сохранились две начальные буквы последней строки – ΔА. Они невысоки, но широковаты, отличаются декоративизмом начертаний. Обе сохранные гости дельты слегка прогнуты, также боковина альфы с крупной относительно размеров буквы прогнутой перекладиной. Это письмо частных боспорских актов II–III вв. Две эти буквы стоят в начале строки, в ней помещалось не более пяти букв. Судя по конструкциям вышеприведенных эпитафий, эти буквы, скорее всего, принадлежат патронимику покойного или покойной;

если он был еврейским, можно, к примеру, читать библейское имя Дан (Бытие 30:6 и др.). В греческой записи оно известно в двух формах – несклоняемое Δάν и склоняемое Δάνος¹⁰⁰, для нашей строки о пяти буквах подходяще второе: Δάνου. В целом эпитафия может быть простой, состоящей из имени-отчества покойника (как № 7, 9): е. г. [ό δεῖνα] Δά[νου] «имярек, (сын, дочь) Dana», либо построена по формуле ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα, т.е. е. г. [ἐνθα | κεῖται] Δά[νος] «здесь лежит Дан».

13. Мелкий обломок известняковой плиты высотой 15 см и шириной 14 см. Толщина плиты – 10 см. (рис. 3, 13). Оборотная сторона заровнена. Сохранились остатки как минимум двух строк. Оборотная сторона заровнена. Сохранилась одна альфа с ломаной перекладиной, она крупная (высота 6,5 см). Форма правильная, четкая, II–IV вв.

2.3. Некоторые итоги

Рассмотренные надписи не содержат таких принципиально новых сведений, которых не было бы в 4000 известных ныне иудейских эпитафиях. Но для боспорской иудаики много новой информации. Суммируем их хронологическое распределение, самые заметные особенности письма, набор формул, именник, символику, меру греческого влияния эллинистическо-римского времени.

Датировки 13 надписей по столетиям следующие. II–III вв.: № 9–12; II–IV вв.: № 13; III в.: № 3, 4; III–IV в.: № 5; IV в.: № 6, 8; IV–V вв.: № 1, 2, 7. Как видно, эпитафии располагаются примерно равными группами по времени от II до IV или V вв. Если добавить и уже известные на Боспоре иудейские памятники¹⁰¹, это с некоторыми допущениями позволяет думать о более или менее постоянном пребывании иудеев в Пантике II–V вв.

Характер письма эпитафий укладывается в указанные группы по столетиям, в целом он позднеантичный. Монументальное письмо II–III вв. представлено в № 9–12. Элементы курсивного письма весьма скромны: сигма С в № 1, 2, омега Ω в № 6, буква эта в форме Η № 1. Лишь один № 7 от IV–V вв. полностью курсивный. В эпитафии № 2 от того же времени письмо декоративное, наряду с курсивной сигмой содержит не отмеченную доныне на Боспоре форму альфы с боковинами в виде ручек клещей, сильно опущенных вниз и загнутых вовнутрь; примерно такая и в № 5 от III–IV вв. В целом письмо эпитафий каталога отличается особостью – непросто подобрать ему более или менее близкие аналогии в числе боспорских эпитафий. Это означает, что были свои, иудейские резчики, и они приезжие, как и их заказчики: принесли сюда навыки письма, полученные в прежнем месте обитания.

Язык всех эпитафий, как и положено, формульный; нет зависимости между набором формул и датой надписей. Личное имя + синагогальный титул в № 1, 3, 5; это же плюс ἐνθάδε κεῖται в № 2, 4. Простая формула имя + патронимик представлена в № 7, 9. Ее разновидность ἡ δεῖνα γυνὴ τοῦ δεῖνος в № 11. Это единственная женская эпитафия, что статистически удивительно в сравнении с другими центрами диаспоры и, скорее всего, обязано общей скучности иудейских эпитафий позднеантичного Боспора – всего около 3 десятков. Наша надпись № 2 – первая

¹⁰⁰ Источники: Pape, Benseler 1884, 270.

¹⁰¹ См. их свод: Яйленко 2022, Яйленко 2022, 156–158.

детская эпитафия еврейского ребенка на Боспоре, указан его возраст – 1 год. Формула ἐνθάδε κεῖται + личное имя представлена в № 2 (имя не сохранилось), 4, 8, 10. Есть и редчайшая формула – аккламация + личное имя в № 6.

В каталоге 12 надписей на греческом языке, одна на древнееврейском, с обычной для таких эпитафий формулой «в сей могиле покоится», это аналог заимствованной иудеями из греческих эпитафий эллинистического и римского времени формулы ἐνθάδε κεῖται + личное имя. В погребальной эпиграфике иудеев диаспоры решительно преобладает греческий язык – почти $\frac{9}{10}$, лишь 10–15% эпитафий составлено на древнееврейском или арамейском языках, главным образом в Палестине. Соотношение 12 эпитафий нашего каталога на греческом при одной на древнееврейском примерно соответствует указанной пропорции. В отношении скриптуры интересна эпитафия № 6, в которой имя Θηο|←δώ→ρα написано с переменой направления: Θηο и ρα слева направо, а δώ по-еврейски справа налево: ΩΔ.

В 5 надписях упоминаются синагогальные титулы и должности покойных (№ 1–5). В пяти боспорских манумиссиях (КБН 70–73 плюс фанагорийская от 51 г.: ТБР, 367–371) упоминается συναγωγὴ τῶν Ιουδαίων, но мы о ней ничего более не знали, теперь получили данные о ее должностной номенклатуре и титулатуре: глава синагоги именовался архисинагогом, были также жрецы, рабби, раббаны, пресвитеры.

Новые эпитафии существенно обогатили именник боспорского иудейства: Θ[εόμ]ηντσ[тоς?] (№ 1), [Σα]δόκ (3), Самуил (4), Ξιαγα[ζ] (5), Θηοδώρα (6), МИСОМСИК, Κρίσων (7), Ούμ[άρ?] (8), [?Λ]ευ[ί], Άνα[ζ] (9), Δά[νος?] (12). Из них 2–3 греческие (Теомнест, Феодора, может быть, Крисон), остальные 8–9 еврейские. Это удивительно, ибо у иудеев диаспоры на территории Европы абсолютно преобладают греческие и римские имена, это наглядный показатель погружения еврейства в греко-римский социум. Несогласно с этой общей тенденцией боспорские иудеи лишь восприняли местный язык общения, а родной именник в основном сохранили.

Немного расширилась и лексика боспорских еврейских эпитафий: [ἐνι]αυτός (2), ёё, ёё (6), γυ[νή] (11).

На множестве еврейских надгробных стел Палестины и диаспоры широко представлены разного рода символы, также на Тамани, но в наших пантиканапейских эпитафиях удивительная скудость – лишь в № 2, 4, 6, 7, 10 изображена менора. Можно предположить, что это связано с опасением публично демонстрировать иудейскую принадлежность своих могил. Иначе говоря, в Пантиканее в какой-то мере имел место местечковый антисемитизм. Что это действительно так, показывает зыбкая мера сохранности наших камней: за исключением № 4, 6, 7 все они битые, при этом, если № 1, 2 с существенными утратами, все остальные искрошены, вплоть до осколка № 13 с одной буквой. Проследим время разбитых плит: № 3 от III в., № 5 от III–IV вв., № 8 от IV в., № 9–13 от II–III вв. Итого во II–IV вв. в Пантиканее процветал антисемитизм. Автор эпиграфического раздела писал о нем применительно к древности в целом и Боспору в частности (ТБР, 379–384, 390–393), так как историк должен фиксировать все, за что удостоился от И.А. Левинской да А.И. Иванчика титула антисемит¹⁰². По данной статье об иудейских

¹⁰² См. мой ответ им: ТБР, 380–393; ответ инсинуациям Иванчика: Яйленко 2017, 655–660.

эпитафиях Пантикея (и другой об иудейской эпиграфике да антропонимике Боспора в целом¹⁰³) читатель может видеть, что это навет.

Для истории боспорского иудейства важно попытаться понять, справедлив ли длительный гнев неких пантикеев на тамошних евреев? Что до IV в., то разрушение еврейских намогильных камней – явное дело рук фанатов от христианства (банальное науськивание попов: они-де убили нашего Христа), но во II–III вв. христианства на Боспоре не было¹⁰⁴, так что в эти столетия мы имеем дело с бытовым антисемитизмом: евреи были заняты в сферах легкой наживы, о чем свидетельствует участие синагог Пантикея и Фанагории в прибыльном деле отпуска рабов на волю (ТБР, 379–386, 390–392, тут приведены цены за отпуск). Однако рассмотренные пантикеевские эпитафии придают этому вопросу другой поворот – все они писаны на простых известняковых плитках, сравнительно с надгробными стелами пантикеев II–III вв. под ними погребена явная беднота¹⁰⁵. А разгром надгробных памятников бедных евреев – явный перебор, облыжная бытовая неприязнь к чужакам. Она была бы понятна, будь их масса, но в Пантикее II–V вв., судя по небольшому числу еврейских памятников – около трех десятков¹⁰⁶, их было мало, потому вандализм пантикеев в отношении кладбища тамошней еврейской бедноты предосудителен. Участие пантикеевской синагоги в отпуске рабов на волю можно бы счесть благотворительной акцией по освобождению соплеменников из рабства (после взятия Иерусалима Титом в 70 г. и подавления восстания Бар Кохбы 135 г. их было множество)¹⁰⁷. Однако отпуск фанагорийской синагогой в 51 г. трех малоазийцев (ТБР, 369) свидетельствует о малопочтенной посреднической наживе. Тем не менее исключать благотворительный отпуск синагогой своих соплеменников не стоит, надо ждать накопления источников.

В продолжение этой темы обратим внимание также на ригористичность языка рассмотренных эпитафий; позволим себе и каламбур – он лапидарен и лаконичен, пантикеевские евреи сравнительно с остальными сородичами диаспоры лаконцы. В комментарии к эпитафии № 1, поставленной начальнику синагоги, мы отметили ее удивительную простоту. Надгробные плиты рядовых иудеев Рима намного богаче и по материалу (мрамор), его оформлению, и по языку. Бедные да немногословные – вот социально-психологическая характеристика тех евреев Пантикея, которые ставили надгробия своим умершим; тем более должна быть нелицеприятной наша оценка их разрушителей. Мы только что отметили странное для евреев диаспоры неприятие греческих имен: в наших пантикеевских эпитафиях их всего 2–3; остальные 8–9 имен еврейские. Это показатель за-

¹⁰³ Яйленко 2022.

¹⁰⁴ Яйленко 2009, 306–309; 2010, 641–642.

¹⁰⁵ Лишь о Самуиле эпитафии № 4 можно думать как о состоятельном человеке III в., см. выше комментарий к ней.

¹⁰⁶ Яйленко 2022, § 3.

¹⁰⁷ В Риме уже со II–I вв. до н.э. были и рабы, и отпущенники (*peregrini, liberti*) иудейского происхождения (Rocca 2014, 8–13), но как производился отпуск, неизвестно. В пантикеевских манускriятиях КБН 70–73, совершенных при синагоге, у отпущенников греческие рабские имена Гераклес, Гермес, Эльпия, что понятно – их дали хозяева-греки. В горгиппийской манускriации КБН 1124 от 59 г. н.э. упомянуты отпущеные на волю муж и жена «родом иудеи» (имена не сохранились), это дает основание предположительно считать таковыми также Гераклеса, Гермеса, Эльпию.

крыости тамошних евреев. Отсюда и незначительная мера греческого влияния на рассмотренные эпитафии позднеримского времени. Они дали лишь один (хоть и замечательный) образец – горестную аккламацию ёё, ёё «о горе, горе» в эпитафии Феодоры, заимствованную из классической греческой драмы V в., видимо, у Эсхила (см. комментарий к № 6).

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин, Д.В., Кислый, А.Е., Михайлов, А.М., Рогудеев, В.В., Шарапа, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2018: Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение). *ДБ* 23, 9–35.
- Белик, Л.Ю. 2016: История исследования объектов археологии на мысе Ак-Бурун. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* (XVII Боспорские чтения). Керчь, 39–43.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* III, 3–31.
- Бутягин, А.М., Виноградов, Ю.А. 2014: *Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора*. Т. II. *Курганы на мысе Ак-бурун* (Боспорские исследования. Suppl. 13). Симферополь–Керчь.
- Виноградов, Ю.А., Зинько, В.Н., Смекалова, Т.Н. 2012: *Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора*. Т. I. (Боспорские исследования. Suppl. 13). Симферополь–Керчь.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Грушевой, А.Г. 2014: Архисинагоги в грекоязычных надписях первых веков н.э. В сб.: К.А. Битнер (ред.), *Иудаика и арамеистика*. СПб., 71–85.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. *КБН*, 797–831.
- Дюбрюкс, П. 1858: Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского. *ЗООИД* IV/1, 3–84.
- Дюбрюкс, П. 2010. *Собрание сочинений*. Т. I. *Тексты*. Т. II. *Иллюстрации*. СПб.
- Кашаев, С.В., Кашовская, Н.В. 2017: Иудейские камни и надписи Боспора. *Хазарский альманах* 15, 104–131.
- Котин, М.А. 2012: Разведки на мысу Ак-Бурун в Керчи. В сб.: *Археологічні дослідження на Україні 2011 р.* Київ.
- Латышев, В.В. 1896: *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб.
- Новосельцев, А.П. 1990: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.
- Рукавишникова, И.В., Бейлин, Д.В., Белик, Ю.Л., Гаспарович, С.Г. 2018: Курганская группа Нижний Солнечный I. В сб.: А.В. Энговатова (ред.), *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2017* (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). М., 276–283.
- Рукавишникова, И.В., Бейлин, Д.В., Федосеев, Н.Ф. 2012: *Курган Госпитальный* (МИА 28). М.
- Рукавишникова, И.В., Белик, Л.Ю., Гаспарович, С.Г., Ермолин, С.А. 2019: Исследования курганной группы Нижний Солнечный I. В сб.: С.Ю. Внуков, О.В. Шаров (ред.), *Крым – Таврида* (Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.) Т. I. М., 399–417.

- Семенов, С.А., Кунин, В.Э. 1962: Разведки на Керченском полуострове. В сб.: В.Ф. Гайду-кевич (ред.), *Археология и история Боспора*. Т. 2. Симферополь, 257–262.
- Шелов, Д.Б. 1978: Личные имена на амфорах из Танаиса. *НЭ XII*, 47–55.
- Шестаков, С.А. 1999: К вопросу о локализации боспорского города Гермисия. В сб.: Н.Ф. Федосеев (ред.). *Археология и история Боспора*. Т. 3. Керчь, 103–112.
- Шкорпил, В.В. 1900: Надгробные надписи, приобретенные Мелек-чесменским музеем в 1899 году. *ЗООИД* 22, 101–108.
- Яйленко, В.П. 2002: Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики. *ДБ* 5, 303–333.
- Яйленко, В.П. 2009: Изображение креста в пантикопейской цистерне II в. н. э. В сб.: *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2009 г.)*. Санкт-Петербург, 306–311.
- Яйленко, В.П. 2010: Христианские и парахристианские надписи Боспора IV–VI вв. *ДБ* 14, 610–711.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2022: Историко-эпиграфическая проблематика изучения боспорского иудейства I–V вв. *ПИФК* 4, 147–174.

REFERENCES

- Avi-Yonach, M. 1940: *Abbreviations in Greek Inscriptions*. London.
- Bandy, A.C. 1963: Early Christian inscriptions In: *Crete. Hesperia* 32.3, 227–247.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Belik, L.Yu. 2016: Istorya issledovaniya ob'ektoru arkheologii na myse Ak-Burun [History of study of the archeological objects on cape Ak-Burun]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmerijskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya [Cimmerian Bosporus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and research]* (XVII Bosporskie chteniya [XVII Bosporan Readings]). Kerch, 39–43.
- Beylin, D.V., Kislyy, A.E., Mikhailov, A.M., Rogudeev, V.V., Sharapa, A.V., Yurochkin, V.Yu. 2013: Raskopki poseleniya epokhi bronzy Gospital II v gorode Kerchi [Excavations at the Gospital II Settlement of the Bronze age in Kerch]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 23, 9–35.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [Essay on history of Greek lapidary scripture on the Bosporus]. In: *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* 3, 3–31.
- Butyagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2014: *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol aristokratii Bospora*. T. 2. *Kurgany na myse Ak-Burun [Yuz-Oba. The barrow necropolis of the Bosporan aristocracy. Vol. 2. The barrows on the Cape Ak-Burun]* (Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies]. Suppl. 13). Simferopol–Kerch.
- Cohen, Sh. 1981: Epigraphical rabbis. *Jewish quarterly review* 72.1, 1–17.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [A brief essay of grammar of the Bosporan inscriptions]. In: *Corpus inscriptionum Bosphoranum*. Moscow–Leninograd, 797–831.
- Du Brux, P. 1858: Opisanie razvalin i sledov drevnikh gorodov i ukrepleni, nekogda sushchestvovavshikh na evropeiskom beregu Bospora Kimmeriyskogo [Description of the ruins and the remains of the towns and fortifications existing at the past on European shore of the Cimmerian Bosporus]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Society for History and Antiquities]*. T. IV/1, 3–84.

- Du Brux, P. 2010. *Sobranie sochineniy [Collection of the works]*. Vol. 1, Vol. 2. Saint Petersburg.
- Feldman, L.H. 1996: Diaspora synagogues. In: S. Fine (ed.), *Sacred Realm: the Emergence of the Synagogue in the Ancient World*. New York–Oxford, 48–66.
- Gaidukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo [Bosporan kingdom]*. Moscow–Leningrad.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Grushevoy, A.G. 2014: Archisynagogi v grekoyazychnykh nadpisyakh pervykh vekov nashey ery [The archisynagogoi in Greek inscriptions from the first centuries AD]. In: K.A. Bitner (ed.), *Iudaika i arameika [Judaica and Arameica]*. Saint Petersburg, 3, 71–85.
- Guarducci, M. 1978: *Epigrafia greca*. Vol. IV. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Horst, P.W. 1991: *Ancient Jewish epitaphs*. Kampen.
- Horst, P.W. 1994: Jewish poetical tomb inscriptions. In: J.W. van Henten, P.W. van der Horst (eds.), *Studies in early Jewish epigraphy*. Leiden, 129–147.
- Horst, P.W. 2014: What can we learn from early Jewish epigraphy? *Scripta Judaica Cracoviensis* 12, 33–46.
- Jeffery, L.H. 1969: *Archaic Greece*. London.
- Kant, L.H. 1987: Jewish inscriptions in Greek and Latin. In: W. Haase (hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Teil II. Bd. 2, Hlbd. 2. Berlin–New York. Teil II, 672–713.
- Kashaev, S.V., Kashovskaya, N.V. 2017: Iudeyskie kamni i nadpisi Bospora [The Jewish stones and inscriptions of the Bosphorus]. *Khazar Almanak [Khazar Almanac]* 15, 104–131.
- Kotin, M.A. 2012: Razvedki na mysu Ak-Burun v Kerchi [Fieldworks on cape Ak-Burun at Kerch]. In: *Археологічні дослідження на Україні 2011 р.* [Archaeological investigations on Ukraine 2011]. Kiev, 57.
- Kraemer, R.S. 1985: A new inscription from Malta and the question of women elders in Diaspora Jewish Communities. *The Harvard theological review* 78, 3/4, 431–438.
- Lacerenza, G. 2021: Rabbis in Southern Italian Inscriptions from Late Antiquity to the Early Middle Ages. In: Mc Dowell et al. (eds.), *Diversity and rubberization*. Cambridge, 291–321.
- Latyshev, V.V. 1896: *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnay Rossii [Collection of the Greek Christian inscriptions from South Russia]*. Saint Petersburg.
- Lieber, L. 2018: With one voice: elements of acclamation in early Jewish liturgical poetry. *Harvard Theological Review* 111.3, 401–424.
- Misgav, H. 2006: Jewish inscriptions and their use. In: S. Safrai et al. (eds.), *The literature of the Sages*. Pt. II. Leiden, 461–483.
- Novoseltsev, A.P. 1990: *Khazarskoe gosudarstvo I ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy [Khazar state and its role in the history of East Europe]*. Moscow.
- Noy, D. 1995: *Jewish inscriptions of Western Europe*. Vol. II. *The city of Rome*. Cambridge.
- Ορλανδος, Α.Κ. 1973: *Τα χαραγματα του Παρθενωνος*. Αθηναι.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Peek, W. 1957: *Verzeichnis der Gedicht-Anfänge und vergleichende Übersicht zu den griechischen Vers-Inchriften*. I. Berlin.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch, enthaltend alle... Menschennamen*. Heidelberg.
- Pucci Ben-Zeev, M. 1996: Jewish wrights in the Roman world: new perspectives. *Teu'da* XII, 39–53.
- Rajak, T., Noy, D. 1993: Archisynagogoi: office, title and social status in the Greco-Jewish synagogue. *Journal of Roman Studies* 83, 75–93.
- Rocca, S. 2014: In: the beginning: The Jews as the minority group in the middle and the Late Republican period. *Scripta Judaica Cracoviensis* 12, 7–24.
- Rocca, S. 2019: Foreigners at home: the historical geography and demography of the Jews of ancient Rome. In: N. Andrade et al. (eds.), *Roman Imperial Cities in the East and in Central – Southern Italy*. I. Roma, 437–467.

- Rukavishnikova, I.V., Beilin, D.V., Belik, L.Yu., Gasparovich, S.G. 2018: Kurgannaya gruppa Nizhniy Solnechnyi I [The barrow group of Nizhniy Solnechnyi I]. In: A.V. Engovatova (ed.), *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2017 [Towns, settlements, cemeteries. Excavation 2017]*. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanyy [Materials of the rescue archaeological research]. Vol. 25). Moscow, 276–283.
- Rukavishnikova, I.V., Beilin, D.V., Fedoseev, N.F. 2012: Kurgan Gospitalnyy [The Hospitalny Barrow] (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanyy [Materials of the rescue archaeological research]. Vol. 28). Moscow.
- Rukavishnikova, I.V., Belik, L.Yu., Gasparovich, S.G., Ermolin, S.A. 2019: Issledovaniya kur-gannoy gruppy Nizhniy Solnechnyi I [Investigations of the barrow group of Nizhniy Solnechnyi I]. In: S.Yu. Vnukov, O.V. Sharov (eds.), *Krym–Tavrida [The Crimea–Taurica]*. (Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 godakh [Archeological investigations in Crimea 2017–2018]. Vol. 1). Moscow, 399–417.
- Rutgers, L.V. 1995: *The Jews in Late Ancient Rome. Evidence of Cultural Interaction in the Roman Diaspora*. Leiden.
- Rutgers, L.V. 1997: Interaction and its limits: some notes on the Jews of Sicily in Late Antiquity. *ZPE* 115, 245–256.
- Schürer, E. 2014: *The history of the Jewish people*. Vol. III, 1. London.
- Schwabe, M., Lifshitz, B. 1974: *Beth She'arim*. Vol. 2: *The Greek Inscriptions*. New Brunswick.
- Semenov, S.A., Kunin, V.E. 1962: Razvedki na Kerchenskom poluostrove [Fieldworks on the Kerch peninsula]. In: V.F. Gaidukevich (ed.), *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of the Bosporus]*. Vol. 2. Simferopol, 257–262.
- Shelov, D.B. 1978: Lichnye imena na amforakh iz Tanaisa [The personal names on amphoras from Tanais]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* 12, 47–55.
- Shestakov, S.A. 1999: K voprosu o lokalizatsii bosporskogo goroda Germisiya [On the issue of localization of the Bosporan town Hermision]. In: N.F. Fedoseev (ed.), *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of the Bosporus]*. Vol. 3. Kerch, 103–112.
- Shkorpil, V.V. 1900: Nadgrobnye nadpisi, priobretennye Melek-Chesmenskim muzeem v 1899 godu [Epitaphs acquired by Melek-Chesma Museum in 1899]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Society for History and Antiquities]* 22, 101–108.
- Stern, K.B. 2013: Death and burial in the Jewish Diaspora. In: *Oxford encyclopedia of the Bible and archaeology*. Oxford, 270–280.
- Tal Ilan, 2002: *Lexicon of Jewish names in late antiquity*. Pt. I. *Palestine 330 BCE – 200 CE*. Tübingen.
- Vinogradov, Yu.A., Zinko, V.N., Smekalova, T.N. 2012: *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora [Yuz-Oba. The barrow necropolis of the Bosporan aristocracy]*. Vol. 1. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 13). Simferopol–Kerch.
- Weiss, Z. 2012: Where the Priests Communal Leaders in Late Antique Palestine? In: D.R. Schwartz et al. (eds.), *Was 70 CE a Watershed in Jewish History?* Leiden–Boston, 91–111.
- Yayenko, V.P. 2002: Gunno-Bulgary II–V vekov nashey ery po epigraficheskim i antroponimicheskim dannym [The Hunno-Bulgars in the 2nd – 5th centuries AD according to epigraphical and anthroponomical data]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 5, 303–333.
- Yaylenko, V.P. 2009: Izobrazhenie kresta v pantikapeyskoy tsisterne II veka nashey ery [Representation of the cross in the Panticapaean cistern of the 2nd century AD]. In: *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 1–4 dekabrya 2009 g.)* [Bosporan phenomenon. Art on the periphery of the Ancient World. Proceedings of the international scientific conference (St. Petersburg, December 1–4, 2009)]. Saint Petersburg, 306–311.

- Yaylenko, V.P. 2010: Khristianskie i parakhristianskie nadpisi Bospora IV–VI vekov [Christian and para-Christian inscriptions of the 4th – 6th centuries AD]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 14, 610–711.
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Olvii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. – VII v. n.e. [History and epigraphy of Olbia, Chersonesus and Bosporus of the 7th century BC to the 7th century AD]*. Saint Petersburg.
- Yailenko, V.P. 2022: Istoriko-epigraficheskaya problematika izucheniya bosporskogo iudeystva I–V vekov [The historical and epigraphical problems of study of the Bosporan Jews, the 1st – 5th centuries AD]. *Problemy istorii, filologii i kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 147–174.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

THE SECOND-FOURTH CENTURIES AD NEW JUDEAN EPITAPHS FROM KERCH

Denis V. Beylin¹, Valery P. Yaylenko²

¹ Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Kerch, Russia

² Independent researcher, Moscow, Russia

¹ E-mail: denis_beylin1979@mail.ru ² E-mail: valeryjailenko@gmail.com

Abstract. In 2020, 13 Jewish epitaphs were found at the Jewish necropolis at the Pavlovsky Cape near Kerch, of which 4 turned out to be more or less intact. Although the rest are destroyed, some texts lend themselves to approximate reconstruction. One Hebrew inscription is dated to 584 BE = AD 281, all others in Greek. This is a significant addition to about two dozen already known Jewish epitaphs found at the Bosphorus. New epitaphs of the 2nd – 4th centuries AD shed light on the official nomenclature of the Panticapaeon synagogue: archisynagogus, presbyter, etc. The anthroponomy of the Bosporan Jews has significantly expanded, and it is almost all Jewish, which is unusual for the Diaspora. Based on the new epitaphs, some conclusions can be drawn about the position of the Jewish community of Panticapaeum.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Panticapaeum, Jewish necropolis, new Jewish epitaphs of the 2nd – 4th centuries AD, local synagogue positions, personal names, position of the local Jewish community

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 147–174
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 147–174
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-147-174

ИСТОРИКО-ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ БОСПОРСКОГО ИУДЕЙСТВА I–V ВВ. Н.Э.

В.П. Яйленко

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9844-6259

Аннотация. Источником известий об иудеях на Боспоре служат только надписи (в том числе еврейская антропонимика), которых немного. Однако как совокупность эти источники еще не исследовались, автор впервые ставит эту задачу. Отдельные отечественные иудаисты неправомерно расширяют количество надписей, относящихся к иудеям, автор критикует их, его первостепенная задача – выявление круга достоверных источников. В целом надписей оказалось до 30, в том числе два десятка бесспорных, еще десять – возможных. Надписей ранее I в. н.э. нет, от этого столетия сохранились только манумиссии. Со II по V–VI вв. идут эпитафии евреев, почти все на греческом языке, лишь несколько на древнееврейском. Выявлен также достоверный круг еврейских личных имен. На этом основании построена просопография иудеев Боспора II–VI вв. Отдельно рассмотрен уникальный археологический памятник – сельский молельный дом иудеев поселения Вышестеблиевская 11 на Тамани и сопутствующие эпитафии.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, иудеи, манумиссии, эпитафии, просопография, сельская скиния

1. ИСТОЧНИКИ О БОСПОРСКОМ ИУДЕЙСТВЕ, НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ КРИТИЧЕСКОГО ОТБОРА

Источником об иудеях на античном Боспоре служат только надписи – эпитафии, манумиссии, а также личные имена, почти все они на греческом языке и римского времени, т. е. не древнее I в. н.э. (см. далее § 2). Их мало, поэтому занимавшиеся сей тематикой иудаисты *nolens*, а скорее *volens*, расширяли число таких надписей за счет сомнительных в этом отношении документов, тем самым увеличивая масштаб присутствия иудеев в регионе и их роль. К примеру, перечень надписей античного времени, имеющих отношение к боспорскому иудейству, дал Д.И. Даньшин, опираясь на наработки предшественников (Ж. Фрея, Э. Шюрера,

Данные об авторе: Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, Москва.

Б. Надэля и др.)¹. В его перечне манумиссии КБН 69–73 из Пантикея, на основании которых он заключил: «многие пантикеиеские надписи I–II вв. н.э. прямо указывают на существование в столице государства συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων», то есть иудейской синагоги. Этот вывод несколько странен, ибо сделан на основании пяти надписей, число которых вряд ли можно квалифицировать как «многие», тем более что на деле их четыре, т.к. отпускной акт КБН 69 не имеет отношения к синагоге – он совершен при святилище Аполлона². В его перечне числятся манумиссия КБН 985 из Фанагории, а также изданный им отпускной акт 51 г. н.э.; но для включения сюда КБН 985 оснований нет³. Вслед за предшественниками Д.И. Даньшин причислил к иудейским и горгиппийским манумиссиям, в которых упомянут Θεὸς Ὑψιστὸς «Высочайший бог», но не фигурирует συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων. Между тем ни одна из пяти совершенных при синагоге манумиссий (КБН 70–73 и фанагорийская от 51 г. н.э.) не упоминает ни имени бога, ни бога вообще, что соответствует религиозному запрету иудеям на произнесение имени бога (Исход 20: 7; Второзак. 5: 11), и означает, что еврейская синагога не имеет отношения к отпуску под покровительством не только Высочайшего бога, но также Зевса, Геи, Гелиоса в актах КБН 74 из Пантикея, 1123, 1126 из Горгиппии (подробности: ТБР, 373–379). Однако исследователи не только приписывали без достаточных оснований почитание боспорского Θεὸς Ὑψιστὸς иудеям, но и делали отсюда ответственные исторические выводы. Особенно активна в этом И.А. Левинская, объявившая почитателей Высочайшего бога в танаисских актах фиасов КБН 1281, 1283, 1285, 1286 квазипролетитами и полагая, что это фиасоты, которые приняли иудаизм, но не стали пролетитами⁴. К сожалению, ей следует Н.В. Кашовская, утверждая, что иудеями «выполнялось скрытое миссионерство, что способствовало появлению пролетитов (последователей культа) и квазипролетитов (сочувствующих) из числа местного населения»⁵. Все-таки надо учитывать, что связь культа этого божества с иудеями основана лишь на предположении о влиянии на него их монотеизма, но откуда взяться этому влиянию в Танаисе, где сей культ в основном и распространен, а эпиграфических или археологических следов иудейства нет (см. далее). К

¹ Даньшин 1993, 63–65, 67–69.

² В надписи целиком сохранилась лишь датировочная формула по правящему царю Котису I. Начальные буквы стк. 10 про, по мнению Д.И. Даньшина, в свете лексики боспорских манумиссий могли принадлежать только слову προσευχή «синагога» или προσκαρτέρησις «усердное посещение», причем второе засвидетельствовано исключительно в манумиссиях иудейской синагоги КБН 70, 73. Это не так: в манумиссии КБН 70 словом πρότερον «ранее» удостоверено, что хозяйка отпуска раньше была женой Друза; и в манумиссии КБН 69 в стк. 7–8 как раз упомянуто слово γυνή «жена» (см. ТБР, 401). Таким образом, вопреки Д.И. Даньшину, буквы про стк. 10 не обязательно принадлежали словам προσευχή «синагога» или προσκαρτέρησις, может быть и πρότερο.

³ В стк. 8–10 КБН 985 В.В. Латышев с основанием дополнил формулу об отпуске раба Лонгиона при святилище Аполлона; он восстановил ее в род. падеже, но слово προσευχῆς чуток не вмещалось в лакуну, поэтому мы перевели формулу в дат. падеж, чем сняли затруднение, отчего смысл не менялся: ἐ[πὶ] τ[ῇ] προσευχῇ Ἀπόλ[λονος --] (ТБР, 384–385). В копии Латышева, которую он снял с подлинника, целиком сохранина буква Т артиклия τ[ῇ], от начальной буквы имени бога А он показал половинку (IOSPE II, 364); на фото в КБН-альбоме она видна целиком. Все это свидетельство точного дополнения текста надписи, и из упоминания бога Аполлона следует, что манумиссия не имеет отношения к иудейской синагоге (подробности: ТБР, 384–385). См. подробно об этой манумиссии: ТБР, 384–385, 396–399.

⁴ Левинская 1992, 129 сл. Об этом писали и ее предшественники (Э. Шюорер и др.).

⁵ Кашовская 2011, 198 (в том числе с отсылкой к указанной статье И.А. Левинской).

примеру, И.А. Левинская апеллирует к Септуагинте, где Ὑψιστος – обозначение еврейского бога⁶. Но у греков это эпитет Зевса, представленный уже у Эсхила (*Eumenidae*, 28), Пиндара (*Nem.* I. 60; II. 2), Софокла (*Philoct.* 1289). На фронтонах танаисских стел КБН 1260, 1281, 1285 с посвящениями Высочайшему изображены большие орлы с распластертыми крыльями, что исключено для иудейских памятников (у евреев запрет на изображения живых существ⁷), но вполне понятно в качестве эмблемы Зевса, в данном случае Высочайшего⁸. Поэтому закономерно наличие в литературе мнений, отрицающих связь культа Высочайшего бога исключительно с иудеями либо соотносящих Высочайшего с иранским солнечным божеством (ТБР, 374–379, лит.). Судя по именам жителей Танаиса II–III вв., где процветал культ Высочайшего, они почти сплошь иранцы, следы еврейства мизерные и неместного происхождения⁹, так что объективному взгляду очевидна его иранская природа. По этой причине и ряду других часть иудаистов пришла к выводу, что Высочайший бог боспорских надписей вовсе не еврейский Яхве; в частности, Ю. Устинова с основанием увидела в нем иранского Митру на основании важнейшей роли иранства на Боспоре¹⁰.

Восполнить лакуну присутствия иудеев призвана попытка И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева пополнить Танаис и Горгиппию еврейскими личными именами, что спасло бы гипотетическую связь культа Высочайшего с иудеями, но она провальна (см. ниже).

Из 11 более или менее содержательных боспорских манумиссий (не учитываем мелкие фрагменты) 5 совершены при еврейской синагоге (προβευχή), при этом 4 происходят из Пантикопея (КБН 70–73) и лишь одна приходится на остальной Боспор – фанагорийский акт 51 г. н.э. Это означает, что в сфере вольноотпущенничества существенно проявляла себя лишь столичная синагога, и то в короткий период с 81 г. н.э. (КБН 70) по первую половину II в. (КБН 73), иначе говоря, в правление двух царей – Рескупорида II (68–92) и Савромата I (93–123)¹¹. В связи с манумиссией 81 г. н.э. и упоминанием в ней иудейской общине В.В. Латышев счел, что Рескупорид II принял евреев, появившихся на Боспоре после разрушения Иерусалима в 70 г.¹² Это так, поскольку засвидетельствовано и в других регионах Римской империи, но фанагорийская манумиссия 51 г. н.э. слегка удревняет по-

⁶ Упомянем Бытие 14:18, Псалом 7:18.

⁷ На немногих иудейских надгробиях встречаются мелкие птички, но это результат египетского и (или) греческого влияния – символика душ умерших.

⁸ См. подробную критику построений И.А. Левинской и краткий обзор литературы по проблеме культа Высочайшего бога в эпоху Римской империи: ТБР, 373–379. Основоположник изучения письменных и археологических данных о евреях эллинистического и римского времени Э. Шюрер (он титан источниковедения – собрал массу папирусных, эпиграфических и прочих данных в своем поразительном по фундированности трехтомнике *Geschichte des jüdischen Volks im Zeitalter Jesu Christi*, 1886–1890) старался привлечь как можно больше материала, логично и то, что со временем отдельные иудаисты очищали его корпус свидетельств о боспорском иудействе от недостоверного или очень спорного материала.

⁹ Дипинти на амфорах с тремя еврейскими именами поставщиков, см. ниже.

¹⁰ Ustinova 1998, 10 ff. Gibson 1999, 109–121. Кизилов 2011, 48 сл.

¹¹ Надпись КБН 70 датирована 81 г., в отношении остальных действенны датировки издателей, которые в основном приняты редакторами КБН: надпись № 71 – I в. н.э., № 72 – конец I – первая половина II в., № 73 – по Латышеву, близка манумиссии 81 г., издатели КБН дали дату не ранее первой половины II в. н.э.

¹² Латышев 1909, 113.

явлении их тут. Напротив, бездоказательно мнение части иудаистов, что спорадическое проникновение иудеев в Северное Причерноморье началось в раннее эллинистическое время¹³. Оно основано на соображении общего свойства – это якобы соответствует характерному для эллинизма процессу интеграции греко-восточной экономики, а реально – на упоминаниях еврейских имен в боспорских надписях. Однако последнее действительно в случаях с хорошей еврейской этимологией имени, датировкой и характером надписи, но обычно шатко. Например, в случае с Εμμεις Αἰνέου пантикопейской эпитафии I в. до н.э. (КБН 122) еврейской этимологии имени Εμμεις¹⁴ препятствует отсутствие другого примера постановки стихотворной эпитафии иудеям на Боспоре. Скажем еще точнее: из примерно 1600 известных на 1994 г. эпитафий иудеям (сейчас их много больше) лишь 19 стихотворных, причем 12 из них происходят из египетского Леонтополя, где иудейство насквозь эллинизировано уже со II в. до н.э.¹⁵ Итого на весь остальной мир Диаспоры остается всего 7 стихотворных эпитафий, это закрывает вопрос об иудействе Эммейс и ее имени¹⁶.

2. АНТРОПОНИМИКА

Л. Згуста выделил в боспорских надписях следующие личные имена семитского происхождения: Βοχόρος, Σαφατας, Ἰσαάκιος, Σαμουήλ, Σείμων (об Εμμεις мы уже высказались), И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев добавили из лапидарных надписей Αζαρίων, Σαμβατίων, Ωνίας, Γαδας / Γαδεις, Ιας, Βοθυλις, Μαρία, Γομαρία, из дипинти в Танаисе Ιουδα, Ζαδο(κος), Ζαχ(αρίας)¹⁷. В списке Л. Згусты первое имя сирийское, остальные еврейские, с хорошим обоснованием. Напротив, в перечне И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева несомненны лишь имена из дипинти, но они на амфорах¹⁸, так что принадлежат поставщикам, не танайтам¹⁹. Лишь отчасти возможны Γομαρία, Μαρία, у которых есть хорошие иранские альтернативы (см. ниже). Все остальные неосновательно причислены к древнееврейским. Рассмотрим перечисленные имена.

¹³ Например: Надэль 1956, 75.

¹⁴ Zgusta 1955, 331.

¹⁵ Horst 1994, 129–130. По словам Д. Ноя, «чрезвычайно удивительно», что из 77 иудейских эпитафий Леонтополя 12 стихотворных (Noy 1994, 168–169). В Египте найдено свыше двухсот стихотворных эпитафий, почти все греческие, так что казус Леонтополя не «египетский», как счел Д. Ной, а греко-египетский – в смысле греческий в Египте.

¹⁶ Полагаем, имя Εμμεις из числа Lallnamen, они производные от повсеместно распространенной основы *(a/e)ma, *mama, *amma «мать, женщина». Мы собрали ее производные в индоевропейских, алтайских, кавказских, семитских, тунгусо-маньчжурских и прочих языках; в шумерском, хурритском, индоевропейских и ряде других предпочтительна форма с начальным *a-, в тюркских, монгольском, селькупском, бирманском и т.д. продуктивна инициал *e- (ТБР, 136–137). Из числа таких имен на Боспоре известны Άμμα, Άμμια, Άμμιον, Άμιν.

¹⁷ Zgusta 1955, 331–332. Левинская, Тохтасьев 1988, 28–29. Levinskaya, Tokhtas'yev 1996, 55–73.

¹⁸ Их выделил Д.Б. Шелов (1978): с. 49 – Иуда; 52–53 – За, Ζαδο (определенено как Ζαδο(κος)). И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьевым, они же выделили имя Ζαχ(αρίας).

¹⁹ Согласно Д.Б. Шелову (1978, 49), дипинто с именем Иуда сделано на большой красноглиняной боспорской амфоре, т. е. не танаисской. Свыше полусотни дипинти Ζα, Ζαδο написаны на местных малых узкогорлых светлоглиняных амфорах (Шелов 1978, 52). По С.М. Ильяшенко (2013, 95), дипинти на таких амфорах с вином сделаны в Гераклее (см. и с. 90: товар закупался вне Танаиса).

Имя Ἀζαρίον (он сын Деметрия) из длинного списка имен-отчеств почитателей «Бога высочайшего» в Танаисе (КБН 1287 от 244 г.), сплошь иранских да греческих, неотделимо от названия расположенного неподалеку города в Восточном Приазовье Ἀζαρα²⁰. Имена Гадац / Гадеиς, Іа̄с сами авторы поначалу признали предположительно еврейскими²¹, затем полностью уверились в их иудействе; однако на поверку к этому имена сии вовсе не имеют отношения. Все носители имени Гадеиς сплошь горгиппийцы, потому оно адыгское, с адыгским притяжательным суффиксом *-ей-*, как в других горгиппийских адыгских же именах Гастеиς, Θχητλεиς, Госηтлεиς, Λωβεиς, Ιχεиς (ТБР, 178–179). Соответственно, к ним прилегает по той же основе и Гадац пантиканской эпитафии I в. н.э. КБН 372 (жена его Каллиста)²².

Имя Гомария из эпитафии I в. до н.э. КБН 292 И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев сочли еврейским по аналогии из Септуагинты, что маловероятно, поскольку других еврейских фактов I в. до н.э. на Боспоре нет. Это тем более так, что есть более приемлемое решение для Боспора этого времени – иранское происхождение имени. Сопоставляем его с авест. *gav-* / *gau-*, *gava-* «скот, бык, корова» + *taigūā-* «обманчивая, коварная»²³, как женское имя «корова с норовом»; к значению ср. Камтрака – эламская передача древнеиранского имени-прозвища **Gauraka-*, вероятное значение которого «дикий ослик», лучше сказать, «ослик с норовом»; имя скифского племени Ἀγονοί = др. иран. *agau-* «не имеющий коров»; имя Геродотовых скифов Γεωργοί – это **gauvarga-* «почитающие скот»²⁴; боспорское имя Μαισης (КБН 1137) = авест. *taēša-* «овца»²⁵. Заодно и под именем Мария КБН 759 может фигурировать это же младоавест. *taigūā-* «обманчивая, коварная», – классическое значение для женского имени. Лишь принадлежность надписи к позднему времени (IV–V в.), когда под влиянием христианства стало распространяться в быту имя Μαρία, пожалуй, более склоняет к такому решению, но тогда это имя было уже интернациональным по узусу, отнюдь не только иудейским (подробней скажем о нем далее).

В списке имен И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева удивляет троица имен Ωνίας, Іа̄с, Βοθύλις эпитафии I в. н.э. из Гермонассы. Ее издал В.В. Шкорпил, чтение которого и интерпретацию имени повторили издатели КБН: Βοθύλι Ωνία, χαῖρε «Бофилий, сын Ония, прощай». По имени Ωνίας из иудейской эпитафии Рима Шкорпил признал еврейским и Ωνία керченской надписи. Однако форма звательного падежа на *-ι* странна, и он пытался объяснить ее влиянием латинского склонения. Словом, в его чтении эпитафия включает греко-еврейско-латинскую мешанину, что неприемлемо. Стела находится в ВКИКМЗ, и обращение к ней показало иное чтение, которое сняло указанное затруднение: Βοθυλίων Ια «Ботилион, сын

²⁰ Согласно В. Миллеру, М. Фасмеру и другим, это иранский топоним (Zgusta 1955, 62, лит.); по нашему мнению, фракийский (Яйленко 2015, 416).

²¹ Левинская, Тохтасьев 1988, 29.

²² У имен Гадац, Гадеиς есть и хорошая иранская этимология: Zgusta 1955, 87–88, лит. Ср. Bartholomae 1904, 487–488: младоавест. *gad-* «служить», *gaba-* «разбойник». Однако концентрация имени только в Горгиппии скорее указывает на адыгское происхождение.

²³ Bartholomae 1904, 505–511, 1151. Абаев 1979, 289–290. О передаче иран. *av* через *o* и контракции *ai* > *a* см. Zgusta 1955, 215 (греч. *κο* < *gav-*, *gao-*), 232 (*αρι* < *airya-*).

²⁴ Абаев 1981, 74–76.

²⁵ Vasmer 1923, 43. Zgusta 1955, 113. Абаев 1979, 289. Лившиц 2010, 89.

Иаса»; имя Βαθυλλίων представлено в эпитафии КБН 341 того же I в. н.э., имя Ιας засвидетельствовано четырежды в Горгиппии (КБН 1140, 1179, 1180, II–III вв. н.э.)²⁶. И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев в рассматриваемой работе 1996 г. не раз ссылаются на мою статью 1987 г., но данный пассаж проигнорировали. Уж не потому ли, что он лишал их сразу двух якобы иудейских имен? Что это так, показывает игнорирование ими и мнения Л. Згусты, который указал, что Βαθυλλίων керченской эпитафии КБН 341 – расширенная с помощью суффикса -ίων форма известного в Греции имени Βάθυλλος²⁷. Уже то, что последнее носят природные афинские граждане IV в. до н.э., должно было предостеречь И.А. Левинскую и С.Р. Тохтасьева от пополновений на иудейское происхождение их Βοθύλι. Бесполезны их усилия и в отношении имени Ιας: оно, как сказано, засвидетельствовано во II–III вв. н.э. четыре раза в Горгиппии, только там и у соседних меотов в IV в. до н.э. (LGPN IV, 171), так что, безусловно, туземное²⁸.

Итого, по большому счету ни одно имя с Боспора списка И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева не является древнееврейским по происхождению или по узусу²⁹. На первый взгляд, учености в их статье изобилие – и сравнительного материала, и литературы, а на деле результат почти нулевой. Причина в том, что одних сопоставлений с еврейской антропонимикой недостаточно, для верификации происхождения имен необходимо обращение к их узусу, ареальному распределению, обязателен учет корпуса местных имен и пр.³⁰ Показательно в этом отношении имя Ήλ(ε)ις, которое авторы поначалу тоже считали древнееврейским³¹. Оно, пишут авторы, представлено одним мужским именем и 8 женскими, т.е. имеют в виду фиасита Ήλις КБН 80, также 8 женщин – обладательниц имени Ήλις. Такую диакритику дал В.В. Латышев (IOSPE II, 230, 401), как яствует из нее, полагавший, что это греческое женское имя со значением «Элидянка», жительница греческой области Элида. Однако Л. Згуста с основанием отверг это, указав на странность пребывания на Боспоре сразу 8 носительниц «элидского» имени³². Мы добавим: еще и при том, что, во-первых, связи Боспора с Элидой почти никакие³³, и в самой Греции узус женского имени Ήλις невелик³⁴. В Причерноморье наряду с Боспо-

²⁶ Яйленко 1987, 104; ТБР, 559. Диакритики на имени Ιας условны.

²⁷ Zgusta 1955, 365. В литературных источниках имя Βάθυλλος упоминается, начиная с Демосфена, его носители – афиняне, кротонец; отпущенник Антипатра, сына Герода Старшего; александрийский танцор в Риме (Pape, Benseler 1884, 191). Известно оно в Пантике III в. (КБН 22, 98), а четверо в Херсонесе, напротив, все V–IV вв. до н.э. (LGPN IV, 64). Согласно «Большому этимологику», это диминутивная форма от Βαθυκλῆς (Pape, Benseler 1884, I. c.); последнее – уже гомеровское имя.

²⁸ Как мужское, оно отличается от внешне подобного женского имени Ιάς, gen. Ιάδος «Ионянка» (Pape, Benseler 1884, 529).

²⁹ Как сказано, засвидетельствованные танаисскими дипинти на амфорах имена Иуда, Захария, Садок принадлежат поставщикам, не танайтам. Возможно древнееврейское происхождение имени Гомария, но иранская альтернатива для I в. до н.э. намного предпочтительней.

³⁰ Это азы антропонимики как науки, поэтому знакомы названным авторам. Игнорирование сих азов можно объяснить только предвзятостью, заранее заданной целью или условием, типа отработки гранта; отсюда и слабость предложенных идей.

³¹ Левинская, Тохтасьев 1988, 29.

³² Zgusta 1955, 382–383.

³³ Упомянут лишь один выходец оттуда – КБН 1194, Горгиппия, III в. до н.э.

³⁴ Pape, Benseler 1884, 458.

ром оно распространено лишь в Истрии да Томах³⁵, И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев игнорируют это обстоятельство, и напрасно: частотность узуса имени тут, нигде более, указывает на туземное его происхождение.

Таким образом, всем надписям, в которых упоминаются псевдоеврейские имена списка названных авторов, не место в корпусе качественных эпиграфических свидетельств о боспорском иудействе. Между тем И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьеву эти имена нужны не просто сами по себе – ими они стараются подтвердить связь с иудеями культа Высочайшего бога: «Присутствие иудеев в Пантике и Горгиппии удостоверено надписями, в то время как в Танаисе прямо не засвидетельствовано ни надписями, ни археологически. Заслуживает внимания, что основные черты распределения еврейских имен в Боспорском царстве совпадают с распространением посвящений Высочайшему богу. Так что, принимая во внимание выдающееся место этого культа в Танаисе, концентрация еврейских имен здесь не удивительна»³⁶. Тут справедливо лишь сказанное о выдающемся месте культа Высочайшего в Танаисе и об отсутствии в нем эпиграфических и археологических данных о евреях, но это было известно и до них³⁷. А попытка сих авторов восполнить недостаток данных об иудеях извлеченными из надписей древнееврейскими именами, как показано, безосновательна, ввиду чего на деле нет никакого соответствия между распределением мест культа Высочайшего и наличием там еврейских имен. Посему остается в силе констатация прежнего состояния дел – кульп Высочайшего по преимуществу танаисский, но свидетельств пребывания там иудеев как не было, так и нет³⁸. Как сказано, в Горгиппии этот кульп представлен слабо и тут упомянута лишь отпущенная на свободу супружеская пара, «родом иудеи» (КБН 1124, их имена не сохранились), попытка И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева пополнить город еврейскими именами безуспешна, так что и тут отсутствует не только связь культа Высочайшего с иудеями, но беспочвен и сам посып авторов о соответствии «распределения еврейских имен на Боспоре с распространением посвящений Высочайшему богу».

Закончим рассмотрение их списка интересным именем Σαμβατίον. Его еврейское происхождение (к *sabbath*, сάββατον «суббота»), также однокоренных форм Σαβ(β)ίον, Σαμβίον, Σαμβατίς и др., установлено давным-давно, как и то, что, будучи широчайшего распространения, в особенности на Ближнем Востоке, по узусу оно стало интернациональным – фактом межнационального культурного взаимодействия³⁹. Это обстоятельство указывает, что и на Боспоре носители данной

³⁵ LGPN IV, 152. Видимо, чтоб отмежеваться от очевидно ошибочной диакритики Ḥlīs, авторы этого свода акцентировали Ḥlīs и Ḥlīs, что тоже бездоказательно.

³⁶ Levinskaya, Tokhtas'yev 1996, 72–73.

³⁷ По указателю в КБН (с. 836) видно, что этот кульп осуществлялся почти исключительно в Танаисе – 18 свидетельств, тогда как в Горгиппии их 3, и здесь он еще Пантике, Εὐλογητός, т. е. в той или иной мере иной. И Пантике не в счет: тут одно упоминание – КБН 64, и то от 306 г. н.э., причем Высочайший еще и Επίκοος, что засвидетельствовано только в Танаисе и 6 раз, так что присутствие его в Пантике привнесенное, связанное со служебной карьерой наместника Сога.

³⁸ Дипинти на амфорах из Танаиса с еврейскими именами Иуда, Захария, Садок принадлежат, по общему принципу, поставщикам, так что «прописаны» они в ином месте.

³⁹ Zgusta 1955, 321–323. Л. Згуста суммировал выводы статьи В. Шульце 1895 г., в пользу которых указывают прежде всего преимущественно нееврейские патронимы да имена детей, жен всяких Самбионанов и Самбатионов греко-римского мира. На Боспоре две трети сопутствующих имен тоже греческие, а из негреческих (см. указатель имен в КБН, с. 896) все местные иранские – Арда-

группы имен не столько евреи, сколько в основном выходцы из стран Ближнего Востока, самые разные по национальности. Что это так и на Боспоре, показывает наличие его главным образом в списках имен фиасов да синодов II–III вв., ибо как раз с Ближнего Востока распространилось по территории Римской империи, в том числе на Боспоре, само функционирование сих частных объединений, в основном предназначенных для взаимной поддержки людей да их достойных похорон⁴⁰.

Вместе с тем, полагаем, не исчерпаны антропонимические возможности поиска иудеев и их имен в имеющихся боспорских надписях. Обратим внимание на пару эпитафий, которые могут относиться к источникам об иудействе.

Надпись КБН 739 Ἀραμί[ω]ν ἐτῶ[ν] λ', χαῖρε «Арамион, лет 30, прощай» имеет все признаки иудейской эпитафии: одно имя, без отчества; само имя еврейское по происхождению; указание на возраст покойного⁴¹. Ἀραμίων – производное с помощью греческого суффикса -ίων от популярного библейского имени Ἀράμ (אָרָם – Бытие X, 22; XXII, 21; I Царств VII, 34; Руфь IV, 19; Матфей I, 3–4; Лука III, 33)⁴². От Ἀράμ образована и другая эллинизированная форма – Ἀραμος (Joseph. Fl. I, 6, 4; Abydenus apud Mosem Horen. I. 4). По значению Ἀράμ соотносится с ⌽ «высокий», у слова *aram* есть и географическое значение – «высоты». К северу от Палестины в гористых и холмистых местностях располагался ряд зависимых от Дамаска мелких княжеств, по характеру местности они назывались совокупно Арам (тут много топонимов с *aram*, типа Арам Бет), откуда этническое обозначение их жителей-сирийцев Ἀραμαῖοι⁴³. Посему Арамион керченской эпитафии по происхождению сын эллинизированного сирийца или иудея. Существенную степень эллинизации Арамиона выказывает, наряду с греческой суффиксацией его еврейского имени, прощальная формула греческих эпитафий χαῖρε «прощай», заменившая обычную формулу иудейских надгробий ἐν εἰρήνῃ κοιψάθω

рак, Мадоис, Радамиос, Сакдей, Сиран (см. Zgusta 1955, sub nr.), об Атаχаңс см. ТБР, 129. Дипинти Сағб, т.е. имя Самбиюн или Самбатион, Д.Б. Шелов, следуя приведенному указанию Л. Згусты, резонно охарактеризовал как международный культурный феномен, хотя и еврейский по происхождению. Чтоб было понятней сказанное об именах как результат интернационального культурного взаимодействия, сошлемся на российский именник: в нем тоже есть еврейская по происхождению антропонимия, пришедшая через христианство, но их носители – этнические россияне. Опосредующие средства аккультурации имен в иноэтничной и иноязычной среде не только религия – они самые разные, вплоть до куначества, моды, магии, влияния исторических событий и т.д. У некоторых народов есть даже странный для нас обычай – имя новорожденному ребенку дают не родители, а родичи, соседи, гости или вовсе посторонние люди.

⁴⁰ Танаис: КБН 1278 (трое), 1279, 1280, 1282, 1283; Пантиканей: 96, 98, 107; Горгиппия: 1179 (двоє). Согласно сводке имен членов фиасов Танаиса Н.В. Завойкиной, тут носители рассматриваемой группы имен появились в 220 г. и их сразу трое, в последний раз они зафиксированы в 228 г. (Завойкина 2013, 276–277, 282). Это позволяет думать о родственной группе выходцев с Ближнего Востока, в течение 8 лет занимавшихся в Танаисе какой-то деятельностью, и почти наверняка это торговля, ср. упомянутые еврейские имена на амфорах того же III в. из Танаиса. (Ограничеваемся упоминанием этой группы имен в КБН; хотя они представлены также в ряде надписей, изданных после 1965 г., общей картины не меняют).

⁴¹ Имя + возраст – обычная конструкция иудейских эпитафий, например, в Леонтополе (Noy 1994, 170–171). Приведем и образец из Рима: Flavius Constantius qui vixit an[nis] XXIII [diebu]s XIII (Noy 1995, № 43).

⁴² Суффикс -ίων обозначает полноту качества или количества, например, Ἀραμίων означает, что его носитель – «самый, что ни есть Ἀράμ», «Арамище». Видимо, поэтому сей суффикс самый употребительный для греческими иноязычных личных имен.

⁴³ Указания на источники: Pape, Benseler 1884, 114.

/ κοιμησίς «да упокоится с миром / с миром упокоение» (из еврейской прощальной формулы *שָׁלֹם* «мир», *וּשְׁלֹם* «упокоится с миром»). Эпитафия Арамиона найдена на загородном в дореволюционное время огромном урочище Керчи Глинище, где располагался большой некрополь римского времени, оттуда происходит и надгробие III в. Симона с изображением меноры КБН 724⁴⁴.

Та же конструкция и в эпитафии IV–V вв. КБН 759: *Μαρία αρ'* «Мария, 101 (года)». Издатель надписи Ю.Ю. Марти показал в стк. 3 буквы *ΑΡ**⁴⁵, В.В. Латышев усмотрел тут возраст покойной – 101 год, его догадка принята в КБН. Однако упоминания подобных долгожителей единичны для всей еврейской диаспоры в пределах Римской империи; к примеру, в 6 сотнях эпитафий из Рима таких всего двое – одному покойнику почти 97 лет, другому 110⁴⁶. Как и население Римской империи в целом, иудеи диаспоры жили недолго, старцев 60–70 лет повсеместно немного⁴⁷. Это обстоятельство заставляет усомниться в чтении лет жизни в керченской эпитафии. Фотографии надписи или прориси нет, не сохранился и камень, Ю.Ю. Марти передал текст условным шрифтом. Его замечание, что «небрежно начертано имя *Μαρία* и еще некоторые буквы», допускает возможность не вполне точной передачи им текста, поэтому предположительно читаем *Μαρία(μ?)*. Есть эпитафия Мириам VIII–X вв. из Фанагории⁴⁸. Обе формы – *Μαρία* и *Μαριάμ* (מִרְיָם) – равно употребительны как бытовые женские имена позднеантичного времени⁴⁹. Ю.Ю. Марти адекватно оценил этнокультурную принадлежность эпитафии: она «если не христианского, то еврейского происхождения». Эпитафия поздняя, IV–V вв., в это время имя *Μαρία* / *Μαριάμ* давно уже было фактом такого же интернационального культурного взаимодействия, что и вышеупомянутое *Σαμβατίων*, так что пантикопейская обладательница его вовсе не обязательно еврейского происхождения.

В эпитафии IV–V в. КБН 741 *τάφος Λαονίκα* «могила Лавника» тоже одно имя, без отчества, и редкое в греческих эпитафиях слово *τάφος*⁵⁰. Но оно обычное в иудейских надгробных надписях южноиталийской Венозы, в том числе того же времени, таких там большинство⁵¹. *Τάφος* + имя – упрощенный вариант иудейской формулы *πιν πι* «в этой могиле» + имя. Ввиду изложенного Лавникас, скорее, иудей.

Здесь не место продолжать такого рода просмотр боспорских надписей для выявления тех, которые относятся к проблеме иудейства, – это отдельная задача, разбирать которую надлежит в другом месте. Приведенными примерами мы хотим лишь показать возможность поисков требуемого для данной задачи материала в имеющемся корпусе боспорских надписей на греческом языке.

⁴⁴ Видимо, в свете изложенного не лишено любопытства наименование одной из частей Глинища «Абиссинка».

⁴⁵ Марти 1907, 134.

⁴⁶ Noy 1995, 533.

⁴⁷ См. таблицы возраста покойных, составленных Д. Ноем по данным еврейских эпитафий Лентополя, Венозы, Рима (Noy 1994, 170 f. 1995, 541 f.). См. также: Horst 1992, 46–57; Schürer 2014, 102, прим.

⁴⁸ Кашаев, Кашовская 2017, 122–123.

⁴⁹ Pape, Benseler 1884, 860–861.

⁵⁰ См. комм. КБН; здесь же о греческом мужском имени **Λαονίκας*, новообразовании к *Λαονίκης*.

⁵¹ Noy 1994, 178.

Есть на позднеантичном Боспоре также 4 эпитафии на древнееврейском языке, одна происходит из Пантикея, другая из Фанагории, две из ст. Вышестеблиевская на Таманском полуострове; датировки их предположительны, поэтому в нижеследующем списке относим их ко II–VI вв. Еврейская антропонимия Боспора существенно пополнилась именами из новых иудейских эпитафий Пантикея (см. выше статью Д. В. Бейлина, В. П. Яйленко, с. 140).

3. TESTIMONIA EPIGRAPHICA JUDAEOBOSPORI

Перечислим относящийся к боспорской иудаике реальный греческий эпиграфический материал, распределив его по столетиям. Это позволит составить более точное представление о боспорском иудействе в ходе времен – с I по VI вв. Как сказано, еврейские по происхождению личные имена Σαμβατίων, Μαρία / Μαριάμ были в позднеантичное время интернациональными, в вопросе о боспорском иудействе их следует упомянуть, но не стоит включать в каталог определенных свидетельств о нем. То же и об упомянутых выше дипинти на амфорах первой половины III в. н.э. из Танаиса с именами Иуды, Задо(ка), Зах(арии), – они поставщики товара, не танайты, но упоминание о них обязательно как свидетельство участия евреев в торговле с Танаисом. Нижеследующие надписи в той или иной мере равномерно распределены в пределах I–VI вв. Претерпев критический отбор, они дают нам реальное представление о боспорском иудействе указанного времени.

И в. н.э.

Манумиссия 51 г. с συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, Фанагория⁵²

КБН 1124 от 59 г. н.э., манумиссия, отпущены муж, жена, «родом иудеи», Горгиппия⁵³

КБН 70 от 81 г., манумиссия с συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, Пантикеи

КБН 71, манумиссия с συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, Пантикеи⁵⁴

II в. н.э.

КБН 72, манумиссия с συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, Пантикеи

КБН 73, манумиссия с συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, Пантикеи

II–III вв. н.э.

КБН 1179, список имен, вероятно, членов фиаса: Σαφατας (Горгиппия)⁵⁵

КБН 724 – надгробие Симона (Σείμων) с изображением меноры, Пантикеи⁵⁶

III–IV вв. н.э.

КБН 736, билингва – эпитафия Исаакия на древнееврейском и греческом языках. Греческий текст неплохой сохранности (без разбивки на строки): ὑπὲρ ἀ[ναπ] αύσεω[ς Ἰσα]ακίου το[ῦ] μακαριω[τ]άτου, ἐρίνη [καὶ] ἀν(ά)παυστς «за упокоение Исаакия блаженнейшего, мир и упокоение». От древнееврейского текста сохранилось слева по слову в трех строках: חנץר ושלם | כרפת | «-- да будет блаженна -- юноша -- и мире». Отметим, что если бы было билингвы и имя не сохранилось,

⁵² Даньшин 1993, 59 сл. ТБР, 367–371.

⁵³ См. об этой манумиссии ТБР, 399–400.

⁵⁴ См. об этой манумиссии ТБР, 402.

⁵⁵ Zgusta 1955, 331–332.

⁵⁶ Эпитафии КБН 724, 735, 736, 746, 777 П. Фрей и Б. Лифшиц включили в свой сборник еврейских надписей (№ 685–689), также авторы новейшего корпуса: Noy, Panayotov, Bloedhorn 2004, BS 10–13, 15. Из них надпись КБН 735 не иудейская, а христианская: Яйленко 2010, 633–634.

по формуляру все равно видно, что это чисто иудейская эпитафия. Греческая надпись исполнена ясным курсивом, комментаторы КБН с основанием отнесли ее к III–IV в.⁵⁷

IV в. н.э.

КБН 746, на стеле изображена менора, по сторонам ее эпитафия: --θυν, γυνὴ Χρηστίων(ος), Пантиканей. По В.В. Латышеву, на рисунке Ф. Гросса в начале стк. 1 видны буквы ΜΥ. Однако, судя по своду имен Б. Хансена, имен на --θυν нет, а на --θυνη есть только Θύνη и Βιθύνη⁵⁸. На упомянутом Латышевым рисунке Гросса (см. его в КБН-альбоме) в начале стк. 1 вполне видно Μ, чтение же буквы Υ проблематично, ибо сохранилась лишь нижняя часть вертикали, именно такова иота в Τ | ωΝ стк. 3. Обратим внимание и на то, что имя мужа дано в номинативе, окончание род. падежа ος приходится дополнять. В результате читаем: Μι/υθυν γυνὴ, Χρηστίων «Митин жена, Хрестион». Женское имя Μιθυν или Μυθυν не свидетельствовано, судя по меноре, оно может быть еврейским⁵⁹.

КБН 777 = IOSPE II, 305, Пантиканей. На стеле изображена менора, по сторонам ее эпитафия в 4 строки: --Μ|--γιτων | Σαμου[ήλ]ου ? По словам В.В. Латышева (комм. к КБН), на рисунке Ф. Гросса в стк. 1 справа <т.е. над буквами ΠΝ первой сохранившейся строки> видна буква Μ. Обратный словарь Б. Хансена дает греческое имя Τιμογείτων, которое удовлетворяет всем условиям, но с обычной для поздней античности передачей дифтонга ει через ι⁶⁰. Читаем: [? Τι]μ[ο]γιτων | Σαμουήλ]ου «(?) Тимогит, сын Самуила».

IV–V вв. н.э.

КБН 739, эпитафия: Ἀραμί[ω]ν, Пантиканей (см. выше § 2).

КБН 741, эпитафия: τάφος Λαονίκα, Пантиканей (см. выше § 2).

КБН 1225, эпитафия из Фанагории, с изображением меноры: ἐνθα χίθη (?) | Μέμν[ον?] «здесь почиет (?) Мемнон (?)» (чтение и датировка В.В. Латышева – IOSPE IV, 426; вопросы проставлены издателями КБН). Наше чтение: ἐνθα χίθη | Μεναχαμ «здесь поконится Менахем»⁶¹. У левой ветви меноры знаки, один под другим (рис. 1), поскольку символов такого вида нет, это, скорее, буквы. По фото в IOSPE IV (оно же и в КБН-альбоме) слева от меноры усматриваем ιη или ιη, под ним нечто в виде ω⁶², что вместе предположительно сочтем еврейским написанием имени Яхве – יהוה, в котором две последние буквы перевернуты в магических целях.

⁵⁷ См. также Кашовская 2011, 201.

⁵⁸ Hansen 1958, 59. Имя известно, к примеру, в Аттике.

⁵⁹ См. об этой надписи также Яйленко 2010, 638–639.

⁶⁰ Hansen 1958, 119.

⁶¹ Яйленко 2010, 635–638. Надпись с рисунком опубликовал в 1880 г. Е. Люценко, В.В. Латышев переиздал ее по фото и эстампажу К. Думберга; размеры плиты у обоих разные, есть и различия между фото и рисунком Люценко. Если различие изображений еще можно объяснить, предположив неточность рисунка Люценко, то разница ширины и высоты камня вдвое наводит на догадку, что камень, переданный в 1892 г. Керченскому музею торговцем древностей Букзелем, – подделка. У Букзеля расплывчатое указание, что он найден на Таманском п-ове, по Люценко, найден в 1870 г. у ст. Сенной. Недавно обнаруженный в ИИМК эстампаж (Кашовская 2011, 200–201), вероятно, тот, что Думберг прислал Латышеву. Вся эта история требует дальнейшего изучения. Диссимилированные формы глагола κεῖται обычны в позднеантичное время, к примеру, в эпитафиях Рима: χεῖθε, χίτε, κεῖθαν (Noy 1995, № 52, 110, 165).

⁶² Тут текст нечеткий. См. и рисунок Е. Люценко (Яйленко 2010, 708, рис. 22, 22а).

Рис. 1. IOSPE IV, 426, фото (КБН 1225).
Fig. 1. IOSPE IV, 426, photo (CIRB 1225).

IV–VI вв.

КБН 743, эпитафия, Пантикапей. Две плиты, одна с ἔνθα κ, другая с именем-отчеством покойного; реализуем мнение Ю.Ю. Марти, что обе относятся к одной эпитафии; сохраняем графику подлинника: ἔνθα κ[εῖται] Σαμοὶλ νίώς Σεβέρο «здесь починает Самуил, сын Севера». Написание в окончании патронимика о вместо -ου может быть обусловлено как обычным в поздней античности сокращением ου > ο, так и недостатком места – буква ο написана на самом краю плиты (ТБР, 172–173).

II–VI вв.

Эпитафии на древнееврейском языке из Фанагории и ст. Вышестеблиевская⁶³.
Фанагория, эпитафия: «Менахем, сын Амоца»⁶⁴.

Вышестеблиевская 11, эпитафия на стеле из скинии (см. о скинии ниже, § 4):
«Это памятник погребения Шабтая, сына Мих(аэля), с (ми)ром»⁶⁵.

Ст. Вышестеблиевская, эпитафия: «Это памятник погребения Авраама, с миром»⁶⁶. Существенная проблема боспорских надписей на древнееврейском языке (эти плюс хазарского времени), которых около десятка, – их датировка. По сути дела, их палеографией не занимался современный специалист в этой области. Между тем их за рубежом немало, так что одна из актуальных задач работы наших иудаистов – привлечение их для уточнения датировки сих надписей, тем самым разделения памятников позднеантичного (I–V или VI вв.) и хазарского времени (VII–IX вв.).

⁶³ Данышин 1993, 65–68. Кашовская 2011, 202–204. Кашаев, Кашовская 2008, 340 сл.; 2010, 291 сл.; 2017, 108–116, 126; Яйленко 2010, 634–639. Не учитываем несколько иудейских эпитафий хазарского времени, т.е. VII–IX вв.

⁶⁴ Кашаев, Кашовская 2017, 126.

⁶⁵ Кашаев, Кашовская 2008, 343; 2017, 119.

⁶⁶ Кашаев, Кашовская 2008, 350–351; 2017, 120; Кашовская 2011, 203–204.

4. ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ ИУДЕЙСКАЯ СКИНИЯ И ХАРАКТЕР БОГОСЛУЖЕНИЯ В НЕЙ

Нет оснований сомневаться, что в Пантикопее, как, например, и в Риме, для поселения евреям была предоставлена загородная местность, располагалась она не очень далеко от некрополей на Глинище или за Цементной слободкой, либо у Павловской батареи, где найдены упомянутые в *Testimonia* (§ 3) эпитафии КБН (Пантикопей отнюдь не великая Александрия, горнило ближневосточных народов да их религий, где синагога располагалась в центре города). Судя по всему, так было и на Таманском (полу)острове: евреев не было в тамошних крупных городах Фанагории да Гермонассе, для жительства им предоставлена местность в хоре, ныне именуемая группой Вышестеблиевских поселений. Таково, в частности, поселение Вышестеблиевская 11, существовавшее ок. II–VI вв.⁶⁷ Успешные его раскопки С.В. Кашаева явили нам в числе прочего превосходный иудейский культовый комплекс – сельского масштаба скинию, молитвенный дом⁶⁸. Поскольку такая трактовка данного комплекса издателями несомненна (см. далее), мы можем заключить, что в соответствии с иудейскими представлениями местность, где расположена синагога или скиния, почитается как «священнейший участок» (*atra kadisha*)⁶⁹. В данном случае это может быть даже весь холм с поселением. Скиния представляет собой небольшое прямоугольное сооружение, стены были сырцовые или саманные, внешний периметр ок. 4 x 7 м, внутренний ок. 3 x 6 м, так что одновременно в нем могло пребывать 12–15 человек (из расчета 1 м² на одно посадочное место), т. е. 3–4 семьи⁷⁰. Оно заглублено в землю; внутри у стены земляной алтарик (таковые известны у древних иудеев), его знаменательная деталь – каменный жернов (фрагментирован наполовину), видимо, символизирующий хлебную жертву; это возможное указание и на занятия тамошних евреев сельским хозяйством (см. и ниже). Наиболее любопытна выстилка пола из 5 намогильных плит, уложенных лицом книзу, еще одна такая плита лежала на них лицом кверху, и это означает, что до обрушения постройки, она стояла *гесто*, возможно, в качестве каменного пюпитра под свиток торы. На ней эпитафия: «Это памятник по-гребения Шабтая, сына Мих(аэля), с (ми)ром»⁷¹.

На всех 6 плитах изобразительная символика – меноры (семисвечники), лула-бы (пальмовые ветви), шофары (трубные роги). Укладка 5 стел лицевой стороной вниз указывает на их чисто техническую функцию – служить полом здания, но само перемещение стел с кладбища в скинию любопытно как проявление особой заботы об атрибутах могил своих покойников: возможно, так их уберегали от разорения. Но постановка одной намогильной стелы вертикально являла верующим погребальную символику, которая тем самым стала частью богослужебного ритуала. Символика меноры, несмотря на ее утилитарность (*menorah* «подсвечник»), глубинно восходит к изображению символа жизни – Мирового древа; тем

⁶⁷ См. о датировке: Кашаев, Кашовская 2017, 113–116, она предположительна.

⁶⁸ Кашаев, Кашовская 2008, 340 сл.; 2010, 291 сл.; 2017, 108–116.

⁶⁹ Goodman 1996, 8f.

⁷⁰ Поскольку на еврейском богослужении сидят, вероятно, в этой скинии вдоль стен были устроены деревянные лавки, отсюда и поместительность небольшого помещения.

⁷¹ Кашаев, Кашовская 2008, 343; 2017, 119.

самым, помещенная на надгробную стелу, она символизирует будущую жизнь после смерти. Продолжает эту тему и лулав – пальмовая ветвь, она символ долголетия (пальма вечноzelеное дерево, живет до 200 лет) и победы, в том числе над смертью, что соединено в Откровении Иоанна (гл. 7): 144 тысячи человек из колен Израиля, сиречь «великое множество людей, которое никто не мог перечесть <...> стояло пред престолом и перед Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих <...> это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца; за это они пребывают перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в Храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них»⁷². Сказанное тут о служении в храме божьем ради спасения материализуется богослужением в вышестеблиевской скинии. Довершает тему будущего воскресения через Судный день символика шофара – трубного рога: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой, и сотворил избавление ему, И воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, Как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, Что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас» (Лука 1:68–71)⁷³. Как видно из прилюдной демонстрации на богослужении символов воскрешения и будущей жизни на стоящей в помещении погребальной стеле, в вышестеблиевском здании совместились «дом молитвы» (скиния, по происхождению шатер) и «дом собрания всех живущих», «дом костей» (Иов 30:23–24), т. е. могила⁷⁴. Этому соответствует из иудейской погребальной практики, к примеру, традиция эпитафий Сирии, в которых могила рассматривается как «вечный дом», место окончательного упокоения⁷⁵. И в вышестеблиевском случае уместен «вечный дом» Экклезиаста как могила, ибо в его описании грядущего судного дня Господа фигурируют жернова (12:3–5): «В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнутся мужи силы, и перестанут молоть мелющие <...> И запираться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова <...> Ибо отходит человек в вечный дом свой»), – как сказано, в вышестеблиевской скинии тоже лежал фрагментированный жернов. Тут «вечный дом» – явная параллель ше'ола «обители мертвых» (לְאַשׁ) эсхатологии Ветхого завета: как и положено могиле, ше'ол мыслится подземной обителью, преисподней (Числа 16: 30–33; Иов 11:8), и это тоже находит свое воплощение в данной постройке – она так заглублена в землю, что поначалу С.В. Кашаев именовал ее землянкой. Таким образом, есть основания предполагать, что в вышестеблиевской скинии прихожане готовились к судному дню, реально к своей гибели, и это понятно, ибо в III–VI вв. азиатский Боспор был ареной непрерывных нашествий: в III в. германцев, в IV–V в. гуннов, алан. В ветхозаветной эсхатологии заложена идея последующего

⁷² О такой символике меноры и лулава в эпитафиях из Зоара (о них ниже) см. Wilfand 2009, 528–530. В поисках нужных сведений из Библии большую помощь оказывает замечательный труд архимандрита Никифора «Библейская энциклопедия» (М., 1891, репринт 1990 г.).

⁷³ Мы реконструировали символическое содержание меноры, лулава, шофара в контексте представлений древних иудеев о воскресении и будущей жизни. Иные, самые общие данные о символике этих предметов, к примеру: Гибсон 2007, 34–35.

⁷⁴ Это далекое эхо палестинской традиции захоронения покойников в доме, идущей еще из неолита (Иерихон).

⁷⁵ Stern 2013, 278.

воскресения, по крайней мере, надежда на это⁷⁶. Однако в иудейских эпитафиях мотив воскрешения нечастый, более всего он разработан в литературных источниках⁷⁷. Ввиду редкости эпиграфических свидетельств отдельные иудаисты порой привлекают недостаточно надежные надписи⁷⁸ или прибегают к казуистике и «чтению между строк»⁷⁹. Тем не менее в ряде эпитафий IV–VI вв. селения Зоар на побережье Мертвого моря⁸⁰ явственно выражаются надежды на обретение жизни после смерти, восходящие к талмудическому иудаизму⁸¹. В нескольких эпитафиях III–IV вв. из Бет Шеарима прямо говорится о будущем воскрешении⁸². В надписи на стеле, стоявшей в вышестеблиевской скинии «Это памятник погребения Шабтая, сына Мих(аэля), с (ми)ром», слово «мир» (шалом) можно связать с идеей прихода Мессии – «провозвестника мира» и символом надежды на воскрешение, как в эпитафиях Зоара; при этом на них присутствуют те же менора и лулав⁸³. Все это дает основания предполагать, что символика меноры, лулава, шофара и «шалом» эпитафии Шабтая могут свидетельствовать об упованиях прихожан вышестеблиевской скинии на последующее воскресение и вечную жизнь.

Разумеется, бедствия от упомянутых нашествий германцев, гуннов, алан да прочих находников обрушивались и на других наследников азиатского Боспора – греков, меотов, синдов и др., как они переживали это, *ignoramus*. Теперь мы заглянули в страхи и чаяния мелкой группы вышестеблиевских иудеев и можем догадываться о таком же психологическом смятении и других людей.

И VI в. был неблагоприятен для евреев диаспоры в пределах Византийской империи (Крым да Тамань были ее частью). Ее власти до восстания Ника 532 г.

⁷⁶ См. Псалом 87: «Господи, боже спасения моего, днем вопиу и ночью пред Тобою. Да внидет пред лицо Твое молитва моя; преклони ухо Твое к молению моему. Ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней <...> Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну <...> Разве над мертвыми ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя». Исаия 26: 19: «Оживут мертвцы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе; ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвцов». Древнееврейские представления о воскресении и последующей вечной жизни: Keller 1974, 16–44; Kant 1987, 702–705; Wilfand 2009, 517 f.

⁷⁷ К примеру: Elledge 2006 и статьи сборника на эту тематику – Nevsner et al. 1995. Археологический аспект вопроса: Fine 2010, 440–462.

⁷⁸ К примеру, К. Стерн сослалась на эпитафию из египетского Леонтополя и эпитафию Регины из катакомбы Монтерверде в Риме (Stern 2013, 278), но еврейские надгробные надписи Леонтополя следуют не иудейской, а синкетической эллинистической традиции, связь же надписи Регины с иудейством некоторые гебраисты подвергают сомнению. Впрочем, в 14 стихотворных эпитафиях из Леонтополя усматривают надежды на жизнь после смерти, но тут иудейские возврзения сильно обогащены египетскими да греческими эллинистическими возврзениями подобного толка.

⁷⁹ Например, Л. Рутгерс сопоставляет обычное в иудейских эпитафиях финальное слово amen («истинно, да будет, верно», наше аминь) с раввинической традицией, где в b. Shab. 119b говорится: «тому, кто отвечает amen, ворота рая открыты» (Rutgers 2013, 301); при этом он вполне сознает, что письменно и в бытовой речи слово сие означает всего лишь подтверждение, согласие с тем, что писано или сказано. См. обзор подобного рода неоправданно широких истолкований ряда специалистов в попытке найти в древнееврейских эпитафиях подтверждение идеи «жизни после смерти»: Grull 2013, 27 f.

⁸⁰ Этот город упоминается в книге Бытия (19: 23) и Второзаконии (34:3), также у Иосифа Флавия и Стефана Византийского: Ζόαρα, Ζόγαρα (Pape, Benseler 1884, 447), в русском переводе Библии Сигор. Ныне в Иордании.

⁸¹ Wilfand 2009, 516 f.

⁸² Schwabe, Lifshitz 1974, № 130, 162, 190, 194.

⁸³ Schwabe, Lifshitz 1974, 519–526, 528–530.

либерально относились к религиозно чуждому населению, но после него ситуация резко изменилась. Во время восстания Юстиниан хотел бежать из Константинополя на Сицилию, и он лишился бы царской короны, если б жена его Феодора, которая из актерки (в средние века это синоним проститутки) вознеслась до ранга императрицы, не уперлась и не дала ему потерять все. Подавив восстание, Юстиниан развязал религиозный террор по всей империи, сделав христианскую церковь второй после армии основой своей власти. Затем в эпоху иконоборчества гайки были закручены еще больше. В результате досталось и евреям диаспоры: все письменные источники, особенно юстиниановского времени, полны ненависти к ним⁸⁴.

Лишь в хазарское время (VIII–IX вв.) для еврейского населения Тамани и города Керчи арабских источников (Керчи) наступила эпоха стабильно благоприятного положения. Правящая хазарская элита по каким-то резонам приняла иудаизм в качестве государственной религии (основной причиной называют монополизацию евреями международной торговли), отсюда улучшение статуса евреев; прибывали они в Хазарию из Ирака, восточных областей арабского халифата, Византии, из последней, вероятно, через Крым⁸⁵. Теперь они проживали в столицах городах – Таматархе и Фанагории, было их немало, на что указывает масса найденных там стел – до 70 в Фанагории (5 с надписями), два десятка в Таматархе. Всего в районе Фанагории, Гермонассы-Таматархи, Вышестеблиевской, Керчи найдено около сотни с половиной иудейских надгробных плит, примерно десяток из них с эпитафиями, абсолютное большинство хазарского времени⁸⁶.

К сожалению, некоторые авторы, затрагивающие тему присутствия иудеев на Таманском полуострове, порой не проводят четкого разделения позднеантичного и хазарского периодов, необходимого потому, что положение иудеев было в них совершенно разным – стесненным запретами в первом и свободным во втором.

5. ИУДЕЙСКАЯ ЭПИТАФИЯ МА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВКА 2

Завершить тему вышестеблиевской скинии позволяет реинтерпретация эпитафии Ма, которая была найдена рядом с соседним поселением Вышестеблиевка 2, кратко изложим наш комментарий к ней⁸⁷. Это прямоугольная стела из известняка-ракушечника 77 x 32 x 20 см (рис. 2, 2а). Надпись вырезана в прямоугольной нише, выбранной в верхней части плиты и обрамленной филенкой, лицевое поле стелы сильно выщерблено, так что восьмистрочная надпись разбирается с трудом. Текст:

Ἐνθα κατακῆτε Μα μήτηρ Πάτηει, Παπού θύγατηρ, | ἐτ(ῶ)ν ν' – «Здесь по-коится Ма, мать Патея, дочь Папа, 50 лет»⁸⁸.

⁸⁴ Lange 2005, 401 f.

⁸⁵ Новосельцев 1990, 149–152.

⁸⁶ Общий обзор их: Кашаев, Кашовская 2010, 285 сл.; 2017, 105 сл.

⁸⁷ Яйленко 1987, 20–21. ТБР, 668–669.

⁸⁸ Обозначение возраста покойной включает цифру ν', но не исключено, что за нею стояла еще какая-нибудь цифра первого десятка.

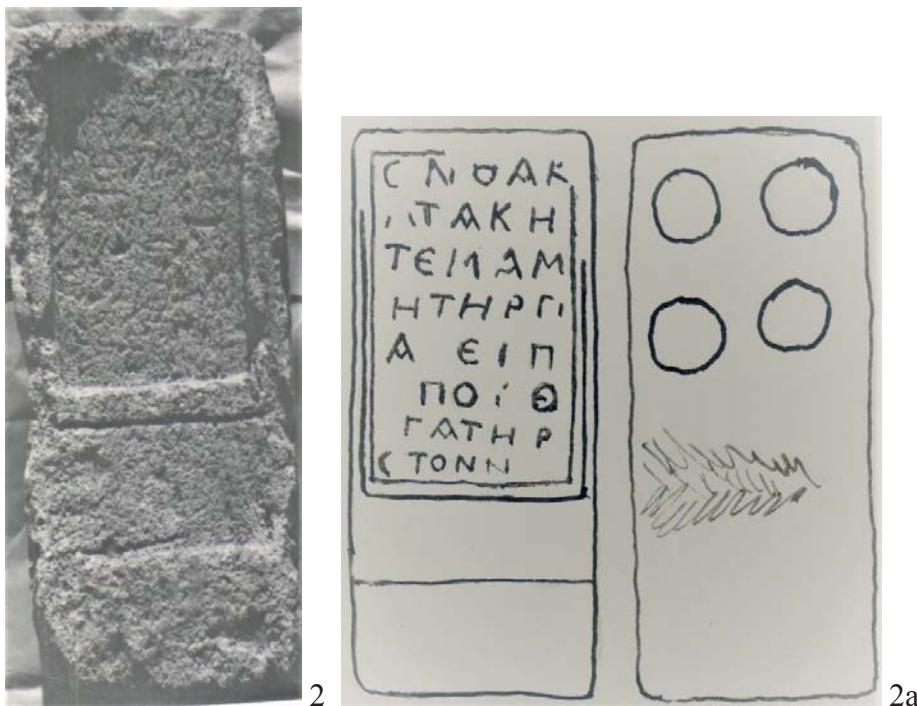

Рис. 2, 2а. Эпитафия Ма из Вышестеблиевки. Фото, прориси лицевой и оборотной сторон автора.

Fig. 2, 2a. The epitaph of Ma from Vyshestebliyevskaya site. Photo and drawings by V. Yaylenko.

Все имена надписи распространены на Боспоре. Орфография текста поздне-античная⁸⁹. Она открывается формулой надгробий III в. и последующих столетий ἐνθά(δε) (κατα)κεῖται. Распространение женского личного имени Мā в причерноморском регионе специфично – представлено по нескольку раз в Пантике и Малой Азии римского времени⁹⁰; присутствие на Тамани обусловлено его «детским» характером⁹¹. В КБН фигурируют 3 эпитафии с формулой ἐνθα κεῖται, две из них – иудейские (743, 1225, IV–VI вв.). Распространена эта формула и в Малой Азии, наглядным свидетельством чего является надгробие синопейца Мениллиона из Керчи КБН 733. Оно и оформлено примерно так, как стела Ma (надпись сделана на заглубленном поле стелы, обрамленном филенкой), и близко по формуларию: имя без отчества, указание на возраст покойного, формула ἐνθάδε κεῖται⁹².

⁸⁹ В стк. 2 на месте дифтонга ει написана η, в стк. 3 на месте дифтонга αι эпсилон, в последней строке вместо омеги вырезан омикрон.

⁹⁰ Zgusta 1964, 276. LGPN IV, 217.

⁹¹ Личное имя Ma – детское, из того же этимологического круга, что и вышеупомянутое Еμιεις, т.е. собственно корневая основа *(a/e)ma. В Малой Азии возможно и влияние теонима Мā – местной, так сказать, Беллоны. Имя отца ее тоже детское: Πάπος означает то же, что и наше «детское» слово «папа». В словаре близневосточных имен Ф. Прайзике Ma отсутствует.

⁹² Τιβ(έριος) Κλαύδιος Μενυλλίων Σινωπεὺς ἐτῶν κε'ἐνθάδε κεῖται, χαίρετε «Тиберий Клавдий Мениллион, синопеец, 25 лет, здесь покоятся; прощайте». Формула ἐνθάδε κεῖται употребительна и в

Комментаторы КБН 733 справедливо датировали его III в. Отметим, что хронологически оно предшествует эпитафии Ма и по правильной передаче дифтонгов, и по формуле χάίρετε, и по начальной позиции формулы ἐνθάδε κεῖται. Эти данные в совокупности с позднеантичным курсивным шрифтом указывают на датировку эпитафии Ма IV в. На поселении раскопками как раз и вскрыты слои II–IV вв.

Формула ἐνθάδε κεῖται чрезвычайно распространена в иудейских эпитафиях римского времени, им также весьма свойственны употребление имени без отчества и указание возраста покойного⁹³. Но раньше нам казалось, что на стеле Ма нет традиционных еврейских (или христианских) символов, поэтому эпитафия не иудейская. На обратной стороне стелы Ма вырезаны 4 рельефных круга, и мы сочли, что это, видимо, часть архитектурного карниза (мутул с гуттами?), вторично использованная в качестве надгробия. Теперь, в связи с открытием в Вышестеблиевской 11 склепов, должны признать ошибочность «архитектурного» понимания камня: мозаичные, фресковые, рельефные круги свойственны декорации иудейских памятников. Во-первых, это солнечные диски, элемент украшения иудейских синагог, надгробий, оссуариев. К примеру, боковая панель известнякового оссуария семьи Никанора, найденного в Иерусалиме, покрыта четырьмя резными солнечными дисками, внутри которых 5 лучей-лепестков (рис. 3)⁹⁴. На мозаичном полу синагоги в израильской Сепфории-Диоцезарее солнце изображено в виде диска или шара с 10 лучами, это символ еврейского Бога⁹⁵. Солнечные диски и гирлянды изображены на саркофаге двух женщин, дочерей Рабби Гамалиеля и Рабби Иегуды, из катакомбы 20 в израильском Бет Шеариме⁹⁶.

Культ солнца обычен в странах Ближнего Востока, в Ветхом завете немалоrudиментарных свидетельств о нем также и у иудеев⁹⁷. Однако в связи с утверждением у них монотеистического культа Яхве официальная библейская традиция осуждала солнцепоклонничество (например, Исаия 27:9; Иезекииль 6:4). Тем не менее на мозаичных полах ряда синагог римского и ранневизантийского времени есть изображения солнца, часто с колесницей, в центре круга зодиака, в том числе с традиционными иудейскими символами. В археологической литературе предложены разные толкования причин существования солнечных изображений в иудейском контексте⁹⁸. Например, высказывалось мнение, что оно обязано эллинизации состоятельных евреев, доноров строительства синагог; что это изображение малого божества, которое почитали некоторые группы евреев⁹⁹. К. Хезер положила в основу своего понимания вопроса псалом 83, данные эллинистической еврейской литературы, в особенности Филона Александрийского, также

раннехристианских эпитафиях Боспора (Диатроптов, Емец 1995, 11–12. Яйленко 2010, 625–631), но с IV в. (о дате см. Яйленко 2010, 625–628), эпитафия же Мениллиона III в. Есть она и в эпитафии II в. КБН 144, но это уже другая традиция – эллинистическая греческая (Peek 1957, 13–14), именно ее продолжение в I–II вв. н.э.

⁹³ Например, в Риме (Noy 1995, 531 f., 543–544: указатели).

⁹⁴ Fine 2010, 449.

⁹⁵ Hezser 2016, 231.

⁹⁶ Avigad 1976, 241–243, № 15.

⁹⁷ К примеру, Иеремия 8:2 – почитание жителями Иерусалима солнца и других небесных тел; Иезекииль 8:16 – во дворе Храма 25 мужей совершают поклонение солнцу, стоя спиной к Храму и лицом на восток.

⁹⁸ Hezser 2016, 213–216, лит.

⁹⁹ Roussin 2001, 52–56.

Рис. 3. Оссуарий из Иерусалима (Fine 2010, 449).
Fig. 3. The Ossuary from Jerusalem (after: Fine 2010, 449).

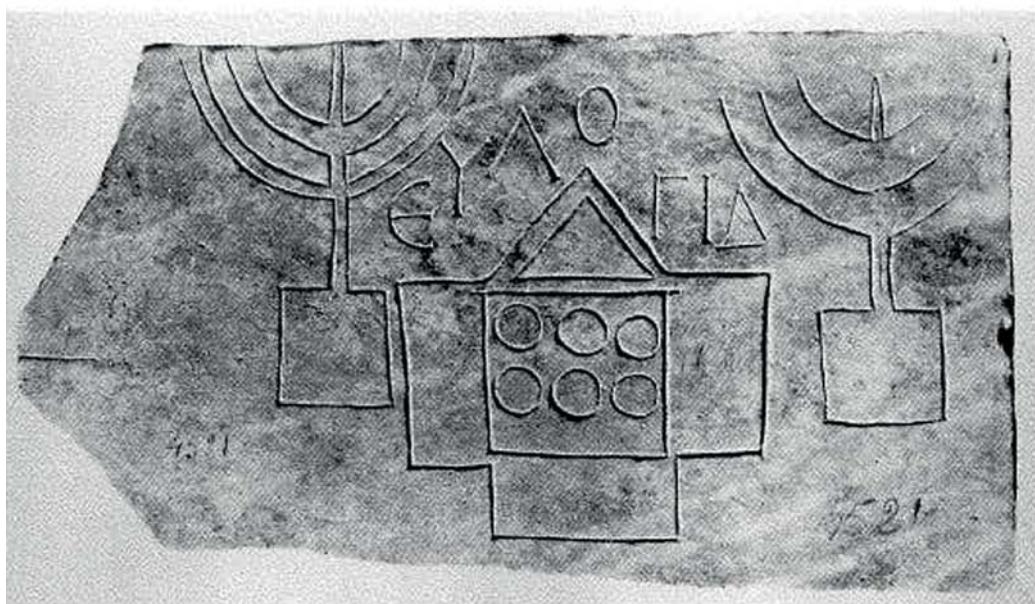

Рис. 4. Плита из катакомб Монтеverde в Риме: изображение эдикулы (шкафа) с лежащими свитками (Feldman 1996, 64).
Fig. 4. A slab from the catacombs of Monteverde in Rome: an image of an edicule (cabinet) with lying scrolls (after: Feldman 1996, 64).

аморейского мидраша. В эллинистическом иудаизме Филона солнце ассоциируется с Богом, оно имитирует вечность и время¹⁰⁰. Показателен и стих 12 псалма 83: «Ибо Господь Бог есть солнце и щит. Господь дает благодать и славу; ходящих в непорочности Он не лишает благ». Из этих данных можно вывести, что изображение солнечных дисков на иудейских надгробиях символизирует, с одной стороны, вечность загробного пребывания мертвцев в могилах, с другой, поскольку солнце олицетворяет Бога, который благ к безгрешным, надежду на его защиту (он щит!), благодать и славу. С этим согласуется также изображение 4 солнечных дисков на стеле Ма: согласно Иезекиилю (1:26–28), число 4 символизирует божественное откровение; в его видении (гл. 1) господь явлен в огненном образе на престоле, по сторонам которого 4 животных (Септуагинта: тέббара ζῷα), тоже огненных, у каждого по колесу. Трактовки этих загадочных животных и их атрибутов самые разные – и в духовной литературе, и в научной¹⁰¹. Уже у Иезекииля эти архаические огненные бестии трансформируются в херувимов, в новозаветной традиции они частью очеловечиваются – становятся символами евангелистов-благовестователей. Видимо, для нашей темы интересны и их колеса. Значение их в архетеипе сказания вовсе неясно, лишь по общей мифологии колеса¹⁰² можно представить некоторые функции – непрерывный ход времен, коловоротение, в отношении человека – циклическое рождение, смерть, возрождение. Есть и солярные аллюзии: так как колеса древних были в основном цельными, они, по существу, равнозначны солнечным дискам (отсюда огненная природа колес у Иезекииля) с их символикой вечного коловоротения, порождения жизни (восход солнца), ее завершения (закат), снова порождение-восход, в целом упомянутый цикл рождения, смерти, возрождения.

Во-вторых, диски на стеле Ма могут изображать лежащие свитки торы. В мозаичном оформлении синагог и на надгробиях бывают изображения эдикул, в которых на воображаемых или рисованных полках лежат эти свитки, рисуночно они представлены в виде кружков, на надгробиях – в виде рельефных дисков¹⁰³. При наличии на стеле иудейской символики да надписи можно признать иудейским и оформление стелы Ма. Как сказано, надпись вырезана в прямоугольной нише, выбранной в верхней части плиты и обрамленной филенкой. Это обычное оформление еврейских эпитафий в различных центрах Римской империи (например, множество их в Риме), есть такие и на Боспоре¹⁰⁴. Оно восходит к изображениям Моисеевых скрижалей завета. Согласно талмудической традиции, древние

¹⁰⁰ Hezser 2016, 219.

¹⁰¹ См. изложение некоторых: Подосинов 2000, 19–21.

¹⁰² Тресиддер 1999, 155: «Появление колесниц, имевших огромное военное значение, сделало колесо главным символом не только солнца, но и силы и владычества, особенно в Египте, на Ближнем Востоке, в Индии и Азии. Также широко распространенный символизм, особенно в индуизме и буддизме, связывал вращающееся колесо с циклами проявлений: рождения, смерти и возрождения, с Зодиаком, временем и судьбой человека».

¹⁰³ К примеру, на надгробной плите из катакомб Монтеэрде в Риме резное изображение простой эдикулы с 6 кружками на двух воображаемых полках (Feldman 1996, 64), см. у нас рис. 4. На обломке плиты из синагоги в Сардах показан резной простой прямоугольник с двумя кружками-свитками внутри (Feldman 1996, 66). Декорация синагоги IV в. в Остии включает рисуночное изображение роскошной эдикулы, внутри которой на трех полках лежат по 3 свитка, т. е. по три кружка (Fine 1996, 42).

¹⁰⁴ К примеру, из Фанагории (Кашаев, Кашовская 2017, 106–107).

скрижали – это два сапфировых куба, текст представлялся вписанным в середину камня и мог быть прочитан с любой стороны. Оформление стелы Ма с аллюзией на скрижали Завета, пожалуй, поддерживает трактовку ее дисков в качестве условных изображений свитков торы.

Итак, эпитафия Ма по ряду параметров иудейская и время напомнить, что найдена она рядом с соседним поселением Вышестеблиевская 2. Стало быть, и на этом поселении проживали евреи, в том числе сама Ма, ее отец Папос, сын Патейс. На соседнем поселении Вышестеблиевская 11 проживали два Шабтая, отец одного из них Михаэль (см. выше *Testimonia*). Это наводит на мысль, что вышестеблиевские поселения были местом обитания еврейской общины, и члены ее вели обычный для населения фанагорийской хоры образ жизни. Как сказано, в Вышестеблиевской 11 найден также ряд камней с целыми или фрагментированными изображениями основных еврейских символов – меноры, шофара, лулава¹⁰⁵. До сих пор нам было известно участие пантикопейских и фанагорийских синагог в отпуске рабов на волю да торговые поставки евреев в Танаис (см. ТБР, 370–371, 382–383)¹⁰⁶. Полученные данные о еврейской общине на вышестеблиевских поселениях позволяют думать, что люди ее занимались так же сельским хозяйством, как, например, и мелкие еврейские общины глубинной Италии римского времени. Судя по спартанской обстановке скинии, были они бедны.

6. ПРОСОПОГРАФИЯ ИУДЕЕВ БОСПОРА I–VI ВВ. Н.Э.

Мы очертили весь круг достоверных источников о боспорском иудействе I–VI вв. н.э., это позволяет построить его просопографию; отдельно, в § 7 добавляем возможные персоналии. Включаем сюда личные имена из упомянутых в § 3 надписей КБН, также из эпитафий на древнееврейском из Пантикопея и с Тамани¹⁰⁷. Подспорьем служат и найденные Д.В. Бейлиным на иудейском некрополе Пантикопея несколько новых эпитафий¹⁰⁸.

II–III вв. 1. Σείμων (эпитафия КБН 724, Пантикопей) 2. Ανα (НИЭК, № 9: [? Λ] ευ[Γ]] Ανᾶ «? Леви, сын Ана», Пантикопей). 3. Σαφατας (КБН 1179, Горгиппия, см. о нем § 3).

III в. 4. Σαδώκ (НИЭК, № 3: [ένθα κε|ίται Σα]δόκ, πρε[σ]βύτερ[ος] «тут лежит Задох, пресвитер», Пантикопей). 5. לְאַמְשׁ = Σαμοήλ (НИЭК, № 4: בָּהּ הַתְּנִהּ זֶה קָדְשָׁם «Самуил; в сей могиле покоится этот пресвитер, 584 год»; 584 г. б.э. = 281 г. н.э. Пантикопей).

III–IV вв. 6. Ἰσαάκιος (КБН 736, Пантикопей). 7. Ξιαγας (НИЭК, № 5: Ξιαγα[ζ] | ιερεύ[ζ] «Ксиаг, жрец», Пантикопей).

IV в. 8–9. Τιμογίτων, Σαμουήλ (КБН 777 в нашем чтении, см. § 3: [? Τι]μ[ο]γίτων | Σαμουή[λ]ου «(?) Тимогит, сын Самуила». Чтение первого имени очень вероятно). 10. Θεοδώρα (НИЭК, № 6: ἐξ, ἐξ, | Θηο| ←δώ →ρα «о горе, горе, Феодора!»,

¹⁰⁵ Кашаев, Кашовская 2017, 109.

¹⁰⁶ О сферах занятости евреев диаспоры см. Kant 1987, 690, в основном это торговля, банкинг, услуги, отчасти мелкое производство.

¹⁰⁷ Если билингва, даем древнееврейское и греческое написания имен, если надпись на древнееврейском – даем аутентичное и русское написания.

¹⁰⁸ См. тут выше статью Д. В. Бейлина, В. П. Яйленко. Ее название «Новые иудейские эпитафии II–IV вв. н. э. из Керчи» даю ниже в сокращении НИЭК, с указанием номера надписи по каталогу.

Пантикопей). 11–13. Μα, Πάτεις, Πάπος (эпитафия из Вышестеблиевской 2, см. § 5: ἔνθα κατακῆτε Μα μήτηρ Πάτεις, Παπού θεύγατηρ, | ἐτ(ῶ)ν νέοντος «Здесь по-коится Ма, мать Патея, дочь Папа, 50 лет»).

IV–V вв. 14. Μεναγαμ (КБН 1225, в нашем чтении, см. § 3: ἔνθα χίθη | Μεναγαμ «здесь покоится Менахем», Фанагория). 15. Θεόμνηστος (НИЭК, № 1: ραββί Θεόμνηστος | ἀρχη[συνα]γού[ς] «рабби Теомнест (?)», архисинагог», Пантикопей. Чтение имени без вариантов). 16. Κρίσων = Χρύσων? (НИЭК, № 7: MICOM-СИК | Κρίσονο[ς] «имярек (дочь / сын) Хрисона», Пантикопей).

IV–VI вв. 17–18. Σαμοήλ, Σεβῆρος (КБН 743 в нашем чтении, см. § 3. Пантикопей).

II–VI вв. 19–20. עמוֹן אמוֹן, מנהחם, Менахем (эпитафия «Менахем, сын Амоца», Фанагория)¹⁰⁹ 21–22. מִיכָּאֵל, מихаэль, שַׁבְּתָאי, Шабтай (= Σαβ(β)άτας. Вышестеблиевская 11, эпитафия на стеле из скрипии, см. § 4: «Это памятник погребения Шабтая, сына Мих(аэля), с (ми)ром»)¹¹⁰. 23. אַבְרָהָם, Авраам (эпитафия: «Это памятник погребения Авраама, с миром», ст. Вышестеблиевская)¹¹¹.

Евреи Диаспоры для большей адаптации к местному обществу принимали на востоке Римской империи греческие имена, на западе латинские и греческие; даже в Палестине, согласно лексикону имен тамошних иудеев Тал Илан (в нем собраны имена из источников с 330 г. до н.э. по 200 г. н.э.), греческих имен почти 30% от общего числа их тут (в целом 244 греческих имени)¹¹². На Боспоре соотношение вовсе иное – у 15 персон еврейские имена, лишь у четырех греческие (Тимогит, Теомнест, Феодора, Хрисон), у одного латинское (Север), у троих «детские» (Ма, Патеис, Пап). Соотношение носителей еврейских и прочих имен примерно такое же, как в Палестине – две трети на треть. Это свидетельство крепкого сохранения боспорскими иудеями родного именника на задворках античного мира. Причина – этническая негомогенность боспорского общества эпохи Империи, в котором наряду с греческим компонентом был значителен удельный вес иранского, боспорского туземного, на азиатской части адыгского и прочего населения.

7. SUPPLEMENTUM. ПРОСОПОГРАФИЯ ИУДЕЕВ БОСПОРА НЕПРЯМОГО ХАРАКТЕРА

Включаем сюда персоналии, личные имена которых могут быть еврейскими, или сирийскими, либо еврейскими по происхождению, но интернациональными по узусу, также имена еврейских торговцев на привозных амфорах, наконец, предположительно читаемые. Об именах и персонажах из КБН см. выше § 2, 3.

II–III вв. 1–2. Βοχόρος, Ἀγαθός (КБН 77+1136, стк. 6–7: Ἀγαθός Βοχορού, список имен членов фиаса, его жрец Агап, сын Бокора; имя Βοχόρος еврейское или сирийское, Ἀγαθός греческое; Горгиппия)¹¹³. 3. Βοχόρος (КБН 1130, список имен, Горгиппия; не исключено, что это тот же Бокор КБН 77+1136)¹¹⁴. 4. Εἰσ[ι] (эпи-

¹⁰⁹ Кашаев, Кашовская 2017, 126.

¹¹⁰ Кашаев, Кашовская 2008, 343; 2017, 119.

¹¹¹ Кашаев, Кашовская 2008, 350–351; 2017, 120; Кашовская 2011, 203–204.

¹¹² Tal Ilan 2002, 9–10.

¹¹³ Zgusta 1955, 331. См. об этой манумиссии ТБР, 618–621.

¹¹⁴ См. о нем ТБР, 622–623.

тафия КБН 787, с нашей поправкой: γυνὴ | Ἐῖσ[ι] Ἰρκίου «Иси, жена Иркия»)¹¹⁵. 5. Λευΐ (НИЭК, № 9: [? Λ]ευ[τή] | Ανᾶ «? Леви, сын Ана», Пантикопей). 6–8. Ιουδᾶ, Ζαδο(κος), Ζαχ(арίας) (дипинти на амфорах со склада первой трети III в. в Танаисе, они привозные – с черноморского побережья Понта, это свидетельство торговли танаисских купцов с тамошними иудейскими поставщиками вина, см. выше § 2).

IV в. 9–10. Μι/υθυν, Χρηστίων (КБН 746 в нашем чтении (см. § 3), на стеле изображена менора; первое имя, возможно, еврейское, второе греческое. Пантикопей). 10. Αραμίων (КБН 739, имя еврейское по происхождению, но значение «Сириец», см. выше § 2. Пантикопей).

IV–V вв. 11. ΜΙCOMСІК (НИЭК, № 7: ΜΙCOMСІК | Κρίσονο[ς] «имярек (дочь / сын) Хрисона», Пантикопей). 12. Μαριά(μ ?) (КБН 759, см. выше, § 2. Пантикопей). 13. Λαονίκας (КБН 741, см. выше § 2. Пантикопей). 14–15. Οὐστανός, Οὐστανη (КБН 735, 742 в нашей интерпретации)¹¹⁶. 16. Σαμβατίων, Σαμβίων, имя более трех десятков персонажей (см. КБН, указатель, с. 896). Еврейское по происхождению, оно получило широчайшее распространение в пределах Римской империи, в особенности на Ближнем Востоке, по узсу вовсе отделилось от иудеев, став элементом межнационального культурного взаимодействия (см. выше, § 1).

Мы очертили круг известных нам из надписей иудеев Боспора I–VI вв. н.э., их 23, еще полтора десятка возможных. Надо признать, что для половины тысячи лет это незначительное число, оно не сопоставимо с сотнями и тысячами их в Египте, Италии, Риме и других центрах. Следовательно, Боспор как крайняя периферия античного мира, к тому же весьма варваризованная, не был привлекательным в отношении деловой жизни. Можно сказать, что те немногие иудеи, кто прибыл сюда и жил тут, были своего рода героями.

Мы упомянули в данной статье немало евреев позднеантичного Боспора, все они конкретные люди, мы знаем их по именам, иных и по отчествам, примерное время жизни некоторых, их эпиграфии да прочее. Хотелось бы взглянуть на них, хотя бы в условном изображении, подобно другим боспорянам на их надгробных стелах, однако еврейская религия воспрещала делать изображения людей.

¹¹⁵ В КБН принято чтение В.В. Шкорпила: γυνὴ | Εῖσ[α] Ἰρκίου «Иса, жена Иркия». Оба имени неизвестны, поэтому дополняем женское имя Εῖσι, представленное на Ближнем Востоке (Preisigke 1922, s.n.). Не исключено и чтение имени египетской Иисиды, воспринятого палестинским еврейством (Tal Ilan 2006, 237), с обычным для римского времени растяжением первого долгого і в ei – Εῖσ[ι] ?]. Конструкция со словом γυνὴ, предшествующим женскому имени, греческим эпиграфиям не свойственна, есть в иудейских. Это дает основание сопоставить Ιρκίου с относительно соответственным еврейским мужским именем Ιρακός из Палестины (Tal Ilan 2002, 435), его а могло сократиться, подобно синкопе, к примеру, в основе ουαράζ- имен Ουαράζ-акоς, Ουαράζ-βαλος из Танаиса и Ольвии (Zgusta 1955, 125–126).

¹¹⁶ Эпиграфия из Пантикопея КБН 742: Οὐστανοῦ Νεικηφόρου «Устан Никофоров». Буква Ι и стоящее прямо под нею Φ образуют сплошную вертикаль, которая перечеркнута посередине так, что образовался крест (см. КБН-альбом), это надгробие христианина. Его относили к числу иудейских, мы возражали, считая имя Устан иранским (Яйленко 2010, 633). Однако есть и еврейское мужское имя Οὐστανοῦ (Tal Ilan 2002, 355), хотя оно возможное иранское заимствование, все же поэтому можно предполагать, что этот Устан иудей. В таком случае это первый известный нам на Боспоре еврей-христианин; если в будущем объявится еще один подобный случай, такая интерпретация обретет основания. Сюда и эпиграфия КБН 735 в нашем чтении: fem. Οὐστανη. Посередине плиты идет вертикаль, это основание креста или меноры; слева от нее буквы ΟΥСΤ (в две строки), справа Α[Ν]Н. Ранее мы считали, что это имя иранское – fem. Οὐστανη (Яйленко 2010, 633–634), теперь учитываем возможность и еврейской трактовки.

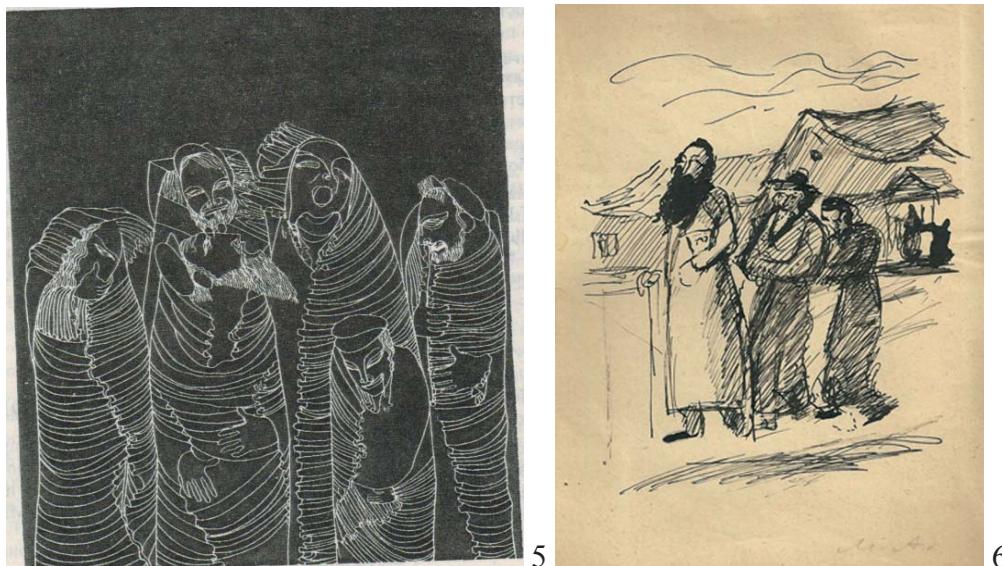

Рис. 5. С. Диамант. Иллюстрация к повести Шолом–Алейхема «Мальчик Мотл» (Герчук 2006, 474).

Fig. 5. Semen Diamant. Illustration to the story of Sholom Aleichem "The Motl Boy" (after: Gerchuk 2006, 474).

Рис. 6. Меир Аксельрод. Иллюстрация к рассказу Шолом–Алейхема (meir-akselrod.com).

Fig. 6. Meir Axelrod. Illustration to the story of Sholem Aleichem (after: meir-akselrod.com).

Поэтому все упомянутые здесь эпитафии не стелы, а простые намогильные камни с одной лишь краткой надписью. И все же поможет нам в этом художническое воображение – замечательные гравюры больших мастеров этого дела, нашего современника Семена Диаманта (рис. 5) и скончавшегося в 1970 г. Меира Аксельрода (рис. 6).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abaev, V.I. 1979: Skifo-sarmatskie narechiya [The Skytho-Sarmatian languages]. In V.S. Rastorgueva (ed.), *Osnovy iranskogo jazykoznanija* [The patterns of Iranian linguistics]. Moscow, 272–364.
- Абаев, В.И. 1979: Скифо-сарматские наречия. В кн.: В.С. Растроргуева (ред.), *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 272–364.
- Abaev, V.I. 1981: Gerodotovy Skythai-georgoi [The Herodotean Skythai-Georgoi]. *Voprosy jazykoznanija* [The Questions of Linguistics] 2, 74–76.
- Avigad, N. 1976: *Beth She'arim*. Vol. 3. New Brunswick.
- Avi-Yonach, M. 1940: *Abbreviations in Greek Inscriptions*. London.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962. Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [An essay on history of Greek lapidary scripture on the Bosphorus]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 3–31.

- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Danshin, D.I. 1993: Fanagoriyskaya obshchina iudeev [Phanagorian community of Jews]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 59–72.
- Данышин, Д.И. 1993: Фанагорийская община иудеев. *ВДИ* 1, 59–72.
- Diatroptov, P.D., Emets, I.A. 1995: Korpus khristianskikh nadpisey Bospora [Corpus of Christian inscriptions of the Bosphorus]. *Epigraficheskiy vestnik [Epigraphical Bulletin]* 2, 7–40.
- Диатроптов, П.Д., Емец, И.А. 1995: Корпус христианских надписей Боспора. *Эпиграфический вестник* 2, 7–40.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [A short essay on grammar of the Bosporan inscriptions]. In V.V. Struve (ed.), *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. *КБН*, 797–831.
- Elledge, C.D. 2006: *Life after death in early Judaism: the evidence Josephus*. Tübingen.
- Feldman, L.H. 1996: Diaspora synagogues. In S. Fine (ed.), *Sacred Realm: The Emergence of the Synagogue in the Ancient World*. New York–Oxford, 48–66.
- Fine, S. 1996: From meeting house to sacred realm. In S. Fine (ed.), *Sacred Realm: The Emergence of the Synagogue in the Ancient World*. New York–Oxford, 21–47.
- Fine, S. 2010: Death, burial and afterlife. In C. Hezser (ed.), *Oxford handbook of Jewish Daily Life in Roman Palestine*. Oxford, 440–462.
- Gerchuk, Yu. Ya. 2006: Skvoz' tolshchu vremen [Throw the thick of times]. *Problemy istorii, filologii i kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 16.2, 474–477.
- Герчук, Ю.Я. 2006: Сквозь толщу времен. *ПИФК* 16.2, 474–477.
- Gibson, K. 2007: *Simvoly, znaki, emblemy, mify [Signs and symbols]*. Moscow.
- Гибсон, К. 2007: Символы, знаки, эмблемы, мифы. М.
- Gibson, E.L. 1999. *The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosphorus Kingdom*. Tübingen.
- Goodman, M. 1996: Sacred space in Diaspora Judaism. *Teu'da XII*, 1–16.
- Grüll, T. 2013: “Good luck in the resurrection!” Life after death in Jewish epigraphy. In Iu. Mogi (ed.), *Angels, demons and representations of afterlife within the Jewish, pagan and Christian imagery*. Iași, 27–42.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Hezser, C. 2016: “For the Lord God is a sun and a shield” (Ps. 84: 12): sun symbolism in Jewish literature and in Amoraic Midrashim. In U. Leibner, C. Hezser (eds.), *Jewish art in its Late Antique Context*. Tübingen, 213–236.
- Horst, P.W. 1992: Funerary Jewish inscriptions. *Biblical Archaeology Review* 18.5, 46–57.
- Horst, P.W. 1994: Jewish poetical tomb inscriptions. In J.W. van Henten, P.W. van der Horst (eds.), *Studies in early Jewish epigraphy*. Leiden, 129–147.
- Ilyashenko, S.M. 2013: *Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinskykh amforakh Tanaisa i ego okrugi III–IV veka [The standart dipinti on light-clay narrow-throat amphorae in Tanais and suburbs of the 3rd–4th centuries AD]*. Simferopol–Kertch.
- Ильяшенко, С.М. 2013: Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н.э. Симферополь–Керчь.
- Kant, L.H. 1987: Jewish inscriptions in Greek and Latin. In W. Haase (hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Berlin–New York. Teil II. Bd. 2, Hlbd. 2, 672–713.
- Kashaev, S.V., Kashovskaya, N.V. 2008: Kultovyy kompleks (SK-6) i epigraficheskie materialy s poseleniya Vyshesteblievskaya-11 [A cult complex (SK-6) and epigraphical materials from the Vyshesteblievskaya 11 settlement]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 12, 340–355.
- Кашаев, С.В., Кашовская, Н.В. 2008: Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11. *ДБ* 12, 340–355.

- Kashaev, S.V., Kashovskaya, N.V. 2010: Iudei na beregakh Bospora po materialam arkheologicheskikh issledovaniy [Jews on the shores of the Bosphorus according to archaeological materials]. In E.E. Nosenko-Stein et al. (eds.), *Khazary. Mif i istoriya [The Khazars. Myth and history]*. Moscow, 283–304.
- Кашаев, С.В., Кашовская, Н.В. 2010: Иudeи на берегах Боспора по материалам археологических исследований. В кн.: Е.Э. Носенко-Штейн и др. (ред.), *Хазары. Миф и история*. М., 283–304.
- Kashaev, S.V., Kashovskaya, N.V. 2017: Iudeyskie kamni i nadpisi Bospora [Jewish stones and inscriptions of the Bosphorus]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian Almanac]*. Moscow. 15, 104–131.
- Кашаев, С.В., Кашовская, Н.В. 2017: Иудейские камни и надписи Боспора. *Хазарский альманах* 15, 104–131.
- Kashovskaya, N.V. 2011: Iudeyskiy prozelitizm na Bospore: irantsy v iudeiskoy obsshchine [Jewish proselytism in the Bosphorus: the Iranians in the Jewish community]. *Ukrains'ka orientalistika [Ukrainian orientalistics]*. Kiev, 188–222.
- Кашовская, Н.В. 2011: Иудейский прозелитизм на Боспоре: иранцы в иудейской общине. *Українська орієнталістика*. Киев, 188–222.
- Keller, E.B. 1974: Hebrew thoughts on immortality and resurrection. *International Journal for Philosophy of Religion* V.1, 16–44.
- Kizilov, M.B. 2011: *Krymskaya Iudeya [Crimean Judaea]*. Simferopol.
- Кизилов, М.Б. 2011: *Крымская Иудея*. Симферополь.
- Lange, N. de. 2005: Jews in the age of Justinian. In M. Maas (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Justinian*. Cambridge, 401–426.
- Latyshev, B.B. 1909: *ПОНТИКА*. Saint Petersburg.
- Латышев, В.В. 1909: *ПОНТИКА*. СПб.
- Levinskaya, I.A. 1992: Chtushchie Boga Vysochayshego v nadpisyakh iz Tanaisa [Worshiping Supreme God in the inscriptions from Tanais]. In A.K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po istorii i kul'ture antichnogo Severnogo Prichernomorya [The essays on history and culture of the ancient North Pontic region]*. Saint Petersburg, 129–145.
- Левинская, И.А. 1992: Чтущие Бога Высочайшего в надписях из Танаиса. В кн.: А.К. Гаврилов (ред.), *Этюды по истории и культуре античного Северного Причерноморья*. СПб., 129–145.
- Levinskaya, I.A., Tokhtasyev, S.R. 1988: Drevneevreyskie imena na Bospore [Ancient Jewish names in the Bosphorus]. In L.A. Gindin (ed.). *Mezhdunarodnyy simpozium "Antichnaya balkanistika-6". Tezisy dokladov [International symposium "Ancient Balkanistics". Abstracts]*. Moscow, 28–29.
- Левинская, И.А., Тохтасьев, С.Р. 1988: Древнееврейские имена на Боспоре. В сб.: Л.А. Гиндин (ред.), *Международный симпозиум «Античная балканистика 6»*. Тезисы докладов. М., 28–29.
- Levinskaya, I., Tokhtasyev, S. 1996: The Jews and Jewish names in inscriptions of the Bosporan kingdom. *Teu'da XII*, 55–73.
- Livshitz, V.A. 2010: *Parfyanskaya onomastika [Parthian onomastics]*. Saint Petersburg.
- Marti, Yu.Yu. 1907: Novyy epigraficheskiy material iz Kerchi [A new epigraphical material from Kerch]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessan Society for History and Antiquities]* 28. Prilozhenie [Supplement], 133–134.
- Марти, Ю.Ю. 1907: Новый эпиграфический материал из Керчи. *ЗООИД* 28. Приложение, 133–134.
- Nadel, B. 1956: Onomatologiya antichnogo Prichernomorya [Onomatology of the ancient North Pontic area]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 68–79.
- Надэль, Б. 1956: Ономатология античного Причерноморья. *ВДИ* 3, 68–79.

- Nevsner, J. et al. (eds.) 1995: *Judaism in Late Antiquity*. Pt. 4. *Death, Life-after-Death, Resurrection and the World-to-Come in the Judaisms of Antiquity*. Leiden.
- Novoseltsev, A.P. 1990: *Khazarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [The Khazarian State and its role in a history of the East Europe and Caucasus]. Moscow.
- Новосельцев, А.П. 1990: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.
- Noy, D. 1994: The Jewish communities of Leontopolis and Venosa. In: J.W. van Henten, P.W. van der Horst (eds.), *Studies in early Jewish epigraphy*. Leiden, 162–182.
- Noy, D. 1995: *Jewish inscriptions of Western Europe*. Vol. II. *The city of Rome*. Cambridge.
- Noy, D., Panayotov, A., Bloedhorn, H. 2004: *Inscriptiones Judaicae Orientis*. Vol. 1. Tübingen.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Peek, W. 1957: *Verzeichnis der Gedicht-Anfänge und vergleichende Übersicht zu den griechischen Vers-Inschriften*. I. Berlin.
- Podosinov, A.V. 2000: *Simvolы chetyrekh evangelistov* [Symbols of the four evangelists]. Moscow.
- Подосинов, А.В. 2000: *Символы четырех евангелистов*. М.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch, enthaltend alle... Menschennamen*. Heidelberg.
- Roussin, L. 2001: Helios in the synagogue: did some ancient Jews worship the Sun god? *Biblical Archaeology Review* 27, 52–56.
- Schürer, E. 2014: *The history of the Jewish people*. Vol. III.1. London.
- Schwabe, M., Lifshitz, B. 1974: *Beth She'arim*. Vol. 2. *The Greek Inscriptions*. New Brunswick.
- Shelov, D.B. 1978: Lichnye imena na amforakh iz Tanaisa [The proper names on the amphorae from Tanais]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy]. Moscow, 12, 47–55.
- Шелов, Д.Б. 1978: Личные имена на амфорах из Танаиса. *Нумизматика и эпиграфика* 12, 47–55.
- Stern, K.B. 2013: Death and burial in the Jewish Diaspora. In *Oxford Encyclopedia of the Bible and Archaeology*. Oxford, 270–280.
- Tal Ilan, 2002: Lexicon of Jewish names in Late Antiquity. Pt. I. Palestine 330 BCE – 200 CE. Tübingen.
- Tal Ilan, 2006: Silencing the Queen. Tübingen.
- Tresidder, J. 1999: *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow.
- Тресиддер, Дж. 1999: *Словарь символов*. М.
- Ustinova, Yu. 1998. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom*. Leiden.
- Vasmer, M. 1923: *Die Iranier im Südrussland*. Leipzig.
- Wilfand, Y. 2009: Aramaic tombstones from Zoar and Jewish conceptions of the afterlife. *Journal for the Study of Judaism* 40, 510–539.
- Yailenko, V.P. 1987: Materialy po bosporskoy epigrafike [Materials on the Bosporan epigraphy]. In A.I. Pavlovskaya (ed.), *Issledovaniya po epigrafike i yazykam drevnei Anatolii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomoria* [Studies in epigraphy and languages of ancient Anatolia, Cyprus and Ancient North Pontic Area]. Moscow, 4–200.
- Яйленко, В.П. 1987: Материалы по боспорской эпиграфике. В кн.: А.И. Павловская (ред.), *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 4–200.
- Yailenko, V.P. 2010: Khristianskie i parakhristianskie nadpisi Bospora IV–VI vekov [The Christian and para-Christian inscriptions of the Bosphorus in 4th–6th centuries AD]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 14, 610–711.
- Яйленко, В.П. 2010: Христианские и парахристианские надписи Боспора IV–VI вв. *ДБ* 14, 610–711.
- Yailenko, V.P. 2015: Toponimika i etnonimiya antichnogo Bospora [Toponymics and ethnonyms of the ancient Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 19, 386–458.
- Яйленко, В.П. 2015: Топонимика и этнонимия античного Боспора. *ДБ* 19, 386–458.

-
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezdu polisom i monarkhiei* [The Bosporan thyasoi: between polis and monarchy]. Moscow.
 Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
 Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.
 Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prague.

HISTORICAL AND EPIGRAPHIC PROBLEMS OF THE STUDY OF BOSPORAN JUDAISM OF THE FIRST-FIFTH CENTURIES

Valery P. Yaylenko

Independent researcher, Moscow, Russia

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

Abstract. Only the inscriptions are a source of information about the Jews on the Cimmerian Bosphorus, including also their numerous personal names. Since the whole complex of this material has not been studied, the author takes on this task in the first place. Some Russian Judaists mistakenly multiplied the number of Bosporan Jewish inscriptions and personal names, so the author criticizes them and has identified a range of authentic objects. In general, there are about 30 inscriptions, among them two dozen are indisputable and one dozen is possible. There are no inscriptions before the 1st century AD, since that time only the acts of liberation have been preserved. From the 2nd to the 6th centuries, Jewish epitaphs have been preserved, almost all in Greek, only some in Hebrew. The author also revealed the true circle of Jewish personal names. On this solid foundation, he builds a prosopography of Bosporan Jews of the 2nd – 6th centuries. Also, a unique archaeological monument was studied separately – the village tabernacle on the settlement of Vyshestebliyevskaya-11 (the Taman Peninsula) and the corresponding inscriptions.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Jewish manumission acts, epitaphs, prosopography, rural tabernacle

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 175–183
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 175–183
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-175-183

К ПУБЛИКАЦИИ НОВОЙ ЭПИТАФИИ С ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН НА БОСПОРЕ

С.Ю. Сапрыкин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: mithridates@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8300-2535

Аннотация. Статья посвящена разбору и комментированию так называемой второй эпитафии, обнаруженной в 2022 г. при раскопках городища Артезиан. Автор корректирует восстановление и уточняет имена упоминаемых в ней погребенных, в частности, имени женщины, имени ее супруга и похороненных вместе с нею сыновей. Автор статьи уточняет время появления первой эпитафии из Артезиана, приводя ряд аргументов в пользу предложенной им ранее датировки I в. н.э.

Ключевые слова: Боспор, городище Артезиан, ономастика, антропонимика, эллинские имена, греко-варварские имена, эпитафия, Греция, Малая Азия

В 2022 г., в *ПИФК*, № 2 была опубликована погребальная стела с так называемой второй эпитафией, которая была обнаружена при раскопках городища Артезиан, расположенного в Восточном Крыму (рис. 1). Публикация была осуществлена совместно Н.И. Винокуровым и В.П. Яйленко¹. В ней дано обстоятельное описание археологического контекста находки и состояния памятника, а эпиграфический раздел статьи, собственно публикация и разбор надписи, принадлежит В.П. Яйленко. Все подробности, связанные с археологическими раскопками городища, контекстом находки, а также характеристика памятника с точки зрения эпиграфики приводятся авторами статьи исчерпывающим образом. Это избавляет нас от их повторного изложения и позволяет сконцентрировать внимание на прочтении новооткрытого документа, так как восстановление надписи в ряде случаев вызывает вопросы, которые требуют обстоятельного ответа.

Три строки сохранившейся надписи на погребальной стеле (рис. 2) прочитаны В.П. Яйленко следующим образом:

Данные об авторе: Сергей Юрьевич Сапрыкин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Винокуров, Яйленко 2022, 31–52.

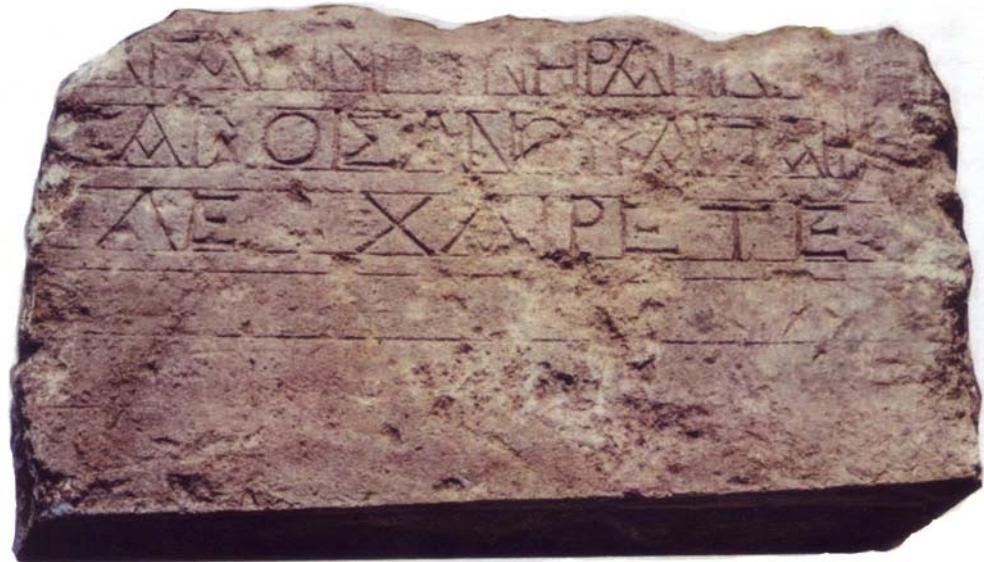

Рис. 1. Часть надгробия с текстом эпитафии. Артезиан (по: Винокуров, Яйленко 2022).
Fig. 1. Part of the gravestone with the text of the epitaph. Artesian settlement (after: Vinokurov, Yaylenko 2022).

Рис. 2. Текст надписи со второй эпитафией. Артезиан (по: Винокуров, Яйленко 2022).
Fig. 2. Text of the inscription with the second epitaph. Artesian Artesian settlement (after: Vinokurov, Yaylenko 2022).

Αγά[ρ?]ιν, γ[υ]νὴ Ρα[μ]ν[αγοῦ?

κ]αὶ ὑοὶ Σανοῦ καὶ Πάμ[φι]-

λε, vac. χαίρετε

Перевод: «Ага(р?)ин, жена Ра(мнага?) и сыновья Санус да Памфил, прощай-те».

Автор публикации отмечает, что прочитать первую строку непросто, так как она испорчена. Первое из имен он правильно определил как женское из шести букв, из которых утрачена одна – четвертая от начала: АГА.ИН. Утеряна «именно буква Р (других нет)», – пишет автор публикации, так как лакуна предусматривает одну широкую букву М или П, «но при последней Н согласной быть не может, только гласная, из которых возможно лишь йота – Ι». Поэтому имя похороненной женщины он восстанавливает как Ἀγά[ρ?]ιν, видя в нем женскую форму мужского имени Ἀγάρος (Diod. XX. 24. 2; ср. LGPN IV. 4: это имя носил скифский царь Агар, который приютил бежавшего с Боспора Перисада, младшего брата захватившего престол Евмела). При этом В.П. Яйленко справедливо замечает, что «это всего лишь предположение» и последующие исследователи могут предложить более точный вариант реконструкции имени. Между тем, имя Ἀγάριν за- свидетельствовано в римскую эпоху в Лаконике (IG V. 1. 1303 = LGPN III.A. 6), где, скорее всего, является мужским. Поэтому, если следовать автору публикации, его женский коррелят (это подтверждает стоящее далее слово γυνὴ) образован не только от имени Агара, но и от имени Агарина, и тогда имя амбивалентное. Однако при тщательном изучении остатков четвертой буквы в этом имени отчетливо видно, что *ρο* здесь не прочитывается. На камне, что заметно даже по фотографии, сохранились две косые гасти с апексами, перекрещивающиеся вверху. Это позволяет предполагать здесь буквы А или Λ, но поскольку первое невозможно ввиду предыдущей отчетливой *αλφы*, то шансы вычитывать *λιμбду* весьма значительны. Следовательно, имя похороненной на некрополе Артезиана женщины читается Ἀγαλίν.

Такое имя нигде не засвидетельствовано, однако в эллинской ономастике встречаются близкие имена – женское Ἀγαλλίς (IG II² 10562 = LGPN II. 5, Афины, IV–III вв. до н.э., см. Athen. XIII. 583e; LGPN III.A. 6: Керкира, III–II вв. до н.э.), мужские Ἀγαλλίς (LGPN I. 4: Кирена, I в. н.э.), Ἀγαλλίς, Ἀγαλλίας (LGPN III.A. 6: Аркадия, IV–I вв. до н.э.; LGPN I. 5: Наксос, I в. до н.э.; IBuz. 100, SEG I. 667 = LGPN IV. 4: Византий, II в. до н.э.), Ἀγάλλων (LGPN Va. 4: Иония, IV в. до н.э.). Поэтому вполне возможно, что погребенная женщина носила распространенное имя Ἀγαλλίς = Ἀγαλ(λ)ίς с выпадением одной лямбды. Передача двойного согласного одной буквой часто встречается в боспорской эпиграфике, особенно в римскую эпоху, причем нередко при двойной Λ². Выпадение -ι в слове ὑοὶ во второй строке делает это предположение достаточно весомым. Имя имело основу на зубной звук -δ, родительный падеж его оканчивается на -δος (или на -ι, род. -εως), вокатив будет иметь окончание -ι или -ις, тогда Ἀγαλίν – это форма винительного падежа. В лапидарных надписях Боспора римской эпохи имительный падеж иногда заменялся винительным, либо винительный употреблялся

² Примеры см. Доватур 1965, 810, § 7.

наряду с именительным, поэтому неудивительно, что имя Агалиды в аккузативе не согласуется с именительным (или звательным) γυνή³.

От имени мужа погребенной женщины дошло четыре буквы РАМН, а далее видны плохо читаемые остатки еще одной литеры, от которой дошли только окончания двух апексированных гаст. Авторы публикации правильно сопоставили его с известным из ольвийской антропонимики мужским иранским именем Ραμάναγος (HO 88 = LGPN IV. 298), отцом которого был носитель чисто эллинского имени Менодор. Они восстанавливают его как Ραμάναγος с «синкопой инлаутного гласного – альфы», как выразился В.П. Яйленко. На камне отчетливо сохранилось Ραμν, но альфы далее быть не может, ибо расстояние между кончиками сохранившихся гаст не совпадает по ширине с написанием альфы в других местах надписи. Остатки пятой буквы по размеру больше похожи на Π, Μ, Η, поэтому имя мужа усопшей, как вариант, могло выглядеть как Ραμνη[...]? Однако более точное или близкое имя, за исключением ирано-сарматского Раманаг⁴, подобрать не удалось.

Имена сыновей, похороненных с матерью, также не совсем точно прочитаны и прокомментированы первоиздателями. Σανοῦ во второй строке, по мнению В.П. Яйленко, указывает на вокатив от л.и. Σανοῦς, которое он считает малоазийским, так как там «немало имен на Σαν-». Однако на Боспоре имя Σανοῦ неизвестно, там фиксируются только женское имя Σάνεια (CIRB 634, Пантикопей, I–II вв. н.э.) и мужское Σάνων (CIRB 115 = Zgusta 1955, 411, § 1144, 1145, Пантикопей, V–IV вв. до н.э.)⁵. Ни в эллинской, ни в греко-варварской антропонимике Средиземноморья и смежных областей оно также не встречается. Имя Σαννίων присутствует в Херсонесе Таврическом с чисто греческими отчествами (НЭПХ 146–150 = LGPN IV. 394). Оно же известно в Ионии в IV–III вв. до н.э. (LGPN V.A. 397), на Делосе и Паросе в это же время (*ibid.* I. 401), в Карии (*ibid.* V.B. 343), Калабрии (*ibid.* III.A. 388). Близкое ему мужское л.и. Σάννων зафиксировано в Южной Италии на Сицилии в IV–III вв. до н.э. (*ibid.* III.A. 388). Во Фригии и Писидии в эллинистическое и римское время засвидетельствованы имена Σάνεις, Σάνναῖς (*ibid.* V.C. 382), последнее л.и., наряду с именами Σάννος, Σάνναῖος, представлено в Карии в эллинистическое и раннеримское время (*ibid.* V. B. 343), а также в греческих городах Ионии в раннеэллинистическую эпоху (*ibid.* V.A. 397). В Аркадии, в Мегалополе, встречается редкое имя Σάνουνος (*ibid.* III. A. 388)⁶. Пытаясь обосновать звательный падеж имени Σανοῦ, которое В.П. Яйленко считает боспорским, и обойти то обстоятельство, что имя Σανοῦ не встречается, он приводит довольно шаткий аргумент – присутствие

³ Доватур 1965, 825, 826, § 4.

⁴ С.Р. Тохтасьев относит это имя к числу иранских типа Ρευρομαρος, Ροιρομαρος < *Rēv-ramar < *Raiva-ram(a)g-a- от *raiva – «богатый» и гетероклитического *raman/*ramar – «покой», «мир» (Тохтасьев 2005, 302, прим. 37; 2013, 565–607, прим. 66). Не исключено, что это имя суть производное от Ραμάναγος с выпадением второй альфы, как и предлагает В.П. Яйленко, но с характерным для Боспора колебанием в именах собственных между –α и –η (Доватур 1965, 799, § 1. 6): Ραμ(α)νη[γου] > Ραμνη[γου]?

⁵ Л. Згуста (Zgusta 1955, § 701) отмечает еще имена Санох и Санхос, которые известны на азиатской стороне Боспора в эллинистическое и римское время.

⁶ В дополнение к этим именам Х. Курбера приводит еще Σανναῖος, Σάννιος, Σαννιάδης, Σάννως (Curbela 2013, 110, 140).

на Боспоре других имен на *-οῦς*, что никак не может устраниТЬ неопровержимого факта отсутствия в боспорской ономастике имени *Σάνοῦς*.

Объясняя происхождение имен на *Σάν-*, включая *Σάνοχος* и *Σάνχας*, Л. Згуста отмечает, что близкое имя *Σάννας*, *Σάννᾶς* нельзя отождествлять с этническим термином санны, которым обозначали племенной союз в Колхиде. Это имя является производным от *σάννας*, что означает «комический персонаж» (Cratin 337). В литературе отмечалось, что имена *Σάννας*, *Σάννᾶς* часто встречаются в Ионии и Карии, а их происхождение навеяно физическими и ментальными чертами детей, связанными со смехом, глупыми и необдуманными поступками. Эти имена считаются эллинскими, поскольку в Афинах, на островах Эгейды и в греческих городах ионийского побережья Малой Азии представители знатных семей, которые являлись носителями имен с корнем *Σάν-*, занимали государственные должности, что было недоступно негрекам. Они связаны с комическими терминами *σάννιον* – хвост (от *σάίνω* – вертеть хвостом), лат. *sanna* – мимическая гримаса, что восходит к театральным представлениям (ср. *Sanna*, *Sannio* и «говорящее» имя *Σάννιον* – преподаватель хорового искусства), но, скорее всего, к *σάννας* – глупый (LSJ s.v. *σάννας*, -ου, *σάννιον* = *σάννας*), что часто применялось для обозначения молодых ребят (ср. Cratin PCG IV. 330, fr. 489; Hesych. s.v. *σάννο-* *κος*; Diog.Laert. X. 8. 7)⁷. Поэтому первое имя в стк. 2, по-видимому, греческое и восходит к слову *σάννας*, в номинативе *Σάν(v)ας*, *Σάν(v)ᾶς* или скорее *Σάνος*. Последняя форма имени встречается на Пелопоннесе и Крите в эпоху эллинизма (LGPN I. 401; III.A. 388). Поэтому возможны два варианта его чтения в интересующей нас надписи – как вокатив от *Σάνοῦς*, что маловероятно, но возможно с учетом будущих находок или как родительный падеж от *Σάν(v)ας* или *Σάνος*, *Σάννος* = *Σάν(v)ος*.

Имя второго сына Агалиды прочитано В.П. Яйленко неверно. Он предлагает *Πάμ[φι]λε* – звательный падеж от *Πάμφιλος*. Между тем на камне после А стоит отчетливая Р, а дальше скол, в который укладывается не более двух букв. С большой долей вероятности данное имя можно восстановить как *Πάρ[δα]λε* – вокатив личного мужского имени *Πάρδαλος* (LGPN III.A. 352 = CIL IV. 4998: *Pardalus*, Помпей, рубеж н.э.; III.B. 335: Лариса, Фессалия, II–III вв. до н.э.). В эллинской ономастике известны близкие имена: *Παρδαλᾶς* (LGPN I. 361: островная Греция, II. 360: Афины, III.A. 352: Аркадия, Иллирия, Лаконика, IV 272: Подонье, Македония, V.A. 358: Лидия, Мисия, V.B. 343: Кария, Ликия, V.C. 349: Каппадокия, Фригия, Фригия Эпиктет), *Παρδαλῖς* (LGPN I. 361: Фасос, II. 360, 361: Афины, III.A. 352: Калабрия, Кампания, Помпей, IV. 272: Месембрания), *Παρδαλέων* (LGPN V.B. 343: Ликия), *Παρδαλίον* (LGPN V.B. 343: Ликия), женские *Παρδαλίς* (LGPN I. 361: Крит, II. 360: Аттика, III.A. 352: Эпир, Иллирия, Лаконика, IV. 272: Македония), *Παρδαλῶ* (LGPN III.A. 352: Спарта), распространенные в основном в императорскую эпоху. По поводу имени *Παρδάλιος* Л. Робер замечает, что, согласно посвятительной надписи из Патары Тиберия Клавдия Маркиана, оно исключительно женское, а подобного мужского имени нет. По его мнению, *Παρδαλᾶς* – ликийское или карийское имя (МАМА I 295), которое происходит от греческого обозначения пантеры или леопарда и распространено в Греции и

⁷ Curbela 2013, 110, 140.

Малой Азии, поэтому женское имя Παρδάλιος в основе эллинское⁸. То же, очевидно, можно сказать по поводу имени второго из похороненных на некрополе Артезиана сыновей Агалиды, тем более что по времени оно совпадает с распространением подобных имен в эллинском мире.

С учетом всего сказанного реконструкция второй артезианской эпитафии выглядит следующим образом:

Αγαλίν γυνὴ Ράμνη[γου]?
καὶ νοὶ Σάνου καὶ Πάρδα]-
λε vac. χαίρετε

Перевод: «Агалис, жена Рамне(га), и сыновья Сан и Пардал, прощайте!».

Особенностью надписи является неоправданное чередование падежей, подчас не согласованных друг с другом. В этом особенность греческих надписей Боспора в первые века нашей эры и, в частности, надгробных эпитафий с Артезианского городища. В первой эпитафии из его некрополя вокатив отца (или сокращенный номинатив) сочетается с номинативом одного из сыновей и вокативом имени другого сына⁹. В боспорских лапидарных документах часто встречается родительный падеж вместо именительного, именительный падеж заменяется винительным и наоборот, а рядом с генитивом встречаются винительный и именительный падежи¹⁰. Такое несогласование трех падежей характерно и для разбираемой надписи, что могло быть связано с недостаточной грамотностью резчика или же с характерным для боспорцев римской эпохи разговорным языком с несоблюдением правильного употребления падежных окончаний. Нам уже приходилось говорить о смешанном характере населения городища Артезиан, где прослеживаются греческие, ирано-сарматские, фракийские и малоазийские корни и культурные традиции, характерные для эпохи эллинизма и постэллинизма на рубеже эр и в раннеимператорский период. Очередная находка надгробия с именами жителей Артезиана полностью подтверждает это утверждение: по именам погребенных прослеживаются их эллинские и малоазийские черты, что соответствует этническому состоянию жителей Боспорского царства в первые века н.э.

Авторы публикации надписи продатировали надгробие первой половиной I в. н.э., с чем следует согласиться. Эту датировку они обосновывают тем, что первая артезианская эпитафия по шрифту отличается от ее палеографии, поскольку ее шрифт более строгий и геометрически выверенный и больше соответствует первой половине I в. н.э. Не выдержаны по линейке строки шрифт первой эпитафии, неровность букв в строчках, а главное – лунарные *сигма* с вытянутым верхним концом и *эpsilon* с не доходящим до искривленной душки язычком вкупе с утверждением, что лунарная *сигма* вообще фиксируется не ранее 88 г. н.э., позволили В.П. Яленко утверждать, что первая эпитафия из Артезиана должна датироваться не ранее конца I–II вв. н.э. Действительно, курсивные формы С и Є окончательно закрепляются в письме на Боспоре к концу I в. н.э.¹¹, однако при Митридате VIII (III) (38–45 гг. н.э.) и его матери царице Гипепирии (37–38 гг. н.э.) на монетах встречаются легенды с лунарными формами этих букв (включая эпизи-

⁸ Robert 1963, 172, 271.

⁹ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 148–150.

¹⁰ Примеры: Доватур 1965, 825, 826, § 4, 1–4.

¹¹ Болтунова, Книпович 1962, 10.

лон с не доходящим до изгиба язычком). Они соответствуют по времени легендам, в которых присутствуют угловатая *сигма* [и классическая форма Е¹². При этом на монетах Аспурга и Котиса I конца второй четверти I в. н.э. угловатая *сигма* чередуется как с лунарной, так и с классической ее формой -Σ¹³. В правление Рескупорида I в монетной легенде имело место еще чередование угловатой *сигмы*, обычной Е и курсивной *омеги*, а затем почти полностью происходит переход на лунарную *сигму* и курсивную *омегу*. Это означает, что в боспорском письме в конце первой половины – середине I в. н.э. наступает переходный этап от более монументального шрифта правильной формы к несколько более свободному курсивному стилю надписей, что и показывает первая эпиграфия из Артезиана. Поэтому вторая эпиграфия, опубликованная Н.И. Винокуровым и В.П. Яйленко, начертанная еще более монументальным шрифтом, появилась чуть ранее первой, дата которой соответствует скорее концу первой половины – середине и началу второй половины I в. н.э., нежели концу этого столетия и тем более II в. н.э. К тому же не следует забывать, что курсивные формы *сигмы* и *эпсилона* бытовали в боспорской керамической эпиграфике еще в середине – второй половине III в. до н.э. Это наглядно демонстрируют легенды боспорских черепичных клейм¹⁴. Поэтому традиция написания лунарных С и Σ на Боспоре сохранялась и их появление в середине I в. н.э. соответствовало общей тенденции развития шрифта в греческой эпиграфике Средиземноморья.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.П. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* III, 3–31.
- Брашинский, И.Б. 1965: Керамические клейма Гераклеи Понтийской. *НЭ* V, 10–30.
- Винокуров, Н.И., Яйленко, В.П. 2022: Вторая эпиграфия с городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ПИФК* 2, 31–52.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. *КБН*, 797–831.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культуры). *ВДИ* 3, 134–162.
- Сапрыкин, С.Ю. 2020: *Боспорское черепичное клеймение*. М.–СПб.
- Тохтасьев, С.Р. 2005: Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae. *ХСб XIV*, 291–306.
- Тохтасьев, С.Р. 2013: Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. В сб.: С.Р. Тохтасьев, П.Б. Лурье (ред.), *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица*. СПб, 565–607.
- Curbera, J. 2013: Simple Names in Ionia. In: R. Parker (ed.), *Personal Names in Ancient Anatolia*. Oxford, 107–144.
- Gorissen, P. 1978: Litterae Lunate. *Ancient Society* 9, 149–162.
- Robert, L. 1963: *Noms indigènes dans L'Asie-Mineure gréco-romaine*. Paris.

¹² Анохин 1986, табл. 12, № 329, 330; 2011, 204, № 1425, 1432, 1433, ср. 1426–1431.

¹³ Анохин 2011, № 1422, 1446, 1447, 1450, 1453.

¹⁴ Сапрыкин 2020, 301, 302. В греческой эпиграфике лунарная *сигма* известна с V в. до н.э. и до начала римской эпохи в лапидарных надписях не засвидетельствована, в папирусах она встречается в середине IV в. до н.э., а в клеймах на амфорах из Гераклеи Понтийской появляется в середине III в. до н.э. (Wright 1896, 87, 88; Gorissen 1978, 149–162; Брашинский 1965, 26).

- Wright, J.K. 1896: The Origin of Sigma Lunatum. *TAPhA* 27, 79–89.
 Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosphorus]. Kiev.
 Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomorya. Katalog* [Ancient Coins of the Black Sea Coast. Catalogue]. Kiev.
 Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [Essay on Greek Lapidary Script at Bosphorus]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 3–31.
 Brashinskiy, I.B. 1965: Keramicheskie klejma Geraklei Pontiyskoy [Cermac stamps of Heraclea Pontica]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 5, 10–30.
 Curbera, J. 2013: Simple Names in Ionia. In: R. Parker (ed.), *Personal Names in Ancient Anatolia*. Oxford, 107–144.
 Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [Short Essay of the Bosporan Inscriptions' Grammar]. *Korpus bosporskikh nadpisey* [Corpus of the Bosporan Inscriptions], 797–831.
 Gorissen, P. 1978: Litterae Lunate. *Ancient Society* 9, 149–162.
 Robert, L. 1963: *Noms indigènes dans L'Asie-Mineure gréco-romaine*. Paris.
 Saprykin, S.Ju., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu (Ego zhiteli i kulty) [The Site of Artezian in East Crimea (Its Inhabitants and Cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–162.
 Saprykin, S.Ju. 2020: *Bosporskoe cherepichnoe kleymenie* [The Roof Tile Stamping at Bosphorus]. Moscow–Saint Petersburg.
 Tokhtasiev, S.R. 2005: Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae. *Khersonesskiy sbornik* [Almanach of Tauric Chersonesus] 14, 291–306.
 Tokhtasiev, S.R. 2013: Iranskie imena v nadpisyakh Olvii I–III vv. n.e. [Iranian Names in the Inscriptions from Olbia in the 1st–3rd c. AD]. In: S.R. Tokhtasiev, S.P. Lurie (eds.), *Commentationes Iranicae. Sbornik statey k 90-letiyu V.A. Lifshitza* [Commentationes Iranicae. Collection of papers dedicated to 90th Anniversary of V.A. Lofshitz]. Saint Petersburg, 565–607.
 Wright, J.K. 1896: The Origin of Sigma Lunatum. *TAPhA* 27, 79–89.
 Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

TO THE PUBLISHING OF A NEW EPITAPH FROM THE SITE OF ARTEZIAN IN THE EAST CRIMEA

Sergey Ju. Saprykin

*Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia;
 Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: mithridates@mail.ru

Abstract. The article deals with the new epitaph which has been discovered during excavations at the site of Artezian in East Crimea in 2022. It was first published by N.I. Vinokurov and V.P. Yailenko in PIFK 2 (2022), but so far as there are some mistakes and misreading in

the text of the inscription, the author decided to correct them and give a wider commentary, concerning the personal names of the buried people and the inscriptions' dating. The name of the buried woman should be restored as Άγαλίν, her husband's name was probably Ραμνη[γου]? while their sons were named Sanos or presumably San(n)as and Πόρ[δα] / λος. The text gives an evident alternation of vocativus, genitivus and accusatives which corresponds to the style of Bosporan inscription in the Roman period. The author makes a more precise dating of the first epitaph in favor of the early given period – late second quarter – third quarter of the 1st century AD, having argued the V.P. Yailenko's date as the late 1st – 2nd century AD.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Artezian settlement, onomastics, anthroponomics, Hellenic names, Greek and Barbaric names, epitaph, Greece, Asia Minor

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 184–200
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 184–200
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-184-200

КЛАД РИМСКИХ МОНЕТ III–IV ВВ. Н.Э. С ИЛЬЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА

М.Г. Абрамзон¹, А.И. Бабиц²

¹ Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия

² ООО «Региональный центр археологического наследия», Новороссийск, Россия

¹ E-mail: abramzon-m@mail.ru ² E-mail: ncpr333@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-6111-048X ² ORCID: 0000-0003-3658-9382

Аннотация. В 2018 г., у юго-восточной границы укреплённого поселения Ильич 1 был случайно найден клад из 23 римских монет III–IV вв. н.э. Кроме фоллисов Галерия (1), Максимины II (1), Лициния I (8), Константина I (8), Константина II как цезаря (1), в кошельке оказались две литых бронзовых копии серебряных денариев Септимия Севера и Плавтиллы и два антониниана Клавдия II Готского и Аврелиана. Поскольку в Ильичевском кладе 1977 г. позднейшими были статеры Рескупорида VI 327/328 г. н.э., авторы считают, что оба клада имеют общую дату и был сокрыты одновременно во время нападения варваров на Ильичевское городище.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, поселение Ильич 1, монетные клады, римские монеты

В 2018 г. у северо-восточной окраины пос. Ильич (Темрюкский район Краснодарского края) при проведении работ по благоустройству на месте бывшего сада было случайно обнаружено скопление медных римских монет III–IV вв. (рис. 1), растищенное на небольшой площади при плантаже. Следов контейнера не выявлено; комплекс скорее всего хранился в мягкой таре и представляет содержимое кошелька. Клад попал в частные руки, однако был предоставлен нам для

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Андрей Ильич Бабиц – научный сотрудник Отдел научной работы ООО «Региональный центр археологического наследия».

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

изучения. Публикуемый комплекс представляет особый интерес в связи с тем, что клады римских монет исключительны для нумизматического профиля Боспора¹.

Место находки клада расположено в 250 м к юго-востоку от цитадели Ильичевского городища (поселение Ильич 1)² (рис. 1, Б). Большое укрепленное поселение Ильич 1 было обследовано в 1981 и 1983 гг. Я.М. Паромовым, определившим границы и хронологию памятника и детально изложившим историю предыдущих исследований городища³. Поселение размерами 850 x 600 м и площадью около 42 га расположено у северной границы пос. Ильич в 30–45 м над уровнем моря, на высоком берегу у северного входа в Керченский пролив. Почти вся территория памятника до начала 1980-х гг. была занята виноградником и подвергалась распашке. В центре поселения находится цитадель античного и раннесредневекового времени, которая в настоящее время представляет собой трапециевидный в плане холм размерами 90 x 60 x 80 x 95 м и высотой около 8 м. Цитадель окружена валами, охватывающими площадь около 9 га и достигающими местами высоты 2,5–2,7 м. Датировка памятника по подъемному материалу – IV в. до н.э. – IV в. н.э., а также VIII–IX вв. При раскопках самой крепости была выявлена керамика V–VII вв. Во все исторические эпохи укрепленное поселение Ильич 1 являлось важным стратегическим пунктом на проливе⁴.

Клад был найден в 50 м от юго-восточной окружности вала, на самой границе памятника, у древней дороги (рис. 1, Б) – главнейшего пути, ведущего от переправы через Боспор Киммерийский вглубь Таманского полуострова, к поселениям у Батарейки и, далее, к «Киммерийскому валу»⁵.

1. СОСТАВ КЛАДА

Всего в кошельке оказалось 23 монеты, почти все очень хорошей сохранности. Абсолютное большинство составляют фоллисы (19 экз.), отчеканенные в период с 309–310 по 317 гг.: Галерий Максимиан – 1, Максимин Даза – 1, Лициний I – 8, Константин I – 8, Константин II как цезарь – 1. Кроме того, комплекс включает две литых бронзовых копии серебряных денариев Септимия Севера и Плавтиллы и пару антонинианов, один из которых принадлежит чекану Клавдия II Готского, другой – Аврелиана (рис. 2, 4).

Ядро клада составляют фоллисы Лициния I и Константина I при небольшом преобладании последнего (вместе с выпуском Константина II как цезаря); чеканки других тетрархов представлены единичными экземплярами. Ту же пропорцию отражает и Таракташский клад 1908 г. (СН XI, 239), который включал группу из 66

¹ Кроме публикуемого клада известно еще пять: 1) клад серебряных монет Кесарии Каппадокийской II в. н.э. провинции Каппадокия из ст. Адагумская (СН XI, 177); 2) клад римских денариев I–III вв. (Пьянков,); 3–4), два клада антонинианов III в. н.э. из Керчи (СН XI, 216, 217); 5) клад бронзовых монет Гонория (и др.?) из Патрея, зарытый в 395/400–425 гг. (СН XI, 258).

² Паромов 1992, 95–100, № 1 (п. И1).

³ Паромов 1992, 95–100.

⁴ Паромов 1992, 99–100.

⁵ Эта дорога шла через поселения Ильич 1, Ильич 2, Ильич 3, Батарейка 4, Красноармейский 6, Красноармейский 1, Фонталовская 1, 6, Юбилейный 12, Юбилейный 13 и Юбилейный 8. Далее, после переправы через Субботин Ерик, дорога вела к Фанагории через поселение Сенной 11 и Кепы. См. Паромов 1998, 217.

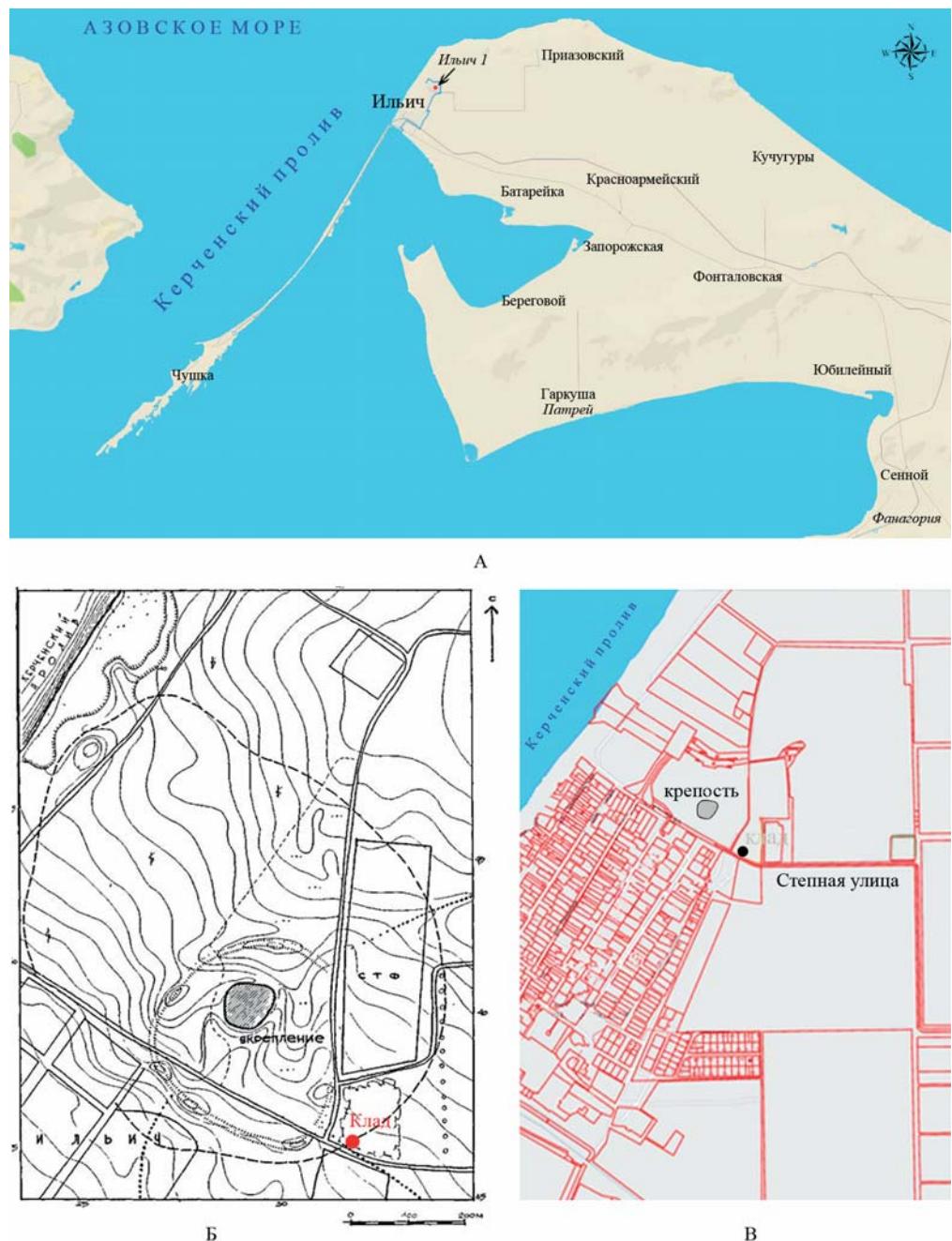

Рис. 1. A – местоположение поселения Ильич 1; B – инструментальная съемка поселения Ильич 1 (по: Паромов 1992, 96, рис. 13) с указанием места находки клада; В – план поселка Ильич с указанием местоположений крепости Ильичевского городища (Ильич 1) и клада.
 Fig. 1. A – location of the Ilyich 1 settlement; B – plan of the Ilyich 1 Settlement (After: Paromov 1992, 96, fig. 13) showing the place of find of the hoard; C – plan of the modern village of Ilyich with showing locations of the Ilyich Fortress (Ilyich 1) and the hoard.

фоллисов Максимиана Геркулия, Максимины Дазы, Максенция, Лициния I и Константина I – выпуски того же времени, дворов и типов (SOLI INVICTO COMITI, CONSERVATORI AVGG, IOVI CONSERVATORI AVGG NN)⁶, что и в Ильичевском кладе.

Император	Таракташский клад	Ильичевский клад	Всего
Максимиан Геркулий	1	—	1
Галерий Максимиан	—	1	1
Максимин Даза	7	1	8
Максенций	1	—	1
Лициний I	26	8	34
Константин I	30	8	38
Константин II как цезарь	—	1	1
Прочие и не определённые римские	1	4	6
Всего:	66	23	89

Очевидно, что группы фоллисов в данных кладах сформировались синхронно. В обоих комплексах преобладает продукция восточных дворов Империи.

Таблица 1.

Распределение фоллисов по монетным дворам в Ильичевском кладе.

Император	Лион	Рим	Сиссия	Фессалоника	Гераклея	Никомедия	Кизик	Антиохия	Всего
Галерий Максимиан			1						1
Максимин Даза								1	1
Лициний I			1		3	2	1	1	8
Константин I	1	3		2	1	1			8
Константин II как цезарь			1						1
Всего:	1	3	3	2	4	3	1	2	19

Присутствие литых бронзовых копий денариев Северов⁷ и антонинианов в кладе фоллисов тетрахров не удивляет. Так, в другом кладе римских монет IV в. из

⁶ Стевен 1909; Харко 1968. Опубликованная Л.П. Харко часть клада включала выпуски Константина I, отчеканенные на дворах Рима, Гераклеи, Фессалоники в 312–315 гг.

⁷ Состав металла обеих копий из клада исследовался с помощью растрового электронного микроскопа VEGA II LMU (Tescan) с системами энергодисперсионного микроанализа INCA ENERGY 450/XT и волнодисперсионного микроанализа INCA WAVE 700 (OXFORD Instruments Analytical). Обе монеты изготовлены из тройной бронзы (CuSnPb). Сплав копии денария Септимия Севера характеризуется низкими значениями по свинцу – 1%, в то время как содержание олова варьируется в пределах 13.0–13.5%. Тройной сплав копии денария Плавтиллы демонстрирует содержание олова

этого сектора Северного Причерноморья (с Краснозерненского городища, Крым) к меди Грациана, Валентининана II, Феодосия I, Аркадия, Гонория подмешались варварское подражание известному римскому типу меди второй половины IV в. «император на галере», антониниан Проба (276–282), фоллис Максимины Дазы с типом Гения, провинциальная медная монета III в. и херсонесский тетрассарий 160–180-х гг.⁸

Существует мнение, что литые бронзовые денарии принадлежат к так называемым «лимесным» денариям (“limes” denarii) или «монетам необходимости» (“coins of necessity”), получившим широкое распространение на окраинах Империи и предназначенных для оплаты воинским контингентам, дислоцированных на фронтире. Другие исследователи полагают, что бронзовые денарии отливались племенами Восточной Европы (в первую очередь, дунайского региона, Польши, Молдавии, Украины)⁹ и представляют литые фальшивые деньги, покрывавшиеся оловом для белизны. Известны тысячи бронзовых монет, копирующих серебряные денарии эпохи Северов, в том числе и литые бронзовые копии денария Плавтиллы с типом Каракаллы, пожимающего руку супруге¹⁰.

Соседство литых бронзовых копий денариев Северов и антонинианов с фоллисами тетрархов в публикуемом кладе заставляет предполагать, что его владелец скорее всего прибыл на Боспор по хорошо известному маршруту от Нижнего Дуная до Южного Поднестровья (или Нижнего Побужья) и далее вдоль южного побережья Крыма до Керченского пролива. Состав кошелька свидетельствует в пользу того, что его владелец был подданым Империи, а не боспорянином, подобно владельцу Таракташского клада, переселившемуся с Боспора на запад (в район сопр. Судака), по мнению издателей этого комплекса¹¹. Таким образом, публикуемый клад был занесен на Боспор, по-видимому, римским военным или торговцем и не связан с денежным обращением Боспора, тем более что фоллисы данного периода очень редко встречаются в регионе, как и римские монеты в целом (единичные и в кладах¹²).

2. ДАТИРОВКА КЛАДА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Публикуемый кошельек – второй клад IV в. н.э. с Ильичевского городища: при раскопках 1977 г. здесь был найден клад позднебоспорских статеров (СН XI, 240), сокрытый в 327/328 г. н.э. Оба клада скорее всего синхронны. Они принадлежат к выделенной нами группе из 8 позднебоспорских кладов (СН XI, 237–244), сокрытых в 326/327–328/329 гг. н.э.¹³ Начавшая во второй половине 320-х гг. массовая тезаврация связана с новым движением племен Меотиды. Этому предшествовал

в пределах 9–10%, свинца – 5–8%. Эти монеты приближаются по составу металла к III группе имитаций (см. Бугай, Мизгін 2021, 47, рис. 3 (II, 2); Мизгін, Кодацький 2021, 54–55).

⁸ Коршенко 2011, 112–113.

⁹ Литература по данной проблеме обширна и не может быть перечислена здесь. См., например, Анохин 2015; Мизгін, Кодацький, 2021 (с литературой).

¹⁰ Cf. <https://www.coinalink.com/threads/limes-denarius.243995/page-2>.

¹¹ Харко 1968, 295.

¹² См. прим. 1. Например, за полвека раскопок такого крупного города как Фанагория (1972–1922) было найдено всего два фоллиса тех же типов, что в публикуемом кладе.

¹³ Абрамзон и др. 2021, 17–19.

относительно стабильный период правления Радамсада (309/310–318/319 гг.) и первых восьми лет правления Рескупорида VI (с 318/319 по 326/327 гг.), в течение которых клады на Боспоре неизвестны. Таким образом, «безкладовое» время охватывает почти двадцатилетие после зарытия Фанагорийского клада 2011 г. (СН XI, 231) в 307/308 г. до 326/327–328/329 гг. н.э. Последние годы накануне новой волны массовой тезаврации снова были беспокойными для Боспора. Известно, что в 322 г. н.э. «савроматы» из Меотиды (Zosim. II. 21) совершили поход на Дунай. Летом этого года Константин I разбил сарматов и аланов, следующим летом – готов. Ни рейд меотских варваров на Дунай, ни возвращение их обратно не отмечены кладами на Боспоре, следовательно, на этот раз они не были на его территории. Отсутствие кладов в 323–326 гг. н.э. говорит о том, что Рескупорид VI, как прежде Радамсад, успешно сдерживал натиск коалиции сармато-аланских и германских племен. Однако, в период с 324 по 327 гг. н.э. резко возрастают темпы чеканки – в 15–16 раз¹⁴ и достигают пика в 325/326 и 326/327 гг. н.э.¹⁵, что можно связать с напряженной военной обстановкой в регионе, вызванной активностью племен Меотиды. Кроме того, только на статерах 325/326–326/327 гг. появляется изображение фигурки Ники рядом с портретом императора¹⁶. Бессспорно, этот тип декларирует военные успехи римского императора, либо боспорян в неизвестной войне, которая велась до 326/327 г. н.э., как предполагалось, за пределами Боспорского царства¹⁷.

Ситуация обострилась в 326/327–328/329 гг. н.э. Набеги варваров привели к тезаврации кладов в 326/327 г. у западных границ Боспора (Малый Таракташ – СН XI, 239) и на самом Боспоре (Андреевка Северная, Веселовка – СН XI, 237, 238). Затем варвары разорили укрепления, контролирующие северный вход в Керченский пролив. Об этом свидетельствуют как дата клада с Ильичевского городища 1977 г. (СН XI, 240), так и синхронный нумизматический материал из слоя пожара «батарейки» у западной оконечности Фонталовского полуострова, где в 1964 г. был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монетами из которого являлись статеры Рескупорида VI 327/328 г. н.э.¹⁸ Далее, варвары отправились к Гермонассе, напротив южного входа в Керченский пролив, и разорили поселения на ее хоре, в том числе поселение Тамань 16, где также был найден небольшой клад 328/329 г. н.э. (СН XI, 244).

Таким образом, по нашему мнению, Ильичевские клады 1977 и 2018 гг. были сокрыты одновременно при нападении сармато-аланских и германских племен на Ильичевское городище в 327/328 г. н.э. Это позволяет предположить, почему публикуемый клад был найден у главной дороги, ведущей от крепости Ильич 1 вглубь Таманского полуострова: возможно, его владелец (римлянин или грек, военный или торговец) обронил кошелек или спрятал его при бегстве из поселения.

¹⁴ Исанчурин, Исанчурин 1989, 88.

¹⁵ Фролова 1997, 128.

¹⁶ Анохин 2011, № 2186, 2189.

¹⁷ Исанчурин, Исанчурин 1989, 88; 94.

¹⁸ Голенко, Сокольский 1968, 87.

КАТАЛОГ¹⁹

А. ЛИТЫЕ КОПИИ ДЕНАРИЕВ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Септимий Север (193–211 гг. н.э.)

Рим, 208 г. н.э.

Л.с. SEVERVS PIVS AVG. Голова Септимия Севера в лавровом венке, с бородой, вправо.*О.с.* PM TR P XVI COS III PP. Гений стоит влево, совершая жертвоприношение из патеры на алтарь; в левой руке держит рог изобилия.

1. 3.03 г 19 мм Для прототипа: Cf. RIC IV/1, 119, no. 220.

Плавтилла (202–205 гг. н.э.)

Рим, выпуск I

Л.с. PLAVTILLA AVGVSTAE. Бюст Плавтиллы, вправо; волосы завиты в вертикальные пряди и собраны в узел на затылке.*О.с.* CONCORDIAE AETERNAE. Каракалла стоит влево, правой рукой пожимает руку Плавтилле, стоящей перед ним вправо.

2. 2.80 г 19 мм Для прототипа: Cf. RIC IV/1, 269, no. 361. Для литой копии: Cohen 11; <https://www.coinkitalk.com/threads/a-limes-denarius-of-caracalla-and-ge-ta.379866/>; <https://www.coinkitalk.com/threads/limes-denarius.243995/> page-2.

Б. АНТОНИНИАНЫ

Клавдий II Готский (268–270 гг. н.э.)

Рим, 268–270 гг.

Л.с. IMP C CLAVDIVS AVG. Бюст Клавдия II в лучевой короне и панцире вправо.*О.с.* SALVS AVG. Салиос стоит влево и кормит змею, поднимающуюся с алтаря.

3. 2.74 г 19 мм Cf. RIC V/1, 218, no. 98

Аврелиан (270–275 гг.)

Сиссия. Период III.

Л.с. IMP C AVRELIANVS AVG. Бюст Аврелиана в лучевой короне и панцире вправо, вправо.*О.с.* SOLI INVICTO. Сол стоит вправо, подняв правую руку и держа шар в левой руке; у ног – пленник.

¹⁹ Номерам монет в каталоге соответствуют номера в фототаблицах.

-
4. 3.32 г 23 мм Cf. RIC V/1, 294, no. 257. *O.c.* Справа в поле *, под обрезом III.

В. ФОЛЛИСЫ

Галерий Максимиан (293–311 гг. н.э.)

Сиссия, 309–310 гг.

L.c. IMP MAXIMIANVS PF AVG. Бюст Галерия Максимиана в лавровом венке вправо.
O.c. GENIO A–VGVSTI. Гений обнаженный, в хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, на голове модий; в правой руке держит патеру, в левой – рог изобилия.

5. 5.86 г 22 мм Cf. RIC VI, 479, no. 198a. *O.c.* В поле υ – B, под обрезом SIS.

Максимин Даза (305–313 гг. н.э.)

Антиохия, 312 г. н.э.

L.c. IMP C CAL VAL MAXIMINVS PF AVG. Бюст Максимина в лавровом венке вправо.
O.c. IOVI CONS–ERVATORI. Юпитер, в плаще, стоит влево, в правой руке держит Викторию на шаре, левой – скипетр.

6. 4.03 г 21 мм Cf. RIC VI, 643, no. 166b. *O.c.* В поле * – ⚚, под обрезом ANT.

Лициний I (308–324 гг. н.э.)

Сиссия, 313–315 гг.

5. *L.c.* IMP LIC • LICINIVS PF AVG. Голова Лициния I в лавровом венке вправо.
6. *O.c.* IOVI CONS–ERVATORI. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

7. 3.37 г 22 мм Cf. RIC VII, 423, no. 9. *O.c.* В правом поле B, под обрезом SIS.

Гераклея, 313 г. н.э.

L.c. IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Бюст Лициния I в лавровом венке повернутая вправо.
O.c. IOVI CONSER–VATORI AVGG. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

8.	2.00 г	21 мм	Cf. RIC VII, 542, no. 6, note. <i>O.c.</i> В правом поле А, под обрезом SMHT.
9.	3.09 г	23 мм	<i>O.c.</i> То же.
10	2.33 г	24 мм	<i>O.c.</i> В правом поле В.

Никомедия, 313–317 гг.

L.c. IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG. Голова Лициния I в лавровом венке вправо.
O.c. IOVI CONS-ERVATORI. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

11.	3.02 г	22 мм	Cf. RIC VII, 601, no. 13. <i>O.c.</i> В поле справа Δ, под обрезом SMN.
12.	2.09 г	21 мм	То же. <i>O.c.</i> В поле справа S

Кизик, 313–315 гг.

L.c. IMP C LICIN LICINIVS PF AVG. Голова Лициния I в лавровом венке повернутая вправо.
O.c. IOVI CONS-ERVATORI. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

13.	2.99 г	24 мм	Cf. RIC VII, 643, no. 4. <i>O.c.</i> В поле справа S, под обрезом SMK.
-----	--------	-------	--

Антиохия, 315–316 гг.

L.c. IMP LIC LICINIVS PF AVG. Голова Лициния I в лавровом венке вправо.
O.c. IOVI CONSERVATORI AVGG NN. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.
14. 2.06 г 23 мм Cf. RIC VII, 678, no. 17. *O.c.* В поле справа ГΙ, под обрезом ANT.

Константин I Великий (306–337 гг. н.э.)

Лион, 313–314 гг.

L.c. IMP CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в лавровом венке, вправо.
O.c. SOLI INVICTO COMITI. Сол в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар.

15.	3.39 г	22 мм	Cf. RIC VII, 122, no. 1. <i>O.c.</i> В поле S – F, под обрезом PLG.
-----	--------	-------	---

Рим, 313 г. н.э.

Л.с. IMP CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в лавровом венке вправо.*О.с.* SOLI INV-I-CTO COMITI. Сол в лучевой короне, хламиде, накинутой на левое плечо, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар.

16. 2.99 г 21 мм Cf. RIC VII, 296, no. 2. *О.с.* В поле R – F, под обрезом RQ.

315 г. н.э.

Л.с. То же.*О.с.* SOLI IN-VI-CTO COMITI. Как № 16.

17. 3.41 г 19 мм Cf. RIC VII, 299, no. 33, note. *О.с.* В поле S – F, под обрезом RT.

316–317 гг.

Л.с. То же.*О.с.* SOLI IN-VI-CTO COMITI. Как № 16.

18. 2.96 г 20 мм Cf. RIC VII, 303, no. 57, note. *О.с.* Под обрезом RQ.

Фессалоника, 312–313 гг.

Л.с. IMP C CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в лавровом венке вправо.*О.с.* IOVI CONSERVATORI AVGG NN. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

19. 2.26 г 23 мм Cf. RIC VI, 519, no. 61b. *О.с.* Под обрезом • TS • B •.

20. 2.26 г 23 мм То же.

Гераклея, 313 г. н.э.

Л.с. IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в лавровом венке вправо.*О.с.* IOVI CONS-ERVATORI AVGG. Юпитер стоит влево, опираясь о скипетр, в хламиде, накинутой на левое плечо, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

21. 2.30 г 22 мм Cf. RIC VI, 541, no. 75. *О.с.* Справа в поле **Ε**, под обрезом SMHT.

Никомедия, 313 г. н.э.

L.c. IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в лавровом венке, вправо.

O.c. IOVI CONSERVATORI. IOVI CONS-ERVATORI AVGG. Юпитер, в плаще, стоит влево, опираясь о скипетр, в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве, влево.

22. 2.99 г

21 мм

Cf. RIC VI, 566, no. 69c. *O.c.* Справа в поле Δ, под обрезом SMN.

Константин II как цезарь

Сиссия, 317 г. н.э.

L.c. CONSTANTINVS IVN NOB CAES. Бюст Константина II в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.

O.c. CLARITAS R-EIPVBLICAE. Сол, в лучевой короне, плаще на левом плече, стоит влево, подняв правую руку, в левой держит шар.

23. 3.17 г

21 мм

Cf. RIC VII, 428, no. 37. *O.c.* Под обрезом ΔSIS.

Рис. 2. Монеты из клада 2018 г.
Fig. 2. Coins from the Ilyich 2018 Hoard.

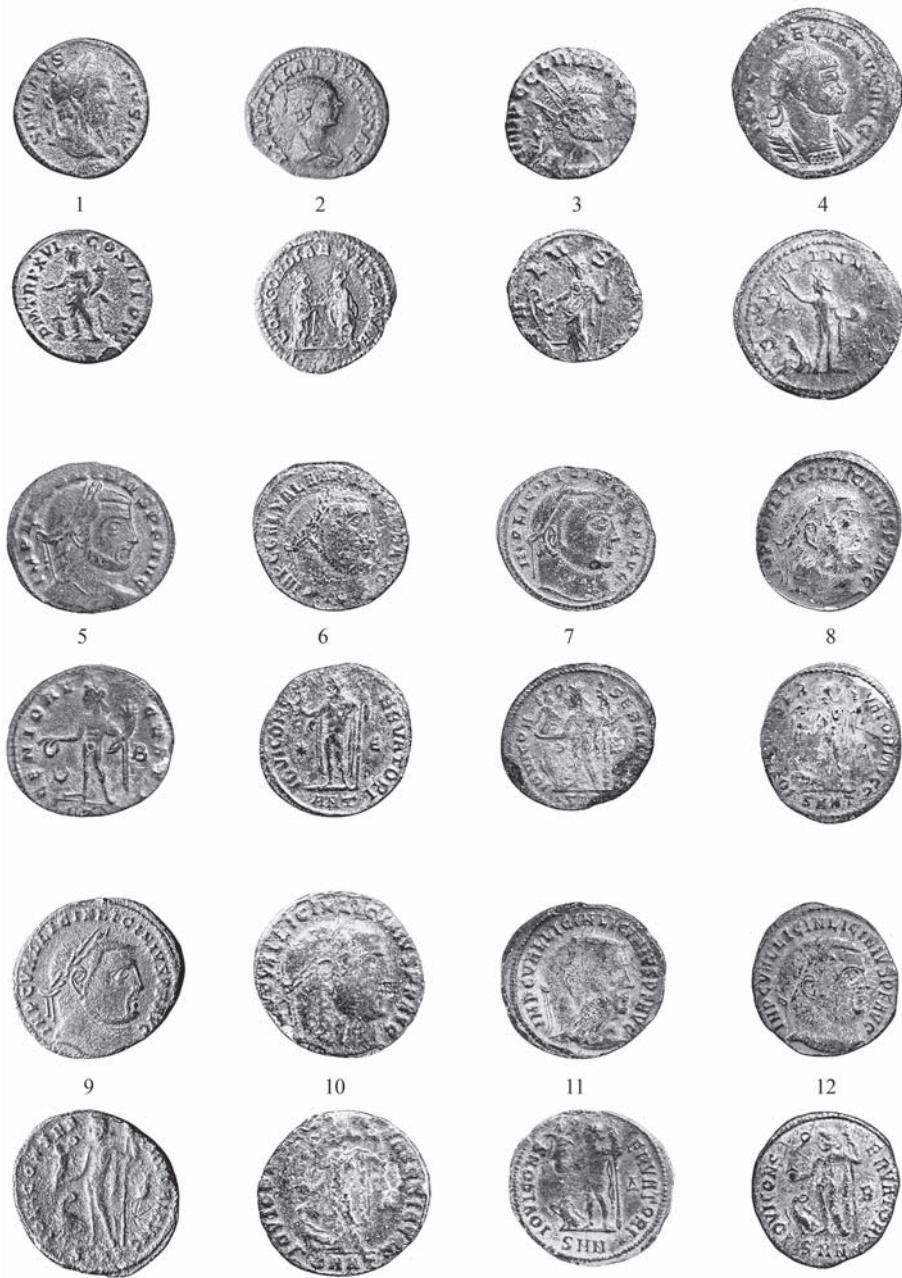

Рис. 3. Ильичевский клад 2018 г.
Fig. 3. The Ilyich 1 2018 hoard.

Рис. 4. Ильичевский клад 2018 г.
Fig. 4. The Il'yich 1 2018 hoard.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М., Сапрыкина, И.А., Смекалова, Т.Н. 2019: *Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров*. М
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев.
- Анохин, О.В., 2015: *Фальшивомонетничество у варварских племен на территории современной Украины и Молдовы. Каталог варварских подражаний*. Днепропетровск.
- Бугай, О., Мизгін, К. 2021: Елементний склад варварських наслідувань римських монет: аналіз методом ріхе. В сб. *Проблеми і перспективи нумізматики Античної та Римської доби на теренах Південно-Східної Європи. Тези доповідей. Міжнародний фаховий семінар, присвячений пам'яті Владилена Опанасовича Анохіна. Меджибіж, 26 вересня 2019 року*. Меджибіж–Житомир, 38–51.
- Голенко, К.В., Сокольский, Н.И. 1968. Клад 1962 г. из Кеп. НЭ VII, 72–126.
- Исанчурин, Р.А., Исанчурин, Е.Р. 1989: Монетное дело боспорского царя Радамсада. НЭ XV, 53–96.
- Коршенко, А.Н. 2011: Крымские клады позднеримских медных монет. НЭ XVIII, 108–135.
- Мизгін, К., Кодацький, С. 2021: На іншому боці Дніпра: про знахідки литих копій римських денаріїв у східному ареалі черняхівської культури. В сб. Проблеми і перспективи нумізматики Античної та Римської доби на теренах Південно-Східної Європи. Тези доповідей. Міжнародний фаховий семінар, присвячений пам'яті Владилена Опанасовича Анохіна. Меджибіж, 26 вересня 2019 року . Меджибіж–Житомир, 52–59.
- Паромов, Я.М. 1992: Археологическая карта Таманского полуострова. Депон. в ИИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. М.
- Паромов, Я.М. 1998: Главные дороги Таманского полуострова в античное время. ДБ 1, 216–225.
- Пьянков, А.В., Тиханов, А.А. 2017: Клад римских денариев на Ангелинском Ерике у Красного Леса (Красноармейский район Краснодарского края). В сб. VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 227–239.
- Стевен, А. 1909: Таракташский клад. ИТУАК 43, 99–101.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. II. М.
- Харко, Л.П. 1968: Монеты из Таракташского клада 1908 г. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелева*. Л., 284–295.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Novichikhin, A.M., Saprykina, I.A., Smekalova, T.N. 2019: *Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporskikh staterov* [The Third Gay-Kodzor hoard of Late-Bosporan staters]. Moscow.
- Anokhin, O. V., 2015: *Fal'shivomonetnichestvo u varvarskikh plemen na territorii sovremennoy Ukrayiny i Moldovy. Katalog varvarskikh podrazhaniy* [Counterfeiting among Barbarian tribes on the territory of modern Ukraine and Moldova. Catalogue of Barbarian imitations]. Dnepropetrovsk.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog* [Ancient coins of the Northern Black Sea Region. Catalogue]. Kiev.

- Bugay, O., Myzgin, K. 2021: Elementniy sklad varvars'kikh nasliduvan' rims'kikh monet: analiz metodom pixe [Elemental composition of Barbaric imitations of Roman coins: analysis by the pix method]. In: *Problemi i perspektivi numizmatiki Antichnoi ta Rims'koi dobi na terenakh Pivdenno-Skhidnoi Evrope. Tezi dopovidey. Mizhnarodnyy fakhoviy seminar, prisvyacheniy pam'yati Vladilena Opanasovicha Anokhina. Medzhibizh, 26 veresnya 2019 roku* [Problems and prospects of numismatics of Classical and Roman times in the vast expanses of South-Eastern Europe. Abstracts. International professional seminar dedicated to the memory of Vladilen Afanasyevich Anokhin. Medzhibozh, September 26, 2019]. Medzhibizh–Zhitomir, 38–51.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosphorus (the mid-1st c. BC to the mid-4th c. AD)]. Pt. II. Moscow.
- Golenko, K.V., Sokolskiy, N.I. 1968: Klad 1962 g. iz Kep [The Kepoi 1962 hoard]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] VII, 72–126.
- Isanchurin, R.A., Isanchurin, E.R. 1989: Monetnoe delo bosporskogo tsarya Radamsada [Coinage of Rhadamsades, the King of the Bosphorus]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XV, 53–96.
- Kharko, L.P. 1968: Monety iz Taraktashskogo klada 1908 g. [Coins from the Taraktash 1908 hoard]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. S.A. Zhebeleva* [Ancient history and culture of the Mediterranean and the Black Sea region. To the 100th anniversary of the birth of Academician S.A. Zhebelev]. Leningrad, 284–295.
- Korshenko, A.N. 2011: Krymskie klady pozdnerimskikh mednykh monet [Crimean hoards of Late-Roman copper coins]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] XVIII, 108–135.
- Myzgin, K., Kodatskiy, S. 2021: Na inshomu botsi Dnipro: pro znakhidki litikh kopiy rims'kikh denarii u skhidnomu areali chernyakhiv'skoi kul'turi [On the other side of the Dnieper: the finds of cast copies of Roman denarii in the eastern area of the Chernyakhov culture]. In: *Problemi i perspektivi numizmatiki Antichnoi ta Rims'koi dobi na terenakh Pivdenno-Skhidnoi Evrope. Tezi dopovidey. Mizhnarodnyy fakhoviy seminar, prisvyacheniy pam'yati Vladilena Opanasovicha Anokhina. Medzhibizh, 26 veresnya 2019 roku* [Problems and prospects of numismatics of Classical and Roman times in the vast expanses of South-Eastern Europe. Abstracts. International professional seminar dedicated to the memory of Vladilen Afanasyevich Anokhin. Medzhibozh, September 26, 2019]. Medzhibizh–Zhitomir, 52–59.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological Map of the Taman Peninsula]. Moscow.
- Paromov, Ya.M. 1998: Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremya [The main routes of the Taman Peninsula in ancient times]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 1, 216–225.
- Pyankov, A.V., Tikhonov, A.A. 2017: Klad rimskikh denariev na Angelinskem Erike u Krasnogo Lesa (Krasnoarmeyskiy rayon Krasnodarskogo kraya) [A hoard of Roman denarii from the Angelinsky Erik River near the Red Forest (Krasnoarmeysk district of Krasnodar Territory)]. In: *VII "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye naseleniya Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e: Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii* (g. Krasnodar, 31 maya – 2 iyunya 2017 g.) [The 7th "Anfimov Readings" on the archaeology of the Western Caucasus. Socio-economic development of the population of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Materials of the International Archaeological Conference (Krasnodar, May 31 – June 2, 2017)]. Krasnodar, 227–239.
- Steven, A. 1909: Taraktashskiy klad [The Taraktash hoard]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission] 43, 99–101.

A HOARD OF THE THIRD AND FOURTH CENTURIES AD ROMAN COINS
FROM THE ILYICH SETTLEMENT

Mikhail G. Abramzon¹, Andrey I. Babiets²

¹ *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

² *LLC "Regional Center for Archaeological Heritage", Novorossiysk, Russia*

¹ *E-mail:* abramzon-m@mail.ru ² *E-mail:* ncpr333@yandex.ru

Abstract. In 2018, a hoard of 23 Roman coins of the 3rd and 4th centuries AD was accidentally discovered near the southeastern border of the fortified Ilyich 1 settlement. Apart from the *folles* of Galerius (1), Maximinus II (1), Licinius I (8), Constantine I (8), and Constantine II as Caesar (1), the purse includes two cast bronze copies of silver denarii of Septimius Severus and Plautilla, and two antoniniani of Claudius II and Aurelian. Since the staters of Rhescuporis VI dated from AD 327/328 were the latest in the Ilyich 1977 hoard, the authors believe that both hoards were concealed at the same time during the barbarian attack on the Ilyich settlement.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Ilyich 1 settlement, coin hoards, Roman coins

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 201–212
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 201–212
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-201–212

ФИГУРНЫЙ ТЕРРАКОТОВЫЙ СОСУД ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АХТАНИЗОВСКАЯ 4 (ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

Г.А. Ломтадзе¹, М.Б. Муратова²

¹ Государственный Исторический музей, Москва, Россия

² Университет Адельфи, Гарден-Сити, Нью Йорк, США;
Метрополитен-музей, Нью Йорк, США

¹ E-mail: gylomtadze@mail.ru ² E-mail: mbm224@nyu.edu

¹ ORCID: 0000-0003-2715-0394 ² ORCID: 0000-0001-7843-3170

Аннотация. Это публикация позднеэллинистического терракотового сосуда в виде спящего раба: мужчина полулежит на левом боку, подложив ладони под щеку. Мотив этого сосуда принадлежит к хорошо известным иконографическим типам, изображающим ленивого (или усталого) раба, ожидающего своего хозяина с фонарем и/или чем-то вроде корзины. Такие жанровые сцены редко встречаются в Северном Причерноморье, однако они были особенно популярны в Средиземноморье в эллинистический и римский периоды и поэтому часто воспроизводились в виде масляных ламп или небольших сосудов. Наиболее вероятно, что мода на эти предметы пришла из Италии. Фигурный сосуд, найденный на поселении Ахтанизовская 4, является новым примером предмета, связанного с повседневной жизнью позднеэллинистического-раннеримского населения Боспора. Публикуемый сосуд датируется II–I вв. до н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Северное Причерноморье, Боспор, поздний эллинизм, раннеримское время, фигурные сосуды

Данные об авторах: Георгий Альбертович Ломтадзе – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГИМ; Майя Борисовна Муратова – доктор философии (PhD), доцент факультета искусства и истории искусств университета Адельфи; исследователь отдела Искусства Греции и Рима, Метрополитен-музей.

Поселение Ахтанизовская 4, расположенное в северной части ст. Ахтанизовская (Темрюкский район Краснодарского края)¹, регулярно исследуется силами Таманской археологической экспедиции ГИМ с 2004 г. (рис. 1, *а–б*). За это время на площади памятника около 1000 м² были изучены напластования и сооружения с VI по I вв. до н.э.² Наиболее насыщен находками культурной слой финального периода существования поселения – конца II–I вв. до н.э. В это время в возвышенной части поселения функционировала укрепленная цитадель. При раскопках последней в сезоне 2010 г. в предматериковом слое (кв. 254, шт. 12) был найден фигурный керамический сосуд; находка поступила в фонды ГИМ³. Сопутствующий археологический контекст (фрагменты лепных кастриоль, буролаковых и краснолаковых сосудов, светлоглиняных амфор с двуствольными ручками и т.д.) позволяет датировать слой, в котором был найден сосуд, второй половиной I в. до н. э.⁴

1. ОПИСАНИЕ СОСУДА

Глиняный сосуд (рис. 2–3)⁵ выполнен в виде лежащей мужской фигуры, опирающейся на корзину с крышкой. Мужчина, одетый в короткую тунику с тонким поясом, лежит на левом боку; руки сложены под головой, колени подогнуты. У фигуры отбита голова, часть правой руки и стопы. Несохранившаяся голова покончилась на ладонях сложенных рук, опирающихся на корзину. У согнутых коленей стоит лантерна. Фигура расположена на массивном прямоугольном постаменте, углы которого оббиты с лицевой стороны. В месте соединения ладоней рук, на которые опирается лежащий, сохранилось боковое отверстие. По всей вероятности, здесь находился выступающий носик сосуда. Еще одно отверстие, в верхней части сосуда, имеется на месте его горлышка, располагавшегося непосредственно за отбитой головой. Возможно, в этой части находилось горлышко сосуда, выполненное в виде мужской головы. Сосуд оттиснут в двух формах; его задняя часть не проработана.⁶ Очевидно сосуд имел небольшую круглую ручку, которая могла крепиться сзади. Сосуд изготовлен из розоватой, хорошо отмученной, пористой глины, с видимыми включениями известняка. Поверхность покрыта красноватым ангобом; следы краски не сохранились. Особенности глины позволяют предполагать изготовление этого изделия в боспорской мастерской.

¹ Паромов 1992, 353, № 96.

² Ломтадзе, Камелина 2008; Ломтадзе, Хлебопашев 2010; Ломтадзе 2010; 2013; 2015; Lomtadze, Treister 2015.

³ Инв. № ГИМ 113980/5. Оп. Б 2103/5. Высота сосуда (с постаментом) – 8 см, длина – 11,3 см, ширина – 4,4 см; размеры постамента: высота – 3 см, длина – 11,2 см, ширина – 3,5 см. См.: Ломтадзе 2015, 158, рис. 21, 2.

⁴ Ломтадзе 2015, 158–159.

⁵ Рисунки и чертежи к статье выполнены С.С. Тищенко, фотографии сосуда – Ю.В. Демиденко.

⁶ Степень проработки задней стороны фигурных сосудов варьировалась; см. примеры: Sguaitamatti, Leone 2015, 11–13, B174–B180 (пара на клинэ); 62, B181 (сидящая пара); 63–64, B185 (мальчик с гусем).

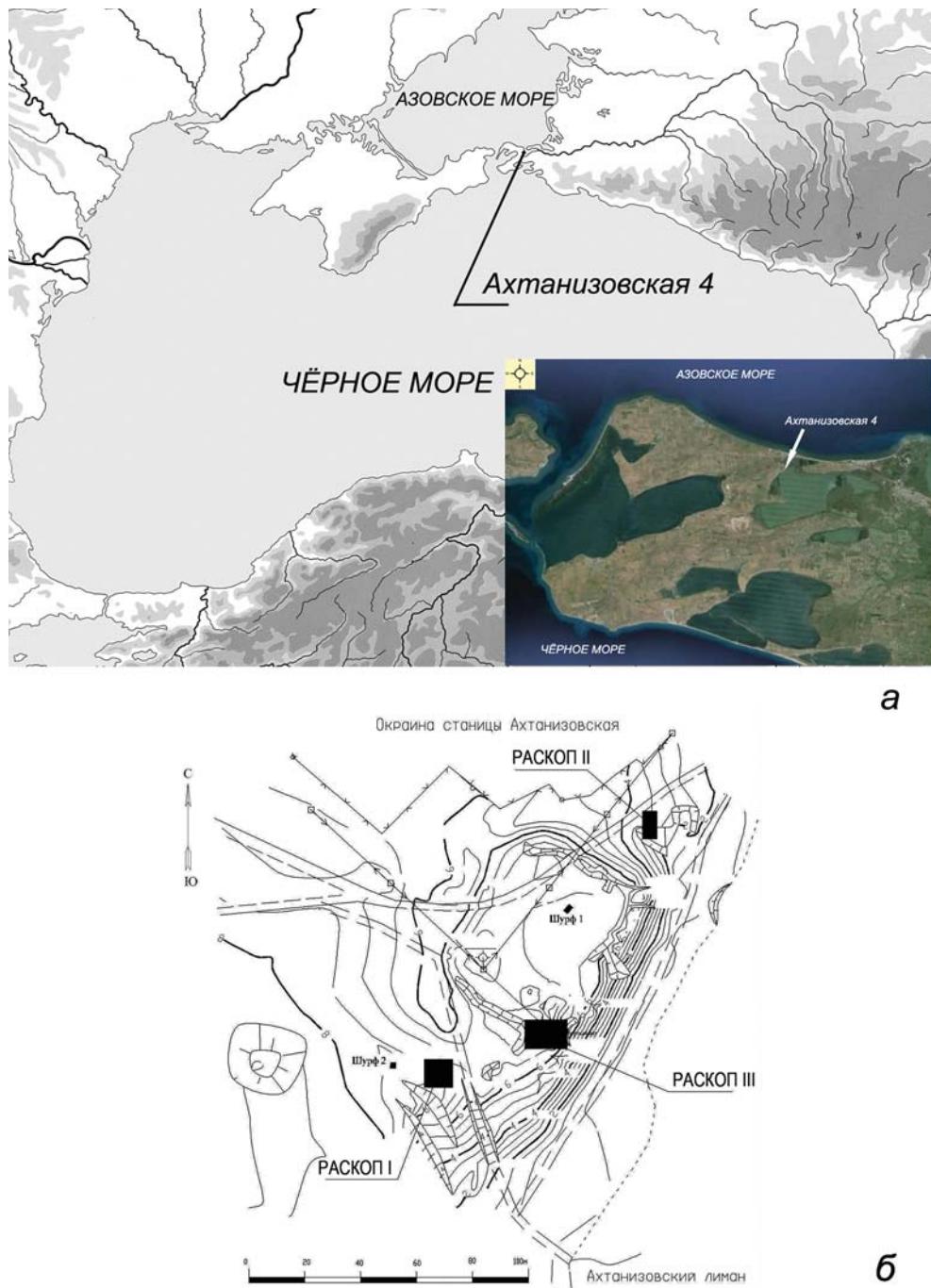
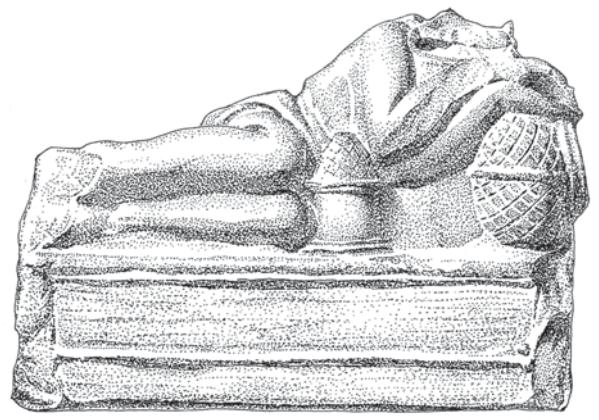
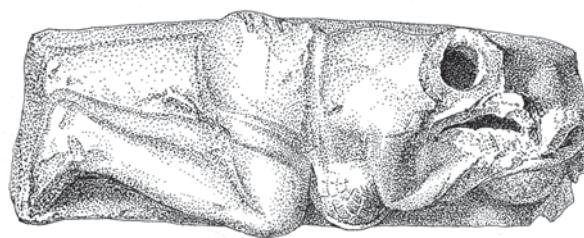
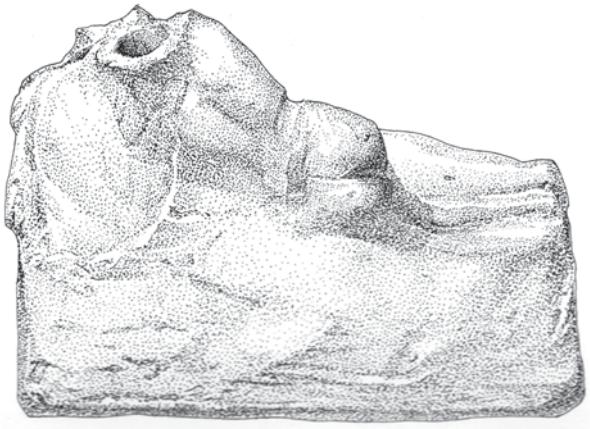

Рис. 1. *a* – карта Причерноморья с указанием местонахождения поселения Ахтанизовская 4; *б* – план поселения Ахтанизовская 4.

Fig. 1. *a* – map of the Black Sea region showing the location of Akhtanizovskaya 4 Settlement; *b* – plan of the Akhtanizovskaya 4 Settlement.

*a**б**в*

0 5 см

Рис. 2. Фигурный сосуд из раскопок поселения Ахтанизовская 4 (прорисовка).
Fig. 2. Shaped vessel from the excavations of Akhtanizovskaya 4 Settlement (drawing).

a

б

Рис. 3. Фигурный сосуд из раскопок поселения Ахтанизовская 4 (фото).
Fig. 3. Shaped vessel from the excavations of Akhtanizovskaya 4 Settlement (photo).

2. СОСУДЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РАБА С ЛАНТЕРНОЙ В АНТИЧНОМ МИРЕ: ИКОНОГРАФИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Точных аналогий нашему сосуду найти не удалось, однако данный мотив получил широкое распространение в Средиземноморье с эпохи эллинизма. Обычно изображался слуга (или раб) в характерной одежде, с лантерной наготове, прикорнувший в ожидании задержавшегося хозяина (рис. 4)⁷. Существует мнение, что этот сюжет был известен в скульптуре уже в III в. до н. э.⁸ Это связано с тем, что с началом эпохи эллинизма в художественной культуре Средиземноморья радикально меняется ряд иконографических сюжетов. В частности, получили распространение различные жанровые сценки с участием персонажей, которые прежде почти никогда не изображались, в том числе рабов и слуг⁹. С другой стороны, следует отметить, что сюжеты слуги с лантерной известны в вазописи и раньше. Так, например, на краснофигурном кратере из Пестума представлена сцена из комедии флиаков: старый седовласый хозяин тащит за руку своего пьяного слугу, который держит лантерну¹⁰.

Светильники типа лантерн использовались как в домах, так и вне их¹¹. Из-за отсутствия освещения на улицах, после захода солнца люди, как правило, или носили их с собой, или имели при себе слугу, в чьи обязанности входило сопровождать хозяина и освещать ему путь¹². При раскопках Дома Менандра в Помпейах археологи обнаружили останки нескольких человек, погибших вероятно при попытке покинуть здание, один из которых держал в руках бронзовую лантерну¹³. В том же доме, в коридоре у комнаты № 5, была найдена другая бронзовая лантерна, которая предположительно висела на стене¹⁴.

На Боспоре близкие аналогии этому иконографическому сюжету до сих пор не были неизвестны¹⁵. Широко распространенные в Средиземноморье скульптурные изображения слуг с лантернами делятся на две категории: сидящие (дрем-

⁷ В фондах Британского музея находится терракотовый подвесной светильник эпохи эллинизма (EA 37561), изображающий сцену после возвращения хозяина: нетвердо стоящий на ногах молодой человек в Дионисийском венке, опирается на плечо мальчика—раба в короткой подпоясанной тунике и лантерной в руке.

⁸ Richter 1954, 113, No. 226.

⁹ Hanfmann 1963; 1983; Pollitt 1986, 141–147; Stewart 2006.

¹⁰ Британский музей, 1873, 0820.347 (360–320 гг. до н.э.)

¹¹ На основании археологических находок и письменных источников, известно, что лантерны являлись своего рода переносными контейнерами для масляных светильников. Они представляли собой конический или прямоугольный каркас, как правило, из бронзы (или из глины). Боковые стенки могли быть затянуты пузырем животного (Martial 14.61, 62) или закрыты пластинками из рога; самым дешевым материалом считалась льняная ткань (Cicero, Att. 4.3, 5; Plautus, Bacch. 3.3, 42). См.: Smith, Wayte, Marindin, 1890, s.v. *lanterna*.

¹² Loeschke 1909, 370–371, 392–395. В Риме подобный слуга даже имел специальное название —*lanternarius* или *servus praelucens* (см.: Plaut. Amph. 2. 7; Cic. Pis. 9. 20; Juvenal. 3. 285; Mart. 8. 75; Suet. Aug. 29). Иногда функцию слуг-осветителей выполняли эфиопы (Snowden 1970, 187, п. 115). Например, согласно Афинею, к каждому уходящему гостю Клеопатры был приставлен эфиоп с лантерной (Athen. 4. 148b).

¹³ Allison 2006, 107, No. 569.

¹⁴ Allison 2006, 170.

¹⁵ При рассмотрении местных аналогий, прежде всего, привлекает внимание так называемая «полая внутри статуэтка сидящего рыбака» из Кеп (Сокольский 1964, 107–108, рис. 5–5а; Николаева 1974, 14, табл. 8; Журавлев 2006, 163; Устаева, Журавлев 2010, 67–68, рис. 3). Исходя из описания,

лющие или бодрствующие) (рис. 4, 2)¹⁶ и лежащие (спящие). Наиболее близкая аналогия нашему сосуду представлена найденной в одном из римских некрополей на территории Ватикана мраморной статуэткой¹⁷, которая отличается высоким качеством проработки деталей (рис. 4, 3).

Для каких целей предназначался наш сосуд? Фигурные сосуды использовались, как правило, для хранения благовоний и масла. И если дорогостоящие благовония были доступны далеко не каждому¹⁸, то более широкие слои населения могли приобретать масло: последнее обычно употреблялось для растирания и при массаже после купания. Эта работа (растирание/массаж), как правило, выпадала на долю слуг, как демонстрирует, например, изображение на напольной мозаике из виллы Пьяцца Армерина (Сицилия), где только что вышедшего из бани мужчину натирает маслом слуга, в то время как другой слуга держит в руках сосуд для масла¹⁹. Другой пример демонстрирует терракотовый фигурный сосуд в виде раба, спящего на аске для горячей воды и держащего в руках банные принадлежности своего хозяина – стригиль и арибалл для масла (рис. 4, 4)²⁰. Нет сомнений в том, что данный сосуд использовался в качестве контейнера для масла. Подобные сосуды изготавливались из разного материала и варьировались в качестве и цене. Так, например, из раскопок Альдборо в северном Йоркшире происходит великолепный дорогой бронзовый сосуд для масла в виде мальчика-слуги, дремлющего сидя, с лантерной между колен²¹ (рис. 4, 5)²². Не только банные ритуалы, но и сопровождение хозяина с лантерной в руках входили в функции слуг. Отсюда не случает тот факт, что многочисленные фигурные сосуды для масла часто изображали нерадивых (или усталых) слуг, прикорнувших в ожидании хозяина на амфоре²³ или корзинке с провизией с лантерной наготове. Мотив слуги, в том числе, нерадивого, получает широкое распространение в художественной культуре эллинизма и римского времени²⁴.

В заключение, отметим, что небольшие фигурные сосуды для масла в виде слуг или рабов с лантернами получают распространение в Средиземноморье во II–I вв. до н.э. Возможно, что мода на подобные флаконы приходит из Италии. Таким образом, сосуд из раскопок поселения Ахтанизовская 4 демонстрирует ред-

скорее всего, в этом случае мы тоже имеем дело с фигурным сосудом, который относится к тому же эллинистическому репертуару жанровых фигур.

¹⁶ The Metropolitan Museum of Art, acc.no. 23.160.82 (мраморная статуэтка); Museo Nazionale, Roma (небольшая мраморная статуя (высота – 0,7 м), (Déchelette, Déchelette 1902); в коллекции Британского музея представлены две терракотовые лантерны, чьи конические крышки украшены фигуркой сидящего мальчика-слуги с миниатюрной лантерной рядом (British Museum 1996, 0712.1; 1987, 0402.23). Все эти предметы датируются с пределах II в. до н.э – I в. н.э. Следует отметить, что этот сюжет существовал и в более позднее время: 200–270 гг. н.э. датируется серебряная с позолотой перечница в виде дремлющего сидя африканского раба с лантерной у ног (British Museum 1889, 1019.16).

¹⁷ Liverani, Spinola, Zander 2010, 221.

¹⁸ Dierichs, Siebert 2007; Арсентьева и др. 2007, 36–52.

¹⁹ Carandini, Ricci, de Vos 1982, 326–73; Johnston, DeLaine 1999.

²⁰ British Museum, EA 36034.

²¹ Eckardt 2002, 229, 260, fig. 124, No. 978.

²² British Museum, 1824, K/Unknown.0.c.

²³ На амфоре/аске см.: Sguaitamatti, Leone 2015, 11–13, B1–B8.

²⁴ Masséglio 2015, 159–183, 312.

Рис. 4. 1 – терракотовый светильник в виде хозяина и мальчика-раба с лантерной из Фив, Египет. II–I вв. до н.э. Британский Музей, EA37561. Фото © British Museum; 2 – мраморная статуэтка мальчика-раба с лантерной. I или II в. н.э. Метрополитен-музей, Rogers Fund, 1923 (23.160.82). Фото © The Metropolitan Museum of Art.; 3 – мраморная статуэтка спящего раба с лантерной из некрополя Via Triumphalis, Ватикан. <http://www.bbc.com/news/world-europe-25421841>; 4 – терракотовый сосуд в форме спящего раба с банными принадлежностями хозяина из Фаюма, Египет. II в. до н.э. Британский Музей, EA36034. Фото © British Museum; 5 – бронзовый фигурный сосуд для масла в виде молодого спящего раба из Альдборо, Северный Йоркшир, Англия. I в. н.э. Британский Музей, 1824, K/Unknown.0.c. Фото © British Museum.

Fig. 4. 1 – terracotta lamp depicting an owner and a boy-slave holding lantern. Thebes, Egypt. First and second centuries BC. British Museum, EA37561. Photo © British Museum; 2 – marble figurine of a slave-boy holding lantern. First or second century AD. Metropolitan Museum, Rogers Fund, 1923 (23.160.82). Photo © The Metropolitan Museum of Art; 3 – marble figurine of a sleeping slave with lantern. Necropolis of Via Triumphalis. Vatican. <http://www.bbc.com/news/world-europe-25421841>; 4 – plastic vessel depicting a sleeping slave with bath accessories of the owner. Fayum, Egypt. Second century BC. British museum, EA36034. Photo © British Museum; 5 – bronze vessel showing a young sleeping slave. Aldborough, North Yorkshire, England. First century AD. British Museum, 1824, K/Unknown.0.c. Photo © British Museum.

кий для Причерноморья пример подобных изделий, связанных с повседневной жизнью населения позднеэллинистического и раннеримского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсентьева, Е.И., Ахмадеева, М.М., Букина, А.Г., Петракова, А.Е. 2007: *Аромат древности. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 7 марта – 10 июня 2007 года.* СПб.
- Журавлев, Д.В. 2006: Об одном виде осветительных приборов: лантерны в Северном Причерноморье? *Боспорские исследования XIII. Симферополь–Керчь*, 162–171.
- Ломтадзе, Г.А. 2010: Античное укрепление на северо-востоке Таманского полуострова. В сб.: *СҮМВОЛА □ Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М.–Киев, 164–165.
- Ломтадзе, Г.А. 2013: Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4. *ДБ 17*, 220–235.
- Ломтадзе, Г.А. 2015: К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4. В сб.: Д.В. Журавлев, О.Л. Габелко (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности*. М., 151–163.
- Ломтадзе, Г.А., Камелина, Г.А. 2008: Первые итоги исследования поселения Ахтанизовская 4 на северо-востоке Таманского полуострова. *ДБ 12/II*, 413–429.
- Ломтадзе, Г.А., Хлебопашев, П.В. 2010: Результат геолого-геофизических изысканий в районе предполагаемого рва и вала античного поселения «Ахтанизовская 4». В сб.: *Пятый круглый стол «Археология и геоинформатика» (Тезисы докладов)*. Москва, 14–15 апреля 2010 г. М., 8.
- Николаева, Э.Я. 1974: Терракоты города Кеп. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров* (САИ ГИ–11), 13–15.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. (Депон. в ИИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.). М.
- Сокольский, Н.И. 1964: Святилище Афродиты в Кепах. *СА 4*, 101–117.
- Устаева, Э.Р., Журавлев, Д.В. 2010: Таманский музейный комплекс. В кн.: Г.М. Бонгард–Левин, В.Д. Кузнецова (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. III. М., 64–97.
- Allison, P. 2006: *The Insula of the Menander at Pompeii. Vol. III. The Finds, a Contextual Study*. Oxford.
- Carandini, A., Ricci, A., de Vos, M. 1982: *Filosofiana. La villa di Piazza Armerina*. Palermo.
- Déchelette, J., Déchelette, M. 1902: L’Esclave à la lanterne. L’esclave à la lanterne. *Revue archéologique* XL (janv. – juin), 46–53.
- Dierichs, A., Siebert, A.V. 2007: *Duftnoten: was Griechen und Römer in die Nase stieg*. Hanover.
- Eckardt, H. 2002: *Illuminating Roman Britain*. Montagnac: Éditions Monique Mergoil.
- Hanfmann, G.M.A. 1963. Hellenistic Art. *Dumbarton Oaks Papers* 17, 77–94.
- Himmelmann, N. 1983: *Alexandria und der Realismus in der griechischen Kunst*. Tübingen.
- Johnston, D.E., DeLaine, J. 1999: *Roman Baths and Bathing: Proceedings of the First International Conference on Roman Baths held at Bath, England, 30 March – 4 April 1992*. Pt. 1. *Bathing and Society* (Journal of Roman Archaeology Suppl. Ser. 37). Portsmouth.
- Liverani, P., Spinola, G., Zander, P. 2010: *Le Necropoli Vaticane: La Città dei Morti di Roma*. Musei Vaticani.
- Loeschke, S. 1909: Antike Laternen und Lichthäuschen. *Bonner Jahrbücher* 118, 370–430.
- Lomtadze, G., Treister, M. 2015. Ancient Bronzes from the 1 Century B.C. “Akhtanizovskaya-4” Settlement in the Taman Peninsula. In: *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the 18th International Congress on Ancient Bronzes*. (Zurich Studies in Archaeology 10), 85–88.

- Masséglia, J. 2015: *Body Language in Hellenistic Art and Society*. Oxford.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in Hellenistic Age*. Cambridge–New York.
- Richter, G.M.A. 1954: *Catalogue of Greek Sculptures*. Cambridge.
- Smith, W., Wayte, W., Marindin, E. 1890: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London.
- Snowden, F.M. 1970: *Blacks in Antiquity*. Boston.
- Sguitamatti, M., Leone, R. 2015: *Le satyre et le sanglier. Vases plastiques hellénistiques de Grande Grèce et de Sicilie*. T. II. *Figures humaines et objets divers*. Kilchberg.
- Stewart, A. 2006: Hellenistic Art: Two Dozen Innovations. In: G.R. Bugh (ed.), *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. New York, 158–185.

REFERENCES

- Allison, P. 2006: *The Insula of the Menander at Pompeii*. Vol. III. *The Finds, a Contextual Study*. Oxford.
- Arsenteva, E.I., Akhmadeeva, M.M., Bukina, A.G., Petrakova, A.E. 2007: *Aromat drevnosti. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe. Sankt-Peterburg, 7 marta – 10 iyunya 2007 goda*. [The fragrance of Antiquity. Catalogue of the exhibition at the State Hermitage Museum. St. Petersburg, March 7–June 10, 2007]. Saint Petersburg.
- Carandini, A., Ricci, A., de Vos, M. 1982: *Filosofiana. La villa di Piazza Armerina*. Palermo.
- Déchelette, J., Déchelette, M. 1902: L’Esclave à la lanterne. L’esclave à la lanterne. *Revue archéologique* XL (janv.–juin), 46–53.
- Dierichs, A., Siebert, A.V. 2007: *Duftnoten: was Griechen und Römern in die Nase stieg*. Hannover.
- Eckardt, H. 2002: *Illuminating Roman Britain*. Montagnac: Éditions Monique Mergoil.
- Hanfmann, G.M.A. 1963. Hellenistic Art. *Dumbarton Oaks Papers* 17, 77–94.
- Himmelmann, N. 1983: *Alexandria und der Realismus in der griechischen Kunst*. Tübingen.
- Johnston, D.E., DeLaine, J. 1999: *Roman Baths and Bathing: Proceedings of the First International Conference on Roman Baths held at Bath, England, 30 March – 4 April 1992*. Pt. 1. *Bathing and Society* (Journal of Roman Archaeology Suppl. Ser. 37). Portsmouth.
- Liverani, P., Spinola, G., Zander, P. 2010: *Le Necropoli Vaticane: La Città dei Morti di Roma*. Musei Vaticani.
- Loeschke, S. 1909: Antike Laternen und Lichthäuschen. *Bonner Jahrbücher* 118, 370–430.
- Lomtadze, G., Treister, M. 2015. Ancient Bronzes from the 1 Century B.C. “Akhtanizovskaya-4” Settlement in the Taman Peninsula. In: *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the 18th International Congress on Ancient Bronzes*. (Zurich Studies in Archaeology 10), 85–88.
- Lomtadze, G.A. 2010: Antichnoe ukreplenie na severo-vostoche Tamanskogo poluostrova [Ancient fortification in the northeast of the Taman Peninsula. *ΣΥΜΒΟΛΑ*. In: *Antichnyy mir Severnogo Prichernomor’ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea region. Recent finds and discoveries]. Moscow–Kiev, 164–165.
- Lomtadze, G.A. 2013: Kompleks nakhodok arkaicheskogo vremeni iz raskopok poseleniya Akhtanizovskaya 4 [A complex of archaic finds from the excavations of the Akhtanizovskaya 4 Settlement]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 17, 220–235.
- Lomtadze, G.A. 2015: K voprosu o datirovke oboronitel’nykh sooruzheniy poseleniya Akhtanizovskaya 4 [On the question of the dating of the defensive structures of the Akhtanizovskaya 4 Settlement]. In: D.V. Zhuravlev, O.L. Gabelko (eds.), *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor’e v antichnosti* [The wind blows from the Mitridat Mount. The Bosphorus and the Black Sea in Antiquity]. Moscow, 151–163.
- Lomtadze, G.A., Kamelina, G.A. 2008: Pervye itogi issledovaniya poseleniya Akhtanizovskaya 4 na severo-vostoche Tamanskogo poluostrova [The first results of the study of the

- Akhtanizovskaya 4 Settlement in the northeastern Taman Peninsula]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 12/II, 413–429.
- Lomtadze, G.A., Khlebopashev, P.V. 2010: Rezul'tat geologo-geofizicheskikh izyskaniy v ralone predpolagaemogo rva i vala antichnogo poseleniya “Ahtanizovskaya 4” [The result of geological and geophysical surveys in the area of the proposed moat and shaft of the ancient Akhtanizovskaya 4 settlement]. In: *Pyatyy kruglyy stol “Arkheologiya i geoinformatika” (Tezisy dokladov). Moskva, 14–15 aprelya 2010 g.* [The Fifth Round Table “Archeology and geoinformatics” (Abstracts). Moscow, April 14–15, 2010]. Moscow, 8.
- Masséglia, J. 2015: *Body Language in Hellenistic Art and Society*. Oxford.
- Nikolaeva, E.Ya. 1974: Terrakoty goroda Kep. Terrakotovye statuetki. In: M.M. Kobylina (ed.), *Terrakotovye statuetki. Pt. IV. Pridon'e i Tamanskiy poluostrov [Terracotta statuettes. Pt. IV. Pridonye and the Taman Peninsula (Svod arkheologicheskikh istochnikov GI-11)]* [Corpus of Archaeological Sources GI-11], 13–15.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova [Archaeological Map of the Taman Peninsula]*. Moscow.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in Hellenistic Age*. Cambridge–New York.
- Richter, G.M.A. 1954: *Catalogue of Greek Sculptures*. Cambridge.
- Sguaitamatti, M., Leone, R. 2015: *Le satyre et le sanglier. Vases plastiques hellénistiques de Grande Grèce et de Sicilie*. T. II. *Figures humaines et objets divers*. Kilchberg.
- Smith, W., Wayte, W., Marindin, E. 1890: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London.
- Snowden, F.M. 1970: *Blacks in Antiquity*. Boston.
- Sokolskiy, N.I. 1964: Svyatilishche Afrodity v Kepakh [The Sanctuary of Aphrodite in Cepoy]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 101–117.
- Stewart, A. 2006: Hellenistic Art: Two Dozen Innovations. In: G.R. Bugh (ed.), *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. New York, 158–185.
- Ustaeva, E.R., Zhuravlev, D.V. 2010: Tamanskiy muzeyny kompleks [Taman Museum Complex. In G.M. Bongarg-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani [Ancient heritage of the Kuban]*]. Vol. III. Moscow, 64–97.
- Zhuravlev, D.V. 2006: Ob odnom vide osvetitel'nykh priborov: lanterny v Severnom Prichernomor'e? [About one type of lighting devices: lanterns in the Northern Black Sea region?]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* XIII. Simferopol–Kerch, 162–171.

A SHAPED TERRACOTA VESSEL FROM THE EXCAVATIONS OF AKHTANIZOVSKAYA 4 SETTLEMENT (TAMAN PENINSULA)

Georgy A. Lomtadze¹, Maya B. Muratova²

¹ State Historical Museum, Moscow, Russia

² Adelphi University, Garden City, New York, USA;
Metropolitan Museum of Art, New York, USA

¹ E-mail: gylomtadze@mail.ru ²E-mail: mbm224@nyu.edu

Abstract. This is a publication of a Late-Hellenistic terracotta vessel fashioned as a sleeping slave: a man reclining on his left side with his hands folded under his head. The motif of this vessel belongs to the well-known iconographic types depicting a lazy (or tired) slave waiting for his master with a lantern and/or something like a basket. Although such genre scenes are rare in the Northern Black Sea region, they became especially popular in the Mediterranean during the

Hellenistic and Roman periods, and therefore were often depicted on oil lamps or small vessels. It is most likely that the fashion for these items came from Italy. The shaped vessel found at the settlement “Akhtanizovskaya-4” is a new example of an item associated with the daily life of the Late Hellenistic – early Roman population of the Cimmerian Bosporus. The published vessel dates from the second and first centuries BC.

Keywords: Classical archaeology, Northern Black Sea region, Cimmerian Bosporus, Late Hellenism, Early Roman period, shaped vessels

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 213–226
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 213–226
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-213–226

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ
«ИНОСТРАНЦЕВ», ИЗ ЕГИПЕТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
В.С. ГОЛЕНИЩЕВА И Г. ЛУКЬЯНОВА
(ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА)

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: veretragna@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6199-8319

Аннотация. В статье предлагается попытка стилистического и исторического анализа пяти терракотовых статуэток из египетских коллекций В.С. Голенищева и Г. Лукьянова (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Статуэтки относятся ко времени ахеменидского владычества и династии Птолемеев. Статуэтка скифского лучника, по мнению автора, связана с «боевой магией»: кочевник являлся символом врага Египта вообще, «казиатом». Статуэтка юноши в каусии вероятно представляет гротескное изображение так называемого «хвастливо-го воина» из «новой» аттической комедии. Фигурка датируется III–II вв. до н.э. и отражает процесс оседания греко-македонского элемента в Египте, принесшего традиции эллинистической культуры, в частности, театра. Головка перса, статуэтка персидского всадника, а также головка статуэтки нубийца (?) отражает полиэтнический состав населения Египта во второй половине I тыс. до н.э. В первую очередь, это относится к Мемфису с его очень пестрым населением в рассматриваемое время. Вероятно, головка нубийца и статуэтка персидского всадника являются произведениями мемфисского мастера эллинистического времени – грека или эллинизированного египтянина. Терракотовые статуэтки из египетских коллекций русских египтологов являются дают бесценную информацию для изучения истории повседневности египетского общества.

Ключевые слова: Египет, античные терракотовые статуэтки, музейные коллекции, ГМИИ, В.С. Голенищев, Г. Лукьянов, «образ иного»

В 1880–1890-х гг. выдающийся русский египтолог и ассириолог В.С. Голенищев, находясь в Египте, собрал большую коллекцию древностей, в том числе

Данные об авторе: Сергей Владимирович Обухов – кандидат исторических наук., младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и архивных источников)».

позднего периода (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э., вплоть до арабского времени). В основном, эти предметы происходят из районов Фаюма и Мемфиса. Коллекция хранится в Отделе древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина. В 1952 г. сюда же поступило и собрание отечественного коллекционера и египтолога-дилетанта Г. Лукьянова, также включающее терракотовые статуэтки. В статье предлагается попытка стилистического и исторического анализа терракотовых статуэток последних веков до н.э. (ахеменидское и эллинистическое время) из обеих коллекций, изображающих «иностраниц» – представителей других этносов, с которыми так или иначе контактировало население Египта в рассматриваемую эпоху. Эта задача представляется нам весьма важной и перспективной в русле общей проблемы восприятия египтянами «иного», в частности, этносов вне пределов Египта (например, кочевников-скифов или африканцев), а также греков и македонян, активно оседавших в Египте в эллинистическую эпоху. Анализ группы этих терракотовых статуэток позволяет в определенной степени реконструировать картину повседневности и отношения к «чужому» египетского общества.

1. ФИГУРКА ВСАДНИКА ИЗ СОБРАНИЯ Г. ЛУКЬЯНОВА

Всадник изображен в кафтане, штанах, сапогах; на голове типичный кочевнический башлык с длинными ушами, ниспадающими до плеч¹; к боевому поясу слева прикреплен горит (Кат., № 1; рис. 1, 1). Фигура лошади сохранилась лишь фрагментарно. Подобные изображения всадников особенно распространены среди северопричерноморских материалов скифского времени². Длинная борода треугольной формы и усы отражают моду эпохи (например, подобная форма бороды у Ксеркса (486–464 гг. до н.э.) показана на трипилоне одной из ападан в Персеполе³). Несмотря на обобщенную трактовку образа и непроработанность отдельных деталей, можно уверенно атрибутировать фигурку как изображение скифского всадника-лучника. Прямые аналогии экземпляру – статуэтки всадников из слоев Мемфиса середины – второй половины IV в. до н.э., найденные при раскопках В.М.Ф. Питри⁴. По-видимому, фигурку из собрания ГМИИ следует включить в круг мемфисских статуэток, представляющих изображения скифов. Этот вывод подтверждают и результаты анализа глины данной статуэтки, подтверждающие ее вероятное происхождение из района Мемфиса⁵.

Наши наблюдения позволяют нам не согласиться с точкой зрения, что сходство данных статуэток с реальным обликом кочевников-иранцев сильно преувеличено⁶. Скорее, наоборот, – характерные черты этих фигурок позволяют считать их именно скифами⁷. Вопрос о назначении подобных статуэток всадников остается дискуссионным. Одни исследователи связывают их с культом Астарты, отмечая, что схожие терракоты были найдены не только в Египте, но и Восточном

¹ Яценко 2006, 53, рис. 23.

² Черненко 1981, 29–63.

³ Яценко, Ставиский 2002, 87, рис. 28.

⁴ Petrie 1909, 17, pl. XL.

⁵ Анализ выполнен старшим научным сотрудником Отдела истории Востока ИВ РАН С.Е. Малых.

⁶ Иванчик 2002, 112–113.

⁷ Вертиенко 2010, 5–15; 2016, 99–105.

Рис. 1. Терракотовые статуэтки из ГМИИ: 1 – коллекция Г. Лукьянова; 2 – коллекция В.С. Голенищева.

Fig. 1. Terracotta statuettes in the Pushkin State Museum of Fine Arts: 1 – collection of G. Lukyanov; 2 – collection of V.S. Golenishchev.

Средиземноморье⁸. Также статуэтки «персидских (скифских) всадников» встречаются, например, в археологических слоях Коммагены ахеменидского времени⁹. Другие специалисты считают, что статуэтки конников-скифов, в том числе и из Мемфиса (сюда же можно отнести и статуэтку из коллекции Лукьянова), напрямую связаны с так называемой «боевой магией»: египтяне изображали своих врагов для дальнейшего совершения магического обряда – преднамеренной порчи фигурок, чтобы навредить своим реальным врагам¹⁰. Как показали И.А. Ладынин и О.А. Васильева в специальной статье, «военно-магические» обряды в Египте приобрели особую популярность именно в I тыс. до н.э. в силу, в том числе, постоянной военной слабости Египта¹¹.

Кроме того, специально отметим, что в I тыс. до н.э. для египтян скифы стали условным наименованием извечных врагов страны – «азиатов», что убедительно аргументировано И.А. Ладынином¹². Египет входил в состав Ассирийской державы и Ахеменидской империи (условных «азиатов»), а сами скифы подходили непосредственно к границам Египта во время своих переднеазиатских походов в VII в. до н.э., и от них приходилось откупаться данью. Отсюда, сложно связать статуэтку скифского всадника из ГМИИ с событиями карательного похода Артаксеркса III в 343–342 гг. до н.э., имевшего отношение к мемфисским фигуркам, по мнению А.В. Вертиенко¹³. Возможно, терракота из ГМИИ имеет более широкую датировку – от переднеазиатских походов скифов, первого персидского завоевания Египта Камбизом в 525 г. до н.э. и второго – Артаксерксом III, заканчивая уже эллинистическим временем (III–II вв. до н.э.).

Итак, фигурки «скифских всадников», найденные в Египте, могут быть связаны с «боевой» магией, в то время как статуэтки из Восточного Средиземноморья – культом Астарты, или всадниками расквартированных здесь персидских войска, куда входили и среднеазиатские «скифы» – саки. Эти же саки принимали участие и в осаде Мемфиса в 342 г. до н.э.

2. ФИГУРКА ЮНОШИ В КАУСИИ

Фигурка юноши из коллекции В.С. Голенищева (Кат., № 2; рис. 1, 2) изображает того с непропорционально-большой головой, маленькими, короткими ногами, большим отвисшим животом, защищенным панцирем (?) с прикрепленными к нему птеригами – кожаными полосами, спускающимися до колен. О панцире можно судить только предположительно – детали статуэтки не проработаны. Возможно, юноша представлен обнаженным. В левой руке он держит неясный предмет (меч?), за спиной развевается военный плащ, на голове – каусия (македонская плоская шляпа). Последняя, очевидно, подчеркивает этническое происхождение персонажа – это македонянин или грек. Лицо юноши трактовано весьма своеобразно: левый глаз прищурен в надменном взгляде. Фигурка входит в

⁸ Иванчик 2002, 113.

⁹ Mellink 1985, 554–555.

¹⁰ Вертиенко 2016, 99–103.

¹¹ Ладынин, Васильева 2012, 3–36.

¹² Ладынин 2014, 196.

¹³ Вертиенко 2016, 6.

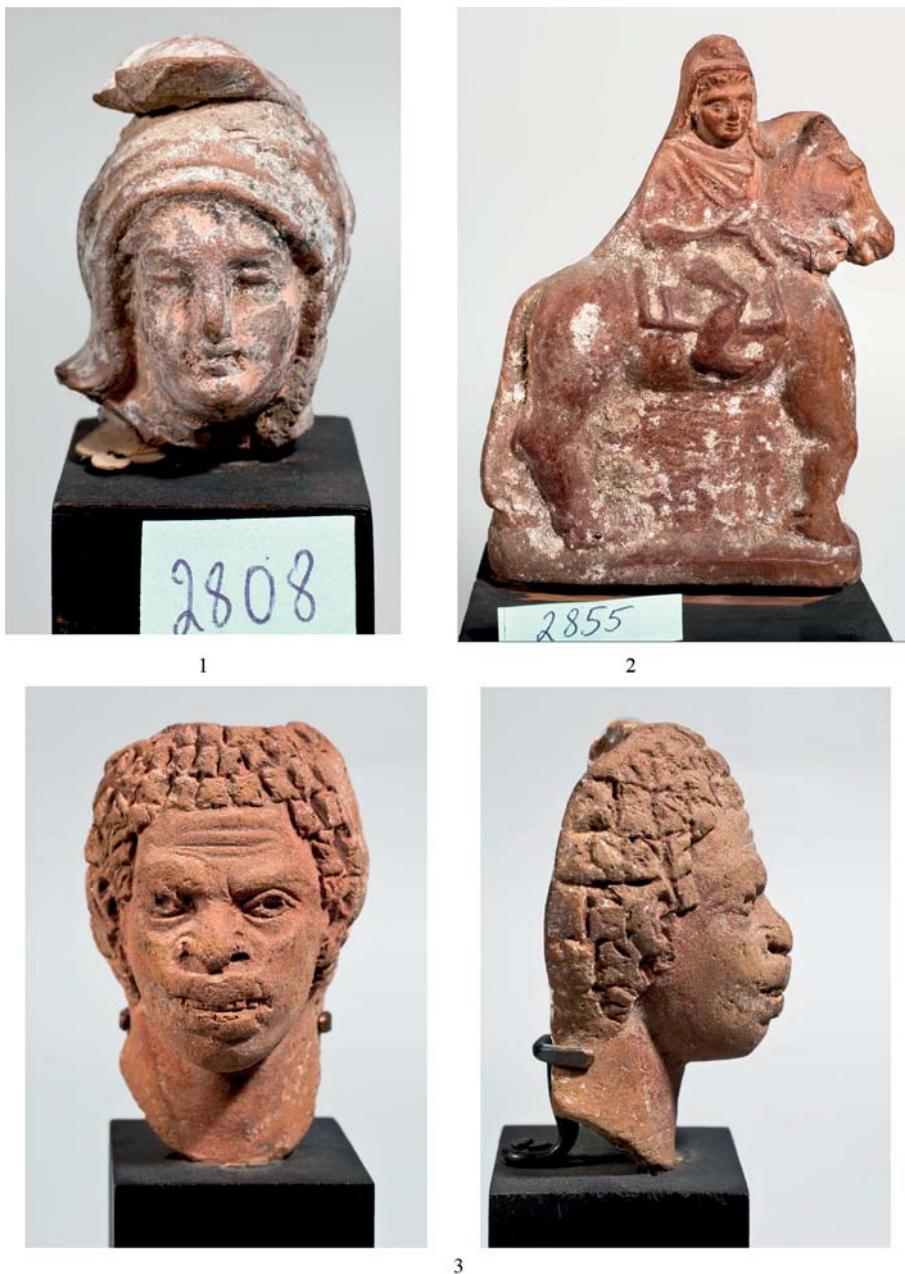

Рис. 2. Терракотовые статуэтки из ГМИИ (коллекция В.С. Голенищева).

Fig. 2. Terracotta statuettes in the Pushkin State Museum of Fine Arts (collection of V.S. Golenishchev).

многочисленную группу египетских терракотовых статуэток птолемеевского времени¹⁴. Чаще этот круг терракотовых статуэток датируется III–II вв. до н.э., реже – II–I вв.¹⁵. Ничего специфически египетского в стилистике данного артефакта нет – скорее всего, он занесен в птолемеевский Египет из Эллады, тем более что до конца III – начала II в. до н.э. греко-македоняне и египетское население жили обособленно друг от друга, и их культуры соприкасались мало¹⁶.

Кого же изображает статуэтка из коллекции В.С. Голенищева? Вероятно, это воин, на что указывают элементы костюма юноши – птериги, предполагаемый панцирь, плащ за спиной и, может быть, неясный предмет (меч?), который он держит в левой руке. Что касается каусии, то этот головной убор получил широкое распространение по всей эллинистической ойкумене. Так, например, на монетах греко-бактрийских и индо-греческих царей II–I вв. до н.э. (Антимаха Теоса, Аполлодота, Антаклида, Деметрия III Аникета, Аминты) цари изображены в каусии¹⁷, что подчеркивает их принадлежность к греко-македонянкой военной эlite. В каусии представлен и Александр III или Филипп V на эрмитажной гемме¹⁸. Известны изображения в каусии Цезариона (Птолемея XV)¹⁹, что явно подчеркивает македонские корни птолемеевской династии. На погребальной стеле III в. до н.э. из Македонии умерший представлен в каусии²⁰. Известны также головки терракотовых статуэток македонян из раскопок Мемфиса²¹ и коллекции Музея искусства и ремесла в Гамбурге²² (последняя тоже имеет египетское происхождение).

Между тем терракотовая статуэтка юноши-воина из коллекции В.С. Голенищева отличается гротескностью образа: большой отвисший живот, огромная голова, маленькие короткие ноги. Комично обыгрывается и возможная «героическая» нагота юноши. Более того, если для эллинистического времени характерна гиперболизация мускулатуры²³, то фигурка производит противоположное впечатление. Можно допустить, что она связана с одним из персонажей «новой» аттической комедии эллинистического времени, а именно с так называемым «хвастливым воином», грубым, самоуверенным солдафоном, скопированным с воинов-наемников той эпохи²⁴, представляющей бесконечную череду войн диадохов и эпи-

¹⁴ Bayer-Neimeier 1988, 68, Nr. 24–26; Fischer 1994, 202, Taf. 17 (Nr. 200-201); Fjeldhagen 1995, 132, fig. 115; Bailey 2008, 148–149, pl. 103 (n. 3556); Griesbach 2013, 166, Abb. 49. Кроме того, из коллекции Музея искусства и ремесла в Гамбурге происходит головка статуэтки юноши в македонской шляпе. См.: Ewigleben, Grumbkow 1991, 33, Abb. 88. Фрагмент, скорее всего, датируется эллинистическим временем и найден в Египте.

¹⁵ Bayer-Neimeier 1988, 68.

¹⁶ Ладынин 2017.

¹⁷ Bopearachchi 1991, 183–187, pl. 9–10, 188; 11, 272; 39–41, 287, 43, 301; 47.

¹⁸ Александр Великий 2007, 196, рис. 180.

¹⁹ Stanwick 2002, 125–126, fig. 178.

²⁰ Smith 2005 (1991), 239, fig. 293.

²¹ Petrie 1909, 17, pl. 47.

²² Ewigleben, Grumbkow 1991, 33, Abb. 88. В эту же группу можно включить статуэтку «македонского всадника» эллинистического времени, попирающего врага (намек на подавление восстаний местного населения Птолемеями?). См.: Ewigleben, Grumbkow 1991, 33, Abb. 94.

²³ Вальдгаэр 1923, 28.

²⁴ Варнеке 1913, 1–7; Каллистов 1970, 150. Отметим, что некоторые исследователи считают, что данный тип статуэток птолемеевского Египта также относится к типу «хвастливого воина» «новой комедии». См.: Griesbach 2013, 166.

гонов. Естественно, образ воина-наемника, зачастую греко-македонского происхождения, не мог не попасть в «новую комедию», сюжеты которой (при всей их мелодраматичности) были во многом навеяны реалиями раннеэллинистического времени. Наиболее ярко образ воина-наемника (именно грека или македонца) представлен в пьесе Плавта «Хвастливый воин», созданный на основе комедий греческих авторов эллинистического времени, в том числе и Менандра. Самолюбование и хвастовство персонажа (в комедии он выступает под именем Пиргополиник) выражается уже в первых словах, которые тот произносит, обращаясь к служам:

Почистите мне щит! Блестит пусть ярче он,
Чем солнце в день безоблачный. Придет нужда,
Сойдемся рукопашным боем – пусть врагам
В глаза сверкнет, притупит зрене острое.
Утешить мне хотелось бы свой верный меч,
Не дать ему тужить, впадать в отчаянье,
Что праздным я ношу его давным-давно,
Когда в окрошку рвется он крошить врагов...

(Пер. с лат. А. Артюшкова)

Таким образом, атрибуция статуэтки «македонянина» из коллекции В.С. Голенищева как одного из типов «новой комедии» представляется наиболее вероятной.

3. ГОЛОВКА СТАТУЭТКИ ЮНОШИ-ПЕРСА(?) В БАШЛЫКЕ

Определенно к эллинистическому времени (III–II вв. до н.э.?) относится головка статуэтки юноши в башлыке²⁵ (Кат., № 3; рис. 1, 3). Лицо безбородого юноши с правильными чертами миловидно, идеализировано и совсем не производит впечатления образа жестокого скифа или перса. Вероятно, подобная трактовка персонажа может быть связана с тем, что в позднеклассическом и эллинистическом искусстве образы варваров гуманизировались²⁶. Эта тенденция характерна для всего греческого искусства эллинизма – оно становилось ближе к отдельному, конкретному человеку. На смену единому полисному коллективу, объединенному общими нуждами и интересами, пришел отдельный индивидуум со своими горестями, проблемами, страданиями. Возрастает роль частной жизни, искусство становится интимнее. Кроме того, эллинистическому искусству присущ и особый интерес к другим народам – не-грекам, вызванный особенно расширением античной ойкумены в ходе войн Александра Великого.

Имеются близки аналогии головке юноши из ГМИИ. Так, из раскопок В.М.Ф. Питри в Мемфисе происходит головка персидского воина (кавалерийского офицера?), которая датируется позднеахеменидским или раннеэллинистическим временем²⁷. Однако она выполнена гораздо грубее и менее проработана. По-видимому, это произведение рук египетского мастера, в то время как головка статуэтки из коллекции В.С. Голенищева явно принадлежит творчеству мастера-грека или эллинизированного египтянина. Аналогии образу перса –, например,

²⁵ Яценко 2006, 38–39, рис. 1.

²⁶ Иванова 1944, 292–297.

²⁷ Petrie 1909, 16, pl.XXXVI, fig.18.

персидские воины на «саркофаге Александра» из Сидона и фреске Филоксена «Битва Александра с Дарием», известной по реплике из Помпей (I в. н.э.)²⁸. И саркофаг из Сидона, и фреска Филоксена датируются концом IV – началом III в. до н.э. Не исключено, что и головка статуэтки из ГМИИ относится к этому времени и изображает перса (воина?), но создана в эллинистической традиции²⁹.

4. СТАТУЭТКА ВСАДНИКА В БАШЛЫКЕ

Терракотовая статуэтка всадника в башлыке также происходит из коллекции В.С. Голенищева (Кат., № 4, рис. 6). Статуэтка выполнена несколько обобщенно, голова лошади непропорционально большая по отношению к ее туловищу, а у всадника слишком короткие ноги. Всадник-юноша одет в кафтан(?), штаны (?), сапоги (?), за его спиной развевается плащ, на голове – башлык. Лицо безбородого юноши идеализировано. Аналогии трактовки образа – те же персы на «саркофаге Александра» из Сидона и фреске Филоксена. Полагаю, что эта статуэтка является произведением рук греческого или эллинизированного местного мастера, несмотря на некоторое нарушение пропорций. Она принадлежит раннеэллинистической эпохе. Сложнее определить предназначение этой фигурки: возможно, это воин или вешь из домашнего алтарика, или ее можно присоединить к мемфисской группе статуэток, представляющих «иностранных» – в данном случае иранского происхождения. Последняя интерпретация является более предпочтительной: ничего не указывает на сакральное «назначение» этой фигурки.

5. ГОЛОВКА СТАТУЭТКИ НУБИЙЦА

Из коллекции В.С. Голенищева происходит и фрагмент головки терракотовой статуэтки африканца (сохранилась лишь лицевая часть) с характерными для не-гройдного типа чертами: курчавыми волосами (спускающимися до плеч) и выступающей нижней челюстью. Глаза трактованы выразительно, «на выкате», отдельно оформлен зрачок в радужном яблоке³⁰ (Кат., № 5; рис. 7–8). Вероятнее всего, терракота выполнена греческим или эллинизированным египетским мастером. В гамбургской коллекции имеются очень схожий фрагмент терракотовой статуэтки африканца и фигурный сосуд в виде головы африканца, происходящие из Египта и изготовленные явно греческим или эллинизированным мастером³¹. Обе терракоты датируются эллинистическо-римским периодом и изображают нубийцев.

²⁸ Mau 1908, 307, Taf. VIII; Petrie 1909, 16, pl. XXXVI, fig. 16; Иванова, Чубова 1966, 67, табл. 67.

²⁹ Отметим тенденцию типизации в изображении варваров-иранцев в позднеклассическом греческом, эллинистическом и римском искусстве. Примерами обобщенного образа варвара, скифа или перса, могут служить так называемые «керченские» пелики IV–III вв. до н.э. (Иванова 1953, 150), а также одна из фресок помпейской «виллы мистерий» I в. н.э., на которой изображена схватка грифона с представителем мифического народа аримаспов (Bragantini, Sampaolo, 2011, 183, 200, fig. 70), обитавшего на севере ойкумены. Аримасп изображен как нечто среднее между «типовыми» скифом и персом.

³⁰ Подобная трактовка глаз, в частности, в античной скульптуре, в основном, характерна для римского времени. См. ряд портретов из Эрмитажа (Вальдгауз 1923). Но имеются примеры и более раннего времени: терракотовые головы львов, украшающие метопы селевкидского (?) дворца в Старой Нисе (III–II вв. до н.э.). См.: Пилипко 1996, 59, табл. 19, рис. 1.

³¹ Ewigleben, Grumbkow 1991, 33, Abb. 88–89.

Возможно, терракоты из ГМИИ и гамбургской коллекции изготовлены мемфисскими мастерами. Именно Мемфис представлял полиэтничный и поликультурный центр с очень пестрым населением, судя по многочисленным находкам здесь терракотовых статуэток, изображающих иностранцев: греков, поселившихся еще в саисское время по приказу фараона Амасиса (Hdt. II. 154), персов, индийцев, македонян (с эллинистического времени), семитов (выходцев из Восточного Средиземноморья), негроидов-африканцев (нубийцев); со второй половины I в. до н.э. в Мемфисе появляются римляне³². Судя по аналогиям из гамбургской коллекции, головка из ГМИИ изображает именно нубийца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терракоты из коллекций В.С. Голенищева и Г. Лукьянова, изображающие скифа, персов, македонянина и африканца (нубийца?) несомненно отражают важные реалии жизни Египта позднединастического и эллинистического времени. Так, статуэтка скифского всадника говорит, с одной стороны, о контактах египтян с ираноизычными кочевниками, с другой – возрастании роли магии в религиозной жизни местного населения, часто бессильного перед внешними угрозами и поэтому прибегающего к магии как к последнему средству.

Статуэтка персидского всадника и головка статуэтки перса, созданные вероятнее всего греческими или эллинизованными египетскими мастерами в раннеллинистическое время, напоминают о недавнем владычестве персов в Египте. В то же время, данные статуэтки выполнены в традиции «облагораживания» образа варвара, присущей эллинистическому искусству.

Статуэтка воина-македонянина в каусии связана с бытом и культурой греков и македонцев, принесших в Египет ряд важнейших институтов, включая, театр. Эта статуэтка – гротеск, образ «хвастливого воина» из «новой комедии».

Наконец, головка статуэтки африканца (нубийца?), имеющая прямые аналогии в археологических материалах позднего Мемфиса, отражает полиэтнический характер населения этого центра в I тыс. до н.э.

Таким образом, терракотовые статуэтки, в том числе и из египетских коллекций В.С. Голенищева и Г. Лукьянова, являются бесценным источником по реконструкции картины повседневной жизни египетского общества второй половины – конца I тыс. до н.э.

КАТАЛОГ³³

1. Инв. I, 1а 7711.

Происхождение: из собрания Г. Лукьянова (1952 г.).

Датировка: VI–IV вв. до н.э.

Сохранность: многочисленные утраты: отбиты ноги, хвост и часть головы лошади.

Размеры: максимальная высота 14,4 см, максимальная ширина 9,4 см, толщина 0,6–4,8 см.

³² Petrie 1909, 15–17, pl. XXXVI–XXXIX, XLI–XLIII.

³³ Номерам каталога соответствуют номера в таблицах.

Способ изготовления: лошадь и всадник (кроме лица) вылеплены вручную; качество формовки низкое, есть трещины, образовавшиеся до обжига; лицо всадника оттиснуто в односторонней форме, оттиск слабый, без проработки деталей.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая среднеплотная светло-коричневая (7.5YR6/4), со средним количеством слюды и растительных частиц, небольшой примесью кварцевого песка и измельченных речных раковин.

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание местами.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: глина обычна для Египта, добывалась повсеместно по берегу реки, но можно предположить регион Мемфиса.

Аналогии: Petrie 1909, 17, pl. XL.

2. Инв. I, 1а 2855.

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: раннеэллинистическое время (последняя треть IV – III вв. до н.э.).

Сохранность: целая, небольшие трещины и потертости поверхности.

Размеры: максимальная высота 12,2 см, максимальная ширина 8,8 см, толщина 0,7–3,1 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме, соединительные швы подрезаны и заглажены; лицевая сторона рельефная, оттиск хорошего качества; задняя сторона гладкая, подрезана и заглажена, с технологическим отверстием диаметром 1,7–1,8 см.

Материал: глина аллювиальная тонкая среднеплотная коричневая (2.5YR5/3), с небольшой примесью кварцевого песка и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: бордово-коричневый ангоб (2.5YR3/3, местами 2.5YR3/4).

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и оборотной сторонах

Аналогии: Mau 1908, 307, Taf. VIII; Иванова, Чубова 1966, 67, табл. 67.

3. Инв. I, 1а 2915.

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: III–II вв. до н.э.

Сохранность: целая, небольшие сколы и потертости поверхности

Размеры: максимальная высота 10,1 см, максимальная ширина 3,8 см, толщина 2,3–3,6 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме, соединительные швы подрезаны и грубо заглажены, низ подрезан; лицевая сторона рельефная, оттиск среднего качества; задняя сторона слабо детализирована, с технологическим отверстием диаметром 1,6–1,8 см (кусок глины от вырезанного отверстия застягнут внутри статуэтки).

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая среднеплотная коричневая (5YR5/4), со средним количеством слюды и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: частичное заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и оборотной сторонах

Аналогии: Bayer-Neimeier 1988, 68, Nr. 24–26; Fischer 1994, 202, Taf. 17 (Nr. 200–201); Fjeldhagen 1995, 132, fig. 115; Bailey 2008, 148–149, pl. 103 (n. 3556); Griesbach 2013, 166, Abb. 49.

4. Инв. 1а 2801.

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: эллинистическое время.

Сохранность: сохранилась лицевая часть головы статуэтки.

Размеры: максимальная высота 5,2 см, максимальная ширина 3,4 см, толщина 1,3–2,9 см.

Способ изготовления: отиск в односторонней форме, высокого качества, с хорошей проработкой деталей.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая среднеплотная светло-коричневая (5YR5/4), с большим количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: коричневый (2.5YR4/4) ангоб на лицевой стороне

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на внутренней стороне предмета

Аналогии: Ewigleben, Grumbkow 1991, 33, Abb. 88–89.

5. Инв. I, 1а 2808.

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: эллинистическое, римское время.

Сохранность: сохранилась голова статуэтки.

Размеры: максимальная высота сохранившейся части предмета 4,0 см, максимальная ширина сохранившейся части 2,7 см, толщина сохранившейся части 1,3–2,9 см.

Способ изготовления: отиск в двусторонней форме; отиск лицевой стороны хорошего качества; задняя сторона слабо проработана; боковые швы подрезаны и заглажены.

Материал: глина аллювиальная тонкая плотная коричневая (7.5YR5/3, местами 7.5YR4/3), с небольшой примесью золотистой слюды, кварцевого песка и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: частичное заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и обратной сторонах (грунт под роспись), розовый пигмент на лице.

Аналогии: Petrie 1909, 16, pl. XXXVI, 18; Mau 1908, 307, Taf. VIII; Иванова, Чубова 1966, 67, табл. 67.

ЛИТЕРАТУРА /REFERENCES

- Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of terracottas in the British Museum. Vol. IV. Ptolemaic and Roman terracottas from Egypt*. London.
- Bayer-Niemeier, E. 1988: *Griechisch-römische Terrakotten. Liebighaus – Museum Alte Plastik. Bildwerke der Sammlung Kaufmann*. I. Frankfurt am Main.
- Bopearachchi, O. 1991: *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques, Catalogue raisonné*. Paris.
- Bragantini, I., Sampaolo, V. 2011: *La Pittura Pompeiana*. Napoli.
- Chernenko, E.V. 1981: *Skifskie luchniki [Scythian archers]*. Kiev.
- Черненко, Е.В. 1981: *Скифские лучники*. Киев.
- Ewigleben, C., Grumbkow, J. von. 1991: *Götter, Gräber und Grotesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.
- Fisher, J. 1995: *Griechisch-Römische Terrakotten aus Ägypten. Die Sammlungen Sieglin und Schreiber*. Dresden, Leipzig, Stuttgart, Tübingen.
- Fjeldhagen, M. 1995: *Graeco-Roman terracottas from Egypt by Ny Carlsberg glyptotek*. Copenhagen.
- Griesbach, J. 2013: *Griechisch-Agyptisch Tonfiguren vom Nil*. Würzburg.
- Ivanova, A.P. 1944: *Obraz varvara v antichnom iskusstve* [The imagery of barbarian in antique art]. *Uchenye Zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. fil. [Scientific Notes of Leningrad State University. Ser. phil.]* 9, 286–307.
- Иванова, А.П. 1944: *Образ варвара в античном искусстве*. Ученые записки ЛГУ. Сер. фил. 9, 286–307.
- Ivanova, A.P. 1953: *Iskusstvo antichnykh gorodov Severnogo Prichernomorya* [The art of ancient cities of the Northern Black Sea region]. Leningrad.
- Иванова, А.П. 1953: *Искусство античных городов Северного Причерноморья*. Л.
- Ivanova, A.P., Chubova, A.P. 1966: *Antichnaya zhivopis'* [Antique painting]. Moscow.
- Иванова, А.П., Чубова, А.П. 1966: *Античная живопись*. М.
- Ivanchik, A.I. 2002: K voprosu o “peredneaziatskikh izobrazheniyakh” evraziyskikh nomadov. [On the issue of “Front Asian images” of Eurasian nomads]. In V.A. Livshits. (ed.), *Istoriya i yazyki Drevnego Vostoka: Pamyati I.M. Dyakonova* [History and languages of the ancient East: memory of I.M. Dyakonov]. Saint-Petersburg. 102–118.
- Иванчик, А.И. 2002: К вопросу о «переднеазиатских изображениях» евразийскихnomadov. В сб.: Лившиц, В.А. (ред.), *История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова*. СПб., 102–118.
- Kallistov, D.P. 1970: *Antichnyy teatr* [Antique Theater]. Leningrad.
- Каллистов, Д.П. 1970: *Античный театр*. Л.
- Ladynin, I.A. 2014: Syuzhet voyny so skifami v svedeniyakh antichnoy traditsii: k poisku istoricheskoy pervoosnovy. [The plot of the war with the Scythians in the information of the ancient tradition: to search for the historical basis]. In M.A. Chegodaev, N.V. Lavrentyeva. (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Iss. 2. Moscow, 187–223.
- Ладынин, И.А. 2014: Сюжет войны со скіфами в сведениях античной традиции: к поиску исторической первоосновы. В сб.: Чегодаев М.А., Лаврентьева Н.В. (ред.), *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 2. М., 187–223.
- Ladynin, I.A. 2017: “*Snova pravit Egipet!*”. *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [“*Egypt runs again!*” The beginning of Hellenistic time in the concepts and constructs of late Egyptian historiography and propaganda]. Saint-Petersburg.
- Ладынин, И.А. 2017: «*Снова правит Египет!*». *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды*. СПб.

- Mau, A. 1908: *Pompeji in Leben und Kunst*. Leipzig.
- Mellink, J.M. 1985: Archaeology in Asia Minor. *American Journal of Archaeology* 89.4, 554–555.
- Petrie Flinders, W.M. 1909: *Memphis I*. London.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom [Old Nisa. Building with square hall]*. Moscow.
- Пилипко, В.Н. 1996: *Старая Ниша. Здание с квадратным залом*. М.
- Smith, R.R.R. 2005 (repr. 1991): *Hellenistic Sculpture*. London.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Staviskiy, B.Ya., YAtsenko, S.A. 2002: *Iskusstvo i kul'tura drevnikh irantsev [The art and culture of the ancient Iranians]*. Moscow.
- Ставиский, Б.Я., Яценко, С.А. 2002: *Искусство и культура древних иранцев*. М.
- Trofimova, A.A. (ed.) 2007: *Aleksandr Velikiy. Put' na Vostok. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh [Alexander the Great. The way to the East. Exhibition catalogue. State Hermitage]*. Saint-Petersburg.
- Трофимова, А.А. (ред.) 2007: *Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж*. СПб.
- Valdhauer, O.F. 1923a: *Lisipp [Lisipp]*. Berlin.
- Вальдгауэр, О.Ф. 1923а: *Лисипп*. Берлин.
- Valdhauer, O.F. 1923b: *Rimskaya portretnaya skul'ptura v Ermitazhe [Roman portrait sculpture in the Hermitage]*. Petersburg.
- Вальдгауэр, О.Ф. 1923б: *Римская портретная скульптура в Эрмитаже*. Петербург.
- Vasilyeva, O.A., Ladynin, I.A. 2012: “Volshebnik Nektaneb”: istoriko-khudozhestvennyy obraz i ego istoki. [“Nectaneb the Wizard”: historical and artistic image and its origins]. In I.A. Gvozdeva (ed.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir: Sbornik nauchnykh trudov kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [The Ancient Orient and the Ancient World: a collection of scientific works of the Department of History of the Ancient World of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University]* 8. Moscow, 3–36.
- Васильева, О.А., Ладынин, И.А. 2012: «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его источники. В сб.: И.А. Гвоздева (ред.), *Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова* 8. М., 3–36.
- Varneke, B.V. 1913: *K istorii tipa “khvastlivogo voina” [To the story like a “boastful warrior”]*. Kharkov.
- Варнеке, Б.В. 1913: *К истории типа «хвастливого воина»*. Харьков.
- Vertienko, A.V. 2010: Evraziyskie kochevniki v egipetskoy koroplastike: k probleme mezhkul'turnykh kontaktov [Eurasian nomads in Egyptian coroplasty: to the problem of intercultural contacts]. *Vostochnyy mir [The Eastern world]* 1, 5–15.
- Вертиенко, А.В. 2010: Евразийские кочевники в египетской коропластике: к проблеме межкультурных контактов. *Східний світ* 1, 5–15.
- Vertienko, A.V. 2016: Magiya protiv “vostochnoy ugrozy”: ritual'naya praktika egiptyan vo vremya vtorogo persidskogo zavoevaniya. [Magic against the “Eastern threat”: the ritual practice of the Egyptians during the Second Persian Conquest]. In I.V. Nemchenko. (ed.), *Starodavne Prichornomor'ya [Ancient Black Sea]* IX. Odessa, 99–105.
- Вертиенко, А.В. 2016: Магия против «восточной угрозы»: ритуальная практика египтян во время второго персидского завоевания. В сб.: И.В. Немченко (ред.), *Стародавнє Причорномор'я* XI. Одеса, 99–105.
- Yatsenko, S.A. 2006: *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnye narody) [The costume of Ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]*. Moscow.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. М.

TERRACOTTA STATUETTES SHOWING “FOREIGNERS” FROM EGYPTIAN
COLLECTIONS OF V.S. GOLENISHCHEV AND G. LUKYANOV
(PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS)

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: veretragna@rambler.ru

Abstract. This an attempt at a stylistic and historical analysis of five terracotta figurines from the Egyptian collections of V.S. Golenishchev and G. Lukyanov (the Pushkin Museum of Fine Arts). The figurines date back to the time of the Achaemenid rule and the Ptolemaic dynasty. The figurine of the Scythian archer, in the author’s opinion, is associated with “combat magic”: the nomads (the “Asiatic”) was a generally symbol of the enemy of Egypt. The statuette of a young man wearing the *causia* is probably a grotesque image of the so-called “boastful warrior”, which is directly related to the “New” Greek comedy. This artifact is associated with the theatre. The figurine dates from the 3rd – 2nd centuries BC and reflects the process of settling the Greek-Macedonian element in Egypt, which brought the traditions of Hellenistic culture, in particular, the theater. The head of a Persian, the statuette of a Persian horseman, and the head of a Nubian statuette (?) refer to the multi-ethnic composition of the Egyptian population in the second half of the 1st millennium BC. First of all, this refers to Memphis by its very variegated population at the time in question. Probably, the head of the Nubian and the figurine of the Persian horseman are the works of the Memphis master of the Hellenistic time, a Greek or a Hellenized Egyptian. Terracotta figurines from the Egyptian collections of Russian Egyptologists provide invaluable information for studying the history of day-to-day life in Egyptian society.

Keywords: Egypt, antique terracotta figurines, museum collections, Pushkin Museum, V.S. Golenishchev, G. Lukyanov, “image of the other”

Круглый стол

«Письменные источники по раннесредневековой истории славян» (Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, 1–3 сентября 2022 г.)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 227–239
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 227–239
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-227-239

СВЕРХСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ПОНЯТИЙ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

С.Г. Шулежкова¹, А.Н. Михин²

Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹ E-mail: shulezkova@gmail.com ² E-mail: artem.2000@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-0314-6721 ² ORCID: 0000-0001-8820-9252

Аннотация. В статье акцентируется внимание на сверхслововых языковых единицах, характеризующих христианского Бога и его окружение в старославянских памятниках, отразивших перемены в менталитете славян в период христианизации. Сложности при освоении новой веры преодолевались славянами относительно спокойно потому, что их путь к православию был проторен первоучителями Кириллом и Мефодием, а в учении Христа оказалось немало общего с традиционными языческими верованиями славян. Руководствуясь девизом *Господь хочет, чтобы все спаслись и достигли познания истины*, солунские братья заложили основы четвертого конфессионального литературного языка Европы, который в отечественном языкознании принято называть старославянским. Опираясь на понятные всем славянам языковые ресурсы, Кирилл и Мефодий опробовали

Данные об авторах: Светлана Григорьевна Шулежкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкоznания и массовых коммуникаций, заведующая Научно-исследовательской словарной лабораторией НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Артем Николаевич Михин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

серию моделей слово- и фразообразования для обозначения христианских религиозно-философских понятий и культовых реалий, которые стали вербализаторами формировавшихся новых концептов, занявших ключевые позиции в трансформировавшейся языковой картине мира новообращенных христиан. Значительное место в этом специфическом наборе языковых единиц стали занимать наименования христианских кумиров (Святой Троицы – Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа) и многочисленных потусторонних существ. Анализ данных единиц, употребленных в сохранившихся до наших дней памятниках X–XI вв., а также массы оборотов, служащих названиями обитателей небесного царства и их противников, свидетельствуют о том, что православие славян впитало в себя немало черт их прежнего, языческого мировоззрения.

Ключевые слова: славяне, единобожие, крещение, ментальность, устойчивые словесные комплексы, язычество

Древнейшие славянские тексты датируются X–XI вв. К этому времени большинство племен средневековой Славии христианизировалось: «Еще к VIII в. относят крещение Словении, Хорватия крестилась около 800 года, в первой половине IX в. – Чехия, в течение IX в. – Сербия и Болгария. Даже поляки, обитавшие тогда в стороне от больших дорог, крестились лет на двадцать раньше, чем Киевская Русь»¹. «Русь с некоторым опозданием, но с тем большим усердием приняла “слово истинное” и “грамоту славянскую”»². Не случайно памятники, возникшие в X–XI вв. на территории Древней Руси, составляют сегодня самый значительный объем старославянских источников. Язык рукописей данной эпохи, на какой бы территории Славии они ни создавались, служит убедительным доказательством единства славянского мира. Старославянские тексты характеризуются одной и той же христианской тематикой, жанровой однородностью и общностью не только лексического, но и фразеологического состава. Подтверждением тому могут служить как лексикографические³ и фразеографические работы⁴, так и теоретические исследования славистов конца XX – начала XXI столетия⁵. Между тем в течение трех веков с момента обнаружения первых старославянских текстов основное внимание славистов было сосредоточено на изучении палеографических и фонетических особенностей рукописей, на выявлении их диалектных черт и места появления отдельных памятников. Что же касается лексико-фразеологического состава старославянского языка как особой знаковой системы, которая со второй половины IX в. до конца XI в. играла роль конфессионального литературного языка всего славянского мира, то его исследование начинается лишь во второй половине XX столетия. В 1977 г. Р.М. Цейтлин опубликовала монографию «Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.», начинающуюся справедливой оценкой уровня изучения интересующего нас раздела славистики: «Старославянский язык, первый письменный язык славян, сыграл значительную роль в исто-

¹ Трубачев 1992, 33.

² Толстой 1998, 52.

³ Цейтлин и др. 1994; Иванова-Мирчева 1999–2009; Пенкова 2008.

⁴ Шулежкова 2011; 2020/1; Климова и др. 2012; Михин и др. 2014; Жигулина и др. 2015; Шулежкова и др. 2017.

⁵ Цейтлин 1977; Вендина 2002; Ефимова 2011; Верещагин 2012.

рии культуры славянских народов <...> Между тем словарный состав этого языка остается все еще наименее исследованным разделом палеославистики»⁶. Можно с полным основанием утверждать, что монография Р.М. Цейтлин проложила путь к созданию собственно старославянских словарей. В 1994 г. интернациональная группа славистов из Чешской Академии наук и Российской Академии наук, куда входила и Р.М. Цейтлин, опубликовала «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)». В этом высокопрофессионально выполненном лексикографическом труде описано около 10 000 слов, извлеченных из старославянских памятников, признанных «классическими старославянскими»⁷. Данный словарь кардинально отличается от всех своих предшественников, в том числе тех, которые претендовали на статус «собственно старославянских». Мы имеем в виду, во-первых, изданный Л. Садник и Р. Айтцетмюллером в 1955 г. в Гейдельберге учебный словарь «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» с кратчайшими толкованиями на немецком языке далеко не всех старославянских лексем⁸, а также четырехтомный «Slovník jazyka staroslověnského», большая часть тетрадей-выпусков которого публиковалась в 1957–1993 гг. (полное репринтное издание было осуществлено в 2006 г. в Санкт-Петербурге)⁹. В первом из этих словарей, предназначенному для студентов, помещен ограниченный круг лексем из 20 старославянских памятников разных изводов; второй, подготовленный при Чешской Академии наук, представляет старославянский языковой материал в общей массе с данными церковнославянских источников XII–XVI столетий.

После выхода в свет «Старославянского словаря» 1994 г. несомненным шагом вперед в деле системного описания лексики старославянского языка следует признать подготовку и издание в 1999–2009 гг. научными сотрудниками Болгарской Академии наук двухтомного «Староболгарского речника», в основу которого легли тексты рукописей и надписей, возникших на землях Болгарии в X–XI вв.¹⁰. Проблема лексикографического описания старославянского языка на рубеже XX и XXI столетий успешно решалась: собственно старославянские словари стали базой для системного изучения лексики общеславянского литературного языка Средневековья. Доказательством тому могут служить талантливые исследования, выполненные российскими учеными, опиравшимися на данные «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)», – монография Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка»¹¹ и работа В.С. Ефимовой «Наименования лиц в старославянском языке»¹². Однако именно на рубеже XX и XXI вв. в палеославистике особенно остро обозначились две взаимосвязанные проблемы. Первая касалась места восточнославянских рукописей X–XI вв. в общей массе старославянских памятников, вторая – возможности или невозможности системного описания фразеологического фонда старославянского языка. Обе эти проблемы имеют прямое отношение к теме нашего исследования. Почва для возникновения первой проблемы была подготовлена в 1920–1930-е гг., когда

⁶ Цейтлин 1977, 8.

⁷ Цейтлин и др. 1994, 5, 8–12, 13–25.

⁸ Sadnik, Aitzetmüller 1955.

⁹ Курц, Гауптова 1958–1997; 2006.

¹⁰ Иванова-Мирчева 1999–2009.

¹¹ Вендина 2002.

¹² Ефимова 2011.

отечественная славистика понесла серьезные потери. Среди прочих негативных последствий политических и государственных постановлений тех лет, наряду с закрытием славистических кафедр, арестами и вынужденной эмиграцией специалистов в области сравнительно-исторической индоевропеистики, отметим прекращение работы над проектом «Памятники старославянского языка», в реализации которого принимали участие известные русские ученые: Г.А. Ильинский, Е.Ф. Карский, С.М. Кульбакин, В.А. Погорелов, С.Н. Северьянов и др. Никто из них не сомневался, например, в том, что Чудовскую псалтырь, рукопись XI в. восточнославянского происхождения, не говоря уже об Остромировом евангелии 1056–1057 гг., следует относить к старославянским памятникам. Но славистические центры из СССР переместились в Софию, Прагу, Мюнхен, Гейдельберг, Вену... С конца 30-х гг. прошлого столетия большинство славистов, не только зарубежных, но и советских, а затем и российских, стали исключать памятники X–XI вв., писанные на территории Древней Руси, из числа старославянских. Даже Остромирово евангелие, язык которого наиболее близок к переводам, выполненным первоучителями славян, снисходительно относили лишь к «косвенным» источникам изучения старославянского языка, к которым рекомендовалось обращаться только в том случае, если примеров употребления из «классических» памятников, то есть тех, что были созданы болгарскими книжниками (а это лишь 17–18 рукописей), было недостаточно для словарного описания лексем (см. об этом у Р.М. Цейтлин, которая утверждает: «Все остальные источники рассматриваются как косвенные, дополнительные, вспомогательные <...> Косвенные источники сами по себе никогда не могут изменить данные непосредственных источников – С(тарославянских) П(амятников)»¹³. Абсурдность такого «территориального» подхода к оценке старославянских памятников была доказана еще в 1845 г. А.Х. Востоковым, который в «Предисловии» к изданию Остромирова евангелия писал об этом памятнике: «...рукопись сія особено достопримечательна, какъ ближайшій къ началу Словенской письменности памятникъ Церковнословенского языка»¹⁴. В наши дни точку зрения Востокова блестяще подтвердил Е.М. Верещагин¹⁵, доказавший, что «непосредственный антиграф *Ostr* был переписан еще при жизни Мефодия (т. е. не позже 885 г.)»¹⁶.

Ограничив круг источников, официально признанных «классическими», слависты искусственно создали условия, препятствовавшие системному описанию фразеологического корпуса старославянского языка. Решение о языковом статусе сверхсловных единиц должно было опираться на достаточное количество примеров употребления, но далеко не всегда «классические» старославянские памятники позволяли это сделать. Зато доказательства устойчивости многих сверхсловных единиц можно было легко обнаружить в древнейших славянских текстах, которые не признавались старославянскими лишь из-за того, что созданы были не болгарскими писцами.

Зародившись в конце 1940-х гг., отечественная фразеология достаточно окрепла во второй половине XX в., чтобы служить теоретической базой для создания

¹³ Цейтлин 1977, 12.

¹⁴ Востоков 1845, II.

¹⁵ Верещагин 2012, 467–482.

¹⁶ Верещагин 2012, 469.

словарей сверхсловных языковых единиц различного типа (как идиоматического, так и неидиоматического характера). Но, как вполне резонно пишет известный фразеолог-славист В.М. Мокиенко, «чем интенсивнее она [фразеология – С.Ш., А.М.] развивалась, тем разительней становилась диспропорция между общетеоретическими ее достижениями и сравнительно-историческими исследованиями» конкретных сверхсловных языковых единиц¹⁷. Подобная диспропорция не могла не сказаться и на старославянской фразеологии. Мнение о невозможности установить принадлежность того или иного оборота к устойчивым всегда аргументировалось низкой встречаемостью их в «классических» старославянских текстах. Однако на фоне словарного бума второй половины XX – начала XXI в., сопровождавшегося изданием (среди прочих) фразеологических, паремиологических, эпетологических словарей, появление статей, посвященных старославянским устойчивым словесным комплексам (УСК)¹⁸, а также индексов УСК конкретных (в том числе рожденных в Древней Руси) памятников¹⁹, и, наконец, фразеологических старославянских словарей, в которых достойное место заняли примеры из многочисленных памятников восточнославянского происхождения²⁰, уже не казалось неестественным. Обе проблемы, о которых говорилось выше, постепенно становились решаемыми.

Крещение сопровождалось трансформацией языковой картины мира средневековых славян. Ключевые позиции в менталитете новообращенных христиан начали занимать концепты, отражающие основные христианские понятия и догматы. Но, говоря о язычестве славян, очень часто забывают о том, что «Между языческими догматами древних Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ <...> Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилию принимавшимъ Христианство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества», – справедливо писал И.И. Срезневский²¹. «Другіе боги <...> были <...> прибогами <...> Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природой, что въ своемъ воображеніи населилъ ими весь міръ – и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ – въ громѣ и молнѣ, въ трахъ, солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр.»²².

Неудивительно, что в религиозном фрагменте языковой картины мира христианизированных славян центральное место занял концепт «Богъ кръстіянскъ(и)». Семантическим и грамматическим центром имени данного концепта является общеславянская лексема *богъ, имеющая индоевропейские корни (см. об этом в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных²³). В многочисленных именованиях единого христианского Бога, судя по старославянским текстам, славяне подчеркивали прежде всего те свойства, какими они традиционно наделяли своего главного языческого бога,

¹⁷ Mokienko 2018, 78–81.

¹⁸ Шулежкова 2019; Shulezhkova, Kostina 2020 и др.

¹⁹ Климова и др. 2012; Жигулина и др. 2014; Михин и др. 2015; Шулежкова и др. 2017.

²⁰ Шулежкова 2011; 2020/1.

²¹ Срезневский 1848, 2.

²² Срезневский 1848, 5.

²³ Черных 1993/1, 98.

называя его «Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ»²⁴. Будучи бестелесным, этот языческий повелитель, как и единий христианский Бог, по представлениям древних славян, обитал на небесах; обладал безграничным могуществом и управлял всей вселенной.

Переводя богослужебные тексты с греческого (реже – с латинского) языка для христианизированных славян, Кирилл и Мефодий стремились как можно рациональнее использовать наддиалектные общеславянские языковые ресурсы. К наиболее характерным их переводческим приемам следует отнести 1) передачу христианских религиозно-философских понятий через сверхсловные языковые единицы и 2) стремление привлекать в качестве «строительного материала» при изобретении сверхсловных единиц христианского содержания славянские лексемы-полисеманты. Для этого надо было «отказаться от поэтического перевода и прибегать к контекстному парофразированию, а также к покомпонентному конструированию новых словосочетаний, пригодных для определенного контекста»²⁵.

Старославянские памятники свидетельствуют о том, что поле вербализаторов нового концепта «Богъ кръстянъскъ(и)» состояло по преимуществу из сверхсловных языковых единиц – УСК, объединенных интегральной комплексной се-мой ‘бог христиан; всеышний творец и господин всего сущего, бесплотный и бессмертный’²⁶. В ядерную зону этого поля, помимо имени концепта, входили УСК, называвшие единого бога христиан с учетом многогранных его «сверхсвойств»: **богъ беспльтины, богъ богомъ, богъ вышнини, богъ въседръжитель, богъ въсѣхъ, богъ вѣчнини, богъ живыни, богъ истиннини, богъ небесыни / небесъскыни, господъ силъ, святага троица**. Вот только некоторые из многочисленных текстовых фрагментов, содержащих старославянские наименования христианского бога:

и въ оужасти вывъше велицѣ• падоша ници на земи• величайште в(ог)а кръстянъска• просащте отъ него съподобиенъ• с(ва)тым вѣры кръстянъскы. Супр 541: 4-7. Ник'то бо можааше своима очима в(ог)а беспльтина видѣти• огнь бо кестъ опалил в(ог)ъ• и ник'тоже отъ чловѣкъ в(ог)а видѣвъ живъ вѣдѣть• Супр 10: 30 – 11: 1-4; Гдѣвть сѧ в(ог)ъ в(ого) мъ въ сишинѣ• Се же рече прѣложеник вештии• съдѣвалъ кестъ въчл(овѣ) чъ сѧ в(о)жнє слово• и пльтииѢ гави сѧ• и първек въ си(о)нѣ своє гавленiе сътвор’• Чуд 167а: 1-14, с. 203: 17-30 (стлб 1); се книги завѣта в(ог)а вышннааго• Изб 1076 84.2: 10-11; обѣштавъшоу же сѧ съхранити• тако житиie живъ блаженни пионни• непорочно ненистылѣнно• присно оума имы своего прострѣта къ богоу въседръжителю• Супр 141: 25-29; Слышахъ бо рече• издрекъша в(ог)а въсѣхъ тако сѫдъ вѣдѣть и въздалии• благыиъ и зѣлыиъ• Чуд 53г: 13, с. 68: 9-13 (стлб 1); рече же асклипиядии и савинии• мы богоу живоуомоу покараюмъ сѧ и обѣштавакемъ сѧ• Супр 125: 20-23; Гдѣко ты г(оспод)и вышнини и по въсен земли• Въсен землю г(оспод)ъ тъ кестъ тако сътворивъ иж надъ неиж си• Зѣло прѣвѣзнесе сѧ надъ въсѣми в(ог)ы• Мънимыя в(ог)ы а не сжштж быти тъ въсѣмъ г(оспод)ъ• тако в(ог)ъ истиннинъ• Евг пс 51б: 17-20-52а: 1-7; да по мѣдрости вашей сѫдите

²⁴ Срезневский 1848, 4.

²⁵ Верещагин 2012, 245.

²⁶ Шулежкова 2020/1, 282.

въ правдѣ. по пльти подобыннимъ вамъ. заклинаючи. оубо влѣ. вѣрою истинною. повѣдите намъ. коюго Бога подобаатъ нама отъврѣши сѧ. небесъскааго ли или земльнааго. вѣчънааго ли или маловрѣменънааго. Супр 258: 1-8; тѣмъже иже бес покааниѣ оумърѣть. то авѣ то естъ. ѿко ивѣстъ крѣстьѣнъ. понеже не вѣроуетъ вскрѣшеною. ни въ с(вѣ)тѣ тѣхъ троицѣ. Син евх 67б: 14-18.

Вокруг ядерную зону поля вербализаторов концепта «Богъ крѣстниа-нѣскъ(и)» входят сверхсловные языковые единицы, обладающие дифференциальной комплексной семой ‘лицо (и постась) христианского Бога’. Поэтому в данной зоне сформировалось три группы единиц, каждая из которых объединяет УСК, называющие одну из ипостасей триединого христианского Бога.

Первая группа включает УСК, характеризующие Господа Бога как бесплотного предвечного отца, обитающего в небесах, и как создателя всего живого во вселенной (беззначмльнъ(и) отъцъ, Богъ отъцъ, невидимъ(и) отъцъ, отъцъ божъ(и), отъцъ небесънъ(и) / небесъскъ(и):

Егдаже беззначмльны о(ть)цъ. беззначмльное рождѣство. с(ы)ноу свое-моу штъкры. и с(вѣ)тааго д(ог)ха съществие. троичьское съвѣкоуплление съвѣствова. запрѣцьшиимъ вѣтромъ. и вѣннене моръское оукроющшемъ. Син евх 53а 130: 9-14; Рече г(оспод)ь къ пришѣдшиимъ къ икемоу иоуде-омъ аще б(ог)ъ о(ть)цъ вашъ бы былъ. любили ма бысте азъ бо отъ б(ог)а изидохъ и придохъ не о сеѣвѣ бо придохъ и тъ ма посыла. (Ин 8: 42) Остр 32бв: 1-10; и вѣзъпивъ с(вѣ)тыи кодратъ рече г(оспод)и ѹс(оусе) х(ристо)сє. невидимааго отъца. посыли помошть на ивѣ. и застажпи га. Супр 305: 5-7; тоу <...> отъцъ б(о)жин. иж негоже пльти х(ристо)с(ъ) роди сѧ. Супр 461: 5-7; тако и отецъ и(е)б(е)с(ъ)скъ сътворитъ вамъ. аще не отъпоглаате кожъдо братроу своемоу отъ ср(ъ)д(ъ)цъ вашихъ. (Мф 18: 35) Мар 61: 14-17; вѣчeroу же бывъшоу начаша пѣти фалмъ сини. живыи въ помошти вышнаго. въ кровѣ б(ог)а небесънааго вѣдворитъ сѧ. рече господеви застажп'никъ иси ты. и прибѣжиште б(ог)ъ мои оуп'ваю на ивѣ. тако тъ избавитъ ма отъ сѣти ловъчъ. и отъ словесе матежъна. и конь-чавъше фалмъ помолиша сѧ. Супр 70: 17-25.

Вторая группа, состоит из УСК, называющих Иисуса Христа. В нее входят сверхсловные единицы, отмечающие божественную природу Мессии, его родственную, сыновнюю связь с самим Господом Богом; «богочеловечность», то есть принадлежность одновременно и к Царству Небесному, и к земным людям; его проповеднический дар, жертвенность и роль спасителя человечества (сынъ иночадъни / юдьночадъни (божин), сынъ юдинорожденъни (божин), Богъ въ пльти, Богъ пльтииж, агнъцъ божин, агнъцъ доуховънъи, агнъцъ непорочнъи, агнъцъ святъи, Богъ слово небесъною, Богъ (и) съпастъ / съпаситель):

Тако бо б(ог)ъ възлюби мира. ѿко с(ы)на своего юночадаго дастъ. да вѣсѣкъ вѣроули въ ивѣ не погибнетъ. нынѣ-иматъ живота вѣчънааго. (Ин 3: 16) Мар 323: 9-12; иже бо сътвори юдинорожденыи сынъ божин. се и ты сътвориши противъ силѣ своєи. мироу исходати бывал. и сеѣвѣ и намъ. Супр 423: 12-16; Что се дыньсъ мльчание много на земи. ч'то се мльчание много. и неплишевание много. тако цѣсарь съпитъ. земля оубога сѧ и оумъльча. тако Богъ пльтииж оусьпє. Богъ пльтииж и оусьпє. и адъ вѣстрепе-

та. Супр 448: 2-6; **Въ оно врѣмѧ. стояше иоаннъ. отъ ученикъ его дѣва. и оѹзърѣ 1(сѹ)са грлдѣца и г(лаго)ла. се агнѣць б(о)жии.** (Ин 1: 35-36) Ват 28: 6-8; 2(fol 104v); **г(оспод)і б(о)же нашъ. прѣдѣложеи сѧ самъ. агнѣць непороченъ за животъ в'сего мира Син служ 2b: 3-4, с. 342; въ рабиї образъ сѧ облѣче ангельскии владыка. пльть приятъ богъ слово. и чловѣкъ явыгаше сѧ. съобразынъ и равноистъствынъ о(тъ)цоу. се прѣстрада да ны отъ неправды работы изымѣтъ. и отъ нечестия избавитъ.** Супр 480: 8-13; и насть оѹслыши г(оспод)и. и да не потопитъ насть боура водынаа. ни пожъретъ насть гложбина. **тако овиштаахомъ зѣло помози намъ б(о)же с'пасе нашъ. тако стаҳомъ въ гложбинѣ мору. и мокры быша ногы наша крѣвыѣ нашаї.** Супр 77: 19-24; **ѣко грлдѣтъ година и нынѣ естъ. егда мрѣтвии оѹслышатъ гласть с(ы)на б(о)жикѣ.** (Ин 5: 25) Зогр 143: 34-37 (стлб 2); **Теєвѣ сѧ мили дѣвемъ. та молимъ вл(ады)ко ч(ловѣко)лю(бъ)че. о(тъ)ца г(оспод)а б(ог)а и с(ъ)п(а)са нашего ис(оѹстъ)х(рист)а. съшедъшаго съ н(е)б(е) се. насть ради ч(ловѣк)ъ. и за наше с(ъ)п(асе)ниe.** Син евх 61b: 15-19.

В третью группу входят наименования третьей ипостаси Господа Бога (**доѹхъ божъ(и), божествынъ(и) доѹхъ, сватыи доѹхъ**):

и кр(ь)сти сѧ и(сѹ)сть възыде аби к ю воды. (и се) ювръзоша сѧ юмоу н(е)б(е)са и видѣ (доѹхъ) б(о)жии съходацъ **тако и голжбъ и грлдѣцъ на нъ.** (Мф 3: 16) Мар 7: 21-24; **Видите ли възлюбынни. опасеник словесъ. како божии сватыи доѹхъ. сватыими своими акы оѹже сѫшта хоташта быти проповѣдаше. видѣша бо безаконници и осазаша чоудесы чоудотворца бoga и въ неувѣрствѣ прѣбыша.** Супр 323: 8-14; **васъ веселить вино. мене же благодѣть с(в)а тааго д(оѹ)ха.** Супр 19: 14-15.

Абсолютное большинство перечисленных выше УСК представляют собою кальки греческих выражений. Построенные по славянским синтаксическим моделям, они состоят из славянских же лексем, которые как компоненты сверхсловных единиц, использующихся в текстах религиозной тематики, обретают дополнительные семы христианской святости. Чаще всего под влиянием греческого литературного языка в старославянских текстах у данных УСК наблюдается постпозиция подчиненного согласованного компонента, что придает им дополнительный оттенок торжественности, книжности.

Между УСК ядерной зоны и двумя первыми группами УСК околоядерной зоны нет жестких границ. Так, например, УСК **богъ вѣчны(и), богъ живы(и), богъ истины(и), богъ небесынъ(и) / небесъскъ(и)**, принадлежащие к ядерной зоне, могут использоваться и тогда, когда речь идет о первой или второй ипостаси Святой Троицы. Что же касается имени концепта **«Богъ крѣстианскъ(и)»**, которое возникло в память о мучительной казни на кресте Иисуса Христа, 2-й ипостаси триединого бoga, оно фактически сразу стало общим именем единого бoga христианизированных славян.

Периферийная зона поля вербализаторов концепта **«Богъ крѣстианскъ(и)»** состоит из многочисленных УСК, объединенных дифференциальной комплексной семой ‘отношение к христианскому богу’. К наиболее многочисленным группам периферийной зоны относятся 1) наименования бестелесных духовных существ – слуг христианского бoga (**аггельскъ(и) / ангельскии ликъ, аггельскъ(и) / ангельскъ(и) народъ, аггельскыи / ангельскыи силы, аггельскыи / ангель-**

скыиа вое, аггели / ангели божии, аггели / ангели небесънии, аггели / ангели господъни, аггели / ангели свѣта, аггели / ангели словесънии, архангельскъ(и) ликъ, вое небесънии / небесъсции); наименования матери Иисуса Христа²⁷ 2) наименования земных последователей Христа (раби бoga вышынааго, раби божии, раби господъни, раби хрьстови, божыи оугодъници, божыи люди / чловѣци, слоугы хрьстови) и мучеников за веру христову (святии мжченици, добрии мжченици, святии пръвомжченици, страстыници хрьстови) и пр.

В трансформирующейся языковой картине мира славян триединому Богоу кръстиганьскоу противопоставлен его антипод – Къназъ мира сего = Сотона = Диаволъ «[от греч. diabolos ‘клеветник’]. Глава злых духов, злое начало, противостоящее Богу, властелин ада; родоначальник и виновник греха и смерти на земле, враг истины, Бога и людей, денница, искуситель, лукавый Люцифер, сатана»²⁸. Как и у Бога кръстиганьска, у Къназъ мира сего, по представлениям христиан, в подчинении находится множество бесплотных существ; правда, способны они творить только зло. В старославянских памятниках для них есть несколько общих сверхсловных наименований (бѣсъ зъль – бѣси зъли, доуχъ зъль – доуси зъли, бѣсъ нечистъ – бѣси нечисти, доуχъ зъловы – доуси зъловы) и большое число обозначений существ, «специализирующихся» на причинении людям особого рода бед, пакостей, болезней и т.д.: бѣсъ нѣмъ(и), бѣсъ глоуχъ(и), бѣсъ неджжынъ(и), бѣсъ лжкавъ(и) и пр.

При сопоставлении языческого мировоззрения славян с новым, христианским, невольно приходит на ум мысль о том, что славяне находили немало общих черт у Иисуса Христа и языческих богов, наиболее близких к Богу боговъ, – Световида и Белбога, которые, в соответствии с традиционными верованиями славян, отличались милосердием и наиболее действенно откликались на просьбы простых смертных. Князь мира сего в представлении новообращенных христиан ассоциировался с Чернобогом. Что же касается сонма злых духов, выполняющих волю Князя мира сего, то нам кажется вполне оправданным предположение И.И. Срезневского, который в «Изслѣдованіи о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ» писал: «Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это общее измѣнение понятій языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода человѣческаго»²⁹. Своеобразной заменой для неисчислимого сонма прежних языческих божков, которым славяне поклонялись, обращаясь за помощью (в ратном деле, в семейных и хозяйственных заботах; во время охоты, рыбной ловли или сбора урожая; когда настигали их болезни или умирали близкие), постепенно становились христианские святые. Этому процессу способствовал заведенный ранними христианами обычай вносить в богослужебные книги имена и даты гибели мучеников за веру Христову³⁰.

²⁷ Чернышева 2017.

²⁸ Скляревская 2016, 173–174.

²⁹ Срезневский 1848, 13.

³⁰ См. об этом: Древнейшие русские святые... 1852, 485–517; Лосева 2012.

Язык текстов X–XI вв. отражает важнейшие изменения в менталитете средневековых славян, происшедшие в период христианизации. Ключевые позиции в славянской языковой картине мира заняли концепты, характеризующие православное единобожие, где главенствующая роль принадлежит всемогущему единому Господу – христианскому Богу. Абсолютное большинство единиц поля вербализаторов концепта «Богъ кръстигънъскъ» – это УСК, компоненты которых, организованные по продуктивным славянским моделям, представляют собой общеславянские слова-полисеманты. Следы дохристианского славянского многобожия в старославянских памятниках обнаруживаются как в семантической структуре сверхсловных именований двух первых ипостасей триединого Бога – Бога Отца и Бога Сына, так и в УСК-обозначениях сил, противостоящих Святой Троице, – войска сатанина (бесов, злых духов, напоминающих древнеславянских божков – леших, домовых и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 2020: *Почему Евангелия – не биографии?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novyi_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all
- Благова, Э., Цейтлин, Р.М., Геродес, С. 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М.
- Вендина, Т.И. 2002: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.
- Верещагин, Е.М. 2012: *Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания*. М.
- Востоков, А.Х. 1845: Предисловие. В кн.: *Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым*. I–VIII. СПб.
- Древнейшие русские святыни при Остромировом Евангелии 1852. В кн.: *Христианское чтение*. Ч. I. СПб., 485–517.
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке*. М.
- Жигулина, Д.В., Климова, О.С., Коротенко, М.А., Мишина, Л.Н., Позднякова, Н.В., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2015: *Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий*. Магнитогорск.
- Иванова-Мирчева, Д. (ред.) 1999–2009: *Старобългарски речник*: в 2 т. София.
- Михин, А.Н., Осипова А.А., Хайдарова В.Ф., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2014: *Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия*. Магнитогорск.
- Климова, О.С., Михин, А.Н., Мишина, Л.Н., Осипова, А.А., Ходиченкова, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2012: *Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения*. Магнитогорск.
- Курц, Й. (ред.) 2006: *Словарь старославянского языка*: в 4 т. СПб.
- Лосева, О.В. 2012: *Русские месяцесловы XI–XIV веков*. М.
- Пенкова, П. 1978: Лексикографическая характеристика Синайского евхология. *Советское славяноведение* 2, 83–87.
- Пенкова, П. 2008: *Речник-индекс на Синайский евхологий*. София.
- Скляревская, Г.Н. 2016: *Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь*. СПб.
- Срезневский, И.И. 1848: *Исследования о языческом богослужении древних славян*. СПб.

- Толстой, Н.И. 1998: Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян. *Избранные труды*. Т. II. *Славянская литературно-языковая ситуация*. М., 49–65.
- Трубачев, О.Н. 1992: *В поисках единства*. М.
- Цейтлин, Р.М. 1977: *Лексика старославянского языка*. М.
- Черных, П.Я. 1993: Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.
- Чернышева, М.И. 2017: *Именования Богородицы в древнерусской письменности: около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями*. М.
- Шулежкова, С.Г., Анохина, С.А., Осипова, А.А., Михин, А.Н., Хайдарова, В.Ф. 2020: *Большой фразеологический словарь старославянского языка*. Т. 1. М.
- Шулежкова, С.Г. 2019: Вера и безверие в славянских текстах X–XI вв. сквозь фразеологическую призму. *Логический анализ языка в различных языках и культурах*: в 2 ч. М.
- Шулежкова, С.Г., Дворжецкий, Р.В., Косминская, Е.А. 2017: *Индекс устойчивых словесных комплексов Ватиканского евангелия X века*. Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г. (ред.) 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.
- Kurz, J. (ed.) 1958–1997: *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–4. Praha.
- Mokienko, W.M. 2018: Prinzipen einer historisch-etymologischen Analyse der Phrazelogie. *Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie*. Burlington–Greifswald, 78–95.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Walter, H. 2018: *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren für Slawisten, Germanisten und Polonisten*. Greifswald.

REFERENCES

- Averintsev, S.S. 2020: *Pochemu Evangeliya – ne biografi?* [Why are Gospels not biographies?], http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novyi_zavet/pochemu_evangelie_ne_biografii-all.
- Blagova, E., Tseytlin, R.M., Gerodes, S. et al. 1994: *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic dictionary (based on texts of the 10th–11th centuries)]. Moscow.
- Chernyshyova, M.I. 2017: *Imenovaniya Bogoroditsy v drevnerusskoy pis'mennosti: Okolo 500 leksicheskikh edinits s ob'yasneniyami i kommentariyami* [Names of the Virgin in ancient Russian texts: About 500 lexical units with explanations and comments]. Moscow
- Drevneye russkie svyatyye pri Ostromirovom Evangeliu 1852 [The earlier Russian saints from the Ostromir Gospel 1852]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Readings]. P. I. Saint Petersburg, 485–517.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovaniya lits v staroslavyanskom yazyke* [The names of persons in the Old Church Slavonic language]. Moscow.
- Ivanova-Mircheva, D. (ed.) 1999–2009: *Starobylgarski rechnik*. 2 vols. [Old Bulgarian dictionary]. Sofia.
- Klimova, O.S., Mikhin, A.N., Mishina, L.N., Osipova, A.A., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2012: *Indeks ustojchiviykh slovesnykh kompleksov pamyatnikov vostochnoslavyanskogo proiskhozhdeniya* [Index of set phraseological units of manuscripts of the East Slavic origin]. Magnitogorsk.
- Kurts, J. (ed.) 2006: *Slovar' staroslavyanskogo yazyka* [Dictionary of the Old Church Slavonic language]. 4 vols. Saint Petersburg.
- Kurz, J. (ed.) 1958–1997: *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–4. Praha.

- Losieva, O.V. 2012: *Russkie mesyaceslovy XI–XIV vekov* [Russian menologies of the 11th–14th centuries]. Moscow.
- Mikhin, A.N., Osipova A.A., Hajdarova V.F., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2014: *Indeks ustojchiviykh slovesnykh kompleksov Ostromirova evangeliya* [Index of set phraseological units of Ostromir gospel]. Magnitogorsk.
- Mokienko, W.M. 2018: Prinzipen einer historisch-etymologischen Analyse der Phrazelogie. *Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie*. Burlington–Greifswald, 78–95.
- Nida, E.A. 1947: *Bible Translating: an Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages*. New York.
- Penkova, P. 1978: *Leksikograficheskaya kharakteristika Sinayskogo evhologiya* [Lexicographic characterization of the Sinai Euchology]. Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic Studies] 2, 83–87.
- Penkova, P. 2008: *Rechnik-indeks na Sinayskiya evkhologiy* [Vocabulary and index on the Sinai Euchology]. Sofia.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Shulezhkova, S.G. (ed.) 2011: *Frazeologicheskiy slovar' staroslavyanskogo yazyka: svyshche 500 ed.* [Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language: over 500 units]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. 2019: *Vera i bezverie v slavyanskikh tekstakh X–XI vv. skvoz' frazeologicheskuyu prizmu. Logicheskiy analiz yazyka v razlichnykh yazykakh i kul'turakh* [Faith and faithlessness in Slavic texts of the 10th – 11th centuries through the phraseological prism. Logical analysis of language in various languages and cultures]. 2 pts. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Anokhina, S.A., Osipova, A.A., Mikhin, A.N., Khaydarova, V.F. 2020: *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' staroslavyanskogo yazyka* [Great Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. V. 1. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Dvorzhechiy, R.V., Kosminskaya, E.A. 2017: *Indeks ustoychiviykh slovesnykh kompleksov Vatikanskogo evangeliya X veka* [Index of set phraseological units of the Vatican Gospel of the 10th century]. Magnitogorsk.
- Sreznevskiy, I.I. 1848: *Issledovaniya o yazycheskom bogosluzhenii drevnikh slavyan* [Study of the pagan service of the ancient Slavs]. Saint Petersburg.
- Tolstoy, N.I. 1998: *Drevnyaya slavyanskaya pis'mennost' i stanovlenie etnicheskogo samosoznaniya u slavyan* [Ancient Slavic writing and the formation of ethnic identity among the Slavs]. In *Izbrannye trudy. T. II. Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected works. Vol. II. Slavic literary and linguistic situation]. Moscow, 49–65.
- Trubachev, O.N. 1992: *V poiskah edinstva* [In search of unity]. Moscow.
- Tseitlin, R.M. 1977: *Leksika staroslavyanskogo yazyka* [Lexics of the Old Church Slavonic language]. Moscow.
- Vendina, T.I. 2002: *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka* [A Medieval human in the mirror of the Old Church Slavonic language]. Moscow.
- Vereshchagin, E.M. 2012: *Kirillo-Mefodievskoe knizhnoe nasledie. Mezhazykovye, mezhkul'turnye, mezhvremennye i mezhdisciplinarnye razyskaniya* [Cyril and Methodius book heritage. Inter-language, inter-cultural, inter-time and inter-disciplinary studies]. Moscow.
- Vostokov, A.H. 1845: *Predislovie* [Preface]. In *Ostromirovo evangeliye 1056–1057 goda s prilozheniem grecheskogo teksta evangeliy i s grammaticeskimi ob'yasneniyami, izdan'noe A. Vostokovym*. In *Ostromir gospel of 1056–1057 with the Greek text of the gospels and grammatical explanations, published by A. Vostokov*. I–VIII. Saint Petersburg.

- Walter, H. 2018: *Biblische Sprichwörter. Deutsch-Russisch-Polnisches Wörterbuch mit historisch-etymologischen Kommentaren für Slawisten, Germanisten und Polonisten*. Greifswald.
- Zhigulina, D.V., Klimova, O.S., Korotenko, M.A., Mishina, L.N., Pozdnyakova, N.V., Khodichenkova, D.A., Shulezhkova, S.G. 2012: *Indeks ustoychivykh slovesnykh kompleksov Arkhangelskogo i Turovskogo evangeliy* [Index of set units of the Arkhangelsk and Turov Gospels]. Magnitogorsk.

SUPERWORD NAMES OF CHRISTIAN CONCEPTS IN THE OLDEST SLAVIC TEXTS

Svetlana G. Shulezhkova¹, Artem N. Mikhin²

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹*E-mail:* shulezkova@gmail.com ²*E-mail:* artem.2000@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the superword units that characterize the Christian God and his environment in the Old Slavonic manuscripts, which reflected changes in the way of thinking of the Slavs during the Christianization period. Difficulties in mastering the new faith were overcome by the Slavs rather calmly, because their way to Orthodoxy was paved by the Slavic first teachers Cyril and Methodius, and in the teachings of Christ there was a lot in common with the traditional pagan beliefs of the Eastern Slavs. Guided by the motto *the Lord wants all people to be saved and reach the knowledge of truth*, the Solun brothers laid the foundations for the fourth confessional literary language of Europe, which is commonly called Old Church Slavonic in domestic linguistics. Relying on linguistic resources understandable to all Slavs, Cyril and Methodius tested a series of models of word and phrase formation to denote Christian religious and philosophical concepts and cult realities, which became verbalizers of the emerging new concepts that took key positions in the transformed language picture of the world of newly converted Christians. An important place in this specific set of language units began to be occupied by the names of Christian idols (the Holy Trinity – God the Father, God the Son and the Holy Spirit), Our Lady – and numerous otherworldly creatures. The analysis of the units used in the manuscripts of the 10th – 11th centuries that have survived to this day, as well as the great amount of set phrases serving as names of the inhabitants of the heavenly kingdom and their opponents, indicate that the Orthodoxy of the Slavs absorbed many features of their former, pagan worldview.

Keywords: Slavs, monotheism, baptism, way of thinking, phraseological set units, paganism

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 240–247
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 240–247
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-240-247

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ **КАМЫ** И **КАМЕНЬ**, ОТРАЖАЮЩИЕ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА, В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

А.А. Осипова¹, С.А. Анохина²

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

¹ E-mail: osashenka@yandex.ru ² E-mail: asa.06@inbox.ru

¹ ORCID: 0000-0002-1072-696X ² ORCID: 0000-0002-9174-3584

Аннотация. Во всех религиях мира камень наделяли особыми символическими смыслами. В дошедших до наших дней старославянских памятниках письменности используются устойчивые словесные комплексы, где компоненты *камень*, *каменный* несут в себе особый символический смысл и метафорически используются в составе образных изречений религиозного свойства, а также отображают реалии средневекового общества. Часть рассматриваемых оборотов возникла еще в Ветхом Завете (например, *драгоценный камень*, *побивать/побить камнями*), другие же появились позднее и связаны с образом Иисуса Христа (например, *камень подать вместо хлеба, не оставить камня на камне*). Так или иначе, эти обороты закрепились во фразеологическом фонде славянских языков и продолжают успешно функционировать, сохраняя в себе генетическую память об определенных исторических событиях, личностях, обычаях. Анализ устойчивых словесных комплексов с компонентами **камы** и **каменъ**, функционирующих в древних славянских текстах, позволил выявить существенные грани сакральных представлений средневекового христианина о камне, зачастую восходящие к более древним временам. Образ камня, зафиксированный в семантике рассматриваемых в статье устойчивых словесных комплексов, сочетает в себе как положительные, так и отрицательные с точки зрения носителя языка качества, описание которых позволяет дополнить языковую картину мира средневекового христианина.

Ключевые слова: средневековые, славяне, старославянский язык, средневековое общество, древнеславянские тексты

С древнейших времен камень был наделен особым смыслом –определенности, незыблемости, неизменяемости, крепости. Символ камня существует во всех

Данные об авторах: Осипова Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Анохина Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

религиях мира. В христианстве прослеживается историческая тенденция изменения образа камня от символа, обозначающего сакральное место, до символа Церкви в целом. «Эта тенденция основана на понимании древними образа “неотесанного камня” до новозаветного толкования символа обработанного и драгоценного камня, стоящего в основании Церкви и имеющего в себе образ Христа»¹. Особый смысл камня имеет много проявлений: каменные скрижали Моисея, камень Иакова («Это есть камень, из которого вырос мир...»), камень положен в основание сионского храма. Особенно замечателен символ жертвенника как камня, символически связующего Ветхий Завет с Новым. Эзотерический смысл символа камня ясно раскрывается Христом в притче о доме, построенном на песке и разрушенном бурей, и доме, построенном на камне, не боящемся ненастяя.

Устойчивые словесные комплексы (УСК) с компонентами **камы** и **камень**, функционирующие в старославянских текстах, отражают важные грани сакральных представлений средневекового христианина о камне.

УСК **каменик драго(и), камы драгъ(и)** встречается уже в Ветхом Завете. Этот оборот хотя и употребляется в прямом значении – «камень как редкой красоты минерал, использовавшийся преимущественно для ювелирных изделий», – но преимущественно в составе образных изречений религиозного свойства. Так, в главе 20 автор Книги Притчей Соломоновых призывает к надежде на Бога, трудолюбию, скромности: **Есть злато и множество каменій драгиъ, со с��дъ честенъ оустинъ разоумны** (Книга Притчей Соломоновых, гл. 20, стих 15). Отметим, что первоначально чаще в состав рассматриваемого УСК включался компонент **чъстънъ(и)** («чъстънъ – 5. (высоко) ценимый, ценный, дорогой; драгоценный»²). К примеру, в Псалме 18 Псалтири говорится о том, что откровение, как данное и происходящее от Бога, не имеет в себе ничего греховного, а потому оно не подлежит изменению или очищению: оно вечно и неизменно. В откровении заключается истина, поэтому оно праведно. Если такова зиждущая и обновляющая сила откровения, понятно, что данность его неизмеримо выше всяких слитков золота и приятнее меда, выше всех внешних, материальных ценностей, в том числе драгоценных камней: **Въждѣлѣни паче злата и камене честна многа и слаждша паче меда и сота** (Псалом 18, стих 11). В другом псалме восхваляется Господь, даровавший победу Давиду, который надел на свою голову корону из чистого золота с головы врага: **Гако предварилъ еси его бл(а)гословеніемъ бл(а)гостыннымъ положилъ еси на главъ егъ вѣнецъ ѿ камене честна** (Псалом 20, стих 4). Позднее, в памятниках X–XI вв., и слова этих же псалмов, и другие изречения включали в себя только УСК **каменик драго(и), камы драгъ(и)**, и именно он закрепился во фразеологическом фонде, ср.: **Съждѣбни г(осподь)ниа истинны оправданы въкоупѣ. Въждѣлана паче злата і камені драга многа** (Пс 18: 10-11) Син пс 22а: 20-23; **положіль еси на главъ его вѣнъцъ. отъ камені драгаєго.** (Пс 20: 4) Син пс 23б: 18-20; **соудьбы г(осподь)на истинны оправданы въкоупѣ. Въждѣлѣна паче злата и каменіа драга многа. И слажыша паче медоу и съта. Ибо рабъ твои хранить я.** Быч 2.2: 9-14; **сє цѣсарь вѣнъцъ отъ камени драгааго ношж.** Супр 368: 16-17; **прѣчисты ц(ѣса)рю. Давы своемоу работъникоу мосею. і сътворь**

¹ Остроумов 2021.

² Цейтлин 1994, 787.

драгааго камене. кыпашю водж. источниче благодѣтынты. Син евх 21а: 22 – 21б: 1-5, с. 48-4; красота бо զлата есть на нен. и оұзы кта извитык камене драгааго. Изб 1076 140.2: 11-13 – 141.1: 1; Не иzmѣни дроңга различия дѣла. ни брата приснааго զлата дѣла и камене драгааго. Изб 1076 159.2: 12-13 – 160.1: 1-2.

Устойчивый оборот **гробынъ(и) камень** («могильный камень») употреблён в евангелии при описании погребения Христа. Гробницу высекли в скале, и названа она была «новый гроб» (Мф 27: 60) (здесь имеется в виду, что в этот гроб ещё никто не был положен). Враги Христа тревожились о том, чтобы тело Христа не украли из гробницы его ученики и не сказали бы потом народу, что Христос воскрес из мёртвых. Они попросили Пилата обеспечить охрану места погребения Иисуса. Римские воины привалили большой камень к гробу и запечатали его³: **и на вѣчерни съ господыни възлѣжашта. нъ оукромъ мрѣтваго рѣшиши. а своего нѣвѣрѣства не рѣшиши. и гробынъ камы отъвалакши** Супр 338: 27-28. Исторические корни оборота **камы гробынъ(и)** позволяют воспринимать в обыденном сознании гробовой камень или плиту не только как памятник, но и как некую преграду, существующую между миром мертвых и живых.

Сугубо положительную семантику несет в себе УСК **основати на камене чѣто** – «сделать надолго, на века чѣто». Этот оборот встречается неоднократно в Ветхом и Новом Завете. Так, в евангелиях Иисус Христос говорит о том, что всякий, приходящий к нему и исполняющий слова его подобен человеку, строящему дом и положившему основание на камне, а слушающий и неисполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания (Лк 6: 47-49): **И съниде дѣждъ и придѣ рѣкы. и възвѣаша вѣтри. и нападж на храминж тж. И не паде сѧ. основана бо бѣ на камене** (Мф 7: 25) Ас 70, Зогр 8, Мар 21, Сав 12; **всѣкъ градди къ мнѣ. и слышаши словеса мотѣ и творя бѣ. съкажж вамъ. комоу естъ подобынъ. подобынъ естъ ч(ловѣкъ)коу зижджашту храминж. іже іскопа и оуклажби. и положи основанье на камене. наводью же бѣвѣши. припаде рѣка храминѣ тол. и не може подвигнжти сѧ. основана бо бѣ на камене** (Лк 6: 47-48) Зогр 93, Мар 220; **и а(н)ѣл(ъ)ское образъное обѣтование. недвижимо. основано. на акротомѣ. и д(оу)ховынѣ камени твои вѣрты** Син евх 93б: 15-18, с. 291.

В древних текстах активно функционируют и УСК **каменик мѣтати, мѣтати каменик на кого, каменикъ бити / побити, побивати кого, кыиҳъ** (реже их синоним – **врѣзижти камень на кого**). Побивание (т. е. забрасывание кого-л. до сильных ушибов или смертельного исхода) камнями было одним из видов публичного наказания или казни осужденных в Древней Иудее. В законе Моисея выделено несколько видов преступлений, за которые полагалась смертная казнь (причем чаще всего именно побиванием камнями): поклонение чужим богам (Втор 12: 10, 17: 5), обман (Исх 17: 4), принесение в жертву Молоху детей (Лев 20: 2), непочитание родителей (Втор 21: 21), воровство (Ис 7: 25), хула на Бога (3 Цар 21: 10) и пр. Среди этих преступлений было и прелюбодеяние (Втор 22: 24, Иез 16: 40 и др.). Наибольшую популярность описываемому УСК принес евангельский рассказ об Иисусе и грешнице, повинной в прелюбодеянии, за что ее собирались

³ Лопухин 2007, 601–602.

побить камнями. Ветхозаветное право предписывало обвинителю («свидетелю») первым бросить камень в обвиняемого (Втор 13: 9, 17: 7)⁴: и имъше дѣлателѣ рабы иго ового биша. ового огвиша. ового же каменикемъ побиша. (Мф 21: 35) Ват 78: 7-9 53(fol 107r); И(ю)р(оусали)мѣ избивты пр(оро)кты. и каменикемъ побиваи. посълантыи къ тѣбѣ. (Мф 23: 37) Мар 86: 13-15; гла(гола)шл ємоу. оучителю си жена иата есть нынѣ въ прѣлюбодѣвани. а въ законѣ намъ моси повелѣ. таковтыи каменикемъ побивать (Ин 8: 4-5) Мар 347: 5-9; и отъвѣшта имъ ис(оусъ). мънога дѣла добраа щвихъ вамъ. отъ о(ть) ца моего. за кое іхъ дѣло камение на ма мештете. Зогр 156: 26-30 (стлб 2); г(лаго)лаша юмоу оученици иго равви. нынѣ искаиж тѣбѣ каменикемъ побити иоудеи и пакты ли идѣши тамо Остр 137aa: 18 – 137aб: 1-8; аште ли речемъ отъ ч(ловѣ)къ. людье вси каменикемъ побижитъ ны. извѣстъно бо бѣ людьмъ. о юанѣнѣ. юко пророкъ бѣ. (Лк 20: 6) Мар 288: 20-23; гла(гола)шл ємоу оученици равви нынѣ искаиж тѣбѣ каменикемъ побити иоудеи (Ин 11: 8) Зогр 157: 4-7, Сав 68: 29-31; и повелѣ тоу сжшта въ ровѣ каменикемъ побити Супр 6: 14; тъгда доук'съ повелѣ каменикемъ лица имъ вити Супр 74: 1-2; и приведенъ бывъ и(сог)съ лѣкинию кна遵义у. по многахъ лжкахъ. каменикемъ побиен быстъ Ен 38б: 9-10, с. 157; повѣждь бо ми аште бѣ осъла мрѣтво и смырдаште отъ распоутнага привлѣкъ на трѣбъници положивъ не быша ли тѣбѣ каменикемъ побили акты сквирника Изб 1073 84.2: 6-13 (стлб 2); не кради. ахаръ бо крадъ въ юрихонѣ каменикемъ побиенъ жигтия отъиде Изб 1073 92.1: 6-9 (стлб 1); иаковъ же алфенин. проповѣдата въ икроусалімѣ отъ иоудеи каменикемъ побиенъ погрѣбенъ бѣ тоу оу ц(ю)квѣ Изб 1073 258.2: 27-29 (стлб 2) – 259.1: 1-3 (стлб 1).

Продолжает тему смертной казни в древнем обществе УСК **камы жрънъвънъ(и)** («мельничный каменный круг для размола зерна»). В евангелиях приводятся слова Христа: и иже аще съблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ вѣроуїштихъ въ ма. добрѣ ємоу есть паче. аще обложатъ камень жръновънты о вты его. и въврѣгжть і въ море. (Мк 9: 42) Мар 152: 27 – 153: 1-7, и иже аште съблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ вѣроуїштихъ въ ма добрѣ ємоу есть паче. аште обложатъ камень жръновънты о вты его. и въврѣгжть і въ море. Зогр 63: 27-34 (стлб 2), добрѣ ємоу би было. аште би камень жръновънты. възложенъ на втыж его. и врѣженъ въ море. Зогр 118: 29-35 (стлб 1); оунѣ ємоу би было. аште би камень жръновънты възложенъ на втыж его. и въврѣженъ въ море. неже да сканьдалисаатъ малыи (сихъ) единого. (Лк 17: 2) Мар 274: 20-24. Потопление в море не было иудейской казнью, но практиковалось у греков, римлян, сирийцев и финикиян.

Представление о глобальном уничтожении чего-либо вербализует УСК **не оставити, не остати камене на камене**. По преданию, Христос однажды предрек гибель Иерусалима (Мф 24: 2; Мк 13: 2 и др.). Стоя на горе Елеонской, он обвел рукой его пышные постройки (в том числе Иерусалимский храм – одно из чудес света) и сказал: «Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено так, что *не останется камня на камне*». Предсказание исполнилось буквально. Во время иудейской войны и взятия Иерусалима Титом в сентябре 70 г. н. э.

⁴ Бирих, Мокиенко, Степанова 1999, 243; Дубровина 2010, 57; Молотков 1967, 49.

храм был сожжен, а город разрушен римскими войсками до основания. Место, где стоял прежде храм, было вспахано плугом, так что не осталось камня на камне. Еврейский народ был рассеян по всей земле. Вместо евреев в Палестине поселились другие народы и снова построили разоренные города, в том числе и город Иерусалим⁵: **онъ же отъвѣштавъ рече имъ. не видите ли въсѣхъ сихъ. аминъ г(лаго)лѣжъ вамъ. не иматъ съде остати камень на камени. іже не разоритъ сѧ** (Мф 24: 2) **Мар 87: 2-6, Ас 95-96; іс(оус)ъ же отъвѣштавъ рече ємоу. ви(ди)ши ли вѣликага си зъданиѣ. не иматъ остати съде камень на камени. іже не иматъ разорити сѧ** (Мк 13: 2) **Мар 167: 21-24, Зогр 70: 14-18 (стлб 2); приджтъ дѣньє. въ наїже не останетъ камень на камени съде. іже не разоритъ сѧ** (Лк 21: 6) **Зогр 126: 15-17 (стлб 2), Мар 293: 10-11.**

Следующий УСК с ключевым компонентом **камы – камень подати комоу** («ответить кому-либо отказом в жестокой, уничижительной форме на просьбу о помощи в безвыходной, критической ситуации») относится к определенному евангельскому сюжету. Спаситель, прибегая к сравнению, говорит о том, что вряд ли найдётся человек, который, даже будучи злым, даст своему голодному сыну камень вместо хлеба: если злой человек не способен отказать в просьбе о самом необходимом сыну, то тем более Отец Небесный даст блага просящим у него (Мф 7: 11): **ли кто естъ отъ васъ чл(овѣ)къ. егоже аще проситъ с(ты)нъ свои хлѣба. єда камень подастъ ємоу.** (Мф 7: 9) **Мар 19: 12-14; котораго же васть о(ть)ца въспроситъ с(ты)нъ свои хлѣба. єда камень подастъ ємоу.** или **рыбы. єда въ рыбы мѣсто. змию подастъ ємоу** (Лк 11: 11) **Сав 150: 15-19, котораго же отъ васъ о(ть)ца. въспросить с(ы)нъ свои хлѣба єда камень подастъ ємоу или рыбы. єда въ рыбы мѣсто подастъ ємоу змию** Остр 275бβ: 3-11, **оу котораго васть о(ть)ца с(ы)нъ свои въспросить хлѣба. єда камень подастъ ємоу.** или **рыбы. єда въ рыбы мѣсто змию подастъ ємоу.** Арх 184: 10-16. Происхождение оборота иногда связывают с древнеримским мифом о Сатурне, боге времени, который пожирал все, сотворенное им, даже собственных детей. Рея, его жена, чтобы спасти новорожденного Юпитера, вместо сына подала Сатурну камень⁶. Примечательно, что в исследуемых древних славянских текстах отмечен и синонимичный вариант анализируемого УСК – **въ рыбы мѣсто змию подати** (вместо *рыбы подать змею*), но тем не менее через века прошел и закрепился в современном русском языке только фразеологизм **камень подать (вместо хлеба)**⁷.

Устойчивая формула крайнего возмущения чем-л. **каменък възъпiti, въпiti иматъ, каменък възъпятъ** встречается только у евангелиста Луки. Он повествует, что некоторые фарисеи, выйдя из толпы народа, в которой они находились, обратились к Христу с предложением запретить его ученикам славословие. Господь отвечал на это, что хвалы, обращенной к Богу, нельзя остановить. При этом он употребил поговорку о камнях, которая встречается и в Талмуде: «... если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк 19: 40): **приближающи же сѧ ємоу абиє къ низъходженю горѣ елеонъстцѣи. начатъ въсе множество оученикъ. радоужште сѧ хвалити в(ог)а. гласомъ велиемъ о въсѣхъ силахъ иже**

⁵ Лопухин 2007, 468; Бирих и др. 1999, 246–247.

⁶ Бирих и др. 2005, 282.

⁷ Бирих и др. 2005, 245.

видѣша. гла(агол)ижще бл(а)госл(о)в(ь)нъ грады въ има г(осподь)не. миръ н(а) н(е)б(е)сє и слава въ вѣшинахъ. і едини фарсѣи отъ народа рѣша къ немоу. оучителю запрѣти оученикомъ твоимъ. и отъвѣшавъ рече имъ. гла(агол)иж вамъ. ъко аще и сини оумъчать. каменіе въпити иматъ (Лк 19: 37-40) Мар 287: 2-14, приближающіе же сѧ ємоу абые. къ низъходѣнью горѣ елеонъсцѣ. оучатъ в'сє множество оученикъ. радоижште сѧ хвалите б(ог)а. гласомъ вельемъ. о в'сѣхъ силахъ ыаже видѣша. гла(агол)иж ште. Бл(а) г(ословь)нъ. грады. ц(ѣса)рь въ има г(осподь)не. миръ на н(е)б(е)с(ь)хъ. і слава въ вѣшинахъ. I етери фарисѣи рѣша къ немоу отъ народа. оучителю запрѣти оученикомъ твоимъ. і отъвѣшавъ рече имъ. гла(агол)иж вамъ. ъко аште сини оумъчать. каменіе възъпити иматъ Зогр 123: 12-29 (стлб 2). Источник выражения – двустишие поэта Писида, цитируемого Свидой в качестве автора этого изречения. Позднее у оборота **каменък възъпити иматъ, каменък възъплатъ** развивается значение «о чем-нибудь до такой степени ужасном, что не только люди, но даже и камни, если бы они были наделены даром речи, должны выразить чувство своего негодования».

Идол, истукан, которому язычники поклонялись, как божеству, в древних текстах именуется УСК **камънныи богъ, каменик бездоушно**. В нем вербализуется представление о камне как о чем-то безжизненном, мертвом в отличие от Бога живого – Иисуса Христа, посланного свыше ради спасения рода человеческого. Древние греки почитали богов в виде неотесанных камней, а позднее – каменных статуй. В греческой мифологии младенца Зевса – будущего верховного бога – подменяли камнем. Из камня был рожден иранский бог Митра. Поклонение камням имело чрезвычайно широкое распространение в средневековой Европе. Во времена, описываемые в евангелиях, язычники продолжали служить идолам – поклонялись каменным богам: **да речетъ камънтыи богъ вашъ. что ҳоштетъ да ѿмоу ҳаколжть. коѫж ли или волъ или птицж. чистынъише ѿмоу** Супр 116: 11-12; и абык въ сынѣ видялъ своего с(ы)на глаголжшта имъ. ч'со радма плачете и рыдаюте о съмрти моен. не можете мене пости жива. понеже в'зи ваши того сътворити не могутъ. каменък бездоушно и коѫмирик сжште. Супр 536: 5-9.

Одним из наиболее употребительных стал заимствованный старославянским языком из древнегреческого УСК **камы жгълънъ(и)** (в совр. русском – *краево-глыбный камень*), восходящий к строительной терминологии. В притче о виноградаре Иисус рассказывает о том, как работники выгнали из виноградника и убили сына хозяина, тем самым обрекая и себя на смерть. Они поступили так же, как неразумные строители, которые выбрасывают наиболее прочный камень, посчитав его ненужным, что приводит к разрушению самого здания: «Неужели вы не читали сего в Писании: “камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла”» (Мк 12: 10-11). В евангельских текстах данный оборот используется в метафорическом значении – символизирует Иисуса Христа, учение которого созидает новый духовный дом – христианскую церковь⁸, но современники-иудеи отвергают это учение и обрекают Мессию на смерть: **по срѣдѣ двоіхъ люди. камень жгълънъ лежа. і по срѣдѣ закона і пророкъ въ коѫпѣ**

⁸ Дубровина 2010, 320–321.

проповѣдаємъ Клоц 13б: 32-34, с. 100; юсъ вожни съинъ· посрѣдѣ отъца и доуха· обою животоу животъ отъ живота· истиинънъи животъ гавыгл са· и посрѣдѣ аггель· и чловѣкъ· въ таслѣхъ раждај са· посрѣдѣ дѣвоюнхъ людни· камень жгѣльнъ лежа· и междоу закономъ и пророкы· въкоупѣ проповѣдаюмъ. Супр 451: 5-11.

Таким образом, анализ УСК с компонентами **камы** и **каменъ**, функционирующих в древних славянских текстах, позволяет выявить существенные грани сакральных представлений средневекового христианина о камне, зачастую восходящие к более древним временам. Образ камня, легший в основу исследованных УСК, сочетает в себе как положительные, так и отрицательные с точки зрения носителя общеславянского литературного языка качества, описание которых позволяет воссоздать важные фрагменты языковой картины мира средневекового христианина.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. 2005: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. М.
- Дубровина, К.Н. 2010: *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.
- Лопухин, А.П. (ред.) 2007: *Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 7 т. Т. 1. Новый Завет. М.
- Лопухин, А.П. (ред.) 2008: *Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 7 т. Т. 3. Ветхий Завет. М.
- Молотков, А.И. и др. 1967: *Фразеологический словарь русского языка*. М.
- Остроумов, Д.А. 2021: Образ сакрального камня в христианстве. *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии* 3. [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://prohram.com/sacredstone>].
- Цейтлин, Р.М. и др. 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М.

REFERENCES

- Birikh, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. 2005: *Russkaya frazeologiya. Istoriko- etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow.
- Dubrovina, K.N. 2010: *Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of biblical phraseological units]. Moscow.
- Lopukhin, A.P. (ed.) 2007: *Tolkovaya Bibliya, ili kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vетхого i Novogo Zaveta*: v 7 tomakh. T. 1. *Novyy Zavet* [Explanatory Bible, or comments on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament, 7 vols. Vol. 1. New Testament]. Moscow.
- Lopukhin, A.P. (ed.) 2008: *Tolkovaya Bibliya, ili kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vетхого i Novogo Zaveta*: v 7 tomakh. T. 3. *Vetkhiy Zavet* [Explanatory Bible, or comments on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament: 7 vols. Vol. 3. Old Testament]. Moscow.
- Molotkov, A.I. i dr. 1967: *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow.
- Ostroumov, D.A. 2021: Obraz sakral'nogo kamnya v khristianstve [The image of the sacred stone in Christianity]. *Teologicheskiy vestnik Smolenskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Sem-*

-
- inarii [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary] 3. <https://prohram.com/sacredstone>.
- Tseytlin, R.M. et al. 1994: *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (according to manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow.

SET UNITS WITH COMPONENTS **КАМЫ** AND **КАМЕНЬ**, REFLECTING TRADITIONS OF THE MEDIEVAL SOCIETY, IN ANCIENT SLAVIC TEXTS

Aleksandra A. Osipova¹, Svetlana A. Anohina²

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹*E-mail:* osashenka@yandex.ru ²*E-mail:* asa.06@inbox.ru

Abstract. A stone was endowed with special symbolic meanings in all religions. Set units with components *камень*, *каменный* were used in Old Slavonic manuscripts. Having special symbolic meaning and metaphorically used as parts of figurative sayings of religious character, they also reflected the realities of the medieval society. Some of the analyzed units appeared in the Old Testament (for example, *gemstone*, *beat/stoned*), while others were born later and were associated with the image of Jesus Christ (for example, *serve a stone instead of bread*, *leave no stone unturned*). Somehow or other, these set units stay in the phraseological corpus of Slavonic languages and continue to function successfully, keeping the genetic memory of certain historical events, personalities, customs. The analysis of set units with components **КАМЫ** and **КАМЕНЬ**, functioning in ancient Slavonic texts made it possible to identify significant facets of the sacred ideas of the medieval Christian about stone, often dating back to more ancient times. The image of stone, held in the semantics of the set units studied in the article, combines both positive and negative qualities from the native speaker's point of view. The description of these qualities allows enriching the linguistic picture of the world of a medieval Christian.

Keywords: Middle Ages, Slavs, old Slavic language, medieval society, old Slavic texts

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-248-255

ДВА ЛАЗАРЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (К ИСТОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ)

Н.В. Позднякова¹, Л.Н. Чурилина², А.А. Осипова³

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия,*

¹ *E-mail:* nvp2018@bk.ru ² *E-mail:* lchurilina@gmail.com ³ *E-mail:* osashenka@yandex.ru

¹ *ORCID:* 0000-0001-5680-6298 ² *ORCID:* 0000-0002-2898-8538
³ *ORCID:* 0000-0002-1072-696X

Аннотация. В статье представлены результаты реконструкции образов двух «одноименных» евангельских персонажей – Лазаря Четверодневного и Лазаря-нищего. Никак не связанные друг с другом событийно и рождающиеся в разных контекстах – «псевдо»-реальном и притчевом, они перекликаются на уровне символическом – уровне глубинных смыслов, в совокупности формирующих религиозную картину мира. Материалом для реконструкции послужили созданные на восточнославянской почве письменные памятники раннего Средневековья, ретранслирующие в славянскую модель мира новую для нее систему ценностей, иное мировосприятие. Лазарь Четверодневный, он же – Святой, Праведный, наделяется чертами реальной личности и в исторической перспективе становится значимым для христианства символом веры в Христа, веры во всеобщее воскресение. Персонаж притчи Лазарь-нищий является собой образец страдания и смирения, которые будут вознаграждены после воскресения. Рожденные воображением разных авторов – евангелистов Иоанна и Луки, уже в евангелиях-апракосах два Лазаря обнаруживают тенденцию к взаимному проецированию, что объективируется ставшими устойчивыми в русской языковой картине мира сверхсловесными единицами. Дошедшие до нас памятники играют огромную роль в понимании новозаветного текста. И в этом случае наибольший интерес для исследователя представляют наблюдаемые трансформации новозаветных образов, детерминированные новой для них «средой обитания» – культурой принимающего новую для себя картину мира этноса.

Ключевые слова: Лазарь четверодневный, нищий Лазарь, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна, древние славянские тексты, картина мира

Данные об авторах: Наталья Викторовна Позднякова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова; Любовь Николаевна Чурилина – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова; Александра Анатольевна Осипова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Имя Лазарь отмечено во всех древнейших памятниках письменности славянского Средневековья, ретранслирующих евангельские тексты. При этом в Новом Завете оно соотносится с двумя субъектами, событийно никак друг с другом не связанными, – Лазарем Четверодневным и Лазарем-нищим из притчи о богаче и нищем.

Лазарь Четверодневный – персонаж Евангелия от Иоанна, текста, существенно отличающегося от синоптических и по стилю, и по содержанию, поскольку создаваемый здесь образ Иисуса Христа являет миру, по мнению толкователей Библии, Спасителя человечества. По Евангелию (Ин 11: 1–44), Лазарь – человек, с которым Христос был дружен и в чей дом был вхож, тяжело заболел. Христа в это время не было в Иудее, однако сестры Лазаря, Мария и Марфа, не просили Христа прийти к ним в Иудею и помочь, поскольку они знали, «что здесь Христу угрожает большая опасность со стороны Его врагов. В уповании на Его чудотворную силу, они только почтительно сообщают Ему о тяжкой болезни своего брата. Они уверены, что Господь может, даже находясь вдали от Лазаря, исцелить его»¹. Однако Господь пришел в Вифанию лишь после смерти Лазаря. Как отмечает А.П. Лопухин, Христос промедлил целых два дня в Перее из-за того, что «действовал так, как угодно было Его Отцу. Хотя дружба влекла Его к больному Лазарю, но Он подчинил Свое личное влечение воле Отца <...> Он радуется, что Лазарь умер в Его отсутствие – иначе Он, конечно, исцелил бы его, и не совершилось бы большого чуда – воскрешения», которое было необходимо для укрепления веры в Христа как Истинного Мессию². Четверодневным именуют Лазаря потому, что к моменту появления Христа в Вифании он уже четыре дня находился во гробе; о том, что тело уже смердит, предупреждает Христа Марфа (Ин 11: 1–46). Иисус намеренно сделал так, чтобы иудеи сами отвалили камень от входа в пещеру, вдохнули смрад разлагающегося тела и тем самым стали очевидцами чуда – «связанный по рукам и ногам погребальными пеленами Лазарь сам смог выйти из пещеры, после чего Господь повелел развязать его»³.

Лазарь Четверодневный повторно упоминается в Евангелии от Иоанна (Ин 12: 1–12), когда Прѣждѣ шесті дыни пасхы приде ніс(оуſъ) въ вифаний идее же бѣ лазарь оумъръ и юго же въскрѣси изъ мъртвыиъ сътвориша же юмоу вечерж тоу и марфа слоужааше лазарь же юдинъѣ отъ възлѣжащихъ съ нимъ марфа же принимъши литрж муга нарадапиткииъ мъногого цѣнъиъ помаذا нозѣ ні(соу)совѣ нотъре власы свои ми нозѣ юго дыя разоумѣ же народъ мъногъ отъ иоуден • иако тоу юсть и придоша не і(соу)са ради тѣкъмо нъ да и лаџара видатъ юго же въскрѣси отъ мрътвыиъ съвѣща же архнѣрен да и лаџара оубијстъ иако мъноди юго ради • идѣахъ иоуден • и вѣровалахъ въ ні(соу)са (Остр 141бѣ: 6 – 142бѣ: 5). Лазарь, являясь живым доказательством чудодейственной силы Христа, стал после смерти ок. 63 г. одним из почитаемых праведников – Святым Лазарем, Праведным Лазарем именуется он в церковной традиции; а дни его памяти отмечены особыми церковными богослужениями, которые приходятся на 17 марта (воскресенье праведного Лазаря, друга Христова⁴),

¹ Лопухин 2007, 1118.

² Лопухин 2007, 1119.

³ Аверкий 2006, 247.

⁴ Лосева 2001а, 294.

17 октября (перенесение мощей праведного Лазаря Четверодневного с Кипра в Константинополь⁵) и 4 мая («перенесение мощей праведного Лазаря Четверодневного и равноапостольной Марии Магдалины в Константинополь и освящение их храма (900). Перенесение мощей праведного Лазаря из Ларнаки (Кипр) отмечается 17 октября. Празднование 4 мая установлено в память освящения храма, построенного в Константинополе для хранения этих реликвий. Храм основан императором Василием I и завершен Львом VI Философом»⁶).

И если перечисленные памятные дни совпадают в церковном календаре с почитанием других святых, то Лазарева суббота (суббота шестой седмицы Великого Поста) – особый праздник, прославляющий воскрешение Христом Лазаря Четверодневного, которое стало манифестом победы Сына Божьего над смертью и надеждой верующих на грядущее воскресение. Как отмечается в «Православной энциклопедии», первые сведения о богослужении в 6-ю субботу Великого поста в Иерусалиме содержатся в «Паломничестве» Эгерии (ок. 381–384). Несмотря на некоторые различия в богослужении по Лекционарию V в., Типикону Великой церкви IX–XI вв., Студийско-Алекиевскому Типикону 1034 г., Евергетидскому второй пол. XI в., Мессинскому 1131 г. и др., «в Постной Триоди песнопения, соответствующие евангельскому повествованию о воскресении Лазаря и предшествовавших ему событиях (Ин 11. 1–45), начинаются уже с понедельника 6-й седмицы поста; таким образом, Л. с. еще до своего наступления задает содержание целого седмичного цикла Триоди. Эти песнопения соединяются с текстами Октоиха и песнопениями Триоди, посвященными притче о богаче и Лазаре (Лк 16. 20–31), которая читалась в 5-е воскресенье Великого поста в доиконоборческом богослужении. Впрочем, сюжеты Лк 16. 20–31 и Ин 11. 1–45 в песнопениях никак не связаны, а существуют самостоятельно. Цикл песнопений 6-й седмицы построен т. о., что начиная с понедельника события, описанные в Ин 11. 1–45, развиваются постепенно и достигают кульминации в богослужении Л. с.»⁷. Анализ содержания древнерусских месяцесловов позволил О.В. Лосевой заключить, «что все три календаря XI в. (Реймского, Остромирова и Архангельского Евангелий) ориентированы на Устав Великой церкви», хотя при изучении сохранившихся месяцесловов в них были обнаружены «явные следы влияния Иерусалимского Святогорского Типикона»⁸.

Ценность образа Лазаря Четверодневного в русской культурной картине мира подтверждается сохраняющимися на протяжении столетий в активном употреблении двумя сверхсловными выражениями. Так, в письменных памятниках раннего Средневековья достаточно частотным оказывается предикативное выражение **Лазаре гряди (иди, излѣзи) вънъ**⁹, генетически связанное с евангелием от Иоанна и характеризующее Иисуса Христа как победителя смерти: **Ис(оусъ) же пакы прѣтъ въ себѣ приде къ гробоу бѣ же пещера и камень лежааше на ніи г(лаго)ла же иіс(оусъ) възъмѣте камень г(лаго)ла ѧмоу сестра оумъръшааго марѳа г(оспод)и оуже смиридитъ чѣтврѣдьнєвнъ бо и есть г(лаго)ла**

⁵ Лосева 2001а, 177.

⁶ Лосева 2001а, 331.

⁷ ПЭ 2015/39, 642–646.

⁸ Лосева 2001б, 25.

⁹ Шулежкова 2014, 53.

и^и и^с(оу^сь) н^ер^еко^хь л^итии • т^{ак}о а^ищ^е в^ѣроу^иши о^узъриши славж б(о)жи^иж въ^ѣлаш^а ж^е камен^ь и^деже въ^ѣ о^умърты и лежа^л и^с(оу^сь) ж^е въ^ѣзведъ очи горѣ^и и рече о(тъ)ч^е х^валжте бѣ въ^ѣ ѣда^к т^{ак}оу^г слышам^а а^зъ ж^е въ^ѣдѣахъ т^{ак}о въ^ѣс^егда мен^е по^слоу^шаюши н^ь народа ради стоящааго окръстъ• рѣхъ да въ^ѣроу^г имжть т^{ак}о т^ы ма по^съла и(соу^г)с^е р^{ек}ъ гла^съмъ вели^къмъ въ^ѣгъва ла^зар^е г^ради въ^ѣнъ на би^ик^е и^зи^де о^умърты • оба^зан^ь ногама и рж^кама о^укроим^ь • и лице^и к^ого о^уб^роу^съмъ оба^зан^ь и г(лаго)ла имъ и^с(оу^сь) • разд^ѣшите и и н^едѣвите к^ого ит^и м^но^зи ж^е отъ ио^уден^и приш^ѣдъше къ мари и вид^ѣвъш^еи ж^е сътвори и^с(оу^сь) въ^ѣроваша въ^ѣ н^ко^го Ин 11: 1–44 (Остр 139ба: 4–140а^в: 6). Чудо воскресения могло произойти и безмолвно, только силою воли Христа, однако в тексте Евангелия от Иоанна подчеркивается, что Господь возвзвал гласом великим: «Лазаре, иди вон!» ради стоящих вокруг, чтобы они уверовали в его силу.

Фрагменты такого содержания находим и в четвероевангелиях: в Марииинском Евангелии (Мар 162: 6–20), в Зографском Евангелии (Зогр 158: 14–30 (стлб 2)) и в апракосах: в Савиной книге (Сав 71: 3–17), в Асsemаниевом Евангелии (Ас 81с: 1–28, 162). Причем в евангелиях-апракосах уточняется временной промежуток, когда должно читать данный отрывок. Например, в Архангельском евангелие: **СУ(бота) .5. И С(вѧ)Т(а)ГО. ЛАЗОРѢ : еѹа(гєлиє). ѿ ишана** (Арх 84) – шестая суббота Святого Лазаря.

В православной культуре фраза **Лазаре г^ради (и^ди, излѣзи) въ^ѣнъ** стала формулой, символизирующей возможность воскрешения умерших, о чем говорит Иоанн Златоуст в «Слове о четверодневном Лазаре»: **н^е испо^уштж мрътв^ааго• жъдж жизни да испо^уштж до^ушж• лазаре излѣзи въ^ѣнъ• слыша повелѣниа мрътв^ыи• и съмрътв^ыиа развръже законы• да срамыга^итъ съ иновѣр^иници• о^указа бо слово• т^{ак}о н^е мрътв^ааго дѣльма въ^ѣскръсения въ^ѣстъ молитва• н^ь тъгда приш^ѣдъши^ихъ дѣльма н^евѣр^ини^{хъ} н^емошти• лазаре излѣзи въ^ѣнъ• то почто нар^окомъ• да н^е гласа распо^уштена въ^ѣ мрътв^ыи^{хъ} прости^ръвъ• въ^ѣса иже въ^ѣ жо^упишти^ихъ въ^ѣставитъ• сего дѣльма лазаре г^ради въ^ѣнъ• т^еб^е и^дного н^ынѣ^чоу^г въ^ѣзъпни^ж• да съ страны х^одаштни^имъ покажж силж• к^еже бо въ^ѣ адѣ въ^ѣставъ а^зъ миръ въ^ѣсь въ^ѣставы^ж• а^зъ бо к^емъ въ^ѣскръсени^и и жизнь лазаре г^ради въ^ѣнъ• и излѣзе мрътв^ыи о^ува^занъ о^ук^рон• ѿ вел^е чо^удеса дивына• к^еже до^ушж отъ ж^зъ съмрътв^ыи^{хъ} отрѣшъ•** (Супр 310: 25 – 311: 15).

Вторым выражением, связанным с Лазарем Четверодневным и зафиксированным во фразеологических словарях русского языка, является устойчивая единица Воскресение (воскрешение) Лазаря (эксплицирует семантические компоненты ‘возвращение’, ‘избавление’: «Выздоровление после тяжелой болезни», «О возрождении, восстановлении чего-л. забытого, старого»¹⁰). Не последнюю роль в закреплении данной единицы в языке сыграло изобразительное искусство: евангельский фрагмент становится излюбленным сюжетом живописцев – картины «Воскрешение Лазаря» Караваджо (ок. 1609), Гверчино (1619), Рембрандта (1630–1632) и др.

¹⁰ См., например, Ашукин, Ашукина 1966, 116; Мокиенко и др. 2010, 286.

Лазарь-нищий – другой евангельский персонаж, который появляется только в повествовании апостола Луки (Лк 16: 19–31), и с Лазарем Четверодневным его связывает только имя. Лазарь из притчи о богаче и нищем, по мнению исследователей, относится к числу «любимых» героев древних славянских памятников письменности: *Нε(д): ε • новоѹ:моѹ лѣтоѹ • евангє(лε): отъ лѹкѹ • гла(ва) • рѹс: Рече г(оспод)ь • Чл(о)в(ѣ)къ нѣктыи вѣ bogatъ • и облачааше сѧ въ порфѹрж и въ вѹссе • веселася на вѣса къ дынь свѣтъло нищъ же вѣ етеръ • именемъ лаӡарь • иже лежааше при вратѣхъ кгº гноинъ • и желаѧ насытити сѧ отъ кроѹпиць падающиць отъ трапезы bogataаго нъ и пьси приходаще оближахъ гнои его вѣстъ же оѹмрѣти нициоѹмоѹ • и несеноѹ вѣти анг(е)лы • на лоно авраамлю оѹмрѣти же bogатыи • и погребошан • и сы въ адѣ • възведъ же очи свои • сы въ мжкахъ • оѹзърѣ авраама издалече • и лаӡара на лонѣ кго и тъ възглашь Шче аврааме • помилон ма • посыли лаӡара • да омочить коньць прыста своего въ водѣ и оѹстоудить изътикъ мони • тако страждј въ пламени семь (Остр 96а: 17 – 97а: 7). Это мнение подтверждается числом сохраняющихся в русском языке устойчивых образов-выражений: Беден как Лазарь, Петь Лазаря, Прикидываться / прикинуться (притворяться / притвориться) Лазарем, Болен как Лазарь, Пир Лазаря и др.¹¹*

Соглашаясь с трактовкой большинства авторитетных словарей в том, что «на Руси духовный стих о Лазаре был любимой песней бродячих нищих. Заунывный мотив песни, распеваемой далеко не бескорыстно, и вызывал к жизни чисто русские выражения»¹², Ю.Б. Камчатнова отмечает двойную мотивированность слова, ставшего именем собственным: «Слово лазарь в русском языке мотивируется двояко: в одном случае возводится (и справедливо) к евангельскому персонажу (словарь Фасмера, а также и БАС), а в другом (также справедливо) – к глаголу лазить в его переносном значении»¹³. Оспаривая это утверждение в целом (практически любое имя собственное восходит к нарицательному), считаем более убедительной апелляцию к другой кодовой системе – имена вымышленных персонажей традиционно выполняют в текстах функцию «говорящих» (классический пример – имена героев гоголевских «Мертвых душ»); буквальный перевод имени Лазарь с древнееврейского – «Божия Помощь». В границах этой кодовой системы правомерно отметить единство двух евангельских персонажей – судьба обоих находится в руках Бога, ибо покорны воле Бога.

Совпадение имен, по мнению некоторых ученых и богословов, неслучайно, тем более что «в предшествующее Л(азаревой) с(убботе) 5-е воскресенье Великого поста, согласно древнему иерусалимскому Лекционарию, установлено евангельское чтение о богаче и Лазаре (Лк 16: 19–31) (Tarchnischvili. *Grand Lectionnaire* 1, 74)»¹⁴. Но не только упоминание в песнопениях будних дней 6-й недели Великого поста объединяет Лазаря «от Иоанна» и Лазаря «от Луки». Священник М. Желтов¹⁵ выделил несколько общих черт, характерных для обоих евангельских Лазарей:

¹¹ См., например, Ашукин, Ашукина 1966, 41; Бирих и др. 2001, 329–330.

¹² Бирих и др. 2001, 330.

¹³ Камчатнова 2014, 14.

¹⁴ ПЭ 2015/39, 646.

¹⁵ ПЭ 2015/39, 645.

- 1) оба отрывка, повествующие о Лазарях, уникальны и встречаются только в одном из четырех Евангелий;
- 2) оба персонажа носят одинаковое имя – Лазарь;
- 3) оба рассказа начинаются со сходных характеристик: «ниць же вѣ етєръ • именемъ лаѣарь» Лк 16: 20 (Остр 96в: 7-8) и «Вѣ врѣмѧ оно • вѣ ѧдинъ болѣ лаѣарь отъ виѳалии» Ин 11: 1 (Остр 136в: 15 – 136в: 1);
- 4) оба евангельских персонажа перед кончиной тяжело болеют.

Такие совпадения позволили М. Желтову предположить, что рассказ о Лазаре Четверодневном есть ответ на притчу о Лазаре-нищем: «богач, мучающийся в аду, просит праотца Авраама послать Лазаря для вразумления его братьев: “Если кто из мертвых придет к ним, покаются” (Лк 16. 30); согласно Ин 11. 1–45, Лазарь действительно воскресает, но, как и было сказано Авраамом в Лк 16. 31, “если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят”, иудеи не только не каются, но и замышляют убить Иисуса Христа и воскремшего Им Лазаря (Ин 11. 47–57; 12. 10–11)»¹⁶. Предлагаемая трактовка порядка песнопений в месяцесловах акцентирует внимание на том, что два евангельских рассказа, персонажами которых являются Лазари, образовали внутри календаря Великого поста особую структуру, по-новому раскрывающую евангельские чтения этих дней.

«Следы» обоих Лазарей обнаруживаются в Ордене святого Лазаря, основанном в 1098 г. для помощи пораженным проказой. Памятая, что нищий Лазарь «лѣжаще <...> гноинъ», естественно предположить, что именно этот персонаж избран устроителями Ордена на роль покровителя страдающих этим недугом. С другой стороны, им мог стать и Лазарь Четверодневный, «разлагающаяся» плоть которого помощью Божьей вернулась к жизни.

Обращение к письменным памятникам раннего Средневековья, в том числе родившихся на восточнославянской почве, остается актуальным по ряду причин. С одной стороны (в общеисторическом аспекте), эти тексты сохраняют «уникальную информацию о людях, событиях, катастрофах, явлениях природы <...> характер представлений о времени и истории является ключевым внутри каждой культуры, каждой религиозно ориентированной традиции»¹⁷. С другой стороны, и это не менее важно, «сведения, которые содержатся в месяцеслове каждого из дошедших до нас из глубины веков Евангелия-апракоса, в том числе и Остромирова, играют огромную роль в понимании самого новозаветного текста»¹⁸. И в этом случае наибольший интерес для исследователя представляют наблюдаемые трансформации новозаветных образов, детерминированные новой для них «средой обитания» – культурой принимающего новую для себя картину мира¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкий (Таушев), архиепископ 2006: *Четвероевангелие. Руководство к чтению Священного Писания Нового Завета*. М.

Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. 1966: *Крылатые слова*. М.

¹⁶ ПЭ 2015/39, 646.

¹⁷ Лосева 2001а, 5.

¹⁸ Михин, Шулежкова 2014, 92.

¹⁹ См.: Чурилина 2015, 43–60; Шулежкова 2013.

- Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. 2001: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб.
- Камчатнова, Ю.Б. 2014: О выражении «наобум лазаря». *Вестник литературного института им. А.М. Горького* 1, 10–19.
- Лопухин, А.П. (ред.) 2007: *Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. Т. 1–2. Новый завет*. М.
- Лосева, О.В. 2001а: *Русские месяцесловы XI–XIV вв.* М.
- Лосева, О.В. 2001б: Периодизация древнерусских месяцесловов XI–XIV вв. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 4, 15–36.
- Михин, А.Н., Шулежкова, С.Г. 2014: Сверхсловные наименования персонажей, упоминаемых в Остромировом Евангелии, как объект описания в словаре. *ПИФК* 3, 90–92.
- Мокиенко, В.М., Лилич, Г.А., Трофимкина, О.И. 2010: *Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 ед.* М.
- Чурилина, Л.Н. 2015: Эпистемологический статус метафоры: метафора как инструмент формирования религиозного сознания. В кн.: Е.В. Грудева (ред.). *Философия языка и язык философии*. Новосибирск.
- Шулежкова, С.Г. (гл. ред.) 2013: *Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности*. М.
- Шулежкова, С.Г. (ред.) 2014: *Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия*. Магнитогорск.

REFERENCES

- Averkiy (Taushev), archbishop 2006: *Chetveroevangelie. Rukovodstvo k chteniyu Svyashchennogo Pisaniya Novogo Zaveta [Four Gospels. A Guide to Reading the Holy Scriptures of the New Testament]*. Moscow.
- Ashukin, N.S., Ashukina, M.G. 1966: *Krylatye slova [Winged words]*. Moscow.
- Birih, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. 2001: *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]*. Saint Petersburg.
- Kamchatnova Yu.B. 2014: О выражении “наобум Лазаря” [About the set-expression “At random Lazarus”]. *Vestnik literaturnogo instituta im. A.M. Gorkogo [Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorkiy]*, 1, 10–19.
- Lopukhin, A.P. (ed.) 2007: *Tolkovaya Bibliya, ili kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vетхого i Novogo Zaveta: v 7 t. T. 1–2. Novyy zavet [Explanatory Bible, or a commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament: in 7 vols. Vols. 1–2. New Testament]*. Moscow.
- Loseva, O.V. 2001a: *Russkie mesyaceslovy XI–XIV vv. [Russian Menologions of the 11th – 14th centuries]*. Moscow.
- Loseva, O.V. 2001b: Periodizatsiya drevnerusskikh mesyaceslobov XI–XIV vv. [Periodization of Old Russian Menologions of the 11th–14th centuries] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. Questions of medieval studies]* 4, 15–36.
- Mikhin, A.N., Shulezhkova, S.G. 2014: Sverkhslovnye naimenovaniya personazhey, upominaemykh v Ostromirovom Evangelii, kak obekt opisanija v slovare [Superword names of characters mentioned in the Ostromir Gospel as an object of description in a dictionary]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 90–92.
- Mokienko, V.M., Lilich, G.A., Trofimkina, O.I. 2010: *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i slov: ok. 2000 ed.* [Explanatory dictionary of Biblical expressions and words: approx. 2000 words]. Moscow.

- Churilina, L.N. 2015: Epistemologicheskiy status metafory: metafora kak instrument formirovaniya religioznogo soznaniya [Epistemological status of metaphor: metaphor as a tool for the formation of religious consciousness]. In: E.V. Grudeva (ed.). *Filosofiya yazyka i yazyk filosofii* [Philosophy of language and the language of philosophy]. Novosibirsk.
- Shulezhkova, S.G. (ed.) 2013: *Formirovanie kontseptosfery vostochnoslavyanskogo etnosa na rannikh etapakh stanovleniya gosudarstvennosti* [Formation of the concept sphere of the East Slavic ethnos at the early stages of the formation of statehood]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. (ed.) 2014: *Indeks ustoychiviykh slovesnykh kompleksov Ostromirova evangeliya* [Index of stable verbal complexes of the Ostromir Gospel]. Magnitogorsk.

TWO LAZARUSES FROM THE MANUSCRIPTS OF THE EARLY MIDDLE AGES (ON THE HISTORY OF UNDERSTANDING OF THE GOSPEL CHARACTERS)

Natalya V. Pozdnyakova¹, Lyubov N. Churilina², Aleksandra A. Osipova³

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹ E-mail: nvp2018@bk.ru ² E-mail: lchurilina@gmail.com ³ E-mail: osashenka@yandex.ru

Abstract. The article deals with the results of reconstruction of the images of the two same-name gospel characters – Righteous Lazarus, the Four-Days Dead and Lazarus the Beggar. Not connected with each other in terms of events and born in different contexts – pseudo-real and parable, they coincide at the symbolic level – of deep meanings, which together form the religious picture of the world. Written on the East Slavic basis and relaying new system of values, new worldview, into the Slavic model of the world, manuscripts of the early Middle Ages became the material for reconstruction. Righteous Lazarus, the Four-Days Dead is induced with real person's traits and in the historical perspective becomes a significant symbol of faith in Christ, faith in the Resurrection. Parable Lazarus the Beggar is an example of the suffering and humility that will be rewarded after the Resurrection. Born by the imagination of different authors – evangelists John and Luke, already in the Book of the Gospels, the two Lazaruses discover a tendency to the mutual projection, which is objectified by phraseological units that have become set in the Russian language picture of the world. The surviving manuscripts play an important role in understanding of the New Testament. In this case, the greatest interest for a researcher lays in the revealed transformations of the New Testament's images determined by the new "habitat" for them – the culture of ethnos accepting a new picture of the world.

Keywords: Righteous Lazarus, the Four-Days Dead; Lazarus the Beggar; Gospel of Luke, Gospel of John, ancient Slavonic texts, picture of the world

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-256-262

IMATION И ХИТОН: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ XI В.

Л.Н. Чурилина¹, Н.В. Позднякова²

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия,

¹ E-mail: lchurilina@gmail.com ² E-mail: nvp2018@bk.ru

¹ ORCID: 0000-0002-2898-8538 ² ORCID: 0000-0001-5680-6298

Аннотация. В статье анализируются используемые в древних славянских текстах варианты именования одежд Христа. Материалом для исследования стали включенные в памятники – Мариинское Евангелие, Зографское Евангелие, Архангельское Евангелие – фрагменты, посвященные распятию Христа, в частности эпизоду «метания жребия»: «Распявшие же Его, делили одежды Его, бросая жребий» (Мф 27: 35). Анализ лексического состава первичного – древнегреческого – текста позволяет констатировать использование только двух имен существительных – *ἱματιον* (гиматий) и *χιτών* (хитон). Первое имя в словарях толкуется как общее именование предметов группы ‘одежда’, однако в рамках предложенной оппозиции обретает частное значение – ‘верхняя одежда’ / ‘плащ’, в отличие от *χιτών* – ‘нательная’ / ‘нижняя рубаха’. Наименования одежд Христа, встречающиеся в древних славянских памятниках, отличаются большим разнообразием, в результате чего изначально двухкомпонентная оппозиция становится многокомпонентной. В качестве аналога лексемы *ἱματιον* в памятниках устойчиво используется форма множественного числа *ριζόντα*. Что касается лексемы *χιτών*, то ее аналогами, наряду с прямой калькой *χιτόνъ*, становятся *матизмъ*, *котыга* и *върхънико ризоу*. Появление каждого из предложенных переводчиками-переписчиками вариантов имеет свои причины: не вполне удачная попытка калькирования (гиматий – *матизмъ*); ошибка в установлении различий в рамках оппозиции *ἱματιον* / *χιτών* (‘верхняя’ / ‘нижняя’), в результате которой лексема *χιτών* получает прямо противоположное изначальному толкование – ‘верхняя риза’; появление в Архангельском Евангелии слова *котыга* может быть детерминировано местом рождения / проживания переводчика-переписчика памятника, поскольку это региональное слово и сегодня фиксируется в поморских говорах в значении ‘платье вообще’.

Ключевые слова: раннее Средневековье, древние славянские памятники, Четвероевангелие, наименование видов одежды

Данные об авторах: Любовь Николаевна Чурилина – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова; Наталья Викторовна Позднякова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Тексты славянских памятников X–XI вв. по преимуществу представляют собой переводы с древнегреческих первоисточников, а потому работа с ними даёт возможность наблюдения за процессом поиска адекватного слова, которое позволило бы соотнести две картины мира, два мировоззрения, примирить «свое» и «чужое»¹, более того – сделать «чужое» «своим».

Общеизвестно, что наблюдаемое на лексическом уровне различие языков не в последнюю очередь детерминировано этнокультурой, или совокупностью базовых ценностей и традиций проживающего на определенной территории этноса. В современном, стремящемся к глобализации, а значит, стиранию этнических границ мире, проблема обнаружения в языковых системах лексических эквивалентов утрачивает былую остроту, однако не снимается полностью. Переводчик любого текста и сегодня сталкивается с необходимостью поиска лексических аналогов, очевидно, однако, что результативности поиска в значительной мере способствуют унификация социального пространства и стирание информационных границ, чего нельзя сказать о Средневековье.

Задача переводчика значительно осложняется в случае необходимости ре-транслирования сакральных смыслов, составляющих содержание рассматриваемых нами памятников, в числе которых Евангелия-тетр (Четвероевангелия) служебного типа – Мариинское Евангелие (Codex Marianus), имеющее статус канонического и использующееся во всех реконструкциях «древнейшего перевода евангельского текста»²; Зографское Евангелие; а также евангелие-апракос – Архангельское Евангелие (содержит отдельные фрагменты текстов Нового Завета, расположенные не в каноническом порядке, но согласно порядку церковного года). Сравнительный анализ лексического состава первичного и вторичных (переводных) текстов позволяет обнаружить специфику последних, определяемую своеобразием образа жизни и мировосприятия славян на соответствующем временном этапе.

По признанию специалистов, наибольшую трудность в процессе перевода представляют слова тематической области «предметы быта», как правило, не имеющие прямых лексических аналогов, а потому получившие в лингвистике статус «безэквивалентной лексики». К этой группе принято относить названия имеющих этнокультурную специфику предметов мебели, посуды, видов одежды и обуви и под. «Бытовая» лексика оказывается символически нагруженной и в сакральных текстах, как следствие, обнаруживаемые различные варианты перевода становятся поводом для дискуссии. Так, дискуссионным оказывается вопрос о «числе одежд Христа», основанный на толковании строчки 21-го Псалма: διεμερίσαντο τὰ ἴματά μου ἐαυτοῖς καὶ ἐπὶ τὸν ἴματισμόν μου ἔβαλον κλῆρον (Пс 21:19). В рассматриваемом тексте функция именования видов одежды выполняется двумя формами имени существительного ἴματιά / ἴματισμόν, имеющего общее значение ‘одежда, одеяние’³. В Синайской Псалтири (памятник XI в.) переводчик следует предложенному сценарию, дважды используя одно имя существительное: **Рааздѣлиша севѣ риѣ мої.** И о риѣ мої меташа жрѣбъы. (Син пс 26а: 5-7). Однако в синодальном переводе этого фрагмента на русский язык мы обнаруживаем по-

¹ См.: Шулежкова 2013, 175–186.

² ПЭ 2016/43, 474–479.

³ Вейсман 2006, 323.

пытку дифференциации; ср.: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелице; делят **ризы** мои между собою и об **одежде** моей бросают жребий» (Пс 21: 17-19). Толкование лексемы риза, предложенное в Словаре древнерусского языка, свидетельствует о семантическом тождестве использованных переводчиками вариантов наименования («Риза – одежда»⁴), т.е. дифференциация на уровне формы не проецируется на содержание, а следовательно, можно говорить о сугубо «технической» замене. В соответствующей статье Старославянского словаря в зону толкования лексемы *риза* включен компонент ‘верхняя’ (одежда), кроме того, особо отмечен приоритет формы множественного числа⁵; но и в этом случае предложенная оппозиция *ризы* / *одежда* не имеет содержательной основы.

Описанные псалмопевцем страдания и унижения признаются пророческими и исполнившимися на Христе, на что прямо или опосредованно указано в текстах евангелий: анализируемый стих цитируется всеми евангелистами. При этом авторы трех евангелий ограничиваются лаконичной формулой, включающей единожды употреблённое существительное ἵματία (διεμερίσαντο τα ἵματα αυτου βαλλούτες κληρον), в качестве аналога которого в переводах устойчиво используется лексема *ризы*; ср. в Мариинском Евангелии: **раздѣльше ризы его меташа жрѣвию.** Мф 27: 35 (Мар 108: 7-8)⁶; **и пропынъше и раздѣльше ризы его меташа жрѣвию о на.** **кто что възъметъ.** Мк 15: 24-25 (Мар 181: 6-8); **раздѣлѣвши же ризы его меташа жрѣвию.** Лк 23: 34 (Мар 305: 22-23).

Особое внимание эпизоду «делёжки» одежд Христа воинами уделено только в Евангелии от Иоанна, где отсылка к тексту Псалма предваряется развернутым описанием ситуации⁷. При обращении к древнегреческому тексту обнаруживаем использование двух имен существительных, относящихся к тематической группе «именование видов одежды», – ἵματιον (гиматий) и χιτών (хитон). Первое имя в словарях толкуется как общее именование (гипероним), однако в рамках предложенной оппозиции оно обретает частное значение – ‘верхняя одежда’ / ‘плащ’, в отличие от χιτών – ‘платье’ + ‘надеваемое прямо на тело’⁸. Формируемая в тексте двухкомпонентная оппозиция становится поводом для специального толкования его смысла, в ходе которого интерпретаторами выделены два уровня – поверхностный (собственно событийный) и глубинный (символический). На поверхностном уровне указывается на число воинов, сидящих у подножия крестов, и законом регулируемые правила их поведения: «Римский закон отдавал в собственность воинов, совершивших казнь, одежды распинаемых. Совершивших распятие, по свидетельству Филона, бывало четверо. Святой Иоанн, подробнее других рассказывающий о разделении одежд Господа, так и говорит, что верхнюю одежду

⁴ Срезневский 1893–1912/3, 119.

⁵ Цейтлин и др. 1994, 581.

⁶ Ср. синодальный перевод стиха: «Распявшие же Его, делили одежды Его, бросая жребий».

⁷ См. синодальный перевод фрагмента: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, – да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий» (Ин 19: 23–24).

⁸ Вейсман 2006, 681; ср.: «Хитон – нижняя одежда» Цейтлин и др. 1994, 761.

ду воины разорвали на четыре части, “каждому воину по части”, а нижняя одежда – хитон – была не шитая, а тканая, или вязаная сверху, то есть начиная с отверстия для головы вниз. Если разорвать такой хитон, то части его не будут иметь никакой ценности. Поэтому о нем был брошен воинами жребий для того, чтобы он достался одному в целом виде»⁹.

Символическим смыслом наделяется факт сохранения целостности хитона (*χítóu*). Прп. Максимом Исповедником он толкуется следующим образом: «Спаситель не имел пяти хитонов, но один только, который на теле, и [еще] верхнюю одежду; из этих пяти одеяний исподнее, что на теле, называют хитоном, а верхнюю одежду – плащом <...> Целиком сотканный сверху хитон Спасителя, который не растерзали распинатели, хотя им позволили это сделать, есть взаимная и непространственная связь и сплетение добродетелей – сей приличествующий покров для Слова, [сотканный] совместно [всеми] нами, или же благодать нового по Христу человека, сплетенная свыше Духом. Верхняя же одежда есть чувственный мир, разделяемый четырьмя стихиями; его, как четыре одежды, делят распинающие духовно в нас Господа»¹⁰. Исследователями текстов Священного Писания отмечается также версия, что «хитон был выткан Пречистой Матерью Божией», а потому не мог быть растерзан¹¹.

Предложенная в первичном тексте дифференциация видов одежды Христа по-разному интерпретируется в рассматриваемых памятниках. При этом в качестве аналога лексемы *імáтиou* в памятниках устойчиво используется форма множественного числа *ризы*. Что касается лексемы *χítóu*, то роль ее аналогов выполняют разные единицы. Появление каждого из предложенных переводчиками-переписчиками вариантов имеет свои причины. Рассмотрим их подробнее.

1. Мариинское Евангелие: *Воини же егда пропаща ис(оу)а прияша (ри)зы его. и сътвориша четыри ч(а)с(т)и. комоужъдо воину часть. и хитонъ. бѣ же хитонъ не штвенъ. съ връхоу истъканъ въсь. рѣша же къ сеѣвѣ не прѣдерѣмъ его. нъ мѣтѣмъ жреции комоу вѣдѣтъ. да съвѣждъ тъ са кънигы гла(агол)иющиша. раздѣлиша сеѣвѣ ризы мои. и о матизмъ мои меташа жреции.* (Mar 394: 21-25 – 395: 1). В приведённом тексте наблюдаем реализацию переводчиком двух стратегий: в предваряющем цитату фрагменте первый элемент соотносительной пары подвергается переводу (*імáтиou* → *(ри)зы*), второй же калькируется (*χítóu* → *хитонъ*); в самой же цитате при сохранении формы *ризы* переводчик избегает ее повторения и калькирует используемую в Псалтире лексему *імáтиou*. Лексическая калька *матизмъ*, несмотря на значительную «звуковую» деформацию первичного слова (*гиматий*) включена в словари с сохранением исходного значения¹².

2. Зографское Евангелие: *Воини же егда пропаща ис(оу)а. прияша ризы его и сътвориша четыри части. комоужъдо воину часть. и хитонъ. бѣ же хитонъ нештвенъ. и съ връхоу истъканъ въсь. рѣша же въ сеѣвѣ. не прѣдерѣмъ его. нъ мѣтѣмъ жреции о нъ. комоу вѣдѣтъ. да съвѣждътъ са кънигы гла(агол)иющиша. раздѣлиша сеѣвѣ ризы мои. и о матизмъ мои*

⁹ Аверкий 2006, 331.

¹⁰ Епифанович, Сидоров 1994, 38.

¹¹ Аверкий 2006, 332.

¹² Срезневский 1893–1912/2, 119; Цейтлин и др. 1994, 324.

меташа жрѣби. (Зогр 171: 35-38 (стлб 2) – 172: 1-9 (стлб 1)). Переводческие стратегии, реализованные в этом памятнике, аналогичны рассмотренным ранее.

Тот факт, что переводчик(и) первичного текста в обоих случаях прибегает к методу калькирования может свидетельствовать об отсутствии в общеславянской картине мира именуемых предметов одежды: имеющиеся варианты нижней рубахи иначе выглядели и иначе назывались, а сакральный характер переводимого текста препятствовал желанию менять образы и слова. Возможность выдвижения такого предположения подтверждается вариантом перевода, предложенным в третьем памятнике.

3. Архангельское Евангелие: *воини ѧгда расплаша Іс(оус)а. възаша ризы ѧго. и сътвориша четыри части. комоу же воиноу часть. и котыгоу. вѣ же котыга. нешьвена. ѿ вынихъ. и съни по всемоу. рекоша къ соеѣ не предърѣмъ ѧго. нъ мѣтимъ жрѣби о никъ. комоу боудѣть. да сбоудѣться писаник. гл(агол)ющею. раздѣлиша ризы мо собѣ. и о върхънию ризоу мою. меташа жрѣби.* (Арх 272: 9-20). В изложении событийного ряда переводчик, следуя за древнегреческим источником, использует для именования одежд Христа два слова, не прибегая при этом к калькированию. Образуемые во вторичном тексте соотносительные пары выглядят уникально: *ιμάτιον* → **(ри)зы** / *χιτών* → **котыга**. Однако на следующем этапе переводчик остается верен традиции: в цитируемом евангелистом стихе Псалтири при переводе использовано одно слово – **ризы**. Обращает на себя внимание, что хитону в этом случае ставится в соответствие **върхънию ризоу**. Трехчленная оппозиция **ризы – котыга – върхънию ризоу** свидетельствует об ошибочном понимании отношений в паре *ιμάτιον – χιτών* (антонимические семы – ‘верхняя’ / ‘нижняя’), в результате чего лексема *χιτών* получает в переводе прямо противоположное изначальному толкование – ‘верхняя риза’.

В составленном на основе изучения рукописных памятников X–XI вв. Старославянском словаре лексема **котыга** толкуется как ‘нижняя одежда’ и без каких-либо дополнительных комментариев соотносится с *χιτών* и *ιμάτιον*¹³, практически обретая статус их лексического аналога. Появление во вторичных текстах на месте *ιμάτιον* и *χιτών* лексемы **котыга** фиксировалось А.Х. Востоковым¹⁴ («сраница, рубашка»), М. Фасмером¹⁵ («рубаха, хитон, риза»). В нашем случае выбор лексического аналога может быть детерминирован местом рождения / проживания переводчика-переписчика памятника. По свидетельству исследователей, памятник получил свое название благодаря тому, что был привезен в Москву из Архангельска¹⁶. При этом лексема и сегодня фиксируется в группе диалектных наименований одежды поморов в значении ‘платье вообще’¹⁷.

Составить представление о специфике семантической структуры лексемы **котыга** отчасти позволяет обращение к Словарю русского языка XI–XVII вв. Интерес представляет включенный в иллюстративную зону словарной статьи глагола *сущити* фрагмент рукописного текста XIV в.: «Нѣкогда ходившо ему

¹³ Цейтлин и др. 1994, 292.

¹⁴ Востоков 1858, 180.

¹⁵ Фасмер 1986, 354–355.

¹⁶ ПЭ 2001/3, 495.

¹⁷ Кучко, Барышникова, <https://school-science.ru/11/18/46441>.

[Маркиану] нѣгдѣ в дождь, мокра быс^{тъ} котыга его, и вшедъ въ храмину свою и роздомъ углие, пребываше, суша котыгу свою и не имѣше иноя на обычное исьхожение¹⁸. Контекстным окружением детерминируется актуализация лексемой **котыга** семантического компонента ‘верхняя’ (одежда), т.е. речь идет скорее о плаще, но не о нательной рубахе.

Наблюдаемое семантическое рассогласование имеет, по нашему мнению, вполне объективные основания – существенные различия в образах мира, эксплицируемого в первичном тексте и воспроизведенного в тексте перевода.

Предлагаемое же словарями перекрестное толкование лексем **ризы**, **хитон**, **тунника**, **матизмъ**, **котыга**¹⁹ определяется лишь их соотнесенностью с гиперонимом **одежда**, но не учитывает значимости различия верхнего и нижнего одеяния, столь важного для понимания глубинного смысла текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкий (Таушев), архиепископ 2006: *Четвероевангелие. Руководство к чтению Священного Писания Нового Завета*. М.
- Бархударов, С.Г. и др. 2011: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 29. М.
- Вейсман, А.Д. 2006: *Греческо-русский словарь*. Репринт V-го изд. 1899 г. М.
- Востоков, А.Х. 1858: *Словарь церковно-славянского языка*. Т. 1. СПб.
- Епифанович, С.Л., Сидоров, А.И. (пер.) 1994: *Творения Прп. Максима Исповедника*. Кн. 2. *Вопросоответы к Фалассио*. М.
- Кучко, Э.А., Барышникова, А.В. *Диалектные наименования одежды поморов*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://school-science.ru/11/18/46441>
- Срезневский, И.И. 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3 т. СПб.
- Фасмер, М. 1967: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. М.
- Цейтлин, Р.М., Вечерка, Р., Благова, Э. (ред.) 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)*. Ок. 10000 сл. М.
- Шулежкова, С.Г. (гл. ред.) 2013: *Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности*. М.

REFERENCES

- Averkiy (Taushev), archbishop 2006: *Chetveroevangelie. Rukovodstvo k chteniyu Svyashchennogo Pisaniya Novogo Zaveta* [Four Gospels. A Guide to Reading the Holy Scriptures of the New Testament]. Moscow.
- Barkhudarov, S.G. et al. 2011: *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 29. Moscow.
- Veysman, A.D. 2006: *Grechesko-russkiy slovar'*. Reprint V-go izdaniya 1899 g. [Greek-Russian dictionary. Reprint of the 5th ed. 1899]. Moscow.
- Vostokov, A.H. 1858: *Slovar' tserkovno-slavyanskogo jazyka* [Dictionary of the Church Slavonic language]. Vol. 1. Saint Petersburg.
- Epifanovich, S.L., Sidorov, A.I. (trans.) 1994: *Tvoreniya Prp. Maksima Ispovednika*. Kn. 2. *Voprosootvety k Falassiyu* [Creations of St. Maximus the Confessor. Book 2. Questions and answers to Thalassius]. Moscow.

¹⁸ Бархударов и др. 2011, 82. Цитируемый фрагмент взят из хранящейся в БАН рукописи Пролог.

¹⁹ Срезневский 1893/1, 1303–1304; 1895/2, 119, 612–613; 1903/3, 120–122, 1368; Цейтлин и др. 1994, 324, 405, 581–582, 761.

- Kuchko, E.A., Baryshnikova, A.V. *Dialektnye naimenovaniya odezhdy pomorov* [Dialect names of Pomors' clothes], <https://school-science.ru/11/18/46441>.
- Sreznevskiy, I.I. 1893–1912: *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments], 3 vols. Saint Petersburg.
- Fasmer, M. 1967: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow.
- Tseytlin, R.M., Vecherka, R., Blagova, Je. 1994: *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.) Ok. 10000 slov* [Old Slavonic Dictionary (according to manuscripts of the 10th – 11th centuries), approx. 10000 words]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. (ed.) 2013: *Formirovanie kontseptosfery vostochnoslavyanskogo etnosa na rannikh etapakh stanovleniya gosudarstvennosti* [Formation of the concept sphere of the East Slavic ethnus at the early stages of the formation of statehood]. Moscow.

IMATION AND XITΩN: SPECIALITIES OF TRANSLATION IN THE ELEVENTH-CENTURY SLAVIC TEXTS

Lyubov N. Churilina¹, Natalya V. Pozdnyakova²

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹E-mail: lchurilina@gmail.com ²E-mail: nvp2018@bk.ru

Abstract. The article presents the analysis of variants of Christ's clothes naming used in the ancient Slavic texts. Parts of the Gospels (Mariinski, Archangel and Zographic) about the crucifying of Jesus Christ became the materials for the study. For example, the episode of lots drawing: "Those who crucified Him shared His clothes, throwing lots" (Matthew 27: 35). The analysis of the vocabulary of the original ancient Greek text allows stating the use of only two noun names – ϕατιον (himation) and χιτων (chiton). The first lexeme is explained in dictionaries as the general naming of robes "clothes", but within the framework of the proposed opposition it gets a particular meaning – "outerwear"/"cloak", in contrast to χιτων – "underwear"/"lower shirt". The names of Christ's clothes found in the ancient Slavic manuscripts are very diverse; as a result, initially two-component opposition became multi-component. As an analogue of the lexeme ϕατιοн the plural form ϕизы is steadily used in the manuscripts. As for the lexeme χιτων, its analogues, along with the direct loan translation χитонъ, are presented by such lexemes as **матизмъ**, **котыга** and **върхънико ϕизо**. The appearance of each of the variants offered by the translators-copyists has its own reasons: not a very successful try to calquing (*εγ-матий* – **матизмъ**); a mistake in establishing differences within the opposition ϕαтиоn / χитωн ('outerwear'/'underwear'), as a result, lexeme χитωн gets the opposite to the original interpretation – 'over robe'; the appearance of the word **котыга** in the Archangel Gospel can be determined by the place of birth/living of the translator-copyist because it is a regional word and is still recorded in *pomor* dialects with the meaning 'dress in general'.

Keywords: Early Middle Ages, ancient Slavic manuscripts, Tetraevangelion, names of clothes

Дискуссия «Проблемы изучения археологического наследия России»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2022), 263–273
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2022), 263–273
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-263–273

ГДЕ НЕЛЬЗЯ КОПАТЬ? (ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНАХ И ПОДЗАКОННЫХ АКТАХ)

С.Л. Смекалов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: slsmek@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1080-4657

Аннотация. Рассматриваются несоответствия отдельных положений УК РФ, ФЗ «Об объектах культурного наследия...», нормативных документов Министерства Культуры РФ и открыто опубликованных документов центральных и местных органов управления об учете объектов культурного наследия. С одной стороны, все документы направлены на сохранение археологического наследия, с другой, их содержание в открытом доступе представлено не полностью, что затрудняет работу по сохранению культурного наследия. Речь идет о данных, отражающих положение и характеристики археологических объектов. Во многих случаях точное положение объектов, нуждающихся в охране, вообще неизвестно или не отображено в открытых источниках, либо форма отображения является неудобной, и координаты приходится извлекать косвенными методами. Автор выступает за максимальную открытость сведений о расположении и характере археологических объектов. В качестве простого способа отображения объектов автором проводится работа по их нанесению на карты OpenStreetMap на сайте www.archmap.ru. Показанные на сайте положения памятников определены из открытых источников информации; эти сведения не могут рассматриваться как имеющие «официальное» значение и не являются разглашением какой-либо официальной информации. Однако возможно они помогут археологам в практической работе на местности.

Ключевые слова: археология, охрана археологического наследия, Республика Крым, Севастополь, законы РФ, OpenStreetMap

Автор этой статьи более двух десятков лет профессионально занят составлением базы данных по археологическим памятникам Крыма. Естественно, описание любого памятника нельзя считать полным, если не будет указано самое главное – его точное местоположение. Источниками координат могут быть текстовые описания и карты с указанием локации памятника; кроме того, с широким распространением GPS-приемников с конца 1990-х гг. у археологов появилась возможность непосредственно определять точные координаты объекта. До воссоединения Крыма с Россией автор не акцентировал в создаваемой им базе данных внимание на том, состоит ли памятник на государственном учете или нет. Было очевидно, что общее число памятников существенно превышает число археологических официально учтенных объектов, однако специального разделения их на «учтенные» и «неучтенные» автор не проводил и вопросами законодательства в области охраны объектов культурного наследия не интересовался, работая в официальных археологических экспедициях. С марта 2014 г. ситуация принципиально изменилась: в Крыму развернулись широкомасштабные археологические работы, выявлено большое количество новых памятников, автор сам неоднократно получал «Открытые листы» от Минкульта РФ. Все это заставило его внимательно изучить законы и подзаконные акты РФ, касающиеся вопросов охраны объектов культурного наследия. В этих документах и особенно в вопросах, касающихся информации о местоположении объектов археологического наследия (ОАН), на наш взгляд, имеются некоторые противоречия, к которым и хотелось бы привлечь внимание.

В УК РФ имеется ст. 243 – «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия...». Максимальное наказание при уничтожении или повреждении объектов культурного наследия (а также и ОАН) – штраф в размере до 5 миллионов рублей либо лишение свободы на срок до 6 лет. Вместе с тем имеется п. 10 ст. 20 ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ – «Перечень отдельных сведений об объектах археологического наследия, которые не подлежат опубликованию, устанавливается федеральным органом охраны объектов культурного наследия». Причем уточнений, сведения какого характера не подлежат опубликованию, в законе нет, что, по-видимому, предполагает делегирование решения вопроса представителям центральной и местных властей.

В соответствии с упомянутой статьей МК РФ приняло Приказ № 2328 от 01.09.2015 г. «Об утверждении перечня отдельных сведений об объектах археологического наследия, которые не подлежат опубликованию». Какой-либо мотивации при этом не изложено, есть только ссылка на закон и последовательность его редакций и следующий перечень:

1. Сведения о местонахождении объекта археологического наследия (адрес объекта или при его отсутствии описание местоположения объекта).
2. Фотографическое (иное графическое) изображение объекта археологического наследия.

СОВЕТ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ ПОСТАНОВЛЕНИЕ¶
от 24 января 2017 г. N 17¶
ОБ ОТНЕСЕНИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ К ОБЪЕКТАМ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ВЫЯВЛЕННЫМ
ОБЪЕКТАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¶

Список изменяющих документов¶
 (в ред. Постановлений Совета министров Республики Крым от 06.02.2018 N 51, от 12.12.2018 N 631, от 27.08.2019 N 468)¶

N·п/п	Наименование выявленного объекта археологического наследия¤	Датировка выявленного объекта археологического наследия¤	Адрес (местонахождение) выявленного объекта археологического наследия (далее – ВОАН)¤	Нормативный документ¤
2182	Поселение	первые века н.э. –	<...>	Приказ Министерства культуры Украины от 28.01.2014 N 42, охр. № 2431-АР¤
2183	Стоянка раковинных куч¤	первая половина III тыс. до н.э.	<...>	Решение → Крымского облисполкома → от 15.01.1980 N 16, уч. № 2434¤

а

2182	Поселение	первые века н.э.	3,0 км на восток от бухты Малый Атлеш, на месте мусульманского кладбища	Приказ Министерства культуры Украины от 28.01.2014 №42 охр.№2431-АР
2183	Стоянка раковинных куч	первая половина III тыс.до н.э.	Бухта Большой Атлеш, урочище Чунду-Кулак, в 1,0 км к западу от бухты, на берегу моря	Решение Крымского облисполкома от 15.01.1980 №16, уч.№2434

б

Рис. 1. Сравнение данных об объектах культурного наследия Республики Крым, представленных на различных сайтах: *a* – на сайте Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым (<https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>); *b* – на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201701270003?index=12&rangeSize=1>)

Fig. 1. Comparison of data on cultural heritage sites of the Republic of Crimea presented on various sites: *a* – website of the State Committee for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Crimea (<https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>), *b* – website “Official Internet portal of legal information” <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201701270003?index=12&rangeSize=1>.

3. Описание границ территории объекта археологического наследия с приложением текстового описания местоположения этих границ, перечень координат характерных точек этих границ в системе координат, установленной для ведения государственного кадастра объектов недвижимости.

-
4. Сведения о наличии или об отсутствии зон охраны объекта археологического наследия.
 5. Сведения о расположении объекта археологического наследия, имеющего вид «памятник» или «ансамбль», в границах зон охраны иного объекта культурного наследия.
 6. Сведения о предмете охраны объекта археологического наследия.

На наш взгляд, здесь имеется несоответствие данного перечня ст. 7 ФЗ № 73-ФЗ – «Права граждан Российской Федерации <...> в области сохранения, использования, популяризации <...> объектов культурного наследия». Так, п. 3 ст. 7 гласит: «Каждый имеет право на беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия, территории объекта культурного наследия, зонах охраны объекта культурного наследия, защитной зоне объекта культурного наследия в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, в пределах данных, содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Таким образом, «порядок получения», описанный в ст. 26 закона № 73-ФЗ – «Право на пользование информацией об объекте культурного наследия», сводится в том числе снова к п. 10 ст. 20, а этот пункт воплощен в Приказе № 2328 МК РФ, который по сути все представленное в п. 3. ст. 7 запрещает. Иными словами, 6 лет за «копание» получить можно, но вот где и что нельзя «копать» – неясно.

Каков может быть выход из этой ситуации? Какие основные официальные и неофициальные источники данных о положении археологических памятников существуют на настоящий момент в открытом полностью или авторизуемом доступе? Речь идет только о Республике Крым и Севастополе и только о памятниках, стоящих на государственном учете. Реально известных объектов, как уже отмечалось, гораздо больше, но решение о публикации их местоположения должно приниматься самими исследователями.

Основным документом, в котором уже давно представлена подавляющая часть объектов культурного наследия (ОКН) Республики Крым является так называемая «Красная Книга»¹ 2004 г. В ней приведены, наряду с другими видами ОКН, сведения и о 2275 ОАН (без Севастополя). Естественно, за прошедшие годы появилось достаточно много новой информации, но основная часть памятников, состоящих на учете, уже была именно в этом издании. В нем не приводятся какие-либо карты или координаты, но лишь только текстовые описания положения памятников, найти по которым объект на местности весьма непросто.

На сайте МК РФ² приведены «Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Общее число представленных объектов по Республике Крым и Севастополю составляет немногим менее 3000. О том, какое точно количество памятников археологии отражено на сайте, сказать сложно. В поисковом фильтре ОАН не выделены в отдельную категорию, а проходят в соответствии с законом № 73-ФЗ по категориям «памятник» и «ансамбль» и перечисляются единственным списком с другими типами объектов памятники архитектуры, захоронения,

¹ Список 2004.

² МК РФ 2022.

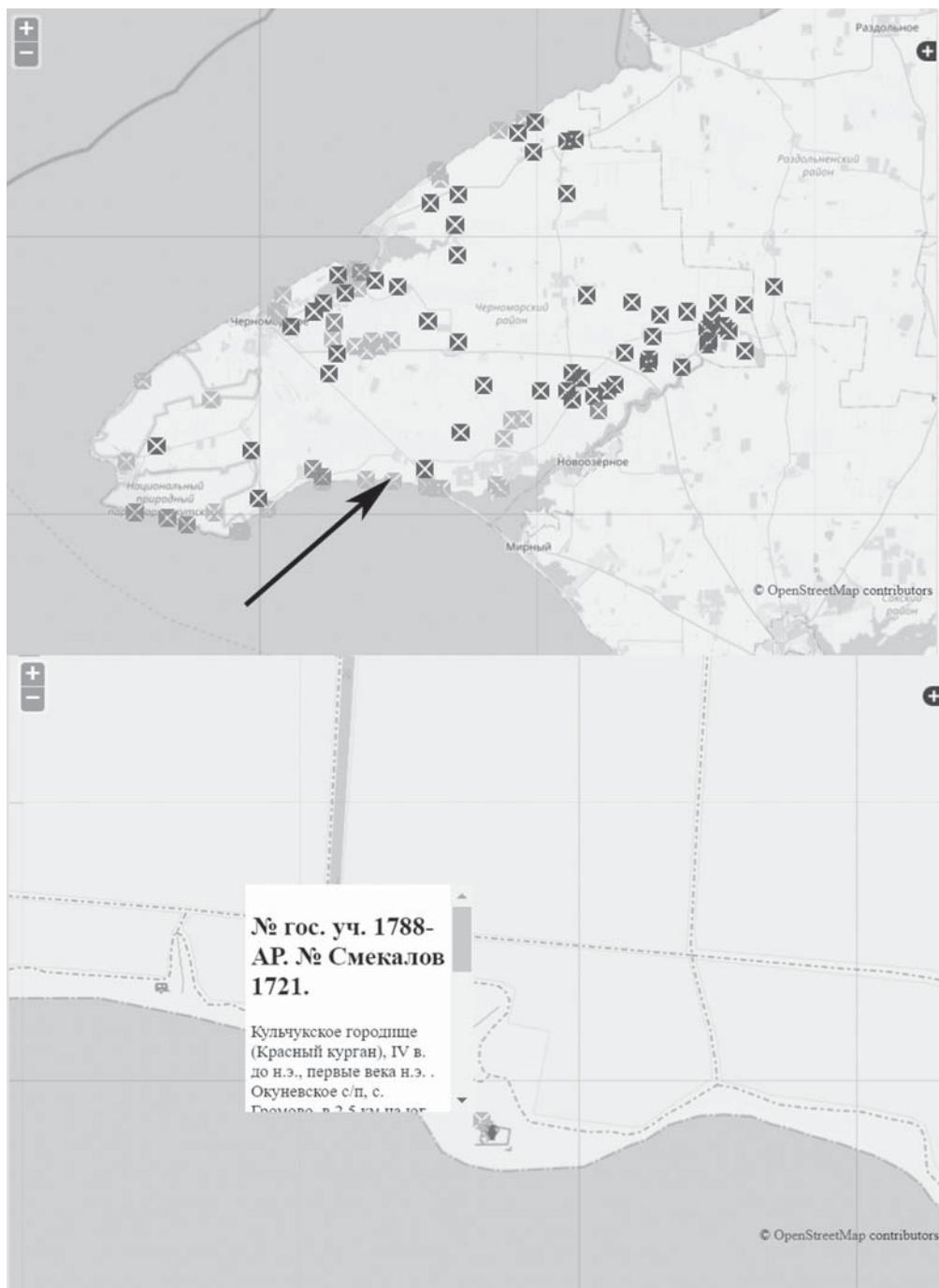

Рис 2. Пример представления краткой информации об объекте культурного наследия на карте OpenStreetMap (www.archmap.ru/).

Fig 2. An example of presenting brief information about a cultural heritage object on the OpenStreetMap map (www.archmap.ru/).

скульптурные памятники и др. После беглого просмотра списков можно отметить, что количество именно археологических памятников – не более нескольких десятков. В открытом доступе представлены сведения о расположении части ОАН, главным образом, широко известных.

В актуальном на 27.08.2019 г. виде (2186 памятников) сведения об археологических памятниках Республики Крым представлены на сайте Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым³. Какие-либо указания на расположение объектов (за исключением названия муниципального образования) при этом отсутствуют. Однако тот же перечень доступен (по крайней мере, был на 28.04.2022 г.) с текстовым указанием расположения объектов без точных координат на Общероссийском сайте «Официальный интернет-портал правовой информации»⁴, а также в ряде других. С координатами все относительно понятно, точные – просто неизвестны, а публиковать примерные в официальных документах невозможно, т.к. они приобретут законодательное значение.

На рис. 1 приведено сравнение частей одного и того же списка с этих сайтов. Таким образом, информация на сайте Республиканского комитета по охране памятников (на момент написания статьи эта структура носила название «Департамент государственной охраны культурного наследия» Министерства культуры Республики Крым – далее МК РК) представлена в соответствии с приказом № 2328 МК РФ, а на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации» – с информацией о положении объектов, как очевидно, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». То есть никаких тайн в положении объектов с точки зрения сайта правовой информации нет, а вот с точки зрения МК РФ – есть. Возникает вопрос: как трактовать ситуацию?

Новые данные о постановке памятников на учет, для примера, выглядят так: «Приказ МК РК от 21.12.2021 № 597-ОКН – «О выявленном объекте археологического наследия “Поселение “Алушта 1”, средневековые, расположенному по адресу: Республика Крым, городской округ Алушта». На сайте МК РК приказ есть, но без приложения с описанием места нахождения и другие приказы о «Выявленных объектах...», а на сайте «Официальный интернет-портал правовой информации» нет этого приказа, хотя есть и более ранние, и более поздние приказы (автор проверял 28.04.2022 г.). То есть памятник отмечен, и в соответствии с законодательством приказ о его постановке на учет вступил в силу с момента подписания. Но раз общедоступных данных о его положении нет, то и «копать» на данном памятнике нельзя только сотрудникам, знакомым с частью приказа, не опубликованной официально, для всеобщего сведения, а всем остальным – можно. В чем «тонкости»?

Существует Закон «О государственной тайне» (от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 11.06.2021). Ст. 7 в нем гласит: «Сведения, не подлежащие отнесению к государственной тайне и засекречиванию <...> о состоянии здравоохранения, санитарии, демографии, образовании, культуры, сельского хозяйства, а также о со-

³ ГКОКНРК 2019.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации (2022).

стоянии преступности...». Если Объекты Культурного Наследия к Культуре не относятся, может, их как-то переименовать? Иными словами, секретным сделать нельзя, а не указывать можно (назвать: «не подлежат опубликованию», «служебная тайна»). Возникает некий «правовой вакуум». Регулируется частично этот вопрос Постановлением Правительства РФ от 03.11.1994 г. № 1233 – «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти» (с последующими изменениями). Обратите внимание, положение о «распространении в федеральных органах», а не региональных. То есть получается, что «официально публиковать» в соответствии с приказом МК РФ № 2328 сведения о положении ОКН (ОАН) региональный орган не может, а если просто передаст кому-то из «знакомых» эти данные, то «ни в чем не виноват».

Термин «служебная тайна» фигурирует во многих государственных нормативных актах и законах, а вот отдельный закон о «Служебной тайне» не принят. Ответственность сотрудника за разглашение – увольнение с работы, штраф, но не уголовная, если ... еще что не разглашено.

Автор, конечно, не юрист, и, возможно, допускает некоторые ошибки в приводимых рассуждениях о самих законах и соотношении последовательности принимаемых правовых актов, но обозначенная в названии статьи проблема – противоречия в законах и подзаконных актах – на его взгляд, очевидна.

В общих масштабах России обобщением имеющихся данных об археологических объектах (ОАН), естественно, занимается ИА РАН. Создаваемая здесь информационная система «Археологические памятники России» опирается на всю базу отчетных документов, собранных за многие десятилетия⁵. Однако создание этой системы сопряжено со значительными сложностями, связанными, в том числе, с отсутствием в старых отчетах точных координат объектов. Для отдельных районов необходимо проводить весьма трудоемкую работу по уточнению положений и характеристик ОАН с использованием современных ГИС-технологий⁶). Кarta памятников археологии России представлена на сайте Института археологии РАН⁷. Для Республики Крым и Севастополя (по состоянию на март 2022 г.) здесь отображена лишь часть археологических памятников: около 400. Данные представлены в виде диаграмм для районов, с обобщением по типам. Точное положение памятников не отмечено. Гораздо более полную информацию об археологических объектах Республики Крым и Севастополя можно получить на сайте Федеральной государственной информационной системы территориального планирования (ФГИС ТП⁸). Здесь (по состоянию на 15.06.2021 г.) представлены сведения о 2092 объектах для Республики Крым, т.е. практически то же самое, что содержится в «Красной книге» и на сайте Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым, и 149 объектов для Севастополя. На этом же сайте полностью раскрыта текстовая информация о положении памятников и для большинства районов Крыма, приведены крупномасштабные карты их расположения без отдельного указания координат. Доступ к сайту свободный,

⁵ Макаров 2016.

⁶ Зеленцова и др. 2021а, 160–175; 2021б, 209–214.

⁷ ИА РАН 2022.

⁸ ФГИС ТП 2022.

через авторизацию на Госуслугах. Документы систематизированы по административным районам Крыма. Эти документы готовились организациями из разных регионов России, поэтому информация по отдельным районам представлена по-разному. Конечно, данные, приводимые на сайте ФГИС ТП, могут быть неточными по той простой причине, что точные положения объектов (особенно отдельных курганных групп) попросту никому не известны. Сведения собирались, главным образом, без обследования местности, а на основании координат из текстовых описаний еще со времени существования СССР, иными словами, согласно данным тех времен, когда ГЛОНАСС-GPS-Google Earth не было, а доступ к точным топографическим картам был сильно затруднен. Но после воссоединения Крыма что-то надо было срочно делать. Лучше не очень точно, чем никак. Автор данной статьи тоже принимал некоторое участие в этой работе, так что то, о чем пишет, знает не понаслышке.

Хотя правильность указания положения объектов (как и вообще их наличие) может, вероятно, вызывать сомнения, однако это единственный известный автору документ, где в полностью открытом доступе представлена информация (не координаты, а карты) о положении официально стоящих на учете памятниках археологии и культуры Крыма.

Еще одним соответствующим ресурсом «учтенной» информации является геопортал «Археологические памятники Крыма»⁹. Здесь содержатся данные о 2566 объектах. Они собраны на основании открытых источников (реестры объектов культурного наследия, научные труды). Главным образом, это тоже источники, уже упомянутые выше и, в меньшей степени, некоторые другие. Одной из задач создания портала было не просто отображение памятника, но представление целевого назначения земельного участка, на котором он находится, что в свою очередь определяет степень его необходимой защиты. На сайте предусмотрено отображение объектов на картах либо космоснимках. Данные о положении объектов первоначально определялись из текстового описания либо карты в источнике и далее корректировались по космическим снимкам. Доступ к среднемасштабным картам и снимкам – свободный. Для перехода на крупный масштаб необходимо персональное разрешение администратора.

Общим для всех вышенназванных источников является то, что положение объектов в Крыму в большинстве случаев не подкреплено прямыми измерениями координат на местности, и точность привязки памятников нигде не обсуждается.

Следующим ресурсом, представляющим данные об археологических памятниках, является сайт С.Л. Смекалова «Археологическая карта Крыма»¹⁰. На нем на момент подготовки этой статьи были представлены данные о 4166 объектах, 1878 из которых – курганы. 2754 объекта имеют привязку по GPS. Кроме этого, на сайте показано положение 13795 курганов, обозначенных на картах конца XIX в. Для каждого из памятников указывается, приведено ли его положение на основании ГЛОНАСС-GPS-измерений либо по примерным текстовым описаниям. Данный сайт используется практически во всех работах, связанных с вопросами землепользования, организацией хозяйственной деятельности, а также при создании карт, представленных ФГИС ТП и на геопортале «Археологические памятники Крыма». Доступ ко всей информации на сайте – свободный.

⁹ Буряк, Лисецкий 2018.

¹⁰ Смекалов 2012–2022.

В настоящее время автор проводит работу по созданию отдельных страниц сайта, где отмечены только памятники, стоящие на гос. учете. Для отображения их позиций используется доступный для свободного пользования картографический инструмент OpenStreetMap. Следует также отметить публикацию группы авторов¹¹, где приводятся координаты 619 античных памятников Восточного Крыма. Авторы отмечают, какие координаты реально измерены на местности, а какие получены на основании литературных данных и на местности (как и само наличие объекта) не проверялись.

Естественно, кроме вышеперечисленных, существует и появляется множество публикаций, где приводятся подробные археологические карты отдельных районов. Обобщение этих материалов – актуальная исследовательская задача.

Спор о том, надо или на надо «расскречивать» координаты памятников археологии, ведется уже многие годы, как между археологами, так и в околонаучной среде. Автор выражает свою точку зрения, касающуюся, по крайней мере, Крыма. Утаивание сведений о положении объектов культурного наследия противоречит закону и не имеет смысла. Охраной объектов культурного наследия, вообще говоря, должна заниматься соответствующая структура, а реально – полиция, хотя в силу отсутствия информации, согласно ведомственным запретам, и полиция не очень понимает, что же ей охранять. О прочих «сложностях» и «проблемах» такой охраны говорить вообще не приходится – они очевидны. Местные же жители гораздо лучше многих археологов знают, что и где «копнуть». Да, наверное, и не только местные... В Крыму, во многих местах, близ и на объектах, которые исследуют археологи, все изрыто так называемыми «пикальщиками» – грабителями с металлоискателями, а иногда даже чуть ли не полупрофессиональными раскопками. Но привлечь к ответу крайне сложно.

Увы, любая «секретность», не имеющая здравого смысла, но затрудняющая получение информации, противоречия в нормативных актах, разная полнота представления одних и тех же документов разными ведомствами сразу порождают сомнение, по крайней мере, в осведомленности чиновников о том, какую работу по тому же вопросу ведет сосед в другом подразделении.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин, Д.В., Ермолин, Е.Л., Масленников, А.А., Смекалов, С.Л. 2014: Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников). *ДБ* 18, 2014, 35–72.
- Буряк, Ж.А., Лисецкий, Ф.Н. 2018: *Геопортал археологических памятников Крыма*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crimeoarch.bsu.edu.ru>.
- ГКОКНРК 2019 – Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым, 2019: *Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>.
- Зеленцова, О.В., Ворошилов, А.Н., Строков А.А. 2021а: Археологические памятники России: предварительная апробация возможностей информационной системы ИА РАН на материалах Таманского полуострова. *ПИФК* 3, 160–175.
- Зеленцова, О.В., Ворошилов, А.Н., Строков А.А. 2021б: К вопросу о реконструкции местоположения памятников археологии России. *ПИФК* 4, 209–214.

¹¹ Бейлин и др. 2014, 35–72.

- ИА РАН 2022: *Археологические памятники России*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/map>.
- Макаров, Н.А. (ред.) 2016: *Россия как археологическое пространство*. М.
- МК РФ 2022: *Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>
- Официальный интернет-портал правовой информации 2022: *Официальный интернет-портал правовой информации*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201701270003?index=12&rangeSize=1>.
- Смекалов, С.Л. 2012–2022: *Археологическая карта Крыма*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archmap.ru>.
- Список 2004: *Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.)*. Т. II. *Памятники археологии и архитектурно-археологические комплексы*. Республиканский Комитет по охране Культурного наследия Автономной Республики Крым. Симферополь.
- ФГИС ТП 2022: *Федеральная государственная информационная система территориально-планирования*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fgistp.economy.gov.ru>.

REFERENCES

- Beylin, D.V., Ermolin, E.L., Maslennikov, A.A., Smekalov, S.L. 2014: *Antichnye poseleniya Evropeiskogo Bospora ellinisticheskogo vremeni (katalog pamiatnikov)* [Ancient settlements of the European Bosphorus of the Hellenistic time (catalogue of sites)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 18, 35–72.
- Buryak, Zh.A., Lisetsky, F.N. 2018: *Geoportal arkheologicheskikh pamiatnikov Kryma* [Geoportal of archaeological monuments of Crimea]. <https://crimgeoarch.bsu.edu.ru>.
- FSIS TP 2022: *Federal'naia gosudarstvennaia informatsionnaia sistema territorial'nogo planirovaniya* [Federal State Information System for Territorial Planning]. <https://fgistp.economy.gov.ru>.
- IA RAS 2022: *Arkheologicheskie pamiatniki Rossii* [Archaeological sites of Russia]. <https://www.archaeolog.ru/ru/map>.
- Makarov, N.A. (ed.) 2016: *Rossia kak arkheologicheskoe prostranstvo* [Russia as an archaeological space]. Moscow.
- MC RS 2022: *Svedeniia iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamiatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoy Federatsii* [Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation]. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>.
- Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii 2022: *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet portal of legal information], <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201701270003?index=12&rangeSize=1>.
- Smekalov, S.L. 2012–2022: *Arkheologicheskaya karta Kryma* [Archaeological map of Crimea]. <http://www.archmap.ru>.
- Spisok 2004: *Spisok pamiatnikov mestnogo i natsional'nogo znacheniya, raspolozhennykh na territorii Avtonomnoy Respubliki Krym (po sostoianiyu na 01.01.2004 g.)*. Vol. II. *Pamiatniki arkheologii i arkhitekturno-arkheologicheskie kompleksy. Respublikanskiy Komitet po okhrane Kul'turnogo naslediya Avtonomnoy Respubliki Krym* [List of monuments of local and national importance located on the territory of the Autonomous Republic of Crimea (as of 01.01.2004). Vol. II. Monuments of archaeology and architectural and archaeological complexes. Republican Committee for the Protection of the Cultural Heritage of the Autonomous Republic of Crimea]. Simferopol.

GKOKNRK 2019: *Gosudarstvennyi komitet po okhrane kul'turnogo naslediia Respubliki Krym* [State Committee for the Protection of the Cultural Heritage of the Republic of Crimea]. <https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>.

Zelentsova, O.V., Voroshilov, A.N., Strokov, A.A. 2021a: Arkheologicheskie pamiatniki Rossii: predvaritel'naya aprobatsiya vozmozhnostey informatsionnoy sistemy IA RAN na materialakh Tamanskogo poluostrova [Archaeological sites of Russia: preliminary testing of the capabilities of the information system of the IA RAS on the materials of the Taman Peninsula]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 160–175.

Zelentsova, O.V., Voroshilov, A.N., Strokov, A.A. 2021b: K voprosu o rekonstruktsii mestopolozheniya pamiatnikov arkheologii Rossii [On the issue of reconstructing the location of archeological sites in Russia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 209–214.

WHERE YOU SHOULD NOT DIG? (CONTRADICTIONS IN LAWS AND BY-LAWS)

Sergey L. Smekalov

Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy, Tula, Russia

E-mail: slsmek@mail.ru

Abstract. The article discusses the discrepancy between certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Federal Law “On Cultural Heritage Objects ...”, regulatory documents of the Ministry of Culture of the Russian Federation and openly published documents of central and local governments on the accounting of cultural heritage objects. On the one hand, the documents adopted in various instances are aimed at preserving the archaeological heritage, on the other hand, the content of the documents in the public domain is not fully presented, which makes it difficult to preserve this heritage. We are talking about data reflecting the position and characteristics of archaeological sites. In many cases, for objective and subjective reasons, the exact position of objects in need of protection is not known at all. However, in no less cases it is known, but either not displayed in open sources, or the display form is inconvenient and the coordinates have to be extracted by indirect methods. The author gives his own view on the solution of this problem. Namely, the maximum openness of information about the location and nature of archaeological sites is proposed. The article provides information about the main, known to the author, publicly available sources of this information for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. As a simple way to display objects, the author is working on their mapping on OpenStreetMap maps on the site www.archmap.ru. The positions of the monuments shown on the site are determined from open sources of information, where this position is reflected on large-scale maps, but the numerical coordinates are not indicated. Since the author of the site has never received coordinate data from the Ministry of Culture of the Russian Federation or the Republican bodies for the protection of monuments of the Republic of Crimea, the information provided on the site cannot be considered as having an “official” meaning and is not a disclosure of any official information. However, it is possible that they will help researchers in practical work on the ground.

Keywords: archaeology, protection of archaeological heritage, Crimea, Sevastopol, laws of the Russian Federation, OpenStreetMap

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРХОНТ – Античные реликвии Херсонеса. Открытия, находки, теории. Севастополь
- Ват – Кръстанов, Т., Тотоманова, А.-М., Добрев, И. *Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос Хв. в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502*. София, 1996
- ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
- ДБ – *Древности Боспора*. Москва
- Евг – *Евгениевская псалтырь*. [Электронный ресурс] URL: http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=16628923.
- Зогр – Jagić, V. et al. (eds.), *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus* Berolini, 1879
- ЗОИД – *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса
- ЗООИД – *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса.
- Изб 1076 – *Изборник 1076 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=44358474.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КБН-альбом – *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций*. Санкт-Петербург, 2004
- КБН – *Корпус боспорских надписей*. Москва–Ленинград. 1965.
- МАИАСП – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. Нижневартовск
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- Мар – Ягич, И.В. *Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями: Памятник глаголической письменности*. Труд И.В. Ягича. СПб., 1883
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
- Остр – *Остромирово евангелие 1056–1057 г. Иждивением Потомственного Почётного Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова*. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1889
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск–Москва–Новосибирск
- ПЭ – *Православная энциклопедия*. Т. 1–66. М., 2000–2022
- РА – Российская археология. Москва
- СН XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus*. (Colloquia Antiqua 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
- САИ – *Свод археологических источников*. Москва
- Син евх – Nachtigal, R. *Euchologium sinaiticum. Fotografiski posnetek*. II. *Tekst s komentarjem*. Ljubljana, 1941–1942
- Супр – Северянов, С.Н. *Супрасльская рукопись*. Т. 1. (Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1). Санкт-Петербург, 1904
- ТБР – Яйленко, В.П. *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.* М., 2010
- Чуд – Погорелов, В.А. *Чудовская псалтырь XI века: Отрывок Толкования Феодорита Кирского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. С прил. 2 фототип. снимков*. (Памятники старославянского языка. Т. III. Вып. 1). Санкт-Петербург, 1910
- ACSS – *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden
- BSS – Black Sea Studies. Aarhus
- CH XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D., *Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus* (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
- CIJ – Frey, J.B. *Corpus inscriptionum Judaicarum*. Roma, 1975
- FHG – Müller, C. (ed.), *Fragmenta Historicorum Graecorum*. T. I–V. Paris, 1841–1870
- IARPotHP – International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Wien.
- IOSPE II, IV – Latyshev, B. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1890 (vol. II), 1901 (vol. IV)
- ISM – Pippidi, D., Russu, I.I. (eds.), *Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae I: Inscriptiones Histriae et viciniae*. Bucarest, 1983

-
LGPN	– Fraser, P.M., Matthews, E., Catling, R.W.V. (eds.), <i>A Lexicon of Greek Personal Names</i> . Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005
MEFRA	– <i>Mélanges de l’École Française de Rome. Antiquité</i> . Paris
RCRA	– <i>Rei cretariae Romanae fautorum</i> . Bonn
REA	– <i>Revue des Études Anciennes</i> . Talence
RIC	– Sutherland, C.H.V. et al., <i>Roman Imperial Coinage</i> , 10 vols. London, 1984–1994
RM	– <i>Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung</i> . Rom
RNSSP	– <i>Royal Numismatic Society Special Publication</i> . London
RN	– <i>Revue Numismatique</i> . Paris
RStLig	– <i>Rivista di studi liguri</i> . Bordighera.
TLG	– <i>Thesaurus linguae Graecae</i>
TMAI	– <i>Treballs del Museu Arqueologic d’Eivissa e Formentera = Travajos del Museo Arqueológico de Ibiza y Formentera</i> . Eivissa
White Gold	– Alfen P. von, U. Wartenberg (eds.), <i>White Gold. Studies in Early Electrum Coinage</i> . New York–Jerusalem, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н., Шавырина Т.Г.</i> (Москва) – Эллинистическое погребение с набором золотых украшений из Фанагории	5
<i>Новичихин А.М.</i> (Анапа), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь), <i>Сапрыкина И.А.</i> (Москва), <i>Демченко А.А.</i> (Темрюк) – Клад позднего бронзового века из ст. Курчанской: междисциплинарные исследования	17
<i>Ефремов Н.В.</i> (Штральзунд), <i>Колесников А.Б.</i> (Москва), <i>Болонкина Е.В.</i> (Керчь), <i>Карпов Д.А.</i> (Брянск) – Три пунийских амфорных клейма с территории Боспора. К вопросу о карфагенской торговой активности в Северном Причерноморье	37
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь), <i>Сапрыкина И.А.</i> (Москва), <i>Хаврин С.В.</i> (Санкт-Петербург) – РГА-исследование кизикинов мирмекийского клада 2003 г. (СН XI, 16)	54
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Заметки о сюжетах одной группы пантикопейского серебра конца III в. до н.э.	70
<i>Внукоов С.Ю.</i> (Москва) – О времени размещения войск Митридата Евпатора в Северо-Западном Крыму по данным нумизматики	77
<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Фибулы с умбоновидным декором в древностях пруссов эпохи великого переселения народов	84
<i>Майко В.В.</i> (Симферополь), <i>Зубарев В.Г., Маркова К.О., Могучева М.Р.</i> (Тула) – Салтово-маяцкие материалы городища Кульчук в Северо-Западном Крыму	96

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Бейлин Д.В., Яйленко В.П.</i> (Москва) – Новые иудейские эпиграфии II–IV вв. н.э. из Керчи	115
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Историко-эпиграфическая проблематика изучения боспорского иудейства I–V вв. н.э.	147
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – К публикации новой эпиграфии с городища Артезиан на Боспоре	175
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Бабиц А.И.</i> (Новороссийск) – Клад римских монет III–IV вв. н.э. с Ильичевского городища	184

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Ломтадзе Г.А., Муратова М.Б.</i> (Москва) – Терракотовый фигурный сосуд из раскопок поселения Ахтанизовская 4 (Государственный исторический музей)	201
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Террактовые статуэтки, изображающие «иностраницев», из египетских коллекций В.С. Голенищева и Г. Лукьянова (ГМИИ им. А.С. Пушкина)	213

Круглый стол «Письменные источники по раннесредневековой истории славян» (Словарная лаборатория МГТУ им. Носова), Магнитогорск, 14 сентября 2022 г.

<i>Шулежкова С.Г., Михин А.Н.</i> (Магнитогорск) – Сверхсловные обозначения христианских понятий в древнейших славянских текстах	227
--	-----

<i>Осипова А.А., Анохина С.А. (Магнитогорск) – Устойчивые выражения с компонентами камы и камень, отражающие традиции средневекового общества, в древних славянских текстах</i>	240
<i>Позднякова Н.В., Чурилина Л.Н., Осипова А.А. (Магнитогорск) – Два Лазаря из памятников раннего средневековья (к истории осмысления евангельских персонажей)</i>	248
<i>Чурилина Л.Н., Позднякова Н.В. (Магнитогорск) – Ипатиев и Хитров: особенности перевода в славянских памятниках XI в.</i>	256

Дискуссия «Проблемы изучения археологического наследия России»

<i>Смекалов С.Л. (Москва) – Где нельзя копать. Противоречия в законах и подзаконных актах.....</i>	263
--	-----

CONTENTS

<i>O.M. Voroshilova, A.N. Voroshilov, T.G. Shavyrina</i> (Moscow) – A Hellenistic Burial with Gold Jewelry in Phanagoria	5
<i>A.M. Novichikhin</i> (Anapa), <i>T.N. Smekalova</i> (Moscow), <i>I.A. Saprykina</i> (Moscow), <i>A.A. Demchenko</i> (Golubitskaya) – The Late Bronze Age Kurchanskaya Hoard: Interdisciplinary Studies	17
<i>N.V. Efremov</i> (Stralsund), <i>A.B. Kolesnikov</i> (Moscow), <i>E.V. Bolonkina</i> (Kerch), <i>D.A. Karpov</i> (Saratov) – Three Punian Amphorae Stamps from the Bosphorus: Evidence for the Carthagian Trade Activity in the North Pontic Region	37
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol), <i>I.A. Saprykina</i> (Moscow), <i>S.V. Khavrin</i> (Saint Petersburg) – XRF-Analysis of Cyzicenes of the Myrmecium 2003 Hoard (CH XI, 16)	54
<i>A.Ye. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – Notes on Typological Plots of one Group of Panticapoeian Silver of the End of 3 rd Century BC	70
<i>S.Yu. Vnukov</i> (Moscow) – About the Period of Deployment of the Troops of Mithradates Eupator in the Northwestern Crimea (according to Numismatic Data)	77
<i>V.I. Kulakov</i> (Moscow) – Brooches with Umbon-Shaped Decor in Prusian Antiquies of the Great Migration of Peoples	84
<i>V.V. Mayko</i> (Simferopol), <i>V.G. Zubarev, K.O. Markova, M.R. Mogucheva</i> (Tula) – Saltovo-Mayaki Materials of Kulchuk Settlement in the North-West Crimea	96

PUBLICATIONS

<i>D.V. Beylin</i> (Kerch), <i>V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – The Second-Fourth Centuries AD New Judean Epitaphs from Kerch	115
<i>V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – Historical and Epigraphic Problems of the Study of Bosporan Judaism of the First-Fifth centuries	147
<i>S.Ju. Saprykin</i> (Moscow) – To the Publishing of a New Epitaph from the Site of Artezian in the East Crimea	175
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>A.I. Babiets</i> (Moscow) – A Hoard of the third and Fourth Centuries AD Roman Coins from the Ilyich Settlement	184

FROM THE WORLD'S MUSEUM COLLECTIONS

<i>G.A. Lomtadze</i> (Moscow), <i>M.B. Muratova</i> (New York) – A Shaped Terracota Vessel from the Excavations of Akhtanizovskaya 4 Settlement (Taman Peninsula)	201
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Terracotta Statuettes Showing “Foreigners” from Egyptian Collections of V.S. Golenishchev and G. Lukyanov (Pushkin State Museum of Fine Arts)	213

Round Table “Written sources on the Early Medieval history of the Slavs”
(Dictionary Laboratory of the Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, September 14, 2022)

<i>S.G. Shulezhkova, A.N. Mikhin</i> (Magnitogorsk) – Superword Names of Christian Concepts in the Oldest Slavic Texts	227
<i>A.A. Osipova, S.A. Anokhina</i> (Magnitogorsk) – Set Units with Components Камы And Каменъ , Reflecting Traditions of the Medieval Society, in Ancient Slavic Texts	240

<i>N.V. Pozdnyakova, L.N. Churilina, A.A. Osipova</i> (Magnitogorsk) – Two Lazaruses From The Manuscripts of the Early Middle Ages (on the History of Understanding of the Gospel Characters)	248
<i>N.V. Pozdnyakova, L.N. Churilina, A.A. Osipova</i> (Magnitogorsk) – IMATION And XITΩN: Specialities of Translation in the Eleventh-Century Slavic Texts	256

Discussion "Problems of studying the archaeological heritage of Russia"

<i>S.L. Smekalov</i> (Tula) – Where You Should not Dig? (Contradictions in Laws and By-Laws)	263
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присыпать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присыпаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, ORCID!**

Кроме того, необходимо присыпать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.
Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «In:», а в русском «В сб.:» или «В кн.:». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.
Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.
Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporean coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v serедине I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosphoran phenomenon: colonization of the region. Formation of poleis. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	з	п	п	ч	ч	я	я	я
б	б	и	и	р	р	ш	ш			
в	в	й	у	с	с	щ	щ			
г	г	к	к	т	т	ъ	ъ	«	«	«
д	д	л	л	у	у	ы	ы	у	у	у
е	е	м	м	ф	ф	ь	ь	‘	‘	‘
ё	е	н	н	х	х	э	э	е	е	е
ж	ж	о	о	ц	ц	ю	ю	ю	ю	ю

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
ѓ	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2022

Сдано в набор 30.12.2022. Подписано в печать 1.12.2022.

Дата выхода ?? .2022.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.